

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

11-12 (501)

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Андрей Тавров. Из цикла «Ангелы Константина». <i>Стихи</i>	3
Вадим Ярмолинец. Предатели и победители. <i>Повесть</i>	14
Наталия Черных. Спецслужба. <i>Стихи</i>	38
Юрий Китаев. Записки сумасшедшего. <i>Никогда не оконченный роман</i>	45
Борис Лихтенфельд. Заметки на полях римской истории. <i>Стихи</i>	78
Виталий Щигельский. Внутреннее задание. <i>Повесть</i>	86
Эдуард Вайсбанд. Десять стихотворений.....	142
Полина Жеребцова. Мы – кто, а они – что. <i>Рассказ</i>	148
Наталья Игнатьева. «сидели детьми...» и др. <i>стихи</i>	152
Денис Сорокотягин. Так и не снятое кино. <i>Этюд</i>	158
Мария Бердинских. Тревожные рыбки. <i>Рассказ</i>	161
Игорь Ильин. Слепые подрамники. <i>Стихи</i>	164

ДРАМАТУРГИЯ

Татьяна Бонч-Осмоловская. Слуга господина Коммерсона.....	173
--	-----

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Вадим Михайлин. Двоемыслие revisited. <i>К выходу книги «Бобер, выдыхай! Заметки о советском анекдоте и об источниках анекдотической традиции»</i>	182
---	-----

АРХИВ

Алексей Голицын. Дворяне Араповы и советские педагоги.....	188
---	-----

НЕПРОЧИТАННАЯ КНИГА

Дмитрий Бавильский. Философия на доверии О кн. Рэй Монк. Витгенштейн. Долг гения. Перевод с английского Анны Васильевой. Научная редактura и примечания Валерия Анашвили.....	219
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ольга Балла. Мы вышли из чёрного парадиза О кн.: Леонид Шевченко. Завлению в лицо	225
Александр Марков. Теплообмен для всех возрастов О кн.: Евгения Суслова. Вода и ответ: роман в стихах.....	226
Богдан Хилько. Взорваться на перекрестках света О кн.: Ирина Ермакова. Легче легкого.....	229

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЗА 2022 ГОД.....	231
-------------------------------------	-----

Андрей ТАВРОВ

ИЗ ЦИКЛА «АНГЕЛЫ КОНСТАНТИНА»

Циолковский меня спросил :
– Вы разговариваете с ангелами?
– Нет, – ответил я тихо. (...)
– Я постоянно разговариваю.
В. Шкловский

Примечание: стихотворения перемежаются «обратными речитативами», отмеченными «звездочкой» и восходящими к поэтике шестистрочных гексаграмм И-цзина, и читаются снизу вверх. Заглавия расположены внизу, под основным текстом речитативов.

*

снег упал этой ночью
и белая плоскость на всем –
впереди новый день
наполняется водой
гулко ведро на улице
ночью сквозь сон

ДЕТСТВО. ЮГ

MARINA

Перикл меж островов блуждает
и палуба к ногам его пристала
и плоть его плывет и тает
свечой внутри судьбы его кристалла

не бывает вечных имен говорит Будда

Андрей Тавров родился в Ростове-на-Дону в 1948 году. Окончил филологический факультет МГУ по отделению русской филологии в 1971 году. Автор более 20 книг стихов и прозы, публикаций в журналах («Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Воздух», «Урал», «Арион», «Новая Юность» и др.), участвовал в ряде поэтических антологий. Лауреат большой премии «Московский наблюдатель» (2017), премии Андрея Белого (2019). В «Волге» публикуется с 2015 года.

сейчас война и это трудно усвоить вообще трудно сконцентрироваться на другом
но в пространстве песни
война теряет неверное имя приходит понимание

Беме пером гусиным
пишет о вечнопорождаемом имени Сына
а значит любого человека

и это тоньше чем утверждение Лао-цзы

а значит мальчик с белым обручем бежит
корабль Перикла к берегу подходит
и атом Константина в нем дрожит
и чайки вверх ногами в небе ходят

и светит разума таинственный кристалл
все это часть Христа живущая среди нас
в пространстве-времени как жил Иисус
в пространстве гор в пространстве глаз
в пространстве лиц и рук и уст

не бывает вечных имен нет имени у Дао

но произнося верное слово
 порождаем вечное имя на миг меньший мига
 1/74035 секунды

кшана

и Константин он стал Периклом
и женщина восходит на корабль
дух вечный ударяет по вискам
и мир мигает возрождаясь

я – Марина

и киль стоит на глубине прозрачной и снова ангелы играют с неба песню
мир перемен тебя как рай окутал
прозрачен флаг и вняты звуки неба
а только что был слеп и глух
и без трубы не слышал смысла пенья

и доски палубы раскалены от солнца
обшивку пора конопатить
отбытие и есть прибытие –
лицо и имя – одно

Константин видит лицо своей жизни
и держит яблоко далекою рукой
и видит дальние свои глаза словно песочные часы

и себя видит близко и далеко
в Январе
и в Июле
Константин видит лицо всех

с неба играет оркестр нос корабля
тычется в бульвары и парки СССР а корма
произносится неведомыми губами

неведомыми губами нас произносят
Елизавета неведомыми губами слушает постановку пьесы Вильяма Ш. с трубами

на бульварах гулянье и дирижабли в небе
за московскими облаками – с ангелами оркестр

обшивку пора конопатить

нас произносит имя

миг когда мы делаемся Ничто входя в новую реальность

а Москва река как рукав завернулась
в завернувшийся гребешок веком уткнулась
с ветром перекрестилась
с лодкой перемигнулась

а в Калуге ветрено ныне
Калуга знай себе имя
твое в своем повторяет
и в тополя ныряет

мы строим Рай шепча и умирая
на целый мир один оркестр играет

и ночь пророчила лесам
и звездная Ока текла по небесам

*

встреть свою душу
бо проснувшись
то пройди это не-
сты голова Ник-
головы пустота вер-
от ног в опилках до

ЖИРАФ

*

тает во сне как он
вает как он дышит и ле-
как он разговари-
лковский клюет зерна
ками как на горе Цию-
птица машет ру –

ПТИЦА

КОНСТАНТИН ВЫХОДИТ С ЗОНТОМ

Константин выходит с зонтом на улицу
она пуста, хоть бы кто-то показался
пустые фонари блестят, пустые окна

пустые птицы пролетают в небе,
пустая речка в пустоте течет
и голуби молчат расширенно как колбы

пустые астры виснут в пустоте
пуст особняк стоящий на возвышенности

пустая кошка бродит по пустым
камням безлюдных тихих переулков
в пустой пролетке нету ездока
и кони слеплены как будто из пустого
материала. Константин останавливается
и достает часы из узкого жилетного кармана
а в небе птицы как пустые лодки
и в горле нет ни слова и ни ноты.

И купола пусты и дом под ними
и лавки, флигели и каланча,
и водокачка и беседка сада
и Константин по улицам идет
пустым ботинком чуя пустоту
земного камня, в полый зонт
стучатся выпуклые капли.

Он смотрит на часы – пустые стрелки
стоят на месте. Только капель шум
что складываются в хрустальные холмы
не разбиваясь. Полый дым
по низу стелется. И в книгах что стоят на полках
нет больше слов и букв скворечник речи пуст

лишь эхо шарканья проходит меж домами
и мир словно хрустальный шар без стенок

вчера здесь вился красный флаг и во дворе мужик
колол дрова. Мир изменяется когда не ждешь
Ковчег уходит и уносит формы
поскольку пустота есть форма
а форма – пустота

Пустые кони цокают копытом,
в пустой пролетке – Константин с зонтом

Пустое колесо стремится к центру человек
стремится к центру купол мокрой церкви
стремится к центру

и в волнах пустоты ликует Амфитрита
и дует в раковины винт Тритон

а Константин в пролетке мокрым ликом
как в воду окунается в пространство
оплакивая сына
и волшебство судьбы

*

и мы ждем ничего
ходящих ниоткуда
зыка от слов, при-
нование нашего я-
гда вздрагивает ос-
Кто нас пишет, ко-

КТО

*

лист.....
.....красный
ренье.....
.....сми-
вами.....
сад опадает бук-

САД

ЛИСТОПАД

Листья падают, на каждом стоит пионер,
кружатся медленно в воздухе, листопад, уплывают
далеко от земли, дети в галстуках, в них тоже
листья летят, дети в воздухе тихо поют и смеются.

Листья в роще летят, с седой бородой
стоит человек, подпевает, и имя
его теперь ангелами поется, а людям не взять –
ибо рощу и листопад люди видят по-своему,
а пионеры летят среди ангелов, и ангелы в них пролетают.

Железная дорога стучит, но звуки сдвинуты:
в небе живущим – это слова и песни, а людям – тук-тук.
В раковины завивается ветер, дети поют, листья
плывут далеко от земли.

Человек – это звук мук,
он сонетом бы здесь стал,
он ушел бы от двух рук,
он вошел бы в един кристалл.

Бородой бы звезду ловил,
в короб поезда сел, бел,
с Ф. Дзержинским был-говорил
и в подвале стихи пел.

А во лбу его флаг-зрак
достает до звезды небес,
и он вынул собой овраг,
в нем чтоб Млечный мел жил – весь.

Человек в тихом ветре стал,
и во лбу у него кристалл.

И сонет уплотняется в человека, птичий кричит паровоз,
тихо дети поют, тихо дети поют над холмами
разрывается царский венец из кровавых и огненных роз,
упадает на красное знамя.

Тихо дети поют, но уже не слова с именами поют-говорят –
сами вещи: деревья, ворота, холмы и просторы и речку с бобром,
это листья парят, это желтые листья летят,
человек с бородой опадает собой, опадает собой-серебром

✻

СЛОВО

в арке мыслю, сияю, живу
в метели и других тысячах
сам, единственная снежинка
и только единый из них – я
атомы сквозь меня пролетают
вьюгой сквозь человеческую арку

ГЕКТОР ВСЕГДА ВЫХОДИТ...

всегда дрок пробивался меж шпал
на заброшенной железнодорожной станции
где-то под Ригой а мы с тобой там свежи и юны
еще не зная прощанья и –

договоры армии контракты
 на поставку миллиарды туда миллиарды сюда разговоры
 в салонах правительственные дрязги корпорации
 конвенции экспроприации декреты займы
 проценты заседания болтовня с-е-е-к-с TV

Вот почему – дирижабль:
форма его ловит «всегда» веее веретено
Гектор великий муж эллиптическую сферу излучает собой –
мышцами и глазами.

По улице Циолковский идет
невидимо дирижабль его охватывает
эта форма «всегда»,
он идет под зонтом почтенный учитель
тугоухий немного но в такой глухоте живо
эллипсообразное напряжение, знакомое, например
Людвигу у пианино Людвигу спорящему
с племянником... опаданию листьев –
невесомое в неслышном
напряжении
«Всегда» – то, что фатуму
неподвластно.

Учитель в крылатке выпрыгивает
как дельфин из фатума – из времени,
как это удалось лишь в конце блужданий Эдипу

всегда – это и есть отсутствие времени

Изобретая космос изобретаем себя –
своих ласточек в небе свое сострадание
короткий всхлип беглый поцелуй луч света в бездне

Запустим дирижабль с руки
уже не лимб а Рай для тех кто постиг непрявленное
в явлении кто отличил

«назвать» от «явить»
и пусть избранники переговариваются эллипсом шутят
смеются холодноватым для посторонних смехом

взлетают снегирем клюют с руки говорят стихи
Гектор Гомер Циолковский Гельдерлин и другие

Сковорода Ломоносов – то что
бежит в крови
шепнет дальней звездой

ведет человека к Нигде и Никогда
их являя в вещах и лицах

Коснись подбородком тюльпана Гектор
усни в цветке Андромаха

*

восхождение к себе
ками называется
бирая крылыш-

тит наверху пере-
цы другая давно ле-
взлетает лишь часть пти-

ПТИЦА – ЧЕЛОВЕКУ

*

откликается то, что не помыслить
я трубню, тритон, в раковину
вместо живота крона клена
вместо ступней лужи с теплой водой
у меня сегодня вместо головы
Раковина, собранная из глаз

ОТКРЫТИЕ

ЦИОЛКОВСКИЙ В МОСКВЕ

Там где гулянье на бульварах он стоял
в петлицах звезды ромбики значки
и ситец вьется в ветре продувном

а думал что стоит на побережье в ожиданье
Миранды ветер дует с моря холода виски
Магия одна на бульварах прудах и в фонтанах

Нарком стоит в одном пространстве с Ариэлем
раздвинуто пространство и не разобрать
кто в ком стоит и ветер с речки с музыкой!

И Циолковский ходит по бульварам
ощупывая звезды под ногами сквозь подошвы
и вместе с музыкой повис в пространстве

Миранда говорит *как род людской красив*
а Константин кричит: Ого-го-го!
и плещут весла в речках и прудах
и Ариэль летит Нескучным садом
и в раковину песнь трубит согласно
с военными оркестрами на набережной

Смотри как аура длинна у слова Константин –
как колетса она и тихо ходит у Центавра
как сам он колок тих от далей и лучей

и внутренняя форма как орешник
простегнутый бельчихой так что листья
не успевают вновь сомкнуться и открыты –

конструкция вмещает с флагами Москву
и речь по радио и небо в синем ситце
и трубы Родины звучат и в этом равновесии Миранда

столице песню напевает о любимом
и под ногами разверзаются пространства
и голос девичий уходит в яму к звездам

Есть в пятитрубном дыме магия речная
на Красной площади она – как слово-резонатор
среди голубей и физкультурников
Огонь

растет и поглощает зренье Циолковского
огонь и свет и пятипалый луч
его ласкает голову и шепчет
неизреченные глаголы лета

*

ю бухать кукушкой пророчить из ходиков
те не устоять глухому человеку но кровь
ере небесном в лучах на черном барха
ки в сплошном антрацитовом без дна карь
разует звезды и нейроны вспыш
раздвигающееся пространство об

КУКУШКА

отдай мне луч меня
я сам на свете луч
и пригоршня огня
и света чуткий ключ

я свет – плечом и нет
очками наповал
я человеко-свет
и буквы сосчитал

летят мои лучи
и шепот мой горюч
всем небом прозвучи
в губах воскресших луч

минуя дирижабль
минуя речи вдох
во мне растет скрижаль
и горбится пророк

в огнях огни в словах
слова и в речи речь
и в прахе стынет прах
и свечи в теле свеч

и луч живет в луче
и в выси ходит высь
ручей поет в ручье
и смерть рождается в жизнь

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

ПРЕДАТЕЛИ И ПОБЕДИТЕЛИ

Повесть

Семье

Антон

Мы жили в двухкомнатной квартире на четвертом этаже дома Цегельника на Княжеской. Ни революция, ни две войны не стерли из памяти тех, кто меня окружал, старые названия: Торговая, Конная, Ольгиевская... Мостовые из брусчатки, палисадники с мальвами, аквариумы с красными меченосцами и пятнистыми вуалехвостами на подоконниках, отвалившаяся штукатурка, открывающая ракушняковую кладку, камышит, акации, цистерна с керосином на углу, ларек «Газ-вода», продавец Исачок, кепка-букле, несвежая белая куртка, улыбка, открывающая два ряда нержавеющей стали.

– Где зубы потерял, Исачок?

Только ухмыльнется в ответ.

Розовая пена пузырится над граненым стаканом, сироп «Крюшон» – четыре копейки, стакан «чистой» – копейка. Медные монеты скользят по залитому водой мраморному прилавку.

Летними вечерами мужчины в спортивных штанах, майках, шлепанцах выходят покурить у подъездов. Приветствуют друг друга сдержанным кивком головы, дают подкурить друг другу, кто прямо от папиросы, кто-то зажжет спичку в кулаке. «Ну, как оно там?» – «Та порядок». Затянутся глубоко, с чувством, отмахнут дымок. О главном уже переговорено, о другом лучше даже не начинать.

Из сумерек возникает водонос Алеша, хромой, небритый, в мешковатом костюме, кепке, с двумя ведрами в руках. «Вода, вода, вода, кому вода!»

Из окон высовываются хозяйки: «Леша, нам два!» «Нам тоже два, Леша!» Вода громко барабанит в дно ведра. Водонос, опершись о колонку одной рукой, второй поправляя фуражку, отвечает: «Два ведра в 32-ю камеру, заказ принят!» За доставку одного ведра – пять копеек, за два – десять. От мелочи карманы пиджака Алеши оттянуты и плечи скруглены.

Где-то невидимые миру соседи с ленцой в голосе перебрасывают многократно отрепетированными обвинениями: «Молчи, подстилка румынская!» – «Поц, откуда ты знаешь, что румынская? Ты что, в комендатуре служил?»

А над головой, за кронами акаций, за крышами – небо, сиреневое, розовое, красное с золотым подбоем. Отгорев багровеет, наливается синевой и гаснет, уступая место звездам.

Нашу квартиру выкроили из коммунальной, поэтому туалет и кухня были крохотными. Купаться мы ходили в Дворянскую баню – на следующем квартале – ближе к Новому базару. С дво-

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая Юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор пяти книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».

рянских времен в ней остались огромные мраморные ванны, а может быть, они только казались мне мраморными. Или огромными. По сравнению с нашими удобствами все казалось огромным.

– Сортир у нас как на подводной лодке, – шутил отец. – Оправляемся стоя.

– Зато свое, – отвечала мать.

Он привлекал ее к себе, целовал в висок.

– Пусти, – строго говорила она и возвращалась к посуде, плите, швейной машине. Она всегда была при деле и всецело отдана ему. Все остальное отступало на второй план, становилось мало-значительным.

Родители занимали большую комнату. Здесь семья собиралась у телевизора смотреть Форсайтов, Штирлица, Огоньки. Мы с братом Антоном занимали меньшую комнату. В дань прошлому комната родителей называлась гостиной, а наша – спальней, хотя спали в обеих.

Память моя устроена странным образом: я появился на свет, когда Антону было уже двенадцать лет, и, казалось, должен был помнить его с раннего детства, но мои воспоминания о нем фрагментарны, и все они подтверждают отсутствие в наших отношениях каких бы то ни было родственных чувств, естественной тяги младшего брата к старшему как к своему первому наставнику и защитнику. В этих воспоминаниях история нашего взаимного отчуждения.

Брат обрабатывает рубанком длинный узкий брус пальца в три толщиной. Он положил его на два табурета, придавил ногой и ловко снимает с его углов пахучую стружку. Где он взял его? Шел мимо стройки и подобрал. У них там осталось от лесов. Такая удача – три метра, не меньше, как раз чтобы накрыть ею металлические перила балкона. Жалко, что только с одной длинной стороны. Две боковины он сделает позже, когда найдет планки покороче. Он уверен в том, что найдет. Выпивтив нижнюю губу, он сдувает чуб с мокрого лба, утирается тыльной стороной руки, снова стружит. Лезвие с задорным жужжанием режет дерево. Мать с любовью смотрит на сына.

Потом он ловко привинчивает обработанную планку к металлическим балконным перилам. Оказывается, в них были отверстия для винтов – вот это да!

– На, попей, мужичок мой, – мама подает ему стакан с розовым компотом, в котором плавают лохмотья клубники.

Он никогда не находит других планок, но одну нахожу я.

– Мы можем сделать еще одну сторону перил? – спрашиваю я отца и вдруг слышу отказ.

– А чего?

– Я не хочу, чтобы мама потом сказала, что я это сделал хуже, чем он.

Он!

Мы с мальчишками стреляем в голубой квадрат неба над колодцем нашего двора из самодельных самострелов. Самострел – это деревянная катушка от ниток десятого номера, к бокам которой примотана белая бельевая резинка. Стрелы выструганы из щепок или веток акации и утяжелены с одного конца пластилином или свернутой в кулечек крышкой от молочной бутылки из серебряной фольги. Они уносятся ввысь, там теряют скорость и, замерев на миг-другой, возвращаются к нашим ногам. Кто стрельнет выше?

Во дворе появляется Антон с двумя товарищами. Он подзывает меня:

– А ну, дай попробовать.

Он выходит на середину двора, поднимает руки и натягивает резину так сильно, что один конец выскакивает из-под прижимавших ее к катушке ниток.

– Шлема! Не мог уже нормально привязать?

Он бросает катушку мне, но мне не удается поймать ее. Она катится по асфальту к дворовой колонке и замирает в луже.

Кивнув товарищам, он скрывается в парадной. Я слышу топот их ног по железной лестнице.

Шлема! Это еще одно мое имя, которым он наградил меня.

На протяжении многих лет мы делили с ним одну комнату, наши кровати стояли в метре одна от другой, но я не помню, как он раздевался, бросал вещи на стул, укладывался.

После школы я шел в радиоателье, где работал отец и, устроившись на краю его стола, делал уроки. Запахи горячего жала паяльника и плавящейся канифоли – запахи моего детства; его звуки – негромкое зуденье радиоприемника, музыка, от которой отец улыбался и в такт ей барабанил пальцами по столу, голоса зарубежных дикторов, треск и подсвистывание заглушки.

Лето мы проводили на даче – крохотном участке с фанерным домиком, за 16-й станцией Большого Фонтана. Отец получил его как ветеран войны. Если мы шли с ним на море вдвоем, то выбирали дикий пляж возле рыбацкого поселка, который располагался под Свято-Успенским мужским монастырем. Мать не любила этот пляж, поскольку спускаться к нему нужно было с крутого обрыва по узкой, осыпающейся под ногами глинистой тропе. В некоторых местах тропу пересекали вытекавшие из почвы ручьи, из-за чего глина становилась скользкой, будто ее облили голубоватым мыльным раствором.

На берегу стояло несколько куреней и навес, под которым складывали сети, переметы, весла. Инвалид в кепке, с вечным окурком в углу рта, сидя на грязной подушке между двух плетеных корзин, устроив между двух обрубков ног кузовок с рычагами, наживлял большие крючки на перемете – длинной зеленой бечеве, ловко перебрасывая ее из одной корзины в другую.

У берега покачивались рыбацкие баркасы. Огромные черные борта поднимались из воды выше человеческого роста. Однажды, когда мы спустились на берег, рыбаки стаскивали такой баркас в воду. Два других уже тархтели моторами метрах в полуста от берега, за ними сияло и искрилось море. Толкая черную с белым дном махину по лежавшим на песке бревнам, рыбаки силились преодолеть песчаный накат на береговой кромке. Не хватало одного, последнего усилия.

– Подержи-ка сумку, – сказал мне отец и уверенно пошел к рыбакам. Упершись с другими в корму, он неожиданно громко крикнул:

– А ну, слушай меня! Дава-ай, р-раз! Ещ-ще р-раз!

И эти крепкие слова с вязкими «р» и «з» вдруг сплотили стоявших около него людей, сделали их сильнее и напористей, и вот уже баркас подался вперед, потом, отъехав назад, снова двинулся вперед, и с каждым отцовским «р-раз-зом» стал вылетать все дальше и дальше за кромку берега, пока, качнувшись на ней в последний раз, не шлепнулся носом в воду. Тут же кто-то набросил на нос петлю, и канат, вылетев с искрящимися брызгами из воды, связал баркас с другим, стоявшим в отдалении. Прошуршав днищем по песку, он ушел в воду и закачался на ее зеленоватой глади. Один из рыбаков, хлопнув отца по плечу коричневой от загара рукой, сказал: «Спасибо, старшина!»

– Откуда он знает, что ты был старшиной? – спросил я.

– На фронте, когда полуторка застряет в грязи, толкают-то ее все, а орет «раз-два, взяли», кто? Старшина.

Возвращение домой в конце августа было возвращением в наше обычное состояние тихой напряженности, ожидания грозы. Утром я шел в школу, потом к отцу в ателье. Дома нас ждал ужин, телевизор, перед сном я мог еще немного почитать. Иногда я слышал, как отец спрашивал, где Антон. «А я знаю?» – отвечала мать. – Шастает где-то». И в ее словах звучал укор, словно это отец нес ответственность за отсутствие сына.

После восьмого класса Антона отдали в поварское училище.

«По крайней мере, голодным не останется», – сказала мать.

Слова о том, чтобы не остаться голодным – я знал это – много значили в жизни родителей. Мать часто рассказывала, как в 30-х моя бабушка Таня обменяла на муку все ценности, которые были в доме. Когда менять было нечего, она пекла хлеб из хлебных отрубей и крапивы.

– Нам в школе давали булочки, махонькие такие, – мать показывала пальцами. – Мама говорит, доченька принеси домой хоть кусочек, попробовать. А я иду из школы домой и щиплю от нее по крошечке, есть-то хочется. Приду домой, а в кулачке один огрызок остался. Она увидит, обнимет меня и говорит: ничего, доченька, ничего, доедай, – а сама за стену держится, чтобы не упасть.

Когда Антон окончил училище, отец через знакомых устроил его на работу в пароходство, где тот, неожиданно для всех, перешел из поваров в официанты. Он объяснил это тем, что на камбузе пекло и каторга, а официант ходит во всем чистом и всегда имеет живую копейку.

Конечно, профессия официанта не входила в число почетных, но то, что он ходил в загранку, превращало его из простого халдея в моряка заграничплавания. Это вызывало зависть и уважение. Еще бы, эти счастливицы видели мир, общались с иностранцами, носили красивые заграничные вещи, их дома украшали грюндики и панасоники, и даже для покупки автомашины им не нужно было стоять в очереди – дал «пару штук» какому-то ветерану войны, и тачка твоя!

Возвращение судна из рейса или уход в рейс были волнующими, как праздник. Отправляясь в порт, мать надевала нарядную красную юбку, красно-белую полосатую блузу и черные узконосые туфли на тончайших каблучках – как только устоять на таких! Туфли ей привез из Италии Антон, все остальное она сшила сама. Привычка экономить не позволяла ей брать такси, поэтому даже в таком праздничном виде она пользовалась трамваем. Поднявшись в вагон, она всегда оставалась у открытой двери кабины вагоновожатого, чтобы первой выйти и скорее-скоро бежать на встречу с сыном. С замирающим сердцем я наблюдал, какие взгляды бросают на нее другие пассажиры. А ее лицо выражало обычную озабоченность, как будто она попала в этот трамвай случайно, против своей воли, и только ждет, когда это недоразумение окончится.

В порт пропускали через проходную, где мать записывала свое имя в специальную книгу, и дежурный говорил ей, на какой причал нам идти. Антон с другими моряками стоял у белого борта теплохода с большими светло-синими буквами «ЛАТВИЯ» и переговаривался с мамой.

– Тося, ты там хоть нормально питаешься? – спрашивала она. – Посмотри, какой худой.

– Мама, – он доставал коричневую пластиковую пачку «Филип Морриса», коротко встряхивал ее, чтобы выскочила одна сигарета, брал ее по-обезьяньи вытянутыми губами. Вынув затем золотой «Ронсон» – карманы его были полны чудесных вещей – прикуривал, прятал зажигалку, выпускал дым и заканчивал фразу:

– Не начинай, это вот...

– Что не начинай?!

– Не начинай. Все нормально.

Словами «это вот» он предварял и завершал любую фразу. За глаза папа так и называл его – «Этовот». Возвращаясь домой, спрашивал меня: «Этовот дома?»

Они не любили друг друга.

«Латвия» совершала круизные рейсы по Средиземному морю. Антон покидал дом на несколько месяцев и возвращался с чемоданами и сумками, которых ждали с тем же нетерпением, что и его самого.

Из них извлекались яркие картонки с фотографиями улыбающихся мужчин и женщин – людьми очень красивой и ухоженной породы, в наших краях не водившихся. Разворачивались с хрустом пакеты из головокружительно пахнувшей оберточной бумаги. На свет появлялись белые нейлоновые рубашки и плащи «болонья» в квадратных пакетах на молниях, джинсы сказочного цвета индиго и пестрые отрезки кримплена. В плоских коробках с прозрачными крышками сверкали аккуратно уложенные в тисненый белый пластик шариковые авторучки тропических цветов. С оранжевой пастой, желтой, светло-зеленой... Для чего их делали? Кто писал ими? Но вот делали же, и это было так прекрасно! Женщины в очень откровенных купальниках бесстыдно смотрели на меня со страниц огромных настенных календарей с рекламой сигарет «Мальборо». Искрились присыпанные крупной, как сахар, пылью мраморные гондолы с обнимающимися влюбленными – в зависимости от погоды пыль меняла цвет: розовый, фиолетовый, голубой, салатный. Сидя на диване в праздничном аромате, блеске и шорохе заграницы, я перебирал крохотные бутылочки с названиями дивных напитков: «Куантро», «Амаретто ди Сарронно», «Хосе Куэрво».

Отец читал эти названия нараспев, смешно грассируя. Подняв руку к лицу, он как бы собирал чудесные звуки каждого слова пальцами и потом отпускал их в воздух, как каких-то райских птиц. Эту декламацию он неизбежно завершал добродушным матюгом:

– «Йегер-Майстер», твою за ногу!

Выгрузку «колонийальных товаров», как их называл отец, Антон сопровождал парой типовых фраз. Первая была понятна: «Это я себе взял». Вторая – «Это на школу» – означала у моего брата «на продажу». При чем здесь школа, спросите вы? Могу только догадываться. Антон не спрашивал мать, продалось ли что-то, скажем джинсы. Он спрашивал: «Ну, как они, пошли?» А мама отвечала: «Как дети в школу».

На следующий день, когда все было распаковано и подготовлено к «школе», принимали гостей. Обычно это была семья папиного однополчанина Виталия Тиховода и друзей Антона из его экипажа. Тогда доставали из серванта хранившиеся в специальных узких мешочках, сшитых из старой бархатной гардины, мельхиоровые вилки и ножи с красивым ажурным орнаментом – ими пользовались только в особых случаях. Накрытый в гостиную стол скоро исчезал под тарелками и блюдами с салатом оливье, холодцом, обжаренными в яйце отбивными, красными фаршированными перцами, молодой отварной картошкой с укропом, присыпанной белыми луковыми кольцами селедкой, бутылками.

Друзья брата выглядели так, будто сами сошли к нам с иностранных упаковок – ухоженные, аккуратно подстриженные, в новеньких джинсах, мокасынах, белых свитерах. Потом они снимали их, и оказывалось, что на них еще более белые рубахи. Как много белого цвета появлялось с их приходом! Друзья отца и матери смотрели на них с восторгом. Им было приятно находиться в таком светлом и жизнерадостном обществе молодых людей, повидавших мир, и вот, поди ж ты, севших с ними за один стол и с таким искренним удовольствием нахваливающих совершенно обычные отбивные и картошку!

Антон как виножник торжества, привстав, произносил первый тост:

– Ну, как говорится, за тех кто в море, это вот!

Веселый и деловой звон посуды перемежался праздничными названиями: Неаполь, Генуя, Марсель, Гибралтар...

– Но почему, почему, я не понимаю, у нас не могут сшить такие же самые джинсы? – удивлялся отец. – В чем проблема? Синие штаны с оранжевой строчкой!

– Это не оранжевая, – поправлял Антон. – Ты вообще этот цвет назвать можешь? У нас и названия такого нет, это вот.

– Только джинсы? – усмехался Тиховод.

– А эти плащи? – поддерживала разговор тетя Нина. – Что там шить?

– У моего соседа Фимы был трофейный мерседес, – для привлечения внимания дядя Виталий кашлял в кулак и продолжал неторопливо:

– Фима на фронте был водителем. Генерала одного возил. Весной 45-го под Прагой фриц по нему ударил прямой наводкой. Снаряд насквозь прошел. Генералу башку оторвало. А Фиму только обожгло с правой стороны. Снаряд раскаленный же летит. А тут победа, суeta, короче, так этот мерседес за ним и остался. Считался подбитым. Так он его, значит, восстановил, и до сих пор ездил. Смазал, подкрутил и поехал. Сколько он сот тысяч прошел – не знаю. Может, все пятьсот, а может и больше. Потом на заводе, он на Канатном работает, встал в ветеранскую очередь на москвича. Получил. Счастлив был как не знаю кто. Мерседес жалко выбрасывать, какому-то родственнику сплавил в Овидиополь за сто рублей. Поездил полгода на своем москвиче. Сейчас из-под него не вылезит. То одно полетело, то другое. Запчастей нет. От дома отъехать страшно. Позвонил в Овидиополь, говорит, мол давай меняться. Тот родственник: нет, спасибо. Так и остался со своим москвичом.

Дядя Виталий негромко засмеялся, кто-то подхватил его смех.

– Да-а, немцы – это механики, – заметил отец.

– У нас, между прочим, половина судов в пароходстве немецкая, – сказал высокий и худой парень Гера. – Я, когда на «Нахимове» ходил, там в машинном еще надписи кое-где оставались – «Берлин».

– Да, но в космос мы полетели, а не немцы, это вот, – заметил Антон.

– В космос-то мы полетели, – согласился дядя Виталий. – А банку майонеза купить – проблема.

– Та у нас вообще самая богатая страна в мире, это вот, – ответил Антон. – Западу просто повезло, что их Америка после войны отстроила. Мы же им камня на камне не оставили. Что бы они вообще без этой Америки делали? А мы все сами. С нуля. Чтобы ни от кого не зависеть. Ни у кого не быть на коротком поводке, это вот. А майонез – что, откуда-то же мать его взяла, – и он кивнул на стол.

– Ну, нам Америка тоже во время войны помогла, – заметил отец. – Мои минометы, между прочим, на студебеккере стояли.

– Какие минометы? – не понял Антон.

– Гвардейские. «Катюшами» назывались, никогда не слышал?

– Это не говоря о простой тушенке, – вставил дядя Виталий. – Что бы мы без нее жрали? По-думать страшно.

– Техника, тушенка, все это не главное, – упрямо сказал Антон. – Главное, что эту страну отстояли настоящие герои, коммунисты, которые костями легли в эту землю, но немца сюда не пустили.

– Это – точно, – сказал дядя Виталий и взял свою рюмку. Глаза его совершенно скрылись между подушечками щек и надбровий, казалось, он беззвучно смеется.

– И я, между прочим, – продолжал Антон, – хочу вырастить своих детей так, чтобы они тоже были настоящими коммунистами, это вот. Честными и принципиальными. Чтобы они могли, если надо, жизнь отдать за родину. Потому что честность и принципиальность – это главное, что есть у коммуниста.

Он сжал руку в кулак и рывком закрепил сказанное в воздухе.

– А между прочим, двое-то наших в Австралии – тью-тью, – сказала непонятно к чему тетя Нина и пошевелила двумя пальцами, как показывают идущие ноги.

За столом замолчали.

– То еще отребье... – нарушил тишину Антон. – Лично расстрелял бы. О своих товарищах, о тех, кто остался на судне, они подумали?! О престиже своей родины они подумали? Сам бы взял автомат и в упор...

– Ну, этим пусть другие занимаются, – добродушно сказал дядя Виталий. – Ты лучше детей делай и воспитывай потом, оно и приятней и полезней.

Он негромко засмеялся и приподнял рюмку:

– Ну, давайте, за детей!

Он выпил, не чокаясь, и другие последовали за ним, с нарочитым энтузиазмом начав нахваливать кулинарные таланты хозяйки.

После обеда отец отправился провожать Тиховодов. Жили они недалеко, на Островидова, и возвращались домой пешком.

– Идем прошвырнемся до угла, – кивнул он мне.

Выйдя из подъезда на улицу, друзья переглянулись и засмеялись.

– Остапа понесло, – сказал папа.

– Наверное из парткома там кто-то был, нет?

– Наверное.

И они засмеялись еще веселее. Их способность понимать друг друга с полуслова приводила меня в восторг.

Планы

Упаковав «колониальный товар» в большие самодельные сумки, мать ездила по воскресеньям на толчок, а выручку складывала на сберкнижку Антона. Каждая продажа фиксировалась в специальном блокноте.

– Ну, что там у нас в каске? – спрашивал Антон.

– Положила одну, сейчас там пять.

– Та-ак, пять штук. Что-то медленно собирается, нет?

– Тосик, тебе дать отчет? У меня все записано, – скулы у матери вспыхивали, она доставала блокнот.

– Та не надо, это вот, – останавливал он ее. – Я что, не верю? Ну, что ты начинаешь?

От цифр Антон возбуждался, нервно затягивался, сбивал пепел прямо на пол. Мать говорила:

– Вот же пепельница на столе!

– Да ладно, я уберу потом.

– Ага, не забудь только.

Если мать выходила из комнаты, он носком отбрасывал пепел под диван. Или растирал на полу. Плюнет бывало и разотрет со скрипом. Поймав мой взгляд, бросит:

– Ну, чего уставился, нечем заняться? Иди уроки делай.

Он видимо считал, что я должен был делать уроки круглые сутки.

Деньги мать собирала на приобретение отдельного жилья для Антона. «Не сегодня-завтра женится» – говорила она.

План был такой. Сначала следовало приобрести половину частного дома где-то на Молдаванке. Затем с доплатой можно было бы обменять его с каким-нибудь алкашом на его комнату в коммуналке – уже в городе, а ту в свою очередь, и тоже с доплатой, – на однокомнатную отдельную. А потом, но уже со временем и с еще большей доплатой, на двухкомнатную. И это был бы тот дом, в который можно было привести приличную девушку. Я часто слышал тогда это выражение – приличная девушка, но какой именно она должна быть? Иногда я пытался представить ее, но в голову лезли только мои одноклассники. В своей коричневой форме и черных передниках Антону они, конечно, были не парой.

До покупки дома, точнее – полудома, Антон еще хотел приобрести тачку. Моряк заграничного без тачки был все равно как без судна, на котором он ходил в заграничку. Тачка стоила 15 штук, если речь шла о жигуленке, а если о волгарике – то все 25. О москвиче он говорил: «Курица – не птица, Болгария – не граница, москвич – не машина».

Людмила

Карты, аккуратно разложенные моей мамой, спутала нечаянно нагрянувшая любовь. Из очередного рейса Антон привел домой смешливую блондиночку на точеных ножках – Людмилу. Ее можно было бы назвать привлекательной, если бы не нос – без крыльев ноздрей, приподнятый и открывающий два отверстия, он был будто слеплен неловкими руками из хлебного мякиша. За праздничным обедом Антон сообщил родителям, что хочет жениться.

Гостя залилась краской и не отрывала взгляда от тарелки. Родители были растеряны.

– Тосик, у тебя, между прочим, вопрос с армией не решен, – сказала мать. – Может, как-то сначала утрясти этот вопрос? А что если тебя призовут?

О том, что Антона могут призвать на военную службу, в доме говорили, но не часто. Были дела поважнее.

– Призовут – не призовут, – занервничал он. Реакция родителей ему не понравилась.

– Это серьезное решение, – заметил отец. – Вы вообще давно встречаетесь?

– Та какая разница, это вот, сколько мы встречаемся? Это что-то меняет?

Антон привлек Людмилу к себе, звонко чмокнул в щеку.

– Сколько мы вместе, зайка, а? Уже месяцев семь точно. С Генуи.

И отец и мать словно отшатнулись от этой «зайки».

– Я бы не советовала торопиться, – сказала мать. – Мы даже не знаем семью Людмилы. Наверное, надо встретиться с ее родителями, обсудить все. Ну что, я не права?

– Та что там обсуждать, это вот? – небрежно возразил Антон. – Башли есть, все сделаем как в лучших домах Лондона.

«Лондон» он произнес с ударением на втором «о». Он закурил, поднялся и, разбрасывая тут и там облачка ароматного дыма, стал ходить по комнате. Потом, вскинув руку и посмотрев на часы – у него был роскошный «Ориент» на золотом браслете с рубинового цвета циферблатом – скомандовал:

– Так, Людмила, нас ждут.

Та так и вскочила со своего места.

Не успела за ними закрыться дверь, как отец спросил:

– А где они жить будут, они знают?

– Оставь, – оборвала его мать. – Я с ним еще буду говорить. Без году неделю знают друг друга и уже женятся! Совсем спятили.

Антон вернулся, когда все спали. Возвращаясь поздно, он избегал разговоров с отцом, который обычно обездруживал его своей логикой. А на следующий день, когда отец уходил на работу, Антон разрешал все свои проблемы с матерью, оставляя ей заботу о том, как поставить отца перед фактом принятого ими решения. Точнее – им. Повторяя на разные лады одно и то же, он гипнотизировал мать, всегда делая ее своей сторонницей.

Вечером из разговора родителей я узнал, что до встречи с Антоном Людмила работала стюардессой, в смысле убирала каюты пассажиров. Когда они стали встречаться, он помог ей перейти на должность официантки в бар, за стойку которого он сам перебрался из официантов. Отца у нее не было. С матерью были какие-то проблемы.

– Меня интересует, что будет с Мишей, если они придут сюда, – спросил отец. – Он будет спать с нами или с ними?

Мать не ответила, только кожа напряглась на скулах. Я остро ощутил тогда, как вдруг стал лишним в семейных планах.

Эти планы предполагали, что молодые какое-то время будут работать на одном судне, но как долго – сказать было сложно. Рано или поздно об их связи станет известно в отделе кадров, и тогда их неизбежно припишут к разным экипажам. Супругов и любовников отпускать в загранику вместе избегали. Плавать порознь с любимой Антон тоже не хотел, считая, что судовая жизнь грозит ей всяческими соблазнами.

– Но по крайней мере один хороший рейс у нас в запасе есть. А повезет, так и два. Пока заметят, пока стукнут, верно, зайка моя? – Антон привлекал любимую к себе. Она краснела и прятала взгляд. – Нам бы еще на «Горький» вдвоем попасть, и мы тогда, вообще, в дамках, это вот.

Попасть в экипаж «Максима Горького» было мечтой многих моряков. Остроносый, высокий, со стильно оклоненной назад трубой и резко обрубленной кормой, «Горький» совершал круизные рейсы по Карибскому морю. Туристов он подбирал в Нью-Йорке и в Майами.

– Да-а, побывать в Нью-Йорке, это, конечно, нечто, – с нескрываемой завистью говорил отец. – Статуя Свободы, Уолл-стрит, Импайр-Стейт билдинг, Бродвей!

– Та это не то слово, это вот, – подхватывал Антон и торопливо затягивался сигаретой, словно дым в легких помогал ему подольше удержать перед внутренним взором дивный мираж. – Та там джинсы типа 501-го «Ливайса» в два раза дешевле, чем в Стамбуле. Ты вообще представляешь, это вот, какой выхлоп будет с такого рейса, а? Десять пар – легко, и это не считая другого барахла. Магнитофонов пару-тройку штук, да все что хочешь, это вот!

– А таможня? – интересовалась мать. – Пропустит столько товара?

– Та какая таможня! – говорило задыхающейся скороговоркой табачное облако. – Ты вообще представляешь себе, сколько барахла люди в машинном отделении прячут? Вагон и маленькую тележку! Та какой там вагон, это вот. Состав! Ты что думаешь, машинисты стоят у топки на одну зарплату? Они там за трубами, за котлами маму с папой заховают!

Нужно было только найти инспектора-кадровика, который помог бы осуществить этот план. Каждый день Антон, побрившись и надушившись, намочив волосы и тщательно причесав их, надевал лучшее и шел к отделу кадров пароходства возле парка Шевченко. Во внутреннем дворе, где размещался трехэтажный особняк, собирались оказавшиеся на берегу моряки. Встав в круг, дымя

сигаретами, они часами обсуждали свои проблемы и планы. Когда рабочий день в пароходстве заканчивался, двор перед ним пустел. Уборщица, как само воплощение незавидной береговой жизни, шаркая со строгой сосредоточенностью метлой, сметала усыпавшие асфальт окурки. Если попадалась едва начатая сигарета, она сдувала с нее пыль и клала в карман.

Вечером Антон возвращался домой. Поев, покурив, полежав с потухшим взглядом перед телевизором, он переодевался, душился, причесывался и отправлялся к Людмиле. Поначалу они ходили в кино или к приятелям-морякам, но все чаще приходили к нам. Забрав учебники или книгу, я освобождал им комнату, оставляя за спиной странную тишину.

Иногда отец предлагал мне сходить прогуляться, и мы шли на бульвар, переходили Тешин мост и от Дворца пионеров направлялись к памятнику Пушкину. Здесь, устроившись на скамейке, отец доставал из кармана брюк немного примятую пачку «Беломора», спички, прикрыв огонек ладонями, закуривал.

– Папа, расскажи про войну, – просил я.

– Что рассказывать, сына? Приезжали на позицию, распаковывались, заряжали, давали залп. Если в тылу у немцев были наши наводчики, давали корректировку по связи. Снова заряжали, снова давали залп. Если хотели помотать фрицам нервы, запускали по одной ракете. Если готовились к наступлению, били залпами без передышки.

– А почему катюшу называли гвардейским минометом? – спрашивал я.

– Гвардейским реактивным минометом, – поправлял меня отец. – Потому что гвардия – это цвет армии. И эти минометы доверяли именно гвардейским частям.

У отца был знак «Гвардия». Он был прикреплен к правой стороне его черного габардинового пиджака. На левой у него было два ряда колодок и орден Красной звезды. Он называл этот пиджак парадно-выходным и надевал раз в год – на День Победы. Пиджак в некоторых местах блестел, но мать не велела перевешивать награды на другие пиджаки, чтобы не дырявить ткань.

По рассказам отца, его война не была такой героической, как в кинофильмах. Он не ходил в атаку, не участвовал в перестрелках.

– А вас бомбили? – с надеждой спрашивал я.

– Бывало, – он улыбался, клал руку мне на плечо, привлекал к себе. Его рука пахла табаком и канифолью.

– А бомбежка правда страшней всего?

– Страшней всего? – он проводил ногтем большого пальца по лбу. – По-разному бывало. Страшно было пару раз в Литве, уже в конце войны. Входишь в какую-то деревню, а на улицах – ни души. Собаки и те молчат. И ты идешь и ждешь, что кто-то тебе пальнет в спину. Но страшней всего мне как раз было не на войне...

– А где?

– Где? Перед войной я как-то получил повестку в райотдел милиции. Время – восемь вечера. Я спрашиваю посыльного, что, прямо сейчас идти? Прямо сейчас. Ну, куда ты денешься, пошел. Дежурный посмотрел повестку и говорит, мол, сидьте и ждите, вас позовут. Я сел. И просидел я там четыре часа. А мимо людей водили, приводили, уводили. Кого-то в наручниках. И я сказал себе: надо заснуть. Положил ногу на ногу, прикрыл лицо ладонью и задремал. Или сделал вид, что задремал. Сидел и считал до ста, потом снова до ста. Вдруг слышу – меня кто-то по плечу хлопнул. Поднимаю голову – старлей. «Повестку давай». Я дал. Он посмотрел и говорит: «Можешь идти домой». А я встать не могу. Ноги отнялись. А он смотрит на меня и усмехается. Понял мое состояние. А ты говоришь бомбежка.

– А почему ноги отнялись?

– Ты меня о чем спросил минуту назад?

– Про войну...

– Нет, сына, ты меня спросил, когда страшней всего было.

– А, да.

Отец поднялся, и я тоже встал.

– Вот я тебе и рассказал, когда страшной всего было. Когда уже приготовился ехать не домой, а в совершенно другом направлении.

– А почему?!

– Потому что время такое было...

– Какое?

– Такое. Когда тебя могли отправить куда угодно. Ну что, пойдём?

В его истории была пугающая мистика Эдгара По. Таинственный вечерний вызов в милицию. Освещенный мутным электрическим светом коридор. Люди, которых приводят и уводят. Безымянный офицер, отказывающийся объяснить причину вызова. Его усмешка из-под низко надвинутого козырька. За всем этим стояла тайна, мрачное очарование которой не должно было нарушаться никакими моими «а почему?».

Мы шли домой.

– Дыши глубже, – говорил отец. – Полезно для здоровья. Два шага – глубокий вдох, два шага – глубокий выдох. Успокаивает нервы.

Он явно таким образом успокаивал свои.

Когда мы возвращались, мать сидела у швейной машинки. Отец брал ведра и, спустившись к дворовой колонке, набирал воду.

– Здравия желаю, старшина! – обращался к нему кто-то из жильцов, но не по-военному, с иронией в голосе.

– Вольно, – отвечал отец. – Вечер добрый.

Слышно было, как хлопали встретившиеся ладони.

Думала ли мать о том, что нам с отцом не очень уютно в нашем доме? Не знаю. Ее голова была занята тем, как мается со своей невестой без своего угла ее Тосик. И в конечном счете она уговорила отца, чтобы тот позволил им жить у нас.

– Все равно они уже как муж и жена, – сказала она, закрыв тему соблюдения приличий. – Месяц-два поживут до рейса, ничего не случится.

– А потом?

– А потом видно будет, – отрезала она. – Может ума хватит купить сперва жилье, а потом уже машину. Зачем ему вообще эта машина, если он большую часть года – в рейсе?

– А Миша?

– Поставим у нас раскладушку.

Последовавшее молчание отца было знаком его согласия – вынужденного, но мать готова была переступить через эту мелочь.

О том, чтобы Антон поселился у Людмилы, речь даже не заходила. Подвал на улице Чичери-на, где она жила с матерью, был сырым и темным, сама мать оказалась алкоголичкой. Это выяснилось во время ее первого визита к нам. Людмила, краснея, представила ее как Екатерину Васильевну, но та, тут же отмахнувшись церемонии, сказала, что все друзья зовут ее Катюхой.

Катюха была высокой, сутулой, худой, с коричневыми огрызками зубов и хриплым смехом, похожим на кашель. Выпив первую же рюмку, обхватив при этом ее ободок страшными фиолетовыми губами, она стала щипать отца за бока, приговаривая: «Ты посмотри, какой ухоженный пупсик!» Отец, потрясенный такой вольностью, отводил ее руку и смотрел на мать, спрашивая взглядом, что делать. Его спасало то, что сказав два-три слова, гостья начинала кашлять, и рука нужна была ей, чтобы прикрывать рот. Кашляя в обтянутый сиреневой кожей кулак, она вся сотрясалась, уродливо вытягивала мокрые губы и багровела.

После второй рюмки она стала лопотать что-то невнятное и глупо смеяться, опасно отклоняясь от стола. Мать сказала отцу негромко, чтобы он больше не наливал.

– Что ты! А я как раз собрался, – ответил он.

Отодвинувшись от стола, он отвел руку, чтобы в случае надобности придержать гостью.

– Ее уложить надо. А то она упадет сейчас.

Но ее не стали укладывать. Антон и Людмила подхватили пьянчужку под руки, хлопнула дверь, железная лестница загремела, как будто по ней сволакивали мешок картошки.

Когда молодые вернулись, мать убирала со стола, отец выносил посуду на кухню. Людмила вызвалась ему помогать и, как только они вышли из комнаты, мать сказала Антону негромко, но твердо:

– Этого в своем доме я больше видеть не хочу. Ты меня понял?

– Та ладно, это вот, – ответил Антон. – Я что, знал, что она так быстро, это вот... Она, вообще, нормальная тетка. Людмила говорит, что там к ней кто-то из соседей зашел, день рождения или что-то в этом роде. Отказываться же неловко... Ну, перебрала малек, с кем не бывает?

– Я больше не хочу этого здесь видеть, – отчетливо повторила мать, придавливая указательный палец к столу на каждом слове.

Предполагалось, что молодые проживут у нас совсем недолго, до следующего рейса, но в рейс Антон не ушел.

Даманский

От армии Антон начал бегать сразу после окончания училища – с первой же повестки. Пыльным из военкомата мать говорила, что Антон – моряк и сейчас в рейсе, вернется на берег через месяц. Смущенно помявшись у двери, худенькие мальчики в армейской форме уходили. Фразу про Антона-моряка мы должны были произносить, пока тому не исполнится 28 лет. В этом возрасте на военную службу уже не забирали.

Его твердое решение не служить ни при каких обстоятельствах созрело после инцидента на Даманском, где погиб его приятель из соседнего двора – Серега Быстров. Дело было так.

Мы с матерью и Антоном возвращались с Нового базара, где купили новые обои. Я прижимал к груди два рулона, мать с Антоном несли остальные в большой хозяйственной сумке, которую держали с двух сторон за ручки. Мы увидели, как четверо солдат с пожилым прапорщиком выгрузили из серого с черной полосой похоронного автобуса, стоявшего у дома № 23, красный гроб. За гробом в подъезд тут же втянулась, как в воронку, группа одетых во все темное людей. Мать спросила у сидевшей у подъезда бабки:

– Кого это?

– Быстровых паренька привезли, – ответила та и добавила негромко: – С китайской границы.

Любопытство подтолкнуло нас во двор дома, где жили Быстровы. Растрепанная, в домашнем халате мать погибшего пыталась обхватить гроб, мешая солдатам нести его. Делая судорожные попытки заглотнуть побольше воздуха, она требовала поставить гроб на землю и тут же открыть, чтобы она могла посмотреть на сына.

– Солнце мое! – задыхаясь, выкрикивала она. – Солнце мое! Откройте мне его!

– Не опускать! – скомандовал прапорщик.

Солдаты пересекли двор и скрылись в парадном. Обитый красной тканью ящик стал подниматься рывками по лестнице – Быстровы жили на втором этаже. Прапорщик, стоя у входа в парадное, что-то говорил матери, но та, вырываясь из рук придерживавших ее мужчин, повторяла: «Нет, откройте! Я вас как мать прошу! Я имею право как мать!»

В это время Антон с поразительной ловкостью проскользнул между толпившимися во дворе жильцами и юркнул в дом раньше, чем туда вошла мать его приятеля. Был очень теплый весенний день, снег еще не сошел, но уже начал обугливать с краев. Окна в квартире Быстровых были открыты, и мы слышали все, что там происходило: рыдания, потом удары молотка, потом чей-то голос: «Отойдите, отойдите», потом тишину и крик, страшной которого я не слышал за всю жизнь. Потом что-то тяжелое упало и разбилось, после чего зазвучало многоголосье, через которое пробивался тот же командный голос: «Закрывай немедленно! Закрывай!»

Когда Антон вернулся к нам, лица на нем не было. Подхватив сумку и перекосившись на ступеньку под ее тяжестью, он бегом-бегом понес ее со двора, мы бросились за ним.

Уклонявшихся от воинской службы моряков было так много, что в военкомате предприняли экстраординарные меры для их поимки. В дирекцию пароходства пришло письмо с просьбой по-

мочь собрать всех работников призывного возраста, которые не могли исполнить гражданский долг по причине сильной занятости. Пароходство, конечно, не хотело терять проверенные кадры, но вынуждено было подчиниться.

В один прекрасный день ничего не подозревавшего Антона вызвали в отдел кадров и сообщили, что он снят с рейса. Ему вручили повестку и попросили расписаться в получении. Тогда-то ему и пришлось сойти на берег с «Ивана Франко», на котором он проплавал к тому времени года три.

Но Антон и тут выскользнул из лап «милитаристов», как он называл сотрудников военкомата. Он пошел в отделение скорой помощи больницы водников с жалобой на острую желудочную боль. В анализе оказалась кровь, и его госпитализировали с подозрением на прободную язву. Он оставался в больнице несколько недель, пока не окончились очередной сбор и отправка призывников в войсковые части.

Возвращение Антона домой из больницы было совсем не таким, как его возвращения из заграники. Все было обыденно, тускло, без праздничного меню и сверкающей посуды. Борщ, салат из помидоров и огурцов с белым луком, котлеты с пюре. Сев к столу и, потирая руки, Антон спросил отца:

– По пейсят?

– С прободной вообще поосторожней надо, – ответил отец. – Ни спиртного, ни острого, а то и лыжи откинуть недолго.

– Та какая там прободная, – сказал Антон. – Отблагодарил врача по-человечески, он и написал, это вот... Тоже кушать хочет.

– Ну, знаешь... – отец покачал головой и взял ложку. На Антона он смотреть избегал и пить явно не собирался. Потом собравшись с духом, спросил:

– Ты вроде детей настоящими коммунистами растить собирался, не помнишь?

– Кто – я? – Антон, видимо, не мог сразу сообразить о чем говорит отец, потом сообразил, лицо его тоже напряглось и он сказал:

– Ну, это если война, а так чего напрягаться. От напряжения пупок может развязаться.

Так и не начав есть, он отодвинул тарелку и вышел. Грохнула дверь. Шаги застучали удаляясь по лестнице.

– Что ты уже сказал ему? – спросила мать, вернувшись из кухни.

– Ничего, – буркнул отец.

– Как же ничего, я же видела, как он вылетел. Даже не поел. Гос-споди, когда это уже все кончится...

После выписки из больницы Антон еще провел неделю в санатории на Фонтане, потом пошел в отдел кадров, чтобы получить новое место. Ему сказали ждать. Потом из рейса вернулась Людмила, и он настоял, чтобы она сошла на берег. Поселились молодые у нас. В комнате родителей мне поставили раскладушку. Положили на нее старый полосатый матрас и накрыли его одеялом с треугольными ожогами от утюга, чтобы было помягче.

Две наши комнаты примыкали одна к другой по длинной стене и, чтобы пройти на кухню, не беспокоя молодых, мама отгородила портьерой узкий проход по короткой стене меньшей комнаты. Это была легкая ситцевая портьера с зелено-фиолетовым узором треугольных елочек, которая, увы, не обладала звукоизоляционными свойствами.

Бывало, придавленный отроческим, полным немислимых догадок ужасом, я сидел у телевизора, слушая доносящиеся из-за открытой двери страшные звуки: игривое «р-р-р-ам!» моего брата и заходящийся смех его подруги, переходивший в сладкие стоны. Предположу, что в такие моменты отец мечтал заложить дверной проем кирпичом, но он только делал погромче телевизор. Каждую секунду он, должно быть, надеялся, что вот еще один «р-р-р-ам!», еще один всплеск визгливого хохота и наступит тишина. Но мой брат был совершенно неутомим и одновременно неизобретателен, и в конечном счете мать говорила: «Пойду, поставлю чайник». Она поднималась и шла из комнаты, закрывая за собой страшную дверь.

Один день Ивана Денисовича

Как-то ночью меня разбудил возмущенный шепот отца, раздававшийся по ту сторону стола, с дивана, где они лежали с матерью. Его голос родился в ворохе неразличимых поначалу слов, обрывков фраз и пророс завывающей от злости лозой:

– Это просто какая-то уму непостижимая дикость!

– Шурик, умоляю тебя, успокойся! – ответила шепотом мать.

– Нет, ну ты понимаешь – вырвать из журнала страницу и вытереть ей одно место!

– Да где же ты ее нашел?

– Где?! В мусорном ведре!

– Боже мой, что тебя туда занесло?

– Что меня туда занесло?! Я обыскал всю квартиру, это было последнее место, куда я не заглянул! Я не поверил себе, пока не развернул этот комок!

– Может быть, это не он, а она?

– Какая разница! Это – «Один день Ивана Денисовича»! Мне доверили этот номер «Роман-газеты» на один день! Что я завтра скажу Сергею Михайловичу?

– Давай я выстираю и высушу этот твой листик

– Это же бумага! Ты можешь выстирать газету?

– Давай попробуем, у тебя есть другой выход?

Отец поднялся, включил торшер. Мать принесла с кухни чайник и миску. Налив воду, положила туда распрямленную страницу со страшным следом, потом достала пачку ваты и с треском разорвала ее.

– Я убью этого придурка, – сказал отец, стоя над ней.

– Я тебя умоляю, – устало ответила мать. – Может быть добавить чуть-чуть хлорки?

Не знаю, чем кончилась эта операция, но утром, перед тем как уйти на работу, отец вызвал Антона. Тот вышел из-за занавеси в одних белых трусах иностранного пошива, очень худой и всклокоченный.

Началось дознание.

– Та какой журнал я взял, это вот... – говорил Антон, растерянно почесывая затылок, но отец не оставлял его:

– Ты вообще понимаешь, что тут больше никого нет, кроме нас! Ни я, ни мама, ни Миша этого сделать не могли!

Антон вернулся за занавес, надел джинсы, набросил рубашку и вышел снова к отцу. Закурив, он стал нервно ходить по узкому проходу. В промежутках между короткими и частыми затылками он говорил возбужденной скороговоркой, перемежая слова матюгами, которые в доме у нас никогда не звучали:

– Я что, бля, виноват, что в доме клочка туалетной бумаги нет, это вот? Живете тут как дикари, ябанарот!

– У нас много чего нет, но если ты такой нежный, надо было себе с парохода принести, но журнал-то зачем рвать?!

– Знаем твои журналы! Я тебя еще посажу нахер за эту антисоветчину! Ты у меня еще допрыгаешься, ябанарот!

По этой дикой матерной тарабарщине, по злости, с которой они оба говорили, я с отяжелевшим сердцем, понял, что та гроза, которая так долго собиралась разразиться в нашем доме, разразится сейчас.

– Что-о? – опешил отец. – Кого ты посадишь, дур-рак ты чертов!

– Тебя! – выкрикнул Антон. – Тебя! С журналом твоим, понял?!

Дальше произошло непредвиденное. Отец шагнул к Антону и, взяв его одной рукой за пояс джинсов, второй схватив за плечо, оторвал от пола. Тот, потеряв равновесие, взмахнул руками, ухватился за занавес и, оборвав его, упал в стоявшую за ним кровать. Людмила, все это время оставшаяся в ней, закричала. И тут же закричала мать не своим, страшным голосом:

– Прекратите это немедленно! Пре-кра-тите!

Отец отряхнул руку, как будто она была мокрой, и вернулся в большую комнату. Здесь он поправил выбившуюся из-под пояса рубашку, достал из шкафа пиджак, надел его и пошел к выходу. В проходе он остановился и сказал все еще выпутывающемуся из портьеры Антону:

– Если ты не хочешь, чтобы я помог тебе упаковаться, сделай это сам до моего возвращения.

Когда дверь за ним закрылась, Антон достал трясущимися руками новую сигарету, прикурил, заходил по комнате:

– Та я, это вот... он даже не знает... Та я пацанам своим скажу, они его заточками на фашисткий знак порежут, это вот...

– Замолчи! – крикнула мать. – Какие заточки?! Что ты мелешь?! За решетку захотел?!

Мать села к столу, одной рукой держась за лоб, второй быстро собирая на скатерти что-то невидимое.

Антон не ответил. Лицо его покраснело, глаза стали влажными, он издал какой-то страшный звук – как будто из его горла выбиралось что-то мокрое и липкое. Размазывая рукой слезы по щекам, он заговорил, захлебываясь:

– Та у меня здесь вообще какие-то права есть, это вот... Я вообще человек или я последнее дерьмо какое-то, а?

– Тося, я не могу здесь оставаться, – сказала Людмила, застегивая юбку. От испуга у нее зуб на зуб не попадал. – Я пойду домой.

– Подожди, это вот, – сказал, всхлипывая, Антон. – Я с тобой.

Вернувшись из школы, я обнаружил что комната молодых пуста. Постельного белья на кровати не было.

Когда отец пришел с работы, мать молча подала ему обед и вернулась к швейной машинке. Ложка стучала о тарелку. Слышно было, как отец глотает. Машинка с металлическим цыканьем вгоняла иглу в ткань. Телевизор не включали. Вечером мать сказала, чтобы я перестелил белье с раскладушки на свою старую кровать, а раскладушку сложил. Потом мы с отцом подняли ее на антресоли. Я залез по лестнице наверх, а отец снизу подал мне ее, потом свернутый в рулон матрас, сказал негромко:

– Далеко не ставь.

День подошел к концу, но родители так и не заговорили друг с другом. Я ушел в комнату, которая снова стала моей, но ощущения того, что она моя, не было. Я погасил свет и лег. Мертвая тишина окружала меня.

Все будет хорошо!

Антон появился через день, невероятно перепугав меня.

– Перекусить бы, – сказал он таким тоном, словно никакого скандала и не было. – А то голодный как собака, это вот.

Подавая ему обед, мать попросила его приходить каждый день, пока отец на работе.

– Хорошо, – легко согласился он. – Кофейку чашечку сварганишь?

Он приходил один, Людмилу я больше не видел. Раз в неделю он приносил в сумке белье, и мать стирала его. Доставая из сумки вещи, она подносила их к носу и, сделав короткий вдох, бросала с гримасой отвращения на пол. Они были пропитаны запахом подвала, в котором он теперь жил. И от Антона тоже теперь пахло прелой сыростью вперемешку с одеколоном. Его разговоры с матерью были прежними: какие суда куда ходят, кого и как надо отблагодарить, чтобы уйти в хороший рейс. Иногда он засыпал, и если дело шло к пяти часам, мать будила его, чтобы он не столкнулся с отцом.

Во время очередного визита Антон сказал:

– Мне тут предложили пойти на «Собинове», это вот. В Австралию. Наверное, соглашусь.

– А чего же ты раньше не пошел?! – спросила мать. Она гладила белье, но тут поставила утюг стоймя и села. – Ты же про этот «Собинов» еще в апреле говорил. Полгода же дома просидел!

– Так Людку же хотел с собой взять. – Он сделал глубокую затяжку, выпустил струю дыма. По тому, с какой силой эта струя устремилась к потолку, можно было судить, насколько он сам возбужден мыслью о возвращении на работу. – А тут же все пароходство уже знает, что мы с ней, это вот...

Я впервые услышал, с какой небрежной отстраненностью он назвал подругу Людкой.

– Сам бы давно пошел в рейс, сейчас бы уже имел свою крышу над головой, – сказала мать.

– Так в Америку же, это вот, хотел попасть с ней. Ты вообще представляешь себе, что такое побывать в Нью-Йорке? С одного рейса можно все вопросы решить.

– За полгода можно было и по Средиземному морю что-то собрать. Тише едешь – дальше будешь. – Мать побрызгала водой на лежавшую перед ней простыню и снова взялась за утюг. – На «Иване Франко» мог бы до пенсии плавать. И каждые два месяца дома.

– Как же я мог плавать до пенсии, если я в больницу лег?! – удивился он материнской несообразительности.

На этот довод возразить ей было нечего.

– А что Людка теперь будет делать? – спросила она.

– На крымско-колымскую пойдет. На «Победе». Вчера вписали в судовую роль.

Выстрелив окурком в открытое окно Антон достал из бокового кармана кожаного пиджака примятую пачку простой «Шипки», выбил очередную сигарету и снова закурил.

– А если окурочек кому-то на голову упадет? – спросил я, пугаясь собственного голоса, пугаясь того, что в нем может прозвучать долго заполнявшая меня нелюбовь к нему, моему брату.

Он внимательно посмотрел на меня, словно только что заметил, и спросил:

– В лобешник хочешь?

– Нет.

– Тогда сиди и не вякай, понял?

– Сколько курить можно? – тут же вмешалась мать. – Одну за другой, одну за другой, дышать же нечем!

Я вернулся в комнату, которая теперь считалась моей, и сел на подоконник. По карнизу ходили, воркуя и царапая лапками жесь, голуби. На балконе напротив соседка развешивала белье. Когда Антон был дома, я не в состоянии был чем-либо заниматься. Его присутствие всегда грозило самым бесцеремонным вмешательством в мою жизнь, разрушением того мира, в котором у меня были родители, дом, свое место.

– Так что с Людкой-то? – донеслось до меня.

– Послезавтра в рейс уходит. Надо сходить проводить.

– Проводи-проводи, а еще лучше попрощайся.

– Не начинай, это вот.

Антон ушел в рейс через две недели. Мы с матерью поехали провожать его. В такси разговор снова зашел о деньгах.

– Штуки три сделаешь?

– Там видно будет, – с неохотой отвечал Антон. Он всегда отвечал неохотно, чтобы неторопливей раскручивать разговор.

– Что значит «видно будет»? Это – серьезный вопрос, Тося. Ты же не будешь всю жизнь бегать от нас на Чичерина и обратно, правильно?

– Нет, не буду, – неожиданно резко ответил он. – Но ты сама прикинь: сколько мне таких рейсов нужно сделать? И ради чего? Чтобы купить какую-то халабуду на Молдаванке?

– На Молдаванке тоже люди живут, – возразила мать. – Ты же не намерен там селиться на всю жизнь?

– Та ты понимаешь, – он энергично опустил вращающейся рукояткой стекло в двери машины и выдул в окно тут же отлетевшую назад струю дыма. – Я вот прикидываю: сколько лет мне надо пахать, чтобы жить по-человечески?

– Ну и сколько?

– Полжизни, если не больше!

– Боже мой, Тося, тебе только 24 года, о чем ты говоришь?! Ну пусть у тебя уйдет на покупку двухкомнатной квартиры десять лет, люди вон на заводе по 35 лет в очереди на жилье стоят!

– А про армию ты забыла? Задолбали уже этими повестками.

Мать не ответила, только скулы четко обозначились под кожей. Высунув руку из машины, Антон элегантно сбивал с сигареты пепел. У него были удивительно ухоженные руки. Мы ехали вдоль глухой портовой стены, за которой стояли похожие на металлических жирафов краны и слышались вздохи и лязганье железнодорожных составов.

– Так что ты намерен делать, ты можешь мне сказать?

– Та есть кое-какие мысли, это вот...

Мы так и не услышали, какие у него были мысли. Машина въехала на морской вокзал, и Антон, зажав сигарету зубами, сильно откинулся на спинку сиденья, чтобы достать из джинсов деньги. У него был очень красивый вишневый бумажник, но наличные он всегда носил в кармане сложенной пополам пачкой. Когда он расплачивался, на это обращали внимание. Ему это нравилось.

Когда водитель извлек из багажника его сумку, Антон дал ему пятерку, бросив:

– Сдачи не надо.

– Это что за барские замашки? – с возмущением спросила мать, когда такси отъехало. – Так тебе точно полжизни не хватит на дом собрать.

– Та дай человеку заработать, это вот, – небрежно ответил Антон и, протянув остаток денег ей, добавил:

– Это – тебе, мне там все равно не понадобятся.

– Все будет сохранено до копейки с полным отчетом.

У перил она, как всегда, просила его писать ей хоть пару слов – где он – что он, – а он, как всегда, отвечал, что будет писать.

«Леонид Собинов» был огромным. Край борта из гигантских белых листов металла, прошитых такими же гигантскими заклепками, доходил до второго этажа нового стеклянного здания морвокзала. Из огромной высокой трубы, опоясанной красной лентой с желтыми серпом и молотом, деловито вырывались узкие ленты серо-голубого дыма. Пространство вокруг нас негромко гудело и вибрировало от работы судовых машин. Воздух был пропитан ароматом иностранных сигарет и машинного масла. Мы стояли в толпе очень нарядно, по-заграничному одетых людей. Взгляд мой выхватывал вышитые чудесными золотыми нитками по черному шелку названия: Lee, Wrangler или белыми по красному – Levi's. В глазах рябило от ярких полурукавок, чудесных мокасин из коричневой или черной кожи, остроносых туфелек на тонких каблуках. Как элегантно они приподымали женщин над землей, как четко прорисовывались сухожилия подъема и икры!

Антон поцеловал мать, взяв меня за макушку, прижал мою голову к своей кожаной куртке, потом, подхватив сумку, торопливо пошел по широкому трапу на судно. Достав из заднего кармана белых джинсов документы, подал их пограничнику, повернувшись к нам, вскинул руку и крикнул: «Ни за что не волнуйся! Ты поняла? Все будет хорошо!»

Он махнул нам и исчез в черном проеме.

Гости в костюмах

Я не помню, сколько прошло времени после ухода Антона в рейс. Я никогда не ждал его. Для меня он просто был дома или его не было дома. Когда его не было, в доме менялся воздух. В прямом и переносном смысле – квартира освобождалась от запаха сигаретного дыма, душистого вначале и становящегося тяжелым, горько-кислым, когда сигареты гасли, но главное – из дому уходило напряжение, возникавшее из-за бесконечных проблем Антона, которые нужно было срочно решать, всегда с участием мамы и всегда вызывая раздражение отца.

Не помню, сколько прошло. Месяц? Пусть будет месяц. Устроившись на диване, я в какой-то раз читал историю отважного капитана Блада и прекрасной Арабеллы Бишоп. Мать сидела у швейной машинки, отец, склонившись к приемнику, слушал один из своих «голосов». И вдруг стул, на котором он сидел, с дробным рокотом отъехал от приемника, и отец очень громко и резко сказал, как скомандовал: «Ма, иди сюда быстро!» Он сделал звук чуть громче и приложил палец к губам.

Диктор говорил о советском моряке, попросившем убежище на Западе, потом перешел к другой теме.

– Ты все поняла? – спросил отец, потирая щетину щек. – Он остался там!

– Кто?!

– Антон!

– Антон остался там? – мать не могла понять. – Где там?

– Невероятно, просто невероятно, – отец поднялся и все водил рукой по лицу, словно умывался. – В Испании. Сошел на берег, а через два дня явился в полицию и попросил убежища.

Мать все не могла поверить, что речь шла о ее сыне.

– Как же так? Почему? – повторяла она. – Он же ничего не говорил.

– А что он тебе должен был сказать? Мама, я собираюсь сбежать?

– Я не знаю. Ну, хоть что-то...

– Знаешь, дорогая моя, ты приготовься вот к чему – не сегодня-завтра к нам придут. И первое, что тебя спросят, не говорил ли он тебе *что-то*. Так вот я тебя прошу, я просто требую, отвечай, что он *ничего* не говорил и ты *ничего* не знаешь. *Ни-че-го*.

– Да, но я же действительно ничего не знаю!

– Вот и отлично!

Он ушел на кухню, и скоро я почувствовал запах гари. Я вышел к нему и увидел, что он сжигает на сковороде мелко разорванные фотокарточки. Их было много – пачка. Не дожидаясь моего вопроса, он только приложил палец к губам.

Отец не ошибся. Люди в костюмах появились у нас через день. Их было пятеро. Родители провели их в мою комнату, раскрыв платяной шкаф, показали вещи Антона. Рубашки и пиджаки висели на вешалках, под ними стояло несколько коробок с обувью. Те внимательно осмотрели все, проверили карманы, открыли коробки. Прижав меня к себе, мама сидела на постели, отец стоял, прислонившись к дверному косяку. Пока один шарил по вещам, другие разбрелись по квартире, открывали другие шкафы, ящики. Потом один спросил, не привозил ли Антон из заграницы книги.

– Книги? – удивился отец. – Нет, он у нас не читал. Больше по музыкальной части был.

Гости поинтересовались, оставил ли он какие-нибудь бумаги, записи, документы. Отец достал из бокового отделения серванта синюю коробку от электробритвы «Харьков» и передал ее тому, кто стоял к нему ближе. Тот открыл ее. В коробке лежали аттестат об окончании восьмилетки, диплом поварского училища и сберегательная книжка.

Открыв сберкнижку, один из гостей спросил:

– А на что денежки пошли? Месяц назад было восемь тысяч, а сейчас 40 рублей. Он покупал что-то?

– Как 40 рублей? – не поверила мать. – А где же остальное?!

На лице ее отразилась такая растерянность, что не поверить в ее искренность было невозможно.

– Я так думаю, что остальное переведено в доллары, – гость с интересом наблюдал реакцию матери. – Документы мы у вас пока заберем. Надеюсь, вы не возражаете?

Помимо документов визитеры забрали портативный «Панасоник» и десяток маленьких бобинов с записями. Признаюсь, первая мысль, посетившая меня после известия о бегстве Антона, была о том, что магнитофон теперь достанется мне. Не передать, как я хотел послушать на нем записи «Битлов».

«Кинь бабе ло-о-онг», – подпевал битлам Антон и щелкал в воздухе пальцами.

«Тара-та-та, та-ра-рам, тара-ра, та-ра-ра!», – отвечали битлы, а он, подняв руки и хлопая в ладоши, привстав на цыпочки и чуть согнув колени, двигал бедрами в такт музыке. Я отводил взгляд. Людмила вскакивала и точно так же согнув колени, двигая бедрами и хлопая в ладоши, ходила напротив него по тому же воображаемому кругу. Я опрокидывался на постель и смотрел в потолок, на обегавший его лепной бордюр из бесстрастных белых лиц и венков.

Я любил другую песню – *Things We Said Today*. Как красиво в ней звучали гитары! Я включал ее, когда дома никого не было, и лежа на постели мечтал о чем-то невнятном, о какой-то девушке, но не такой как Люда, а как Арабелла Бишоп, но с которой можно было бы говорить о чем-то интересном – о книгах, например, или о кино, а не о домах и машинах, или еще о том, сколько собралось на книжке. Господи, как я ненавидел их разговоры!

После первого визита, точнее после обыска, к нам заходили уже только двое. Один – совсем молодой блондин, наверное, такого же возраста, что и Антон. Мать, тем не менее, обращалась к нему по имени-отчеству – Тимофей Николаевич. За глаза отец называл его Тихошей.

– Ты заметила, как Тихоша-то впитывает? – спрашивал он маму. – Старательный паренек. Физиономия наивная, а взгляд – пытливый, не заметила?

– Нет, я не заметила, – коротко отвечала она. Ее голова, как всегда, была занята чем-то другим, более важным.

Напарник Тихоши был ровесником отца – сухой, скуластый, темнолицый, редкие черные волосы зачесаны назад. Отец обращался к нему официально – товарищ Семененко. Этот говорил негромко, с расстановкой, как человек, которому торопиться было некуда. Устроившись на стуле напротив сидевших на диване родителей, опершись локтями на колени и сведя вместе ладони, он, двигая ими в такт словам, негромко, но очень настойчиво говорил, что родители должны выступить. Я не понимал, что стояло за словом «выступить», но видел, что мать слушала Семененко с совершенно окаменевшим лицом. Тот же заканчивал свою мысль, делал паузу и начинал по новой: «Вы должны это осознать. Как советские граждане вы должны...».

Во время очередной паузы отец вдруг спросил:

– А вы слышали, по «Голосу Америки» уже передали, что теперь следует ждать, что от него откажутся родители?

– Вы слушаете «Голос Америки»?

– А что делать? «Известия» об этом не пишут.

– Ну и что вы узнали из вашего источника?

– То, что я вам сказал. Они уже ждут, что мы от него отречемся, хотя все знают, что никакая мать – они так говорят – никогда от своего сына не откажется. Поэтому этот кукольный театр вам же пойдет во вред.

– Что значит – *вам*? – Семененко откинулся на спинку скрипнувшего стула. – Вы считаете, что как гражданин этой страны вы не несете перед ней никаких обязательств? И что значит *кукольный театр*? Речь идет о деле государственной важности, об инциденте, к которому вы лично имеете прямое отношение. Вы это осознать?

– Я это, конечно же, осознаю, – поторопился заверить собеседника отец. – Именно поэтому я хочу, чтобы мы никому не давали поводов смеяться над нами. А кукольный театр это *их* выражение. И я вам еще раз говорю: мать Антона – Галину Петровну, – он положил ладонь на колено матери, – к этому делу лучше не привлекать. Там, на Западе, этого уже ждут, чтобы использовать против нас же.

– Вы хотите выступить сами?

– А что я скажу?! Он – не мой сын, как я могу от него отказываться?

– Как это – не ваш? – удивился Семененко.

– Это значит, что у него есть родной отец.

– А вы? Вы его не усыновили?

– Нет.

– Почему?

– А он не хотел! Хотел, чтобы в анкетах оба родителя были русскими. Вы не обратили внимания, у нас фамилии разные? Он – Овечкин, я – Рыбаков. А он плавать хотел.

После секундной паузы он добавил с едва уловимым сарказмом:

– Хотя с моей фамилией плавать должен был я.

– А вы... – Семененко замешкался, – э-э...

– Да, – ответил на непрозвучавший вопрос отец.

– Ну, знаете, у нас в пароходстве работают люди... Э-э... разных национальностей.

– Не сомневаюсь, – заверил его отец. – Но он так хотел. Понимаете, когда человеку шестнадцать лет, ему доказать что-либо сложно. А если он еще зарабатывает в пять раз больше вас, просто невозможно. У вас дети есть?

– А где живет его отец? – проигнорировал обращенный к нему вопрос Семененко.

– В Ростове, – сказала мать чужим, тяжелым голосом. – Адреса у нас нет. Мы с ним отношений не поддерживаем.

Ростов?

Скрытая от меня жизнь всплывала из омута недоговорок и необъяснимых отношений, восстанавливала свою целостность.

Ростов!

Как-то мать послала меня за хлебом. Машина с хлебзавода приезжала к магазину около восьми вечера, и буханку еще горячего хлеба можно было купить у водителя, не дожидаясь конца разгрузки. Было уже темно, когда я вернулся домой. Поднимаясь по лестнице, я услышал, как кто-то не очень уверенно спускается мне навстречу. Я остановился на площадке второго этажа, чтобы пропустить человека. Когда он был рядом со мной, дверь одной из кухонь открылась, и в ярком электрическом свете я увидел его. Вид его меня перепугал. Это был Антон, но какой-то искаженный, постаревший, обрюзгший. Он бросил на меня быстрый взгляд, глаза его показались мне совершенно прозрачными, и продолжил спускаться. Силуэт мелькнул в светлом прямоугольнике выхода и исчез.

На кухне мать разминала в миске фарш для котлет. Она делала это с теми видимыми усилиями, которые всегда указывали на то, что она нервничает. Я достал из холодильника масло, взял нож. Благоухающая теплым тестом горбушка с маслом, присыпанная сахаром, была лучшим лакомством.

– Уроки сделал? – спросила она меня.

– Сделал, – ответил я. По ее виду было件но, что проверять меня она не станет.

В этот момент входная дверь распахнулась, и появился Антон. Лицо его было красным от возбуждения.

– Он был? – выпалил он, заставив меня вспомнить о встрече на лестнице.

– Минуту как вышел.

– И не подождал?!

– Очень занят, – ответила мать.

Не сказав больше ни слова, Антон бросился вон из кухни, снова загрохотали железные ступени.

– Антон, не смей! – крикнула мать, но дверь уже хлопнула, разделив их.

Он вернулся очень скоро, я еще боролся с ломким из холодильника маслом, дожидаясь, когда теплый хлеб размягчит его.

– Ну как, повидался?

Антон сел на подоконник, возбуждение еще не покинуло его. Он сидел ссутулившись, в руках его была зеленая трешка, которую он безостановочно выравнивал пальцами.

– Неужели на мороженое дал? – поинтересовалась мать.

Он не ответил.

– Позвал к себе в *Ростов*?

Он вдруг скомкал купюру и, размахнувшись, бросил ее в пол, она подпрыгнула и укатилась под газовую плиту. Глаза у него стали мокрыми, он громко шморгнул, еще раз, и вдруг крикнул мне:

– Что ты уставился на меня, а?!

– Он-то тут при чем? – мать шлепнула фарш в миску и стала снимать с рук остатки мяса. – Или я тебе не говорила?

Я ушел в комнату. От обрушившейся на меня ни с того ни с сего ненависти я дрожал. Испуг и обида отодвинули на второй план мысль о встреченном на лестнице человеке, не дали объяснить его сходство с Антоном.

В комнату вошла мать. В руке ее была тарелка с горбушкой, уже намазанной маслом и присыпанной сахаром.

– Ешь.

Я расплакался.

Она села возле меня.

– Не надо. Он не со зла.

– Со зла! – сказал я, размазывая слезы по щекам. – Именно что со зла!

– Это моя вина, – сказала она. – Прости меня.

Она привлекла меня к себе, поцеловала в макушку. Я заплакал еще сильнее, и по тому, как вздрагивала ее рука на моем плече, я понял, что она тоже плачет. Ах, как я хотел, чтобы она была моей и только моей!

Потом она оставила меня и вышла из комнаты, плотно прикрыв дверь. Есть не хотелось, в горле стоял ком, но запах хлеба с маслом был так хорош, так манил, что я взял его и стал жевать, с трудом двигая челюстями.

И сейчас этот Ростов всплыл из того вечера, окончательно расставив все по своим местам.

– Свяжитесь с ним! – подсказал отец гостю. – Вам-то его найти проще простого. Один раз он от сына отказался, откажется еще раз. Тем более это не грозит ему дополнительными расходами.

После этого разговора визиты комитетчиков прекратились, хотя ожидание того, что они могут появиться в любой момент, еще долго не покидало нас. Что будет с нами – мы тоже не понимали.

– Посадить не посадят, но кровь попьют, – говорил по этому поводу отец.

В то время мать работала в магазине тканей в «Пассаже» на Дерибасовской. Она сама пришла к заведующей и сказала, что готова написать заявление об увольнении по собственному желанию, но ее остановили: ее должны были уволить для отчетности о принятых мерах – на общем собрании коллектива.

Собрание, однако, не состоялось. Ее уволили тихо, как она сама и предлагала – «по собственному желанию». Но после недель разговоров с комитетчиками, ожидания шумного, со страшными обвинениями в ее адрес, увольнения, она вдруг постарела, осунулась, плечи ее опустились. Ее обычную деловую озабоченность, сосредоточенность на всем, чем она занималась, сменила усталая рассеянность. Она ложилась на диван, лицом к стене и лежала так часами. Проголодавшись, я шел на кухню, и, услышав звон посуды или хлопок двери холодильника, она поднималась.

Лето мы, как обычно, провели на даче, а осенью тетя Нина устроила мать на работу в артель по изготовлению учебных пособий, где работала сама. Тамашнее начальство мало интересовалось моральным обликом работников. Мать и тетя Нина раскрашивали плакаты, на которых были изображены знаки дорожного движения.

Отца особо не терзали. Во-первых, у него, как оказалось, был совершенно неотразимый довод – Антон не доводился ему родным сыном, а вы знаете, какое влияние отчим имеет на неуправляемого подростка – никакого. Сперва училище, потом пароходство, он его толком и не видел. Во-вторых, отец считался одним из лучших мастеров ателье. Городское начальство постоянно передавало ему для ремонта иностранную аппаратуру: грюндики, акаи, панасоники и все такое. Пропесочивание носило формальный характер. Я узнал об этом из его разговора с Тиховодом. Как-то тот позвонил нам по телефону и попросил отца посмотреть его телевизор – исчезло изображение.

Взяв чемоданчик с инструментами и радиодетальями, отец предложил нам пойти с ним. Мать была рада выбраться из дому.

– Одевайся, – дала она мне команду.

Были сумерки, небо было того замечательного нежно-сиреневого цвета, какой я видел только в Одессе. С моря дул упругий, теплый ветер. На Ольгиевской отец зашел в гастроном купить шкалик «Московской» – для мальчиков и вафельный торт в плоской картонной коробке – для девочек.

К нашему приходу дядя Виталий устроил телевизор на столе, снял с него заднюю картонную стенку, всю в отверстиях разной формы, подвинул настольную лампу. Отец сел к столу, попросил Виталия включить телевизор, а сам, сложив руки на груди, смотрел на происходящее в коробке. Через минуту-другую, когда лампы засветились ровным оранжевым светом, он сказал:

– Триод полетел, сейчас заменим.

Он достал из рабочего чехоманчика нужную лампу, поставил ее куда надо и снова попросил дядю Виталия включить телевизор. Тот включил. Из экранной темноты всплыла диктор с высокой прической.

– Во Владивостоке сегодня + 5, – сказала она. – В Свердловске – 2, в Москве и области +5, в Киеве + 7.

– Сволочи, что хотят то и делают, – сказал отец, и они с Виталием захохотали. – Отрубай.

Дядя Виталий выключил телевизор. Отец поставил на место заднюю стенку, закрутил винты. Взяв телевизор с двух сторон, приятели поставили его на тумбочку между окон – его обычное место.

– Девушки, вы тут чай-варенье, а мы по-своему, ладно? – сказал дядя Виталий и махнул рукой отцу, чтобы тот следовал за ним на кухню.

– Только не увлекайтесь, – напутствовала его хозяйка.

Она сидела с мамой на диване и пила чай. Нарезанный торт она устроила на деревянной разделочной доске, положив ее между собой и гостьей. У Тиховодов все было по-простому. В отличие от мамы, тетя Нина обходилась без блюдец, скатертей, портьер и прочих красивых вещей. В оконные рамы, где-то на середине их высоты, были вбиты гвоздики, между ними была натянута бечевка, и на нее надеты занавески – обычная белая материя, скорей всего, куски старых простыней. Тиховоды жили на первом этаже, пол у них был вровень с тротуаром, и когда они стояли или ходили по комнате, с улицы были видны их головы. Их это не беспокоило. Мать же была помешана на тканях, и хотя мы жили на последнем этаже, она повесила на окна тюлевые занавеси от потолка до пола, а перед ними – портьеры из тяжелого, «мясистой», как она говорила, ткани.

На кухне дядя Виталий достал из холодильника завернутый в марлю кусочек сала, нарезал его тонкими ломтиками, поставил рядом горчицу, черный хлеб, разлил водку.

Друзья, как цирковые близнецы, быстро соорудили по бутерброднику, потом одновременно хлопнули в ладоши, потеряли их одна о другую, выпили, крикнули, поднеся бутерброды к носу, шумно втянули воздух, закусили.

– Ну, давай, – сказал дядя Виталий по окончании ритуала. – Докладывай обстановку.

– Докладываю, – отец придвинул табурет поближе к столу и, наклонясь к другу, стал негромко рассказывать.

– Значит, вызвали к директору. Так и так, мы тебя ценим, понимаем твою семейную ситуацию, но порядок есть порядок. Приготовься к собранию, мало тебе там уже не покажется. Парторг поехал в горком утверждать выступление. Но увольнять команды не давали. Вопросы есть? Вопросов нет. Тогда – вольно, разойдись. Вот и все.

Дядя Виталий налил еще по рюмке и, подняв свою, сказал:

– Ну, дай Бог, Шурка. Времена, все же, не прежние.

Прощание с Людмилой

– Как-то мы про Людку забыли, – сказала мать за ужином. – А ведь она может что-то знать.

– Поверь мне, она знает не больше нашего, – ответил отец.

– И все-таки, надо сходить к ней. Главное, чтобы она не в рейсе была.

– Ну, за то что она больше не плавает, я тебе ручаюсь, – сказал отец. – Мишку возьми с собой. По рекомендации отца мать тогда таскала меня за собой, куда бы ни шла.

– Эти, – я знал, кого имел в виду отец, – способны на любую пакость. Если вы будете вдвоем, им это будет сложнее.

Мы отправились на Чичерина. По цементной лестнице в простенке спустились к крашеным коричневой краской дверям, мать позвонила. Открыла Людмила.

– А, это вы, ну проходите-проходите.

Мы вошли в комнату с низким потолком. У одной из стен стояла раскладушка, стул и чемодан. Проем в стене открывал часть кухни. Пахло свежей краской, но и она не перебивала запах сырости.

– Извините, не могу предложить сесть, мебель всю выбросили.

– У вас ремонт был? – спросила мать.

– Да, как видите.

Людмила немного изменилась. Поправилась, лицо чуть припухшее. Она стояла в нескольких шагах от нас, руки в карманах джинсов, босая, смотрела на мать с вызовом.

– Мама дома?

– Мамы больше нет.

– Что значит – больше нет?

– Один тут ночевал, друг ее, ну и зарезал, – Люда сделала паузу, проверяя какое впечатление произведут ее слова. – Все в крови было. Пол, стены – все.

– Какой ужас... А ты-то что теперь будешь делать?

– Уезжаю.

– Куда, если не секрет?

– Секрет.

– Что у тебя в паромоходе?

– В паромоходе у меня все замечательно – уволили. Свободна как ветер в поле. Спасибо Тосику. Помолчали.

– Ты что-то знала о его планах?

– Нет! – сказала Людмила. – Планы, как выяснилось, были только у меня. В смысле, у меня свои, а у него – свои.

– Разве он не... доверял тебе?

– Еще как доверял! Особенно водку на судно проносить, чтобы он ею в баре торговал, а в остальном, как видите, – она развела руки и хлопнула себя по бедрам.

– Он тебе хоть что-то оставил?

– Оставил, конечно! На всю жизнь хватит!

Она встряхнула головой, отбрасывая челку с глаз.

– Люда... – я видел, мать ищет подходящие слова. – Ты что, в положении?

– Это вас абсолютно не должно касаться, – отрезала та. – Абсолютно!

– Если тебе что-то нужно, мы поможем тебе.

– Большое спасибо, буду иметь в виду. Если у вас все, то мне тут собираться нужно.

В Александровском садике мать села на скамейку. Спрятав лицо в ладонях, она сидела так долго, и потом я увидел, как вздрагивают ее плечи.

– Мама, – позвал я ее. – Мам. Не плачь. Мама.

Она достала из сумки платок и стала утирать им лицо.

– Что он натворил, Господи, что он натворил, – повторяла она. – Прости его, дурака, Господи, прости его...

Я оглянулся – не видит ли нас кто-нибудь. Никого не было вокруг. Платаны неподвижно стояли в ясном, просто светящемся от солнца воздухе. Ни ветерка, ни звука. Мы были совершенно одни в садике и, казалось, во всем городе.

Париж Латинской Америки

По «Голосу» об Антоне сообщили еще только раз, но для нас и этого было много. Из Испании мой сводный брат перебрался в Аргентину. Почему он выбрал именно эту страну, мы могли только гадать. Может быть, какой-то знающий чиновник, рассматривавший его просьбу о предоставлении убежища, посоветовал держаться подальше от родины, всегда проявлявшей нездоровый интерес к беглецам. А может быть, кто-то подсказал ему, что в Аргентине большая русская община, которая сможет поддержать его, помочь с работой. По словам западного диктора, Антон бросил якорь в Буэнос-Айресе и устроился там по специальности – официантом.

Помню конец короткого радиорепортажа о нем:

«Город, который выбрал молодой моряк в качестве последнего пункта своего необычного рейса, называют Парижем Латинской Америки». Диктор говорил как человек, для которого русский не был родным. Мы с мамой сидели на диване, отец – у приемника, держа пальцы на ручке настройки. В полутемную комнату полился нежный и волнующий звук аккордеона, потом он стал затихать и снова заговорил диктор.

«Перефразируя слова известной песни, еще один иммигрант шлет привет из далекого Парижа. Парижа Латинской Америки – одного из красивейших городов мира – Буэнос-Айреса. Будем надеяться, что жизнь беглеца, полная тревог и надежд, сложится несопоставимо лучше той, которую он оставил на своей коммунистической родине!»

Аккордеон заиграл громче. Мы слушали музыку как зачарованные, представляя каждый по своему этот дивный город – Буэнос-Айрес и нашего Антона в нем, сидящего с сигаретой в уличном кафе, идущего по залитой огнями витрин вечерней улице, приходящего в свой дом, где его ждет нормальная девушка.

– Вывод в целом верный, – сказал отец, кивая на приемник и делая звук тише. – Говори что хочешь, а он одним махом решил кучу проблем: с армией, с квартирой, с работой, с этой Людой. Ты только вспомни ее мамашу. Нет, как бы он там ни устроился, но *там* ему не будет хуже, чем здесь.

Мать только вздохнула в ответ. Ей нечего было возразить. Она чувствовала себя оскорбленной недоверием любимого сына, его отказом поделиться с ней своим планом, в то время как его жизнь была ее жизнью.

– Как есть – так есть, – ответила она негромко.

Стала бы она останавливать его, знай о его планах? Вряд ли. Она всегда делала так, как хотел он, поддерживала бы его и на этот раз. Она понимала и то, что отец прав – здесь у него были одни проблемы, но что его ждало там? Она не знала. Аргентина, Буэнос-Айрес – в этих словах были солнце и океан, пальмы и олеандры, красивые машины и яхты, достаток и счастье. Но если бы он только намекнул ей заранее, она смогла бы как-то помочь ему подготовиться, собрать что-то нужное в дорогу, посоветовать что-то важное, известное только ей. Хотя все нужное, что он мог взять, он взял – деньги. Ну хорошо, тогда она могла бы просто обнять его, как обнимают раз в жизни – прощаясь навсегда, а он лишил ее этого. Обманул. Она, конечно же, простила его, как прощала всегда, но это не избавило ее от тоски, которую она, казалось, очень бережно носила у себя под сердцем, потому что в этой боли жила ее главная любовь.

Предатели и победители

Одно из самых ярких воспоминаний той поры – празднование Дня Победы. Мы с отцом шли на парад. Он надевал черный выходной пиджак с медалями и орденом Красной звезды, мать одежной щеткой оглаживала его, замечая, что ткань залоснилась так, что стыдно надевать.

– Да нормально все, – говорил отец. – Еще похоронишь меня в нем.

– Не знаю, кто кого, – отвечала мать и возвращалась к своим занятиям.

Мы направлялись с ним по Княжеской к Новому рынку, выходили на Садовую. Ближе к Соборной площади людей становилось больше, слышны были звуки оркестра. Вокруг нас шли нарядно одетые женщины, мужчины с орденами и медалями, некоторые в военной форме. С каждым кварталом народу становилось все больше. Музыканты в военной форме размещались в ажурной беседке Городского сада. Дирижер стоял у перил спиной к слушателям и коротко взмахивал руками в такт маршу. Повсюду трепетали и сухо хлопали красные флаги, из репродукторов на столбах звучал голос Левитана: «От Советского информбюро. Сегодня войска Второго Украинского фронта под командованием...»

Со времени побега Антона прошел год, и тот парад Победы был последним, на который мы пошли с отцом вместе. Я больше не испытывал мальчишеского интереса к катюшам последнего образца, артиллерии и танкам, с грозным рокотом двигавшимся по Пушкинской улице. Я обращал внимание на другое: беглые взгляды мужчин на награды друг друга, на то, как женщины всматривались в их лица, словно пытались прочесть что-то важное.

Именно в тот день я заметил, что у отца появилась новая, горьковатая такая усмешка. Он, конечно, был героем, защитником Родины и мог гордиться своим боевым прошлым, и я тоже мог гордиться им и гордился, но эта неуверенная полуулыбка словно говорила, что праздник его неполный.

Антон, отравлявший его жизнь долгие годы, исчез, оставив ему поле боя, но победа не принесла счастья. Так наверное бывало, когда солдат возвращался домой и на его месте находил пепелище. Мать окончательно замкнулась в себе, и мне стало казаться тогда, что я – то единственное, что связывает их. Они все еще ходили к Тиховодам на «тортик для девочек и шкалик для мальчиков», в кафе-мороженое на Дерибасовской, но как-то порознь, хотя и вместе.

Отец много времени проводил на даче, даже начал делать там свое вино. Столы заполнили бутылки, шланги, лейки. Когда я уже учился в университете, мы, бывало, устроившись с ним в саду, распивали бутылку. Вино было с каким-то едва уловимым солоноватым послевкусием, так себе – одним словом, но он всегда знал, как в следующем году сделать его лучше. Мы мало говорили, но для него важно было, что я рядом. Однажды я пообещал помочь ему срезать лозы на зиму, и когда приехал после занятий, сразу увидел его в шезлонге между рядов винограда. Под ногами лежал секатор и пучок срезанных веток. Старая соломенная шляпа закрывала его лицо, и я даже не понял поначалу, что случилось. Я позвал его, уже начав осознавать, что он не ответит. Было еще тепло, садившееся солнце тихо горело на остатках желтой и багряной листвы, пели птицы.

В начале 90-х по просьбе матери я попытался найти Антона через посольство, и менее чем через месяц получил сообщение, что он умер «по естественным причинам» в 1990-м году в Ла-Плате. Я посмотрел по карте – это был город рядом с Буэнос-Айресом. Матери я сказал, что его не нашли и, возможно, он просто перебрался в другую страну, у них там это просто.

– Нет, – твердо ответила она. – Я знаю, что его уже нет.

Года не минуло, как и она ушла, как-то быстро сдав, словно торопясь за сыном и точно зная, где, наконец, найдет его.

Нью-Йорк, 2018–2022 г.

СПЕЦСЛУЖБА

1. Вербовка

В то злое лето на широком ветре,
На бесшабашной набережной Москвы,
Мороженым закат растаял блеклый,
Мы липкими казались. Как не-мы.
Я влюблена. Когда не влюблена?
И он просил. Когда он не просил.
Но то поистине и глупо, и печально,
Что связи не виднелось окончание.
И я жила, зазря раскалена,
И не у дел, и не у вышних сил.
Он мне сказал, что жизнь моя – вагина.
Я знаю это лучше. И не сгину.
Моя судьба свободна – и в цепях,
А мне билет пора бы выдать нах.
Есть люди. Он читал их имена.
Но никого не знает. Их найти
На всей земле могла бы я одна.
Но я искать не стану, и прости.
Здесь служба не кончается. И вот
Как в старой песне – новый поворот.
Я помню в девяностом Крымский мост.
В то злое лето я стояла в рост.
Да, я всегда подвержена вербовке.
И напишу о том в подзаголовке.

2. Первое задание

Пот и котлеты школьные сглотнув,
Я в чашке чай завариваю крепкий.
Вот фото, вот лицо великой лепки.
Он был актер, покуда не заснул.
И все перечеркнулось вмиг. Не я
В роскошном окончании сентября
Среди мальтийских пальм иду на мол.
Да, я тебя любила. Ты ушел,

Наталья Черных родилась в 1969 году в Челябинске-65 (ныне Озерск). Училась во Львове и в Москве. С 1987 года живет в Москве. Публикации в журналах «Воздух», «Новый мир», «Знамя», «НЛО» и др. Автор нескольких книг поэзии и прозы сборников. В «Волге» печаталась поэзия, проза, критика, эссеистика (с 2009 года).

И навсегда. Хотя бы знать, что жив.
Я шлем для энцефалограммы, весь из жил.
Я не узнаю, жив ты или мертв.
Ты весь во мне. Ты тщательно мной стерт.
Да, я люблю. Но в мире есть работа
И есть мой труд. И мне его охота.
Мне нравится подумать об охоте.
Сезон уже открыт. Объект на взлете.
Калифорнийских пальм и пальм испанских
Мне только снилось жаркое пространство.
И вот теперь я по нему иду,
Бессрочному подвержена труду.
Здесь все не так. Со вкусом Буратино
Идет волной воспоминаний тина.

3. Воспоминания об учебе

Исчадие хорошей подготовки,
Я равно склонна к фаршу и морковке.
Но чаще вспоминаю третий класс,
Где не было меня, а много – нас.
Ваганов, Щербаков и Макаrchук,
Вы живы ли, и знать я не хочу.
Ваганов Слава был из отстающих,
Однако же из правильных и пьющих.
Что ты прошел за все десятилетия?
Ответа нет, а здесь другая этика.
Изящный гений Владик Щербаков
Наверно программист, и был таков.
Есть интуиция, что Владик просто спился.
Я помню лица. Мне никто не снится.
У классной на коленях мел белел.
Ваганов с места громко просопел,
Что извазюкалась, мол, вся как хрюля. После
Ему без предварительных вопросов
Так классная уверенно сказала:
Да, в меле я. А ты закрой хлебало
И промолчи, где нужно. Это важно,
Чтоб оставаться смелым и отважным.
Мы не хотели взрослых разговоров,
Но мы выросли искренне и скоро.
Влад Щербаков любил команду «Альфа»,
И песню их, Есенина стихи.
Он слушал злую музыку. Однако
Отличника как око берегли.
Толстяк веселый Витя Макаrchук
Не раз был приведен в медпункт к врачу.
Во все лицо горела надпись: братцы,
Раз жизни нет, так дайте хоть подраться.
А жизнь тем временем была совсем нескучной.

Мы дети были. Что не значит – лучше.
Итак, на встречу нужно полчаса.
И темная в работе полоса.
И пальмы в странном мареве заката.
А вы давно и правильно женаты.
У вас вторичных выгод есть пакет.
И соцпакет. Гарантии лишь нет.
Я выросла на хумусе провала.
Я плохо сплю. Вернее, очень мало.
Потом, в плену отходняка не от работы,
Я что-то сделаю. Не хоть бы что, а что-то.
Мне нравится, что я не человек.
Я снег. Следов не оставляет снег.

4. Любовь

Тыходишь в сны, когда захочешь. Мне,
С приличным опытом хранения вещей во сне,
И с Кастанедой в девяностом на лотке,
Приятно без тебя и налегке.
Но линии и цвет порой подводят.
Здесь много их, и все они подходят,
И все они похожи на тебя.
В роскошном окончании сентября
И в танце пальм я вижу тело это.
Твое. Здесь все твое, из тьмы и света.
Люблю стрелять. А я могу представить,
И мне пока не изменяет память,
Что я хотела быть стрелком с рожденья.
И вот теперь рука есть продолженье
Оружия, а не наоборот.
Я хорошо стреляю. Мне везет.
Оружие само находит цель,
Рука плывет к нему. Но может сесть на мель.
Во избежание промахов и мелей
Я не смотрю в глаза коварной цели.
Я знаю только то, что ты приснишься,
Что мы увидимся. Что ты все это слышишь:
Мой бред, мою бессонницу и страх,
Мои дары, и мой успех и крах.
В отечестве молчанка о героях.
Ни боль, ни слезы от тебя не скроешь.
На пенсии я буду отсыпаться.
И это повод чаще нам встречаться,
Покуда я не перейду черту.
Не здесь какую-то – единственную ту.
Все вздор. И при любом раскладе сон
Кошмарно тонок, густонаселен,
Спокойные периоды нечасты.
И Кастанеда склеивает ласты.

Без фарса жизнь – одна сплошная ложь.
Ты это знаешь. Ты меня поймешь.
Тот, кто со мной работу начал там,
Лишь копия. Тебя я не отдам.

5. Успех

Та девочка в очках из высшей школы
Не знала, что такое бегать голой
По утренним районам городка.
Она не глупая, а только лишь слегка.
Мы вместе за столом сидели с пищей.
Я как-то ей сказала: ты не слышишь.
Я велика, как смерть и нищета,
Огромна так, что кажется – пуста.
Такого слова можно испугаться.
Та девочка не думала сдаваться,
Она сказала: ты всерьез считаешь,
Что гений ты. Но ты не понимаешь,
Что ты не гений. В этом есть ошибка.
Ответом ей была моя улыбка,
Какая-то. Не радостная – точно.
И вот теперь сложилось, как нарочно,
Как дети думают и говорят,
Пасьянс или быть может звукоряд,
И партия моя выходит с блеском.
И я к ней – лишь незначащим довеском.
Везение коварно и смешно.
Оно как скользкое под ноги плотно
Ложится там, где нет уже тебя.
Но я всегда работаю любя.
И этот человек, и эта запись
Уже со мной, плодовой ветви завязь,
И вот уж голос нового канала
Швартуется у нашего причала.
Есть связь, а это главное. И деньги.
Они всегда зеленые растения.
Мне сообщили, что благодарят.
Но сердце собралось в ночной наряд.
Мелодия удачи, звуки бала
Есть вестник очень скорого провала.
Но есть и передышка. Я беру,
Как бы работу на дом, новую игру.

6. Провал

Парнишки из чужой разведки в клубе
Горланили нелепые стихи
И даже взяли слэм. Они меня и взяли.

Разведка любит интеллектуалов.
Их разговор был маленький и скучный.
Они из тех рыбешек сетевых,
Что любят свой почти что средний рейтинг,
Имеют хайп на небольшом пространстве
И перебиваются Ай Ти.
Их взгляды широки и либеральны,
Хотя по сути – нацики они.
Разведка
Для них компьютерная игра.
Я это поняла уже в машине.
Они агента загребли, меня,
Но чей агент я, что я выполняю,
Или я спящий – было все равно.
Как хорошо, что я не спать умею
И научилась вежливо хамить.
И, наконец, мне дали мой звонок.
Удолбанная вусмерть сразу всем,
Я все же профи, я смогла сказать,
Что я жива и все держу в порядке,
А та страна согласна на обмен.
Что я за рыба. Седина и возраст,
Лень прибывает, как волна в прилив,
Вот только навыки. Да, навыки и люди.
А новичкам пока что невдомек
Что значит опыт – ничего не значит
Для дилетанта. Саморазрушение,
И то нуждается в чужом белье,
Тем более разведка.
Не хотелось
Спустя года опять лететь домой.
Ведь память по себе сама гуляет,
И ей не нужно Крымского моста,
Где было раньше множество лотков,
Картины, бижутерия и сумки,
И знала я, как нанести узор
Машинкой-выжигателем по коже.
Но я лечу. И дома никого.
Родителей своих почти не помню,
Отнюдь не потому, что сирота,
А потому, что роль их в моей жизни
С младенчества уменьшилась настолько,
Что я ее почти не замечаю,
И лишь воображение порой
Рисует прошлого приятные картины.
Родителей уж нет. Как хорошо,
Что не была я на похоронах.
Итак, я дома. По уши в дерьме,
С болезнью, те парнишки постарались,

Чужая и коллегам, и стране,
Но деньги есть. И я жилье купила.
Подумав, продала родительскую двушку,
В квартире новой завела комфорт
И спать легла. Искать работу скучно,
Однако же придется. Документы
На пенсию подать. Купить одежду
И пиццу, как хотелось, заказать.
Повешенного доля не сложна:
Болтайся в небе да звени под ветром.
Живи, как можешь. Если можешь жить.
Я не курю и алкоголь не пью.
Наркотики когда-то я любила,
Но очень плохо их переносила.

Пока идет вокруг война понтов,
Я выберу Мурзилку из котов.
Война понтов по всей земле надолго.
А люди умирают. Очень много.
Идет война, а я купила свитер.
Спросила по-немецки: роттен, битте.
Идет война, а я вернулась в мир.
Нелепость. И что я за пассажир.

7. Финал

Жизнь завершается. И снова при войне.
Тому, кто лет под сотню прожил, можно
Сказать, что от войны и до войны.
А я мала как в полдень тень. Конечно,
Афганистан, Чечня и много что еще
Отгружено ровесникам в достатке.
Но я мала войне, и потому
Вся жизнь моя, с ее работой странной,
Не весит ничего для той войны.
Почти калека, в интернет смотрю,
И губы округляются бесшумно.
Жизнь тяжела. И будто нет ее.
Не глядя в небо, дикая молитва
Сама собой корявится внутри.
Ты, Господи, все сразу это видишь.
Зачем, зачем, зачем все это есть?
Беспомощность, нелепость и случайность
Всего во всем? Зачем вся эта злость,
В которой места нет для человека,
Которой даже зверь гнушаться станет?
Зачем несообразность опозданий?
Ведь мне бы раньше все, что есть теперь.
А посмотреть – так ничего и нет.

Зачем так жадность стала осторожна,
Хотя не счесть ее подачек мерзких?
Какое отношение имеет
Священное библейское начало
К религиозной нашей пропаганде,
Вдобавок бестолковой и болтливой?
Что тут за власти, без стыда и силы,
Что тут за семьи, где изгои – дети,
Что тут за дети, что кричат как звери,
Что за друзья, которых будто нет?
Зачем тогда нужна была моя работа
И это появление на свет
Открытой, ловкой, умной и подвижной?
Что от меня осталось? Жизнь ушла,
Осталось лишь холодное дерьмо,
Да нищая без смысла ежедневность.
Зачем весь этот мир? Не отвечает Бог.
Когда пришло гонение на церковь,
Мыть нужники и прочее – входило
В часть мученичества и воспринималось
Как тайное служение Христу.
Но нынче нет режима. Пропаганда
То об одном, то о другом кричит,
И непонятно: нужно заработать
Или все деньги нищему отдать.
Здесь трата сил, и средств, и вдохновений
Не принесет плода. И вот теперь война
Хотя бы некий смысл рождает с кровью.
Но что мне до войны. Меня уж нет.
Я доживаю маленькие годы
Не голодом, ни холодом, ни злом,
А просто так. А я еще могла бы.
Но некому вконтакте написать,
И дзен каналов полон официальных,
И некуда стучаться. И просить
Мне нечего и незачем. Как быть?
Того ли ты, мой Господи, хотел,
Меня с моей работой создавая?
Ответа не дает. Его рука
Порой мрачна, как снеговые тучи.
И ведомо Ему глубокое родство
Священника с красноармейцем
И инфлюэнсера с последней нищетой.
Смотрю в стекло и вижу отражение
Своей страны. А своего не вижу.
Однако пользы что себя нести
Коробочкой винтажной музыкальной.
Но жизнь прошла. Что дальше делать мне?

Юрий КИТАЕВ

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО

Никогда не оконченный роман

Не диагноз красит человека, а человек диагноз.

Глава 1

I.

Дождь бил в барабан.

То есть он, конечно, не бил в барабан, это только так говорится, а просто он колотил по оставленному в углу строителями пустому перевернутому ведру. И это даже не сам дождь колотил, дождь не мог так громко стучать, хотя и сильный был дождь. По пустому ведру грохотала падающая с крыши вода. Водопад.

В доме и во всем дворе шел ремонт. Ремонт начался давно и продолжался, то обостряясь, то затухая, уже довольно много лет, с 90-х, наверное, годов, и конца ему не предвиделось.

Начинали одно, заканчивали, потом ремонтировали какую-нибудь другую часть, подъезд или этаж, пристройку или крыльцо, кусок стены или крышу. Или внутреннюю отделку в каких-нибудь помещениях, или просто меняли сантехнику, и так до тех пор, пока возникала потребность или просто принималось решение переделать или переменить что-нибудь недавно отремонтированное.

У дома много хозяев. Вернее, арендаторов. Теперь это так называется. А настоящего хозяина, или хотя бы официального, кажется, вообще никто не знает.

И возраст у дома неопределенный. Разный.

Самую старую часть возвели, наверно, в первой половине XIX века (стены больше метра толщиной), надстройку над ним сделали лет на пятьдесят позже, другое крыло, пристроенное к нему углом и выходящее на другую улицу, относится где-то к началу XX века... Но – не модерн.

Еще кусок из белого силикатного кирпича приделали в 60-е годы, при Хрущеве.

Еще зачем-то неизвестно когда и непонятно зачем возвели на углу небольшую кирпичную башенку.

Я и сам не все его устройство («географию») знаю. И не всех соседей знаю, кто где обитает. Мало кого из окружающих знаю... Зачем мне чужие страны?

У меня своя территория: Вход со двора. Во втором подъезде на первом этаже, высоком. Вроде как бельэтаж...

Юрий Китаев родился в Москве, работал инженером, слесарем, учителем и др. Публиковался в журналах «Топос», «Знамя», «Нева»; предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Жизнь Новикова», №7-8, 2022.

Маленькая, пять ступенек, лестница.

Дверь. Вешалка (т.е. гардероб), но без гардеробщика, все сами вешают, а я только смотрю, чтоб никто не ушел в чужом, а чаще и не смотрю, пока никто еще не пытался в чужом уйти, даже по рассеянности, что вообще-то странно: многие уходят от нас в довольно-таки расстроенных чувствах. Правда, тогда я иногда по добросердечию и из человеколюбия помогаю одеться. Хотя бывает и наоборот: некоторые очень даже возбужденно-радостные выходят.

Дальше гостиная с диванами, санузел, приемная, комната хозяйки и три кабинета.

В одном – УЗИ, в другом делают аборт, в третьем восстанавливают девственность.

И я все это сторожу: охранник – 1/2 (сутки через двое).

С приходящими я общаюсь по-разному. Иногда почти откровенно неприязненно, на самом краю минимальной вежливости. Иногда, наоборот, я весь сердечность, предупредительность и честная готовность всем и во всем, чем могу, помочь. Чаще, конечно, бывает что-то среднее между двумя этими крайностями.

Это не совсем лицемерие. От того, кто приходит и как я лично к ним отношусь, это далеко не в первую очередь зависит.

Все дело во мне самом, в моем настроении и состоянии, а характер у меня переменчивый.

Одно дело, когда я устал и мне все надоели, или просто нарушают мой покой, уединение, от-носительное одиночество, автономность, мечты и грезы, невидимую работу, которая, хочу я или не хочу, совершается во мне, в организме, в душе и в разуме... Совсем другое, когда я от себя устал, как бы заскучал немного (перерыв в мысли), и они (кто приходят, посетители, посетительницы) меня развлекают: тогда я для них самый добрый ангел...

...А иногда мне просто нравится всех любить. Это хуже всего. Это состояние крайней гордости, самодовольства, самонадеянности, суетности и вранья: я люблю близких и люблюсь тем, как хорошо это у меня получается. Я люблю свою любовь.

О нашем учреждении (фирме) есть объявление в газете (и в сети):

«от 0 до 1000 рублей. УЗИ. Анализы. Аборты. Восстановление девственности. Для граждан СНГ. От метро 100 м. 8 (925) 182 11 16. Лиц. № 77-01-003553 от 29 12 07»

Здесь, конечно, вкралась ошибка. Правильней было бы написать: «для гражданок». Но, как известно, что написано пером, того уже никаким топором не вырубишь.

Естественно, приходят к нам большей частью женщины. Хотя бывает по– всякому.

Хозяйка Елена Львовна красит губы, красит волосы, часто и хорошо улыбается и выглядит лучше и моложе своих лет.

В кабинете у нее много картин, книг и икон.

Мне многое нравится в ней, мне в ней почти все нравится, но у нее есть один существенный *недостаток*. Мы с ней знакомы и дружим уже страшно давно, поэтому у нас много общих знакомых и даже друзей, и поэтому я ее отчасти боюсь: случись между нами что-нибудь слишком близкое, это тотчас разнесется по всей «Руси Великой» и станет предметом ненужных и досужих разговоров.

А зачем это мне? Я этого не хочу и боюсь. Могут подумать, что я пользуюсь ее благополучием для поправки своего незавидного положения.

Так что мы просто дружим, и я у нее работаю. И не более того.

Главный в нашей фирме (и в доме, и во дворе, да и на улице, наверное, и на соседней тоже), конечно, я.

Это совершенно естественно: просто я здесь единственный настоящий сумасшедший.

Причем давно, возможно, с самого детства.

Конечно, пока я жил, я успел уже научиться довольно ловко прятаться и притворяться вменяемым и нормальным, так что я сам иной раз забываю, кто я на самом деле такой и каков я есть, и тогда, случается, природа берет свое, и тогда конспирация нарушается. Я знаю, как это опасно и какие бывают последствия, но не всегда могу с собой совладать.

Однажды я лежал в больнице. В самой обыкновенной, районной.

Я, конечно, сумасшедший, но в соответственной сумасшедшей больнице никогда не был.

Во-первых, потому что боюсь и притворяюсь нормальным, во-вторых, потому что противно и притворяюсь...

Я лежал в самой обыкновенной районной больнице – обследование по поводу сердца, и ничего не нашли, сказали: здоров.

Как-то вечером к нам в палату пришел новый пациент, инвалид 2-й группы (после перелома ноги), и еще ему в прошлом году заезжие таджики сожгли спину: просто вылили на него сзади какую-то горючую жидкость, отработку или солянку, и подожгли. Перепутали с кем-то. Он был, как он сказал, «не при делах». Но в больницу он не поэтому попал... В общем, хороший парень.

Мы с ним познакомились, покурили на лестнице, угостили друг друга чаем и так далее, и он мне предложил, между прочим, газету: не хочу ли я почитать? – Свежая.

Простая газета. Цветная. «Комсомольская правда».

Я вежливо взял и одолел ее примерно в три минуты. Ничего особенного.

Но на последней странице там была колонка анекдотов, и один из них поразил меня до глубины души. Прорвал череп, задел мозг, разбил сердце.

Анекдот простой, в виде диалога, я запомнил его наизусть и теперь часто сам себе рассказываю:

«– Скажите, когда и как вы впервые поняли, что вы – Бог?

– Очень просто: я заметил, что когда молюсь, я все время разговариваю сам с собой».

А потом я устроился работать сторожем (охранником) в наш старый странный дом, в медучреждение к своей старой доброй знакомой Елене Львовне.

Просто мне нужны были деньги.

Я понимаю, что если нет денег, устраиваться на работу не лучший выход, не самое простое и не самое естественное решение, но ничего другого по лености и по сумасшествию я тогда придумать не смог и пока так остался.

Как я уже упоминал, наш сложносочиненный дом стоит на углу, на перекрестке, выходит на две улицы, и по обеим ходят троллейбусы. Днем они сливаются с общим городским шумом, разве звонко падают иногда усы токоприемника, но ближе к ночи, когда я непосредственно сторожу и укладываюсь спать, они как будто одни остаются на улице, и так сладко негромко поют, ускоряясь и убегая вдаль.

Это одна из моих любимых мелодий.

Разве трамвайный звон может с ней сравниться. Или железная дорога вдали.

Ах, троллейбусы, все такие синие, такие последние, такие случайные.

Каждый по-своему последний, и каждый по-своему случайный.

2.

Бывают, встречаются, попадают в жизни такие балбесы, которые думают, что осень это чепуха, пустяки и ничего особенного. Это не правильно.

Осень это очень даже не чепуха. Осень это грустно, это слишком грустно, чтоб можно было думать пренебрежительно.

Большой мокрый лист с клена упал на камни двора так громко, что я даже вздрогнул и обернулся. Увидел, что это просто лист упал. Мне стало страшно. Скоро ведь они все так упадут, а до следующих доживем ли?

В лесу, наверно, скоро будет совсем красиво... Там эта осень дикая, желтая, цвета песчаной пустыни, только мокрая и холодная...

Но: неприятна мне *твоя прощальная краса... и ни золото, ни в багрец одетые леса* я не люблю.

Потому что: Увяденье!.. – А *пышное* оно или *не пышное* – мне все равно. Зима впереди на грустные и трудные мысли наводит.

3.

Жизнь прекрасна и удивительна. И человек в ней при всей своей обыкновенности и вычислимости никогда до конца не понятен.

Безумен – непредсказуем.

И самые случайные обстоятельства складываются иногда так, что их очень трудно считать случайными.

Ходят по морю волны, ходят по небу тучи, а по городу ходят курьеры (40 тыс. штук, если верить Гоголю), носят письма, почту, документы, журналы, на которые есть подписка, и всевозможную рекламную дрянь.

1:1000. Предполагается, что на тысячу населения у нас приходится один дурак, который рекламе внимлет и реагирует. Это сколько ж мирных граждан должны *это* получить, чтоб один дурак отозвался! Никаких сорока тысяч курьеров не хватит. А бумаги какая пропасть переводится...

Может быть, у нас дураков больше? Не может быть, чтоб на тысячу населения только один дурак был... Но курьеров все равно страшно много.

Заходят они и к нам, ко мне.

То есть мне они, конечно, совсем не нужны, но в мои обязанности входит принимать от них приносимое, расписываться, а иногда даже ставить печать.

Вообще-то мы работаем до восьми. Потом все уходит, уборщица убирается и тоже уходит (иногда она приходит убирать утром), а я закрываюсь и остаюсь один. Один на один с собой. Не считая книг и мечтаний. Или здорового сна.

Иногда немного песен и музыки. У меня мало записано, только: «Окрасился месяц багрянцем...», «Катка-десантница», Свиридов, Телеман и «Кирпичики».

Да, еще воспоминания. Но в последнее время я стараюсь их от себя гнать. Не потому что неприятно, мучительно и т.д. Нет. Просто я говорю себе: «Я еще не настолько стар, чтобы вспоминать. Мне еще не семьдесят лет...»

Но однажды в пятницу курьер явился совсем поздно, в десятом часу. Сначала я ему даже открыть не хотел. Подумал еще, что это наши нескончаемые строители снова что-нибудь или кого-нибудь забыли или потеряли.

А он, оказывается, опаздывал, не успевал, слишком много было работы («адресов») и крайне неудобно было брать свою поноску на выходные домой.

Я принял пакет с иллюстрированным журналом «Новости налогообложения» и очередной фармацевтической рекламой, и уже готов был поставить ему автограф в ведомости и закрыть дверь, но взгляделся в него внимательней, и лицо его показалось мне знакомым.

– Постой... Зайди... – Курьер остановился. – То есть, простите... Зайдите, пожалуйста...

Я был, наверное, страшен на вид. В черной униформе, на боку кобура с травматическим пистолетом (так полагалось на ночь).

Усталый, мокрый от дождя курьер смотрел недоверчиво, подозрительно и почти враждебно.

– Вот сюда. – Мы прошли в гостиную. – Присядьте, пожалуйста... Чаю?

Я нажал электрический чайник:

– Вас ведь Виктор Васильевич зовут?

– Да...

Когда-то давно, в молодости, убегая от военной службы в стройбате (в другие войска меня не взяли бы по зрению или по сумасшествию), я учился в технологическом институте с военной кафедрой, а Виктор Васильевич, сегодняшний курьер и мой неожиданный гость, преподавал у нас теплотехнику.

Сколько лет прошло, я его едва узнал, а он меня тем более. Даже если б я был одет по-человечески ...

– Если вы не очень спешите, может быть, мы чаю выпьем? Отдохнете, согреетесь? Сделайте одолжение... – Я достал из шкафа заветную посудину. – Медицинский. Разведен градусов до шестидесяти. Имбирь, травы...

– Вообще-то спешить мне сегодня особенно некуда... Но откуда вы меня знаете? Я вас, простите, никак не могу вспомнить... Хотя... Ваша не Жнецов фамилия?

– Нет, не Жнецов. Я все сейчас расскажу. Давайте плащ. Вот тапочки. Ботинки – на батарею.

Мы как-то слишком торопливо выпили, и я сообразил, что мой поздний гость, скорее всего, не только замерз, промок и устал, но и проголодался. Я заварил чай, нашел печенье, сыр, даже сгущенку нашел. Все это как-то смешно и беспомощно столпилось на столике.

– Из горячего, увы, могу только «Ролтон» предложить: это такая лапша с китайским акцентом.

– Спасибо, спасибо... Но где все-таки мы познакомились? Вы не учились у меня?

– Ну, да... Теплотехника. До сих пор помню: $dS = dQ/T$ и $S = k \ln W$... Энтропия...

– Ах, да... Теплотехника... А я и забыл про нее... Давно это было.

– Так вы еще что-нибудь преподавали?

Виктор Васильевич засмеялся:

– Было дело.

– А что, если не секрет?

– Чего я только не преподавал... Про иные вещи и вспомнить стыдно... Энтропия... Энтропию преподавал... А если можно, давайте еще понемногу...

– Да, конечно, только вы кушайте...

Видно было, что мой старый преподаватель теперь не в самых лучших жизненных обстоятельствах.

Возраст как бы сам собой предполагает определенную неблагополучность, но быть курьером в наше время, в холод, в дождь, среди всеобщего хамства, высокомерия и жадности – это совсем не весело. И он действительно хороший человек, и наверняка лучшего достоин... Хотя нам ли судить...

Дело не только в том, что Виктор Васильевич преподавал у нас теплотехнику и, судя по всему, неплохо преподавал: еще недавно я довольно много мог вспомнить из этой страшно неточной, смешной и грустной науки...

Увы, мы, студенты, держа в памяти, конечно, что «атом, несомненно, – кирпич мироздания», и про выпивку не забывали... Да, пили, а иногда даже и злоупотребляли, так что и тогда уже случались от этого всякие недоразумения.

Известно ведь: «С похмелья многие скорби бывают».

4.

Наш, в те годы довольно скромный, технологический институт (теперь, разумеется, *университет*, правда, в отличие от большинства других, настоящий, и не из последних) располагался вблизи другого, уже и тогда совсем не скромного и далеко не всем доступного – медицинского, в который небогатым детям (или детям небогатых) и тогда уже (исключительно бесплатное образование) поступить было затруднительно. Собственно, в одном дворе мы располагались, только наш вход с улицы был, а у них со двора.

От этого в некоторых помещениях нашего института находиться было порой не совсем уютно: то и дело слышно было (особенно громко почему-то зимой и по утрам), как лают, стонут, скулят невинные жертвы науки: кошки и собаки мединститутского вивария.

– Слышите? – почти каждый раз говорил какой-нибудь студент, а чаще студентка. – Соба-ки...

И при этом почему-то улыбались: смущенно, застенчиво, грустно и глубококомысленно.

Или наоборот делали страшно трагическое и безнадежное лицо: «Слышите? Соба-ки...»

Все понимали, что это не просто собаки, а обреченные. Собаки-жертвы: на них опыты будут делать. Зверские, мучительные, смертельные опыты...

Или просто будущие медики будут на них учиться резать...

Мы все тогда были еще молодые, нам было не просто жалко обреченных собак, мы как будто чувствовали себя почему-то виноватыми в животных страданиях: сопереживали, представляли, каково было бы быть в их шкуре и на их месте.

Если б могли, конечно, мы с радостью освободили бы их всех. Но: «*это нужно науке*».

Однако когда одолевали свои заботы и беды, в то время еще несоразмерно меньшие, конечно, сравнительно с «животными»... Настоящей «собачьей жизни» мы еще не знали тогда и не предполагали даже, какая она бывает...

Огромное Свое волновало нас гораздо больше маленьких, потому что не-Своих, собачьих частей...

А еще, чего греха таить...

Была в этой нашей к собачкам жалости еще одна и чисто человеческая подловатость.

Мы-то в ней, конечно никогда б себе не признавались, но она была.

Была и есть. И никуда не деться от этого.

Подопытных собак из вивария мы, все же, конечно, жалели.

Конечно, жалели...

И даже, страшно подумать, порой больше жалели, чем друг друга... Чем близких, домашних, родственников...

По их-то адресу не посострадаешь так безответственно: «Слышите?.. Соба-ки...»

В один трудный пасмурный зимний день собачий вой показался мне особенно невыносим.

...Пили мы. Пили. И в институте тоже. Чаще, конечно, ближе к вечеру.

На успеваемость и на успехи вообще (равно как и на неуспеваемость и на неуспехи) это как будто тогда еще не слишком влияло. Но неприятности случались...

Многие металлы, и железо, и медь, и другие хорошо выпадают из раствора в осадок в виде сульфидов (FeS, CuS, PbS, HgS).

Для их осаждения исследуемый раствор продувают сероводородом.

Вот мы и дули. На дно пробирок неукоснительно падал черный осадок. Стремительные центрифуги разделяли взвесь. Но, несмотря на хорошие вытяжки, от которых по всем этажам всегда зимой и летом был гул и сквозняк, сероводородная вонь в аналитической лаборатории стояла страшная.

А от сероводорода выпадало в осадок не только то железо, которое было в растворе, в пробирке, но и то, которое у нас в крови, в гемоглобине. Так что к вечеру от аналитической химии (качественный анализ) головы у нас болели очень даже чувствительно.

Да, и не только сероводород... Одна очумевшая от химии девочка ухитрилась даже безо всякой тяги, просто на столе концентрированную серную кислоту выпаривать...

По причине вредности нам давали молоко в тетраэдрных пол-литровых пакетах, и это помогало, но мы опытом дознали, что сухое вино эффективней.

Однажды вечером, очумев и расшалившись, мы с Сашей Ковровым собрали и слили весь спирт из маленьких колбочек (на столах стоял «для науки»), плюс сухое (которое от вредности), плюс еще чего-то...

Потом, то смеясь, то грустя, шарахались по всему главному корпусу: физхимия, органика, теплотехника, еще чего-то...

А утром я обнаружил, что свою сумку с книгами и тетрадями я забыл в институте.

За вином выходил в тот вечер не я, а Саша Ковров, а когда уходили, у самых дверей я пытался от избытка чувств обнять однокурсницу Наташу. Я знал, что я ей не совсем противен, и от избытка чувств пытался обнять, и при этом – точно помню – руки у меня были свободны, значит, сумки не было. Значит, сумка могла быть потеряна только в институте.

Так что надеяться мне было не на что. Разве на чудо.

Что теперь будет?

Я уже и о родителях подумал: и у отца на работе могут быть из-за меня неприятности...

А в соседнем здании, в виварии жутко выли обреченные подопытные звери...

Тут, как сказал бы, может быть, Федор Достоевский, следует объясниться.

Дело в том, что в той моей дурацкой сумке кроме пары беспорядочных условно-учебных тетрадок (плюс одна «по военной кафедре» – подписанная!), да нескольких скромных, переплетенных по-тогдашнему в зеленое томиков – всего-то: «Доктор Живаго», Ходасевич и Ницше, был еще перепечатанный на машинке «Реквием» Ахматовой и несколько новых, машинописных тоже сочинений. Насколько я теперь понимаю, новые произведения эти были более чем сомнительного эстетического достоинства, но – откровенная антисоветчина. И еще в одной из своих «школьных» тетрадок я собственноручно написал: «Исторический материализм – это вовесть все пронитровать»...

А еще там была зачетка, с фамилией и фотографией, и, хуже того, записная книжка, а в ней столько телефонов – и Наташи, и Ольги... И адреса, и имена...

Конечно, может быть, мои страхи были страшно преувеличены, но я же сумасшедший, у меня все гипертрофировано: даже трусость...

Так или иначе, но я уже очень ясно представлял себя в соответствующем учреждении, в соответствующем кабинете и почему-то ночью... Хотя с какой стати ночью?

При желании какую-нибудь статью мне могли придумать: хранение, распространение (антисоветской литературы, то есть «содержащей сведения, порочащие советский государственный и общественный строй»)

А что я буду говорить? И как мне объяснить, где я все это взял, никого не сдав и не назвав? На улице нашел? Так у меня и дома много еще всего всякого было... Срочно все жечь, уничтожать улики и заматывать следы?..

Я уже и самое гнусное представлял: будут предлагать «сотрудничество» в обмен на то, что обещаю оставить в покое... Мы уже довольно-таки о многом знали тогда... И что я могу против этого? Только под поезд лечь. Ведь не арестуют же сразу... Значит, под поезд успею.

Мне и прежде случалось по ночам, когда бывала бессонница, услышав, как хлопнет в подъезде дверь, вздрагивать: не за мной ли?

Что это? Генетическая память? Эхо недавней эпохи?

...Из дома, где я вырос, обычного, в сущности, четырехэтажного дома, в соответствующие годы примерно половина жильцов просто исчезли и не вернулись... И об этом тоже я уже тогда знал.

Мы ведь с товарищами не только пили и неофициальные книги друг другу передавали (хотя и это: «распространение» – тоже уже статья), мы еще и, собираясь, говорили о многом, о чем не принято было, вернее, наоборот, принято было, но считалось противозаконным («пропаганда»), и специально собирались, чтобы говорить...

На реальную антисоветчину это, конечно, вряд ли тянуло, но все же... Было бы желание, или для выполнения плана наши доблестные органы из ничего могли что угодно придумать и воплотить...

Однажды, когда мы расходились после очередного «соборания» (совершенно в духе Репетилова, но воодушевленно), один из нас, не выдержав избытка чувств, грубо и громко похлопал лысого Ленина по гипсовой башке... Это казалось так смело и весело...

Да-да, лысого Ильича по башке похлопал... Мы, «юные революционеры», собирались часто в очень официальных и идейно правильных местах: ДК, клубы. Так что Ильич у входа вполне естественно стоял. Все эти неофициальности в ту пору не только по квартирам существовали, иногда оформлялись в виде легальных «клубов по интересам», театральных, литературных, художественных, фольклорных, музыкальных, краеведческих студий, объединений и так далее.

Собственно, ничего особенного в этом не было: вся страна так жила... Случалось, что наши «духовные вожди» и вполне официальное жалование получали от каких-нибудь профкомов и месткомов.

А некоторые, может быть, иногда и не только от профкомов и месткомов... Гапоновщина, мы этого не знали тогда, бессмертна...

...Теперь-то я уже, к сожалению, не сомневаюсь, конечно, были в нашей «околодиссидентской» братии и провокаторы от этих самых органов, и среди лидеров, и особенно даже среди «лидеров»... Они наверняка и теперь процветают... Кто-то тут, кто-то за границами... Чаше, конечно, за границами...

Я еще раз пробежал по институтским коридорам и комнатам (аудиториям), где был или мог быть вчера. Разумеется, ничего не нашел.

Просуществовал так до полудня. Потом вместо обеда пошел пить пиво в троллейбус.

Возле нашего института был троллейбусный парк. Все машины в депо и за кирпичной оградой не помещались, многие свободные от рейсов транспортные средства проживали на улице. Салоны не закрывались или закрывались чисто символически, так что в этих замечательных наших троллейбусах чего только не происходило. Здесь просто отдыхали, читали книги, разговаривали, готовились к экзаменам, пили пиво, выпивали, выясняли отношения, целовались и так далее.

О, эти наши троллейбусы! Кто споет о вас великие гимны!

Троллейбусы, все такие последние, все такие случайные, и каждый из них по-своему последний, и каждый по-своему случайный...

Время было холодное, и я со своим пивом сидел в троллейбусе один, и кажется, во всех троллейбусах один. Думал, дышал, радовался, сколько это было возможно. Думал, это, может быть, в последний раз.

Следующей парой была теплотехника. Я сначала не хотел идти. Пиво Хамовнического завода утешило и утишило. Все же пошел. Сел, положил голову на стол и закрыл глаза. Из беспечных однокурсников никого еще не было. И хорошо, что не было. Как они раздражали бы все в этот миг, именно этой своей счастливой беспечностью...

Кто-то вошел, я не поднял головы. Вошедший тронул меня за плечо. Это был Виктор Васильевич.

– Ваша фамилия Неувядаев?

- Да...
 - Не стоит так это все разбрасывать.
- И отдал мне мою сумку.

Каким-то двадцать восьмым чувством я понял тогда: теплотехнику мне можно теперь совершенно не изучать и не писать шпаргалок. Достаточный для получения стипендии балл все равно будет мне выставлен.

Раньше всего я почему-то именно об этом подумал.

Но так я поступить не мог, и теплотехника была в тот семестр единственным предметом, который я по-настоящему добросовестно изучал.

Виктор Васильевич теперь сидел напротив, и я ему это все рассказал. Он улыбался грустно и тихо, но видно было, что ему это приятно. И не то даже приятно, что он когда-то по-человечески поступил, а просто радостно было вспомнить прошлое, молодость, другое время, другую жизнь, такую бедную, такую смешную и – такую счастливую.

Мы еще выпили.

Про себя, про свое сегодняшнее, мне не очень хотелось рассказывать, не так хороши были мои обстоятельства, чтобы было чем хвастать.

Виктора Васильевича тоже не очень ловко было спросить. Курьерская должность, разнос совершенно не нужных и чужих ему бумаг, а скорее всего, вообще никому не нужных и всем чужих... Дожди, лужи, «ресепшены», по-кукольному раскрашенные секретарши... Расспрашивать о сегодняшнем было бы просто неэтично...

Я все же спросил:

– А вы в институте еще долго проработали?

– Долго. Даже сам удивляюсь... И пьяный указ пережил, и все последующее. Перестройку и гласность. Смешно и страшно... Это как Честертон говорил: это действительно ужасно, потому что это Глупость...

...А бедность была такова, что даже ясное синее небо над городом и над страной казалось нищим. Весело было и страшно. Потому что глупо...

Неожиданно в дверь позвонили.

Этого не хватало!

Я же и входную дверь не запер, забыл. Хорош сторож!..

– Кто?

Пришел Костя, охранник из соседнего подъезда. У них там шикарный офис. Оптовая торговля бытовым камуфляжем, маскировочной и демаркировочной техникой.

Костя попросил сигарет: забыл.

Я вынес ему сигареты.

Кажется, он не заметил, что я немного выпил и что у меня гость.

А впрочем, плевать. Это ведь их профессия, все скрывать и все знать. Так пусть и думают, что они все знают. На самом-то деле они очень многого не знают. А вернее, совсем ничего не знают.

Я вернулся к Виктору Васильевичу.

– А дальше что?

– А дальше ничего. То есть все в том же духе. По нарастающей... На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь... Потом у нас и ректора убили. Но это уже без меня... Застрелили в подъезде. Говорят, на почве недвижимости... Площади в общежитии. В новом. Но это уже без меня. Я уже тогда в институте не работал. Выгнали. Как контрреволюционный элемент. Как защитника тоталитаризма, шовинизма и вообще фашизма...

– Как же так? Тогда же вроде в идеологическом плане терпимость была?
– Ну, да. И я терпимо. Только я принципиально поступил. Я аспиранту Граверманову морду набил. С экономической кафедры.

Аспиранта Граверманова я помнил. Помнил, что сука волчья.

Странно, у меня память теперь стала плохая совсем, я даже очень не чужих людей имена забываю. Все помню, и лицо, и манеры, и одежду, а имена забываю. А вот этого совсем не близкого мне аспиранта фамилия застряла в памяти, а физиономии не помню совсем.

Впрочем, я его в последнее время пару раз в телевизоре видел: он теперь в правительстве или где-то около. Способный человек.

– Как же вы могли такого светилу науки ударить? Я его, как ни странно, помню. Он у нас какие-то семинары вел. Вдвоем с завкафедрой приходил. Такая была милая старушка...

– Ну, да. Лариса Валентиновна. Она и сама потом каялась, что этому прохвосту как бы путевку в жизнь выдала...

– Но, как же вы эту светилу науки ударили? Мне, правда, и самому хотелось когда-то, но я ведь ребенок был. Без ума-с.

– А очень просто. По пьяни.

Я сделал понимающую гримасу. Трудно, выпив, удержаться и не ударить такого светилу науки...

А Виктор Васильевич продолжал:

– Отмечали день рожденья замдекана электрического факультета. Банальное застолье. То есть торжественная часть и так далее... Пир во время чумы... Или чумки... Коньяк, венгерское сухое и т.д... До лабораторного спирта.

Грохот вилок и шум голосов.

А у нас в это время должны были избирать завкафедрой. Такая была демократия.

Аспирант Граверманов подпил и со стаканом ко мне подъехал. Стал про главного кандидата всякие гадости говорить. У Заборского, дескать, коммунистическое и пролетарское сознание. Рабское притом... Это про Заборского-то!

Я его долго молча слушал. Внимательно и с интересом. А он блял и блял, и все более расхохотался. «Вы же, – говорит, – как интеллигентный человек не можете со мной не согласиться... Вы же, – говорит наш человек...»

Вот этого я и не стерпел:

– Ваш, – говорю, – конечно, ваш... – и в челюсть его сбоку. Как учили.

Он упал. Может быть, скорее, от неожиданности...

Виктор Васильевич даже со стула встал, Такой счастливый и гордый стал. Радостно было смотреть...

– ...А я стою над ним, лежащим, и говорю: «Да, как ты смеешь, мразь, про Заборского что-то говорить и клеветать на честного человека, ты, сука, который и родился уже с комсомольским значком на груди и с партийными проработками в сердце...»

Тут женщины завизжали, мужики повскакивали...

«Успокойтесь... Что случилось...»

Ну, извиняться я даже минимально отказался.

Пришлось «по собственному» написать...

Обвиняли меня почему-то не только в хулиганстве, но и в антисемитизме... Как когда-то поэта Есенина... Вот уж, поди пойми...

Ну, и ушел я... Ну, и все равно... Все равно этот институт был в моей жизни не более чем видящая часть айсберга...

Я слушал Виктора Васильевича жадно и радостно, но если моя волшебная согревающая настойка начала оказывать влияние уже и на меня (в данный момент времени охранника), то на него (в данный момент времени курьера) тем более.

– Поздно уже. Завтра вставать рано.

– Да-да... – Виктор Васильевич поспешно поднялся.

– Нет! Никуда вы теперь не пойдете. Здесь переночуем... Тем более и транспорт уже, наверно, не ходит... Троллейбусы... Здесь переночуем. А завтра с утра отправимся. Диванов много.

Утром мы позавтракали крепким чаем и остатками водки, наскоро обменялись телефонами, Виктор Васильевич ушел, я дождался сменщика и тоже побрел восвояси.

Глава 2

1.

Выходные у меня выдались суетные, многозаботные.

Окна и двери со всех сторон хлопали.

Как будто птицы крыльями.

И их было много.

Такая уж у нас страна.

Многозаботная.

И суетная.

Ничего спокойно не происходит и не получается.

Везде неразбериха и нервы внутри.

И стены, двери, заборы, замки нарастают лавинообразно. И в городах и в сердцах...

Такие у нас власти, такие законы, такие мозги в головах.

Я, конечно, патриот, если хотите, даже «потреот», и эту свою Родину люблю. Но самой что ни на есть странной любовью.

Не вру.

Но будь у меня теперь хоть немного возможности, уехал бы куда-нибудь в менее суетные, но более уютные и теплые земли.

И любил бы эту свою Родину этой своей странной любовью издали.

Хоть немного отдохнул бы от этой неустроенности, нечестности и несообразности. От тяжелого непроезжайного труда и тоски.

Слишком я уже страшно устал от странностей своей любимой страны. От неприютности и неласковости.

От климата и вообще...

И – от этих новых и лавинообразно нарастающих заборов, заборов, заборов...

Умели же любить свою Родину издали Гоголь, Достоевский, художник Иванов, Тютчев, Гончаров, Герцен и т.д...

Страшная беспомощность охватывает здесь порой.

И так страшно жить, потому что все равно умрем, а дальше не знаем, или не совсем точно знаем, что будет, а тут еще эта Родина, которая, как всегда в опасности...

Да, издали... Да, уехать... Хорошо бы уехать... И любить свою Родину издали. Не зря ж все наши настоящие патриоты так делают, предпочитают любить родину издали: и спокойней и лучше... И вернее, и крепче Родину издали буду любить...

И – безопаснее...

Есть три: Вера, Надежда, Любовь.
Но мне так далеко до них (недостойн!), и от этого страшно.
А тут еще эта Родина, которая, как всегда, в опасности...

2.

В субботу утром я, во-первых, позвонил Рите.
Рита – это такая женщина!..
Такие не часто встречаются.
Я даже не знаю, люблю я ее или нет.
Во всяком случае, ревную.
И жить, наверно, без нее не смогу.
То есть, конечно, смогу, только очень плохо.
Наверное, я ее как эту свою Родину странной любовью люблю.
Я позвонил, Рита сказала: «Приезжай».

Вообще-то у меня не очень много женщин было в жизни.

Хотя знаком я был, конечно, со многими.

И многие оставили в моей жизни свой яркий или тусклый, но более или менее неизгладимый след.

Некоторым из них, я считаю, очень повезло.

Несмотря на все страшно благоприятствующие вроде бы условия и обстоятельства, они все-
рьез не связали свою судьбу с моей.

Пронесло мимо них такое сокровище. Легко отделались!

Другим повезло меньше...

Бедные вы мои, бедные...

И вообще ото всех, кого я любил, надо было бы мне бежать без оглядки.

Обыкновенного человеколюбия ради. Очень уж оказался я бы им бесполезен.

По-медицински, можно сказать, не показан.

Сколько бед приносил и забот всяких.

Вроде того тютчевского поэта, от которого деве надо бежать, страшиться, и своим не звать...

Я же сумасшедший. И к тому ж хитрый... Шифруюсь, маскируюсь, прячусь и вообще притворяюсь нормальным... А простым, честным дураком выглядеть мне гордость мешает...

Итак, в субботу утром я позвонил Рите.

Рита – настоящая русская патриотка.

При том, что наполовину она казашка и на 1/4 немка...

Но, если бы мы, по крови русские, хоть наполовину, хоть на 1/4 так любили эту свою, эту нашу страну, как Рита, насколько она, страна, была бы счастливее и уютнее для жизни.

Не было бы ни такой нищеты, ни бездомности, ни одиночества...

Ни лишних заборов, ни замков, ни камер видеонаблюдения...

И не надо было бы, даже не захотелось бы никуда уезжать...

3.

Как переменчивы женщины!

Как переменчива жизнь!

По телефону я разговаривал с одной Ритой, а пока доехал, это была уже совсем другая девочка.

От легкости и веселости совсем ничего не осталось.

Глаза ее холодно блеснули, не обещая ничего доброго.
Слова и движения ее были осторожны, точны, расчетливы.

Я был, собственно, не виноват. Формально, по крайней мере.
Просто, оказывается, мне надо было срочно ехать в Рязань, а после Рязани еще дальше...
А если б я отказался.... Да что там! Отказаться мне и в голову не могло прийти... Тогда она бы сама поехала.

Дело в том, что брат ее казахстанского одноклассника попал в беду. И его надо было выручать, встречать и прятать.

И дело было не только в том, что это был брат ее товарища, и даже не столько в том, и даже совсем не в том...

Он был, или ему так казалось, в такой опасности, что даже до столицы он боялся ехать, взял билет до Москвы, но выйти собирался в Рязани. И там его надо было встречать.

Из соображений этой самой конспирации Рита не могла поехать сама: он боялся, что за ней тоже могут следить.

– Но ты не бойся. Если что – сразу звони. Мне, и ты знаешь еще кому... Выручим...

Вот еще! Бояться!.. Постеснялась бы говорить...

Она влажно поцеловала меня, и я отважно пустился в путь.

Автомобиля у меня теперь нет, и поэтому перемещаться до Рязани мне пришлось на электрическом паровозе («на собаке»).

Без билета, конечно. Однако я более или менее хорошо доехал. С двумя пересадками. В Люберцах и в Коломне.

Брат Ритиного товарища мне не понравился, но поскольку я должен был его опекать, как гостя, прятать, помогать ему и прочее, поскольку он оказывался от меня как бы в зависимости, я изо всех сил старался относиться к нему приязненно.

Да, думал я, конечно, он не красив, и кажется мне похожим на крысу, но я же должен понимать, что есть люди, которые любят его, и для них он совсем не похож на крысу...

Звали его Геннадий Вольфов.

Сумок у него было три. Тяжелые.

Дорогой я все же вел себя глупо и не солидно. Естественно, пиво взял, но это полбеды. Главное, проявляя гостеприимство, я, может быть, немного навязчиво, как экскурсовод, рассказывал все, что мы проезжаем мимо и можем видеть в окно...

...Вот Коломна... Монастыри... Кремль... Стены разобраны после войны – на постройку печей в домах... То, что сейчас стоит – новодел, ненастоящее... Старинные только башни... В одной, кстати, Марина Мнишек была заточена... Она так и называлась Маринкина башня... 113-й км. Тоже монастырь, но мы не туда едем... Воскресенск... Химзавод... Лисьи хвосты... Видишь, рыжий дым... Страшная вещь... Окислы азота... Жуковский... Раньше здесь часто бывали похороны с оркестром... Летчиков-испытателей... Здесь аэродром рядом, а в городе летчики жили... Люберцы...

Гена Вольфов слушал не очень внимательно. Ему это было не интересно. Ему своих забот хватало, зачем ему Марина Мнишек... Мне б заткнуться, помолчать, дать человеку покоя, но я никак не мог себя удержать...

Наконец Москва.

*Электричка подходит к столице.
У людей изменяются лица.*

*Лишь у тех, кто гадает кроссворды,
Неизменно неумные морды...*

Метро.

Разумеется, это было ужасно. Потому что сумки.

Конечно, мы все здесь и теперь в наш просвещенный век порядочно избалованы, от настоящих трудностей отвыкли, и поэтому эскалатор метро в середине дня с сумками кажется нам очень страшной мукой...

Однако преодолели. И даже пересадка в центре, где не только остановиться, где замедлить шаг нельзя: затопчут и не заметят. Непрерывный поток. Мы – жидкость в трубе. Грязноватая живая жижа, с сумками.

Я тащил половину Гениного багажа и думал праздное:

Москва, метро, двери и турникеты... То же на вокзале, на стадионе... На митинге наконец.

Когда идет большая толпа, часть дверей прикрывают, проходы сужают. Получается как бы диафрагма, как бы дросселирование. После «местного сужения» давление и температура в толпе как бы снижается, и мы идем спокойнее. Точь-в-точь, как газ или жидкость в трубе. Как в холодильной установке.

Вопрос: куда девается, куда уходит тепло, по законам термодинамики выделяющееся на этом человеческом «дросселировании»? Энергия-то куда девается? Нервная, душевная и психическая в том числе? Чья энтропия увеличивается? Чей хаос?

Нет ответа.

Только на автовокзале, пока ждали автобус до Паганусово, я спросил Гену Вольфова:

– А что, действительно притесняют? По расовому признаку? Вроде теперь-то какой смысл? Должны вроде понять, что себе дороже...

– Да куда там! Там все схвачено... Конечно, бывает по-всякому, у всех по-своему, но я-то вообще попал...

У него был в бывшей братской республике свой бизнес. И вот его отбирают, хотят отобрать. Почти уже отобрали.

Бизнес у него был хороший. Ресторан.

– Ну, не ресторан... Так... Кафе... То есть не совсем так, чтоб я этим занимался... Зачем мне... Это не мое...

Ресторан был у какого-то Абая Абиевича, а Гена Вольфов поставлял ему мясо, колбасу и т.д. У него была своя копильня...

А потом Абай Абиевич кому-то там задолжал, свои его вовремя не откупили, Гена дал ему денег, но – под залог бизнеса, ресторана...

Абай Абиевич вовремя не вернул, и Гена ресторан забрал себе...

А теперь вот титульная нация пристала, отдавай, мол, назад, а он уже вложился и за крышу отдал, а у них своя крыша, и прежнего начальника милиции сняли, а Гена с ним в молодости в одной команде в регби играл и восточными единоборствами занимался, а новый свое просит... И вообще, все хочет делать по-своему, своих пристраивает... В общем, насилие ноги унес... И как бы теперь сюда перебраться или еще лучше за границу, а отсюда через своих эту кафешку продать хоть задешево, таким людям, к которым не сунутся...

Оживив ожидающих путешественников, подъехал автобус. Втащили сумки, поехали.

Когда город с его пробками и светофорами остался позади и замелькали вдоль шоссе просторы родной природы, перемежаемые кое-где длинными оптовыми рынками, стало совсем как-то грустно. Все-то деревья вокруг уже почти совсем голые стояли.

Это осень... Осень...

Она – как и все другие, ей подобные.

В том смысле, что, как и все другие, она началась еще весной.

Самой ранней весной, когда и снег еще не сошел.

А уж когда зазвенели и окрасились в цветное леса над рукой, а уж когда зазеленело, все уже стало ясно и на свои места.

Ясно было: скоро осень.

А потом зацвел пока еще один (один, прописью) жасминовый куст в углу двора и персидская сирень зацвела – на это просто страшно было смотреть: как это все мимолетно и скоро пройдет... И будет осень.

Глава 3

Прятать Гену Вольфова предполагалось в монастыре.

В каком именно, я не могу сказать, чтобы все, кому надо спрятаться, кто хочет спрятаться, сразу дружно туда не поехали.

Там рядом две деревни Паганусово и Подкинутово. В Паганусово ничего нет, но туда ходит автобус. А в Подкинутово монастырь.

От Паганусово до Подкинутово три километра.

Я страшно не люблю всяких такси и наемных машин, просто не верю этим водителями, поэтому, хоть и не без труда, мне удалось уговорить Гену брести пешком, даже с сумками. Кажется, я даже применил лживый нечестный прием, сославшись на необходимость соблюдать правила конспирации.

Дотащились мы поздно, к самому концу всенощной.

Гена в храм не пошел, остался ждать во дворе.

После службы я нашел эконома, послушника Герасима. Сам я был с ним почти не знаком, но Рита позвонила ему, и он нас ждал.

Нас накормили, устроили на ночь, обещали все решить завтра после службы. В принципе, Гену готовы были взять «потрудиться».

От вчерашнего ли, от дорожного ли пива, или просто от путешествия, я устал и сил уже не имел ни о чем говорить, лег и уснул как убитый.

Утром Гена попробовал было постоять немного на службе, но не смог, вышел при втором антифоне.

– Я там ничего не понимаю...

Еще он был удивлен и недоволен, что обед по воскресным дням только после службы, а в Подкинутово даже магазина не было. Только в Паганусово.

Впрочем, трудники и насельники, с которыми мы вместе ночевали, напоили его чаем с булками.

Эконом, поговорив с ним, сказал мне:

– Странноватый он немного... Ну, да, мы здесь все странноватые. Пусть попробует, поживет...

Я был рад, что удалось сбыть его с рук, одной заботой меньше, и, главное, у Риты, а Гене, наоборот, все как-то не очень понравилось:

– Как это? – Недоумевал он. – Я тут работать должен буду, и бесплатно... И еда вся постная, и даже рыба бывает, говорят, только в воскресенье и по праздникам...

– Ну, так зато и чай, и даже сигареты дают...

– Ну, да... Пять пачек без фильтра в неделю и пакетик «Лисмы»... И в камере, в палате то есть, восемь коек... И паспорт отдавать надо.

– Ну, что поделаешь... Зато тишина, природа... И храм... Спокойствие... А с зеленым паспортом без регистрации где тебя еще примут?

Насчет тишины и спокойствия я, конечно, догадывался, что преувеличиваю, даже знал, что преувеличиваю, но что я мог еще сказать?

– Ладно. Немного поживу, попробую, а там, глядишь, все устроится... Скорее бы только...

Я благословился у нечаянно вышедшего на двор батюшки, погладил небеленые кирпичные стены, перекрестился на колокольню и пустился в обратный путь, несумненно ожидая от Риты какой-нибудь себе за труды благодарности.

Глава 4.

В понедельник мы открылись, как обычно, в 10 часов.

Естественно, обычно к нам приходят женщины, но бывает и наоборот.

Так и в понедельник – первым посетителем был мужчина.

Кавказец. По имени Рустам. Так он представился.

Немолодой уже, скорее, среднего возраста. Маленького роста, лысоватый.

Он зашел к Елене Львовне, они довольно долго говорили, так что я начал уже волноваться и подошел к двери: не нужна ли помощь. В это самое время гость вышел, так что мы едва не столкнулись. Возможно, он подумал, что я подслушиваю.

Только он ушел, Елена Львовна выскочила из кабинета, чуть не рыдая. От смеха.

Оказывается, южный человек приходил договариваться насчет экспертизы: он хотел привести к нам как бы на обследование девушку, невесту своего брата, чтобы выяснить настоящая у нее девственность или восстановленная, как в нашей клинике – хирургическим путем... Плату, естественно, предлагал повышенную.

– Я, – сказала Елена Львовна, – конечно, согласилась. И в любом случае дам заключение, что все естественно... А может, и с девушки тоже удастся что-нибудь получить...

И вторым посетителем в тот понедельник тоже был мужчина.

Виктор Васильевич.

В мою прошлую смену он забыл у меня свою ведомость. Мы с ним вышли во двор покурить.

Во дворе все было как обычно: с крыши текло, уборщица Лида выносила мусор, у соседнего подъезда стоял человек, похожий на иностранного шпиона... Непонятно только, из какой страны...

Потом я стал искать его ведомость, она все не находилась. Может быть, за выходные, пока меня не было, сменщики выкинули?

При этом я чувствовал некоторое неудобство: два слишком разных круга моей многогрешной жизни, два слишком разных мира невольно и неловко соприкоснулись: с одной стороны знакомство с Виктор Васильевичем, мое прошлое, с другой сторожевая служба у Елены Львовны...

Зачем моим новым «коллегам» Виктор Васильевич? Такой другой, такой нездешний... Зачем им знать про него?

Может, к ним еще и Риту привести познакомиться?

Пока я искал, пришла толстая рыжая пациентка и разговаривала с сестрой-регистратором Аллой, а наше с Виктор Васильевичем присутствие тоже мешало ей...

Наконец ведомость обнаружилась, вместе с журналом про налоги под неизвестно откуда взявшимся шахматным обзорением за 1968 год...

Проводив Виктор Васильевича, я почувствовал некоторое облегчение, и мне было стыдно, что я почувствовал некоторое облегчение... Беда... Нехорошо!..

Дальше день потек обыкновенно.

Вечером я набрал Виктору Васильевичу, спросил, как дела, мы поболтали, договорились в ближайшее время встретиться.

– Ко мне, – сказал он, – по нынешним меркам не очень далеко, в Кузьминки...

А дальше дни замелькали с суетной быстротой, одинаковые, как мордочки сусликов...

То есть, конечно, не были они одинаковые, но как-то очень скоро летели и не запоминались. Я стал почему-то страшно раздражительным и даже ссорился иногда с Еленой Львовной.

Эта осень выдалась какая-то уж очень особенная.

Кажется, не только дни стали короче, но и ночи.

Просто стихи какие-то:

«И дни и ночи –

Все стало короче...»

Жизнь зимой от холода вообще сжимается, а в этот раз уменьшилась до отчаянности.

Ждали весны.

А вскоре начались неприятности.

Мутные, мучительные.

Я совсем задурил.

Стал вдруг страшно ревновать Риту.

К ее старым (нездешним, заграничным) и новым (местным) знакомствам.

Дура какая-то! Всегда-то ей надо было во всем участвовать, всем помогать, обо всех заботиться...

Один из ее новых друзей меня особенно лишал покоя.

Я не знал, что делать, как вырвать Риту из его хищных сетей.

Смуглый, темноволосый, широкоплечий с масляными глазами и шутовскими усами.

В больших сильных руках у него почти всегда был небольшой синтезатор, под который он то и дело пел свои пошлые песенки:

Милая моя, я без тебя плачу.

Милая моя, я без тебя вою.

Милая моя, я без тебя ничего не значу.

Я пламенным взглядом слежу за тобою.

А еще у меня есть моя Россия.

Не нужны мне никакие другие страны.

Над Россией небо особенно синее,

И все люди в ней святые и странные.

А еще у меня есть моя свобода,

И поэтому я человек богатый.

Я летаю над городом от заката и до восхода,

Потому что я по ночам крылатый...

Многим нравилось.

Передвигался он в инвалидной коляске.

Горячая точка.

Но не Афганистан, не Африка, не Югославия, не Приднестровье, не Кавказ...

В Чечне он, правда, немного был. На заключительном этапе. В конце того, что называют Второй войной.

Там он с кем-то познакомился, и его устроили корреспондентом (кажется, по коммерческой части) в Карелию, где и получил он свое ранение или контузию... То ли не о том корреспондировал, то ли не тем торговал...

Вернулся он обездвиженный.

– Хорошо хоть вывезли, – говорил он.

С Ритой на семнадцатом этаже они подолгу сидели у окна без света: смотрели на огни города. Фантазировали: сколько освещенных окон, и за каждым какая-то своя жизнь. Может быть, счастливая и прекрасная.

Конечно, издалека всегда так кажется. Издалека все уютно.

...У Риты очень высокий этаж. Даже туман иногда лежал ниже ее жилища. Подходишь к окну: соседний дом ясно виден, а внизу туман...

Днем Денис (так его звали) выезжал трудиться: благо новые дома и переходы у нас теперь все с пандусами.

И в подземном переходе он играл на своей электронной балалайке и пел, и за это ему клали деньги в шапку.

В общем, он был, конечно, под «крышей», ему никто не мешал, хотя незнающие, случалось, и наезжали.

Бывало, и не из-за денег даже.

Однажды какие-то пьяные юноши стали его оскорблять и даже вытаскивать из инвалидной коляски: не верили, что он, в самом деле, обездвижен.

– Ты, – говорили они, – ловко притворяешься и хорошо устроился, а сам лопатой гребешь...

Основания для таких нехороших подозрений у них, конечно, могли быть. Я сам видел однажды у Елоховского собора, как один выпивший, а главное, утомленный зноем колясочник, окончив рабочий день, что-то забыл или перепутал и попытался войти в троллейбус вместе в коляской, но она, упрямая, по третьему закону Ньютона, стремительно отъезжала назад, не желая следовать в общественный транспорт за его задом... Сам он входил, а коляска за ним не хотела...

Но когда злые юные хулиганы вытащили из коляски Дениса, и он упал на кафедру перехода, действительно беспомощный, они испугались, выматерили его и убежали прочь.

Когда мы с Ритой прибежали на его звонок, какой-то пенсионного вида гражданин уже пытался ему помочь. Втроем мы кое-как усадили его в коляску.

Мне стало как-то страшно грустно, и я ушел один бродить по улицам.

Позвонил Виктору Васильевичу, номер был недоступен, позвонил зачем-то Елене Львовне, она подумала, что я пьяный, еще кому-то позвонил...

А на другой день, ночью, на работе и на меня было сделано нападение.

Все уже ушли. Я был один.

Позвонили. Я открыл. На пороге стояла женщина. С печальным лицом. Но довольно-таки привлекательная.

– Здравствуйте. Вы меня не помните?

– Нет...

– Я у вас месяц назад была... Хотя, конечно, нас у вас столько бывает... Можно мне зайти?

Я посторонился, пропуская ее. Чувствовал почему-то некоторое волнение.

– Только врачей уже нет... Никого нет...

– А вы?

– Только я. Но я сторож.

– Ну, и что? Вы мне очень помогли тогда... Одеться. И успокоиться. Мне не совсем хорошо было... Психологически... Пусто, грустно... Можно мне войти?

– Можно, – сказал я.

И почему-то отвернулся.

Когда обернулся, она уже сняла пальто, и никакой одежды под пальто у нее не было. Почему-то я даже не удивился.

Кстати, звали ее Ларисой...

Она была инопланетянка.

Но это я уже после узнал.

За это быстро мелькнувшее время мы несколько раз разговаривали с Виктором Васильевичем по телефону, все договаривались встретиться, но все как-то не случалось.

Глава 5

А потом случилось страшное.

Риту забрали.

Задержали, предъявили обвинение.

Мне рассказала ее подруга Ира («актриса»). Чудесное, между прочим, существо. Ангелоподобной, как мне кажется, души человек.

Но она сама толком ничего не знала.

Я понял так, что этот самый Гена Вольфов ухитрился впутать мою Риту в какие-то свои темные дела и теперь ее обвиняют не то в пособничестве, не то в соучастии.

Но – женская солидарность иногда – великая вещь. На другой день я уже разговаривал с ее адвокатом (адвокаткой).

– Неприятно, отвратительно, но не смертельно. Ордера на арест не будет, завтра ее выпустят под подписку...

Я негодовал и недоумевал:

– Но как она могла этому Гене довериться? Во что он ее втянул? Его-то не очень жалко, но Риту в чем обвиняют?..

– Как? Вы не знаете? Это он на нее и заявление написал...

– Гена? Как это?

– Ну, да... И ее обвиняют в соучастии в покушении на его, Вольфова Геннадия Захаровича, убийство... Чушь, конечно, страшная... Но синяки на нем, говорят, действительно порядочные... Кстати. Судя по всему, он и вас упоминает... Только не знает, кто вы... Говорит, некий человек, – адвокатка, Ксения Владимировна, подняла глаза от бумаг и на меня посмотрела, – весьма похожий на вас, привез его в монастырь, где на него и было совершено покушение...

– У!.. Я не знаю, что делать... Смеяться? Плакать? Ехать в монастырь выяснять подробности?.. В принципе-то все понятно...

– Я думаю, лучше вам не вмешиваться. Риту я давно и хорошо знаю, она мне не совсем чужой человек, я сделаю все, что смогу. Думаю, все уладится... Только бы этот Гена не уехал на какую-ни-

будь из своих исторических родин и не принялся оттуда пакостничать... Естественно, имеет место то, что называется шантажом и вымогательством... И настоятель монастыря, и эконо́м – тоже в «соучастниках»... Их, конечно, не задерживали, а Риту забрали, потому что он заявил, будто она ему угрожает, а на самом деле он денег дал или, что более правдоподобно, пообещал и еще чего-то пообещал... А кроме того, этот Гена, похоже, на самом деле болен... Хронически... Хорошо у него хоть журналистов знакомых нет...

...На одного монаха (не гостя, не паломника, не послушника – на настоящего мантийного монаха Виктора) Гена написал заявление с обвинением в «разжигании национальной розни, вражды и ненависти»...

Я этого монаха Виктора немного знал раньше, но когда Гену привозил в монастырь, его не было, он был, говорили, «в затворе».

Когда-то давно, когда я в свободные дни между сменами приезжал в монастырь, он пытался сделать безнадежное: хотел научить меня ловить рыбу удочкой.

Он был веселый (сколь это удобно монаху), простой, еще довольно молодой человек, окончивший когда-то Горный институт в Туле, поработавший под землей в шахте инженером, взрывником и т.д.

Слегка юродствовал, не всегда говорил понятно, но про него говорили, что он обладал даром предвидения.

Так он предсказал болезнь и выздоровление настоятеля, большой пожар на складе в районном центре, разоблачил действующую в районе преступную группу.

Группа эта занималась тем, что обманым путем отлавливала людей, попавших в «трудное положение» (бездомных, алкоголиков, недавно освободившихся из заключения и др.) и под предлогом помощи, заботы и (как без этого!) «духовного окормления» обращала их в рабов, и беспощадно эксплуатировала.

Группа называлась «Возрождение».

А наш Гена про монаха Виктора заявил, что он предсказывал войну с Украиной.

Гена его как-то особенно возненавидел, больше даже, чем тех, кто «на его жизнь покушался», и требовал для него немедленного заключения в закрытую психбольницу...

Подумаешь, писал он в своем доносе. – Пророк... *Хотел уверить нас, Что бог гласит его устами!*

Впрочем, и это все обошлось хорошо, кроме нервотрепки, волнений и душевных ран.

Дело удалось сразу закрыть или даже вовсе не заводить в виду полной бессмысленности Виктора пророчества. И Гениной неадекватности.

Монах Виктор, кстати, говорил, что он это (войну с Украиной) не предугадал, просто «математически вычислил».

Глава 6

А еще через пару дней Рита опять отправила меня к Гене Вольфову.

Бедолага снова нуждался в помощи.

На этот раз она бы и сама съездила, только сильно простыла, да и не очень хотела, так что я ее просто не отпустил.

Впрочем, с Геной я в этот раз так и не встретился.

Меня к нему не пустили. Только передачу взяли с продуктами.

Гена попал в больницу. В психиатрическую.

Гладкие-гладкие стены...

Врач тоже недолго со мной говорил. Утешил: сказал, вероятно, скоро выпустят.

Какие же мы были с Ритой счастливые весь вечер и всю ночь, когда я вернулся из Гениной психиатрички!

Про свое задержание в неволю она и вспоминать не хотела:

– Ну их! Противно!.. Хотя, может быть, мне и не вредно было... Для общего развития... И лучше меня тетки там бывали... И не только там... Вот послушай:

*Чужих людей прикосновенья
Скучны, досадны, не нужны.
И в серой жизни нет мгновенья
Без ощущения вины.*

*И слов невысказанных тяжесть
Быть может, худшая вина,
И никогда того не скажешь,
Чем вся навеки сожжена.*

Это Анна Баркова... Много-много лет просидела...

Правда, простужена Рита была так сильно, что не только чаем с медом пришлось мне ее поить, но и горчичники ставить.

– Ты ж теперь у нас в какой-то мере медицинский работник, хоть и без халата, – смеялась она, – к тому же более или менее по женской части...

Глава 7

Наконец-то я все же попал в гости к Виктору Васильевичу.

Два больших аквариума украшали его маленькую комнату.

– Я ведь почти всю жизнь рыбами занимался... Остальное как производное... Или между делом... Машенька! У нас гости.

На зов из кухни явилась Машенька, довольно юное сравнительно с Виктором Васильевичем существо, круглолицее и светловолосое.

– Познакомьтесь, моя жена... А это Неувядаев, мой бывший студент по теплотехнике и вообще хороший человек...

– Очень приятно...

...Рыбы были красивые. Гладкие, живые. Неторопливые. Даже медленные. Главное, крупные. Они жили в своей воде за стеклом и проявляли довольно мало интереса к тому, что происходит у нас на суше... Или это так казалось?

– У меня был приятель... Тоже рыб разводил. Вроде даже профессионально. Иногда мы у него собирались, и я заметил, что с рыбами, то есть перед аквариумом, замечательно выпивать... Успокаивает...

– Что вы говорите!.. – Виктор Васильевич засмеялся.

– Правда... Жаль только у него курить нельзя было в квартире, астма у него была или что-то, он дымом совсем не переносил...

– Ну, у меня курить можно... Рыбы терпят... Да это, по большому счету, и не аквариумы... Так... Домашние... Однако давайте-ка за стол... Машенька!.. Мы тебя ждем... А у вас что нового? Так же охраняете?

Я пожал плечами...

– Охраняю... Осень... Между делом в монастыре побывал... – Я кое-как рассказал вкратце про свое путешествие в Паганусово, и что из этого получилось... – А вы как?

– Слава Богу. Надеюсь вскорости из этого своего курьерства уволиться... Надо туда возвращаться, – Виктор Васильевич кивнул на аквариумы. – Назад, к рыбам...

...После двух рюмок рыбы стали веселее и живее плавать... И даже как будто проявлять интерес к нашему сухопутному зааквариумному миру...

– Это ведь мое второе «я»... Призвание... Но – не сразу нашел... В детстве каких-то держал – это не считается... Позже, когда в институте преподавал, чтобы зарабатывать, стал разводить неонов и меченосцев, сдавал в зоомагазин по 40 копеек... А потом, что называется, нашел себя... Правда, похоже, слишком сильно увлекся... В русле нашего тогдашнего всеобщего полуграмотного максимализма.

– А теперь снова разводить хотите?

– Нет. Это теперь совсем невозможно. Никому не нужно: в зоомагазинах все есть... Скоро можно будет, кажется, хоть кита купить... Да я и тогда не только разводил...

– А что же тогда?

– А... Рыба она сама по себе прекрасна... Даже вот эта бедная селедочка на тарелке...

Виктор Васильевич поднялся и достал с полки книгу. Раскрыл и прочел:

«Рыба – тоже люди... ..Его тоже могу говорить, только тихо. Наша его понимай нету», – это Арсеньев, Дерсу Узала...

– Так что же... Вы... – Я даже не знал, как спросить...

– А... – Виктор Васильевич махнул рукой. – В другой раз расскажу... Теперь об этом сил нет... В следующий раз... Теперь давайте под эту селедочку...

Виктор Васильевич как будто боялся или стеснялся что-то еще рассказать про рыб... Про свое слишком родственное к ним отношение... Видно было, что это для него слишком важное.

Ну, что ж... Я не настаивал. В следующий раз так в следующий раз.

Глава 8

Следующий раз случился неожиданно скоро.

Я уже немного устал на своей работе (от избыточного общения) и несколько нетерпеливо ждал, пока все разойдутся, намереваясь приступить к исполнению своих непосредственных обязанностей: продолжать губить свою не совсем уже молодую жизнь: лежать на диване и слушать троллейбусы. И вдруг позвонил Виктор Васильевич:

– Здравствуйте! Мне опять ваш адрес достался... Если не возражаете, я к вам после всех заеду... Если можно будет, посидим немного... Тем более, у меня как бы праздник: последний день курьерствую...

– Да, конечно...

Я погрузился в размышления.

Елена Львовна еще не ушла... А еще кто? Больше не у кого... Врачи ушли...

Я постучал.

– Да!

– Помощь нужна... Спирту немного...

Ее прекрасное лицо исказилось выражением осторожности:

– А неприятностей не будет?

– От спирта не будет...

– А такое бывает?.. Чтoб от спирта неприятностей не было?.. Да и нет у меня сейчас спирта... На, вот... Только без глупостей, пожалуйста... – Елена Львовна достала из шкафа с нижней полки бутылку чужеземного коньяку. – Я сейчас ухажу... Не злоупотребляй...

– Мерси... У меня есть еще идея... Дурацкая... Но это не сегодня... Может быть, нам здесь рыб завести? Аквариум поставить... Но это не сегодня...

– Аквариум? Надо подумать... С одной стороны как бы и неплохо, а с другой... С другой стороны, нас и так не всегда правильно понимают... А вообще подумаем.

Виктор Васильевич пришел через час и тоже принес бутылку.

– Все. Больше я не курьер. Хотя это тоже забавно было... Чего я только не повидал, курьерствуя... Кто б записал... Хотя... По большому счету, ничего нового... *«И ничтоже ново под солнцем»...*

Мы сидели, смотрели в окно и вспоминали уже бывшее...

За окном было темно, только фонари и туман, и это казалось бесконечно значительным и огромным.

...Помните, в стране тогда мяса не хватало... Не только мяса, конечно, много чего не хватало, потому что много было лишнего... Но в столовых, рабочих и прочих тогда рыбный день вводили, помните, по четвергам? Еще анекдотов столько было...

– Как не помнить! Конечно, помню... Непонятно только, почему именно по четвергам... И анекдоты помню...

«Может ли лошадь дойти от города-героя Ленинграда до города-героя Волгограда?

– Может, если ее не съедят в городе – герое Туле»...

Тулу тогда как раз тоже городом героем назначили...

И про русалку в рыбный день вспомнили...

...Не знаю сам, чего я вдруг так разболтался... От трех рюмок, может быть...

А Виктор Васильевич продолжал:

– Рыбы они звери хорошие... И лишнего не болтают... Слово-то, оно, конечно, серебро... А молчание – золото... И нет истины в многоглаголанье... Правда, рыба, она, конечно, не молчит... рыба много чего может сказать... Только «наша его понимай нету»... Правда, серебряный карась дурнее золотого... Самка серебряного карася без самцов размножаться может... Но это банальное...

...Сначала я просто рыбок разводил. И в зоомагазин сдавал.

Денег ради. Преподательское-то жалование было тогда тоже гроши... Да, и душу эти хладнокровные грели...

...В конце концов я придумал замечательную вещь... Какую-то свою, как теперь говорят, нишу нашел в этой (или еще в той) жизни... Или что-то вроде... Сначала как бы просто, что называют «для души», а потом как-то все стало само собой вокруг этого выстраиваться... Это как-то неожиданно пришло в голову, вроде как озарение... А дальше: терпенье и труд... Впрочем, я не очень трудился... Все как бы само собой получалось... Звало и вело... Лишь бы аквариумы не протекали...

Я выдумал... как бы это назвать?.. Рыботерапию что ли... Сначала просто: смотреть на аквариум и расслабляться... Сосредотачиваться и расслабляться ... Расслабляться и сосредотачиваться... Вроде психотерапии: Релаксировать... Вроде медитации... Это тогда в неофициальной жизни очень модно было... Помните?

– Да, да, помню... Всевозможный *дзэн столичного разлива*... Хотя его, конечно, не только в столицах, его тогда по всей стране разливали... Примерно одинакового качества... Причем, в провинции иногда даже получше бывало... А куда было деваться...

– Да-да, именно... И я тогда целые курсы разработал. Методики. И в отличие от многих подобных «школ», «студий», «оздоровительных сеансов», «нетрадиционной медицины», «всяческого развития», и – никакого обмана в моих штуках не было... Это не было шарлатанство... Я не лечил и не претендовал. И никакой «тоталитарной секты» не создавал...

Хотя было бы забавно... Ихтио-религия... Храм Аквариума...

– Но это же здорово! Хотя и не совсем религиозно, наверно... Еще по рюмке?

– Ага!

Я как-то стал сам увлекаться рыбными идеями Виктора Васильевича... Сожалел только, что мне (даже если б и в голову пришло) ни на что подобное ни внимания бы не хватило, ни терпения...

– Ну, самое минимальное это что-то вроде медитации с видом на рыб: в аквариуме. Дальше примерно тоже самое: разговоры с рыбами. Через стекло, разумеется... Еще были некоторые упражнения в смысле «подслушивание» рыбьих разговоров... Высший пилотаж: технология ловли и поимки волшебных рыб (сказочных): Шука (Емелина), та самая рыба-камбала из Братьев Гримм... Ну, и наши непереводающиеся: золотые... Давайте, с лимончиком...

– За вас и за рыб...

– За нас и за рыб... А потом случилось, что случилось: народ повалил... Не поверите, не только на аквариумные сеансы, на лекции записывались... По риботерапии... По рыбьей филологии... И... Всякое началось...

«Мы – не рыбы,

Рыбы – немы» –

Сначала как реплика... Потом хор. Скандирование-складирование... Случались и драки. Одни за рыб, другие – против... Разумеется, провокации... Я, правда, особенно к популярности не рвался... Больше того, все ведь в полуподпольных условиях...

Ну, и доносы в соответствующие (и в несоответствующие) органы... Когда храмы и приходы возрождаться стали, даже священникам на меня жаловались... Батюшки смеялись.

Но это все как-то преодолевалось...

А потом я устал, что-то сломалось внутри, расклеилось...

Рыба-то, она, по крайней мере в нашем представлении, молчит... А мы-то молчать не можем...

Для нас это подвиг, помолчать немного... И все равно... Жизнь прекрасна...

Хотя... Хотя... Были и мои грехи...

Для совсем вегетативных я придумал еще и гадание по рыбам... Не по внутренностям, конечно, по плавающим...

Это, конечно, фантастика...

Хотя, конечно, и не совсем...

Кое-что угадать все же можно...

...И про рыбью немоту это, конечно, сказки... Нисколько они не молчат... И болтливы, и даже агрессивно болтливы бывают. Но мы не все слышим... Другая среда, другие частоты... Да, и *мировоззрения*...

И эти-то границы сред, различие языков и есть область рождения волшебного...

Рыб в аквариуме еще и пугать можно.

Очень просто, выбираешь самую волшебную и говоришь: «Сполняй скорей мое желание (по гуппиеву велению, по моему хотению), а то я тебя съем...»

Дальше довольно однообразно. Воображения-то у нас, как у плотвы...

И поэтому все сбывается... Или почти все... Естественно и непреложно...

Но – с *рыботерапией* приостановиться пришлось...

...А теперь вот снова рыбы выплыли... Извиняюсь за смешное выражение... Выплыли и вынесли из тесноты хаоса.

Сегодняшнего. Курьерского.

Представляете, прихожу со своими глупыми «почтовыми отправлениями» в один банк, весь-ма не маленький, звоню снизу (внутрь, конечно не пускают): так и так, вам пакет.

Отвечают: хорошо, сейчас к вам выйдут.

Выходит барышня. Вся в косметике. Берет пакет, расписывается, хочет уже убежать, потом смотрит на меня внимательно.

– Вы такой-то такой-то?

– Да...

Оказалась, одна из моих прошлых адептов-пациенток по *рыботерапии*...

Записала мой телефон:

– Мне сейчас некогда, я на работе, но я вам обязательно позвоню. – А сама счастливая такая, радостная. – Вы даже не представляете, как мы все вам благодарны...

На другой день позвонила, пригласила в кабак, в ресторан по-ихнему:

– Обязательно приходите, я с мужем буду, он тоже на ваши сеансы ходил, и еще кто-нибудь придет, мы все вам так благодарны, так благодарны ... Оказалось, они с мужем перед аквариумом и познакомились....

Ну, как мог умылся, оделся, пришел. Бывших учеников и учениц человек двадцать... Нам столики сдвинули...

И все восстанавливать предложили, и помещение нашли...

...В море все прекрасно: и Кит и Килька.

...Да, но кит – не рыба. Кит – млекопитающее...

Значит, по Дарвину, кит к мышке ближе, чем к кильке...

...Да, к мышке и к кошке...

...А плавает вместе с килькой...

...И с подводными лодками...

...А вдруг, подумал я, Виктор Васильевич тоже сумасшедший?

Вот было бы здорово!

Жизнь со всех сторон так полна людьми, можно сказать переполнена, и – чаще всего, ни одного равномысленного, ни одного единоплеменного рядом...

...То есть, где-то на свете, они, конечно, есть, присутствуют, обитают, и даже, может быть, очень рядом, и тоже, может быть, странствуют в одиночестве, да вот как-то редко встречаемся, и ничего друг о друге не знаем...

Глава 9

В какие-то моменты жизни мне удастся отчасти как бы уходить из нее. В чистую почти созерцательность.

То есть не чистую, откуда чистая? Но все же. Созерцание (за неимением иного) становится главным. Нет, я не теряю, конечно, при этом способность есть, пить (и спиртное тоже!), спать,

ходить по улицам... И вожделенное созерцание перемежается хищной, жадной, пустой, простой и глупой мечтательностью и постепенно почти совершенно вытесняется ей.

Вот и теперь стало выходить что-то подобное.

А потом стала потихоньку наступать весна.

Но... Странная весна...

Как известно, по определению, всякая осень начинается весной.

А этой весной и осень как-то не начиналась. Медлила? Такая странная весна!

Уже и Пасха прошла. Ранняя, правда в этот год, но об осени и не думалось.

Только это не всегда радовало.

Почему? А от многих причин.

Во-первых (хотя, не во-первых, конечно!), у Елены Львовны возникли неприятности.

Она стала уходить в себя и по два месяца не давала зарплаты.

Во-вторых, на меня напало нехорошее какое-то настроение.

И страна наша, увы, в беде.

И ей, вероятно, грозит и предстоит дальнейшее раздробление и распад, внешнее и внутреннее разложение.

И, может быть, на этот раз уже окончательное.

Хотя про окончательное и неокончательное мы, конечно, ничего не знаем...

Хочется, все же, чтобы это произошло не при мне, не пока я еще здесь буду жив. Но и умирать, как в песне поется, пока не хочется...

Я не только сумасшедший, я еще и страшный эгоист. Может быть, именно потому что сумасшедший – почти все сумасшедшие, сколько я их знаю, страшные эгоисты. Или наоборот: сумасшествие происходит от эгоизма. Какая-то дурная бесконечность и замкнутый круг.

Но, во всяком случае, боясь за страну, я прежде всего за себя боюсь: как я при этом, при ужасе распада буду?

Как остаться хотя бы относительно честным перед друзьями, родными, близкими, перед этой самой страдающей, разваливающейся родной и любимой страной?

У нас ведь большая и, может быть, не самая худшая часть населения по определению относится к «бедным» (другие-то уже давно смотались), а по «бедным» все возможные и невозможные страсти и чудеса наиболее катастрофическим образом скорее всего и ударят...

Я ведь не просто так, а просто астрономически беден: асоциален, деклассирован и люмпенизирован, вне всего и вся: кроме только социальных программ, пока они еще есть, и охранной службы у Елены Львовны...

И какой стране я буду еще сколько-нибудь нужен, когда и этой никак?

Наивный я человек и нахальный: и к большей, и к не самой худшей части населения себя причислял...

Глава 10

Со мной стало происходить новое и небывалое.

Я стал вспоминать.

Прежде категорически отказывался: вот еще! Мне же еще не семьдесят лет!

А теперь вот стало само собой неотвратимо накатывать.

Хуже того.

Я стал записывать свои воспоминания.

«... Воспоминания стесняют, но не объясняют.

Страна “развивалась”. Жила и радовалась. По крайней мере, выборочно, частично и фрагментарно.

...Мне рассказывали позже, что в одном из посольств нашей страны на банкете, посвященном 50-летию *Великой Октябрьской социалистической* пили коньяк 50-летней выдержки...

И внутри страны многое менялось. Новые дома теснили старые. Новые были светлые белые и блестящие, а старые – темные, серые, красно-кирпичные и даже деревянные, гулящего, пропащего и пожарного вида (“избяной обоз”).

Но в старых домах уже (или еще?) жили и притом давно, а в новых еще как бы только собирались жить. “Тренировались”. Начинали “по-новому”, даже если переехавшие, вселившиеся были уже вполне почтенного возраста...

Лучше всего (из новых домов) чувствовали себя дети (до определенного возраста). А в старых – наоборот.

“Новые дети” радовались новизне и перемене места, а “старых” детей отчасти подавлял внешний блеск новых домов, людей, машин (да, у многих прибывших были собственные автомобили), они понимали это как свою неполноценность, завидовали и прочее... Дети...

У остальных (начиная с какого-то возраста) между свежеехавшими и туземцами иногда складывались поначалу (пока не привыкли) не вполне однозначные отношения.

От взаимного же (с обеих сторон) низкопоклонства до взаимного (с обеих сторон) пренебрежения и до драк с колами и велосипедными цепями. До ножей доходило редко, а колы для драк жили прямо на новых улицах: провели однажды субботник, посадили деревья (липа, береза, каштан) и утвердили их в вертикальное положение, привязав к обычным березовым кольям. Эти-то колья при случае и пускали в ход...

Если обратиться к нашим традиционным “западно-восточным” географическим и культурологическим аналогиям, можно было бы сказать, что приезжие были гораздо более “западные”, даже если прибыли из Сибири, Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Киргизии и даже (были и такие) из Китая.

А аборигены (местные) казалось более “восточными”, хотя иные из них бывали и в Варшаве, и в Праге, и в Берлине, а некоторые (были и такие) даже в Париже, в Канаде, в USA, и даже в Латинской Америке (и не только на Острове Свободы).

Дело было не только и не столько в реальной физической географии, сколько в душе, в мозгах, еще не пойми в чем...

*

Кроме того, вновь прибывших было больше...

Хотя пока и не слишком.

Это казалось странным: новые дома, большие и многоэтажные, должны были бы существенно больше вмещать, но в старых домах жители были значительно плотней упакованы, теснее жили, чаще в коммуналках...

Беднее жили...

*

Рита была из “новых”. Она приехала с родителями из Казахстана. Я – из “старых”, хотя тоже совсем не абориген.

Новой школы еще не было, старая была далеко. Рита училась на год старше меня, и поэтому мы не очень общались, хотя жили рядом и ходили в школу одной дорогой, осенью грязной, зимой снежной, такой снежной, что снег вокруг был гораздо выше нас, и мы в этот снег то и дело падали, снег набивался в рукава и в портфели.

А потом мы познакомились и в школу стали ходить вместе.

Знакомство наше началось с того что, я Риту “спас”. В полном соответствии с “законами жанра”.

Новый магазин тогда еще не построили, еду и прочее возили из центра в переполненных автобусах или брали (что было) в старом деревянном доме, называемом почему-то СЕЛЬПО.

Возле этого СЕЛЬПО стоял когда-то деревянный дом и сад с яблонями, дом снесли, яблони, кажется, еще и до сих пор живы, хотя и заметно состарились.

Но когда сломали, сравняли дом, погреб (он был большой) почему-то не закрыли, или кто-то растащил доски: тогда доски были большой дефицит.

Дождями погреб налилсa водой, а от удаленности фонарей “невидимый бассейн” представлял особенную опасность. К тому же поверху его затянуло тонкой ледяной коркой.

Однажды поздно и в темноте я был послан за хлебом и пробирался к СЕЛЬПО мимо бывшего дома, ставшего водоемом.

Неожиданно я услышал плеск и громкое дыхание.

В воде была Рита и не могла выбраться. Ее тоже за хлебом в СЕЛЬПО послали.

Грех сказать, как я был счастлив, что мне случилось ей помочь.

Да, что там счастлив! Я до неведомо какого неба восхищен был!

И выходит, увы, что причиной моего счастья было то, что Рита провалилась в глубокую холодную воду и не могла выбраться... Беда то есть.

Увы, таково часто бывает наше счастье: на несчастье других...

Когда я ее вытащил и вел домой, заставляя идти скорее, почти бежать, чтоб не замерзнуть на ветру в мокрой одежде, она так трогательно доверчиво держала меня за руку...

Потом мы вместе учились, ходили в школу, получали двойки (и даже не только двойки), гуляли по полуоубжитым окрестностям...

*

Позже наши отношения немного расклеились: *разность хода*... Или – разные направления.

Рита уехала в свой Казахстан.

Ее папа устроился там на какую-то ответственную работу.

А я оставался пока тут.

Мы грустили и переписывались...

А потом и я уехал надолго.

Кончил школу, тот самый технологический ликбез, и уехал, не отработав даже положенного (три года) «по распределению».

Ветер странствий меня гнал? Или насущная необходимость? Или просто повезло в жизни? Или просто потому, что сумасшедший?...

Летом я в геологии трудился, рабочим «в поле», а зимой бесславно и бездарно работал в школе учителем...

Сумасшедший!

*

...К слову сказать, с Еленой Львовной наше знакомство ровно по-другому состоялось, наоборот: она меня спасла.

...Когда, жутко завизжав, возле нас затормозил совсем ненужный и неприятный автомобиль, она сказала (и убедила!), что это не я, демонстрируя и доказывая свое сумасшествие, разбил витринное стекло, а какие-то пьяные хулиганы, уже убежавшие налево и вдаль.

К слову, там вдали еще раздавался чей-то хохот и топот...

*

...Потом Рита вернулась.

Уже взрослая и уже одна – без родителей.

За время наших разлук у нее было два мужа, а сколько чего и кого у меня было!.. Сумасшедший!

А впрочем... Впрочем, не так и много было...

Вернее, совсем мало...

И я всегда страдал от неразделенной любви.

Сумасшедший!

Просто, видно, я слишком сам себя любил...

А сумасшествие – это эгоизм (извиняюсь за грубое слово), или эгоизм – это сумасшествие? – Этот вопрос, кажется, еще сумасшедший гр. Л. Толстой задавал...

*

Из трубы, говорят, идет дым...

Какая глупость! Он из нее не идет, а вываливается и выползает...

...Когда мы снова встретились с Ритой, я должен был с сожалением признать, что она стала, кажется, еще прекрасней, а я порядочно опустил и повзрослел.

В Казахстане у нее было поочередно два мужа, и с обоими она “не сошлась характерами”.

Первый был школьным учителем, второй бандитом... То и другое в Средней Азии должности почетные...

Ружья, заботливо развешенные по стенам в первом акте, в последнем обязательно должны стрелять.

Классики не ошибаются.

Поосторожней бы нам быть с развешиванием ружей».

Глава 11

Я посетил еще раз Виктора Васильевича. Посоветоваться насчет аквариума в нашем медучреждении и привез ему рыбьего корму. В нашем многонаселенном доме живет, оказался, еще и некий офис, который этой самой зоологической торговлей занимается. Дали бесплатно: в рекламных целях.

Разговаривали недолго: только по делу и про этих самых рыб. Ну, и про эту самую рыбью жизнь – в стране.

«Да... Было, было...
И рыбный день был.
Теперь не так.
Теперь изобилие.
Только какое-то невеселое.
Да и дорого все.

А главное, все какое-то призрачное. И – невеселое.

Должно бы, кажется, наоборот быть. Что мимолетно, то весело. А у нас и не весело и не прочно...

...То есть я, конечно, не имею в виду личную и частную жизнь каждого нахала и бедолаги... И тем более душевное устройство...

Но «в целом»-то...

И скоро, похоже, и с рыбой у нас нехорошо будет...
То есть с рыбой-то, конечно, хорошо... Без рыбы плохо будет.

Да, и рыбы бывают всякие. И неизвестно, какая опаснее: Большая рыба с маленькой головой или наоборот...»... У пираний, например больше половина тела – голова. Вернее, челюсти...

После приехал к Рите и ее с ума сводил:
«Икра. Она летит.
Летит, летит...»
А рыба божия не знает, ни заботы ни труда...

Глава 12

1.
Не дай мне бог сойти с ума...
Пушкин написал. По-своему правильно.

А с другой стороны... Безумие, сумасшествие, даже медицински зафиксированное (справка), все больше замечаю, не подается ли нам (и другим тоже) свыше как лекарство, даже как спасение?

А с другой стороны, т.н. «нормальные» не отличаются ли от официальных сумасшедших только тем, что корыстно, или от страха, или из вежливости и человеколюбия умеют и привыкли прятать свои сумасшествия? Примерно как я...

И справки нет!

Впрочем, всякое бывает...

Впрочем, не только об этом, мы и вообще ни о чем по-настоящему ничего не знаем...

И – педагогика не отпускает своих пациентов. И «учащихся» не отпускает, но педагогов особенно... Учителей. Все психи!

Издержки производства и вообще деятельности...

Всегда ли эти издержки являются действительно издержками, или наоборот?

Не являются ли они иной раз существенней и значительней самого «производства», деятельности?

Один поехал в Париж, оказался в Курске. Другой поплыл в Индию, приплыл в Карибское море... И не на пароходе плыл, а под парусом...

А издержки общения – это, пожалуй, самое важное и своевременное. Порой непоправимое...

Эта штука всегда меня занимала.

И если чем-нибудь мне по-настоящему хотелось бы заниматься – не в жизни, разумеется – а в промышленно-производственном, научно-инженерном и тому подобном общественно-полезном разрезе – это сбор, разбор, разделение и промышленно-производственное употребление всякого рода издержек, отходов, брака, всякого уже ненужного и тому подобного «вторичного старья».

Утиль. – По-французски значит «полезный».

Важнее всего, конечно, *издержки общения*...

Важнее всего и страшнее всего. И смешнее всего...

Как нам эти отходы утилизировать?

2.

Сумасшедшие самые хитрые люди на свете.

Особенно настоящие сумасшедшие.

Не верите? Не помните?

Даже в детстве, в детском саду рассказывали анекдот:

Сумасшедший в сумасшедшем доме. На комиссии. Входит, тащит за собой на веревочке кирпич.

Из комиссии спрашивают:

– Что это у Вас?

– Это? Жучка, – и гладит кирпич, как собачку.

Комиссия качает головами, выносит вердикт: Болен. Держать по-прежнему взаперти.

Через некоторое время снова комиссия:

– Что это у Вас?

– А, это?... Кирпич...

– Ну, что же... Можно выписывать? Как вы думаете, товарищи?

– Да, да, можно...

А сумасшедший выходит из кабинета, гладит своего красного зверя:

– Жучка, Жучка, как мы их обманули...

Недостоверность этой трогательной истории в том, что едва ли пациенту позволили бы в больнице держать и еще таскать за собой на веревке кирпич.

Даже если этот и тихий, – какой-нибудь другой пациент (не тихий) может украсть кирпич и воспользоваться...

И этой радости не дадут...

Не дай мне бог сойти с ума!

...А сами-то, сами-то небось не только кирпичи на веревках за собой таскают, и не только Жучками их зовут...

Еще сумасшедшие бывают очень жестокие люди. Беспощадные...

Но дело не в этом...

Я все же не совсем настоящий сумасшедший – у меня справки нет.

3.

Однажды утром, едва я пришел на службу и в первый раз вышел на лестницу покурить и вернулся, Елена Львовна вызвала меня к себе.

– Садись. – И подвинула мне стул против своего стола. – Все. Закрываемся...

И грустно улыбнулась.

Удивленный, я сделал вопросительное лицо.

Елена Львовна поставила передо мной чашку, подвинула банку кофе и сахар, дала ложку. Была она грустна, заботлива, я б даже сказал, нежна...Только стол стоял между нами...

– Да нет, пока не все... Не закрываемся... Перепрофилируемся... Извиняюсь за выражение... Хочу с тобой посоветоваться. Абортыв мы больше делать не будем. Надо придумать какую-то замену. Одними УЗИ и восстановлением девственности (прости, Господи!) не проживешь. Так что ты на досуге подумай. Может быть, в твою туманную голову что-нибудь дельное случайно придет... Ты же, извиняюсь за выражение, тоже с верхним образованием. Конечно, я и сама давно уже знаю, что абортыв это нехорошо, очень нехорошо, но знаю так же, что без этого, без прерывания нежелательной и случайной беременности не прожить... И не только нам, но и клиентам, клиенткам нашим... И кому-то нужно и этой гадостью заниматься... Не всем же в конце концов дано чистенькими быть...

...Я тоже не раз и много думал о сомнительной высоконравственности работы нашего заведения, но так же рассуждал: не мы это выдумали и насильно никого сюда не тащим... Да и какой сейчас труд, какой способ заработка честный?

Никакой! Даже если ты занимаешься чем-нибудь в высшей степени (прости, Господи!) *высоконравственным*, ты тем самым отнимаешь рабочее место у другого (прости, Господи!) *мыслящего растения*...

А Елена Львовна между тем продолжала:

– И все равно, пусть хоть и делается, но лучше без нас... Кстати, ты знаешь, кто меня в этом окончательно и бесповоротно убедил? Вразумил, научил и наставил?

Я ответил еще более удивленным выражением лица.

– Твоя подруга...

– Какая моя подруга?

– Рита. Мы с ней долго и не раз об этом говорили, даже коньяку раз бутылку вдвоем выпили...

Я едва не захлебнулся горячим кофе. Они знакомы! Как? Каким образом?

– Я к ней в гости приходила. Когда ты днем на смене был. Так что думай, чем будем заменять похабный заработок...

4.

Когда на другой день я приехал к Рите на все вопросы о ее беседах с Еленой Львовной она только смеялась:

– Ничему я ее не учила. Она все сама знала и понимала. Я только не мешала ей...

- Но как же вы познакомились? Где?
 - Тебе это важно? – Я пожал плечами. – Ну, ладно, расскажу... Только чуть попозже...
 - Когда?
 - Ну, через полчаса... Или чуть больше, или чуть меньше...
- Рита засмеялась, и я засмеялся.

Приблизительно через полчаса мы сидели на кухне и пили кофе с минеральной водой, я снова спросил:

- Как ты все же с моей милой начальницей познакомилась?

В самом деле, что за странности? Две бабы...

Да, я ревновал, снова ревновал и бормотал себе вроде шекспировского: *Отелло не ревнив, он доверчив* (Яго, кажется, это говорит, впрочем, точно не помню).

Как они познакомились? Оказалось, очень просто.

На *моей* почве.

Рита вычислила, где именно я работаю, что именно охраняю. Адрес. Телефоны. Ей давно уже не очень нравилось мое место работы.

Со мной про это она (как я понимаю по доброте своей) даже говорить не хотела, сама нашла Елену Львовну.

Дальше понятно. Рита умеет убеждать, да и Елене Львовне и самой все это давно не нравилось – аборт, то есть, не нравились...

Да, и мне тоже...

5.

В следующую мою смену я пошел к Елене Львовне и сказал:

– Я придумал. Кажется, придумал. Если понравится... Очень просто. Вчера делали аборт, сегодня делаем ремонт и не пойми что... А завтра давайте будем делать противоположное: бороться с абортами. И тем проживем.

Елене Львовне понравилось.

Снова пили кофе. Цветок на чашке был скромный. Просто эдельвейс.

На том и согласились: будем бороться.

Так теперь и живем. Боремся.

И в голове так: то нет никого, то все сразу...

Жизнь продолжается!

Борис ЛИХТЕНФЕЛЬД

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

I.

Были ли Германик отравлен Гнеем Пизоном?
Что знал об этом его начальник Тиберий?
Дальним не так уж правда нужна гарнизонам.
Гнев не вскипит в сердцах, удручённых потерей.

Сгинет Тиберий, Калигулу сменит Клавдий...
Будет ещё Британик отравлен Нероном.
Если история столь равнодушна к правде,
Рим или мир погибнет, уже всё равно нам.

Пусть наступают варвары! Время такое,
что остаётся, как будто не замечая
спазмов его, в каком-то предвечном покое
чай попивать пресловутый... Как же без чая?

2.

Если у Рима Иерусалим
с краю сознания жил,
многожды был осаждён и палим,
чтоб не вытягивал жил –

значит, какую-то силу и в нём
Рим-исполин признавал,
значит, подсвечен был тайным огнём
и государства развал,

значит, тогда, при Нероне, не зря
из отдалённой земли
в Рим как послы не земного Царя
Павел с Петром забрели –

чтобы из Рима отправиться в путь
не к иудейским горам,

Борис Лихтенфельд родился в 1950 году, живет в С.-Петербурге. Публиковался в журналах «Обводный канал», «Часы», «Арион», «Волга», «Звезда», «Крещатик», «Нева», «Зинзивер», «Дети Ра», «Слово/Word», «Новый журнал», антологиях художника Валентина Левитина «В Петербурге мы сойдемся снова...», «Петербургская поэтическая формация» и др. Автор книг «Путешествие из Петербурга в Москву в изложении Бориса Лихтенфельда» (2000), «Метазой» (2011), «Одно и то же» (2017).

чтоб в той земле пережил их чуть-чуть
Титом разрушенный храм...

3.

В Риме – мор. Припомним историю, одну из её страниц.
Сенат убеждает граждан: вы можете только сами
умилостивить богов! И вот распростёртые ниц
матроны метут полы в святилищах волосами.

Чуть отступает чума, государство крепнет. Война
приходит на смену мору. Какие-то эквы и вольски
терзают Город. Подступает вторая волна
эпидемии. Смута зреет среди плебеев и в войске.

Смутна история эта – будто война и мор
соревнуются в причинённом ущербе-уроне.
Ходят-бродят разные смерти, вылезавшие из нор..
Трепещет жизнь, ещё не готовая к обороне.

4.

И Вечный Город погибал не раз –
от галлов, мора, голода, пожара,
и внутренний раздор порою тряс,
и чья, все знали, кара поражала.

Волчица обнажала свой оскал,
оберегая от невзгод и козней,
и корень старый новые пускал
побеги – всё пышней и плодоносней.

Не так же ли живуч, необорим
(надежду аналогией подкормим)
и этот наш злосчастный Третий Рим,
что варварским напором вырван с корнем?

5.

От мороза в горах погибала
карфагенская дикая рать.
Боевые слоны Ганнибала
по ущелью плелись умирать.

Но нашествие всё ж продолжалось...
Боги, мир тот встряхнув до основ,
проявившие к римлянам жалость,
вражьих не пощадили слонов.

Описал переправу историк,
бурю в Альпах... Слоновий удел

был и впрямь, как мы видели, горек:
вроде только один уцелел.

Тут история вспомнилась наша
в произвольном её монтаже –
и пустая какая-то каша
в голове заварилась уже.

Альпы – это, конечно, Суворов,
то есть Суриков (Русский музей)...
А слонов одомашненный норов
превращает их в добрых друзей.

Так же вот (и не раз!) от угрозы
была родина их спасена.
Так же вот помогали морозы –
и врагов изгоняла она...

Так же вот и поднесь её тянет
расширять сумасбродство своё.
Так же вот и соседям житья нет
от опасных замашек её.

Не хватает ей лишь ауспиций –
тайных знаков, увы, не прочтёт!
Всё неймётся бедняжке, не спится
под слонов нескончаемый счёт.

6.

Подстроенные кораблекрушения
у римлян были оправдать должны
экономические правонарушения
с растратой государственной казны.

Корабль, дешёвым барахлом загруженный,
в открытом море экипаж топил
и возвращался в лодках, чтоб заслуженный
куш получить от тех, кто всё купил.

А в те же времена под Сиракузами
носы вздымались римских кораблей
посредством рычагов с противогрузами –
колодезных подобья журавлей.

Грек Архимед едва ли знал Постумия,
чья алчность отпечаталась в веках.
Не с тех ли пор плоды их хитроумия
исправно в наших действуют руках?

7.

Роковое безумие времени
обличает один из вождей
илергетов, испанского племени,
как причину измены своей,

ждёт пощады от великодушного
Сципиона, к коленям его
припадает: прости, мол, недужного,
доброй славы умножь торжество!

И возмездие вмиг обеззубело:
перед Роком мы все не вольны.
Ну а время и впрямь обезумело,
очумев от видений войны.

8.

Открывая Истмийские игры в Греции, Римом отжатой
у Филиппа, царя македонского, римский глашатай
возвещает свободу греческим городам.
Не влечётся уже никто ни душой, ни взором
к этим играм. Мир устанавливается, за которым
наступают новые войны по свежим ещё следам.

Антиох из Азии помышляет на том же пространстве
потягаться с Римом, и Набис, тиран спартанский,
вероломный союзник, свободу истинную сулит
осчастливленному только что. Вести из дальних провинций
не дают покоя, но освободитель Квинкий
кое-как подлатает, конечно, государственный монолит.

Городов непокорных длится и длится осада...
Далеко ещё до Империи, но семя её распадается
в глубине веков прорастает. Убит спартанский тиран.
Археолог неутомимый бродит среди развалин...
Первый шаг младенца известно куда направлен,
а история не исцеляет младенческих травм и ран...

9.

Когда осадой римляне сломили
Фокею и она, врата открыв,
на милость их надеялась, Эмилий
сдержать пытался яростный порыв.

Как странно претор убеждал: мол, грабить
лишь те, что взяты штурмом, города
у них есть право! – алчность их ослабить
не смог такую логикой. Тогда

свободных граждан он созвал на форум,
спас от насилия и вернул закон,
повелевая мародёрским сворам
вернуться в свой казарменный загон.

Ю.

В Македонской войне столько лучников с Крита
было Риму дано, сколько он запросил
в ходе мобилизации, так сказать, скрытой,
проводившейся для восполнения сил.

Впрочем, консулу всё же признались критяне,
что их лучников больше в Персеевом стане.
– Отозвать их, – ответ был, – суть долг ваш и честь,
коль решили вы с нами союз предпочесть.

И оставили римляне остров в покое –
к перекидчивым лишь они были строги:
те-то – в прошлом союзники, нынче враги –
не могли заслужить снисхождение такое.

II.

Предзнаменования роковые
каждый полководец вновь и вновь
получить боится, как впервые –
как наказ: богам не прекословь!

Сообщают: в храме Аполлона
молнией расколота колонна.
Дождь кровавый шёл средь бела дня:
значит, поджидает западня.

Трёхголовый родился телёнок.
Весть-вердикт корова огласила
Велика божественная сила –
знает каждый римлянин с пелёнок.

Змею с гребнем лунное затмение
вторит, но об этом тем не менее
лучше умолчать – оставить втуне
знаки все, доверившись Фортуне.

Будущего вскроются извилины,
если в книги заглянуть Сивиллины.
Жертвоприношения с молитвой
требуются перед каждой битвой.

Завершать пора войну кровавую...
Уж понтифик с полководцем рядом...

Пусть сенат займётся тщетной славой,
он же – очистительным обрядом.

12.

Как судно затонувшее – моллюски,
Рим облепляли умбры, вольски, герники,
сабины, бойи, бреттии, этруски –
все-все недолговечные соперники.

В междоусобных распрях и разборках
давно аннигилированы, вымерли
те племена несметные, с тех пор как
последнего царя изгнали римляне.

Лишь имена народцев тех в анналах
сохранены историками древними.
Великому народу не до малых –
пространство не спасает их от времени.

Но и величье не даёт защиты:
республика лишь продолжает линию
к империи, а та уже трещит и
проклятья шлёт через века Тарквинию.

13.

При Фермопилах, где когда-то персы
обходом хитрым победили греков,
и Антиох был римлянами так же
позднее обойдён – по той же тропке,
что и герой спартанский Леонид.

У Клио есть свои, должно быть, рифмы –
не хуже стихотворных... Вот недавно
все вспоминали песню о начале
войны, когда с утра бомбили Киев...
Что ж, будем ждать от Клио новых рифм...

14.

Братья Гракхи один за другим полегли,
под раздачу попав за раздачу земли.
Захлебнулась реформа их в хлебной раздаче.
Осчастливить, увы, не успели народ.
Всё пошло в государстве вразнос и вразброд,
и, как ясно теперь, не могло быть иначе.

Среди смуты – война. Марий спешно на юг
устремляется с войском. Югурте – каюк.

Бокх, царёк мавританский, сдаёт его Сулле.
Тот же в Рим вводит армию верных солдат.
На востоке меж тем обнаглел Митридат.
Ветры геополитики смуту задули.

Олигархия в Сулле опору нашла.
До чего же история эта пошла
и банальна! Листаешь страницы, тупея,
будто смотришь и смотришь в окно что ни день
на постылый пейзаж, где всё та ж мутотень
с демократией Цезаря или Помпея.

Государство в опасности с разных сторон.
Катилину уже обличил Цицерон.
Оппозиция будет разгромлена снова,
и опять полетят чьи-то головы с плеч,
а Катон удалится в свой дом, чтоб на меч
там и броситься – вместо последнего слова.

15.

Диктатор дик. Та торная тропа,
что в щебень превращает черепа,
под свод законов, выстроенный в Риме,
ведёт и там находит это имя.
Там должность, закреплённая за ним,
должна была обезопасить Рим
в каких-то обстоятельствах особых,
то к славе и триумфу, то под обух
идти ему вменяя. Там Камилл
однажды стал согражданам немил
и был судом несправедливым изгнан,
но позже вновь на ту же должность призван.
Там Луций Манлий, гвоздь священный вбив,
пост удержать хотел, властолюбив,
чей сын за то, что ум был полон хлябей,
им выслан был из Рима. Там Квинт Фабий
спасением от всех угроз и бед
считал богам исполненный обет...
Их было много. Каждый не подолгу
у власти был и действовал по долгу.
Иные назначались и не раз,
но разум вряд ли кто из них потряс...
Две тыщи лет диктаторские тучи
сгущались. Вот уже над Римом дуче.
А что сказать о тех, кто превзошёл
и этого масштабом худших зол?
Кого же римской соблазнит коврижкой
ничтожество с имперскою отрыжкой?
Но чаплинский диктатор не у всех

сегодня вызывает дикий смех.
Смеяться над пародией паяца
куда труднее стало, чем бояться.
Так слово с новым смыслом, как топор,
над миром и висит с недавних пор,
диктуя внятно свой диктант убойный:
попранье всех прав, террор и войны.

16.

Философия лечит, считал Марк Аврелий.
Учит тоже, конечно, но только того,
кто гармонии внемлет божественных трелей,
человечье настроив по ним естество.

Погружён в размышления эти благие,
император хороший – и кормчий, и врач,
и, спасения ради в волнах ностальгии,
он в себе оба поприща должен сопрячь.

...Что безумный затворник со статуи конной
проповедовал? Что нам напомнить хотел
режиссёр? О природе ли нашей исконной?
И что мир этот суетен и пустотел?

Что, огнём поражённые тайным, ослепли
и не видим того, что проявлено им?
Что останутся кости одни только в пепле,
из которых мы, в сущности, и состоим?

Прокричал и увёл себя в ночь без вопросов
не занёсший своих размышлений в тетрадь,
и безмолвствовал порфиноносный философ,
что и смерть, и величие умел презирать.

2021-2022

ВНУТРЕННЕЕ ЗАДАНИЕ

Повесть

Глава 1. Калюжный

Как все началось?

Так и началось – как обычно все начинается: вызвал генерал Каплунов, выдал конверт с заданием, с грифом секретности «после прочтения съесть». Сейчас это легче, чем раньше, – бумага тонкая, мягкая, даже как будто подслащенная.

Дальше тоже все просто: вышли на указанные координаты и выполнили задачу.

Вы хотите больше подробностей? И зачем? А, вы писатель... книгу собираетесь написать. В написание подрастающим поколениям, чтобы с нас пример брали. Неплохая затея. Удостоверение есть у вас?

Так, такой такой-то, благонадежен, женат, член союза... с такого-то года. Прекрасно. Заберите документ, доставайте блокнот. Расскажу поподробней, но не выходя за пределы гостайны. Это значит, что в моем повествовании многое окажется недосказанным, нелогичным и непонятным, что-то – вовсе дурацким, но, как член союза, вы должны понимать: один неосторожный чих, один бесконтрольный, извините за выражение, пук, и ту-ту – учтет наш биоматериальчик на запад. И спустя девять месяцев расшифруют их ученые наш уникальный геном и наделают копий гагариных, менделеевых, бузовых и валуевых, а нас с вами зомбируют и сделают идиотами окончательно. Давайте поступим так: я буду рассказывать все без обиняков, а вы перепишите сказанное эзоповым языком. Это для того, чтобы нашему человеку, особенно молодому, все было предельно понятно, а предполагаемому противнику, наоборот, – ничего, словно я безумен, и вы тоже безумны, и мы с вами беседу ведем не внутри железных пределов самой великой страны, а в дурдоме. Есть вопросы?

Тогда я начинаю. Каплунов вызвал меня под утро. Как у нас принято, способом, не предусматривающим огласки, когда ни сотовая связь, ни интернет не используются, тем более проводные стационарные телефоны.

Было три сорок утра, я спал на полу, я всегда сплю на полу, положив гантели под голову, чтобы тело закаливалось и чтобы не болел позвоночник. Доложу вам для справки: я всю жизнь воспитываю в себе толерантность к мучениям и мукам, на случай если поймают враги и станут пытаться. Я могу два часа простоять под ледяным душем. Могу сорок суток жить без еды, могу трое суток совсем не пить воду, а могу, наоборот, десять дней пить один технический этанол...

Ровно в три сорок две, сорок три – Каплунов пунктуален до десятой доли минуты – в дверь моей квартиры раздался стук. Стукнули один раз, но зато профессионально, пневмотараном, – и дверь выпала из проема, как из десны выпадает молочный зуб. К этому моменту я уже догадался, что меня хочет видеть Сан Саныч, и что демонстрирует он не столько агрессию, сколько бравладу и удаль. Зря смеетесь, товарищ писатель, если бы генерал был настроен решительно, он бы стер

Виталий Щигельский родился в 1967 году в Ленинграде. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Нева», «Новый мир», «Зинзивер». В «Волге» печатались рассказы (2013, 2014, 2021). Автор нескольких книг прозы. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

меня с лица земли вместе со всем подъездом через взрыв бытового газа или пустил дом под снос в рамках программы реновации...

Если не верите, спросите у Баулова. Он старший следователь и, можно сказать, собаку съел на подобных делах.

В общем, дверь в квартиру отвалилась с первого же удара. С комнатной оказалось сложнее, как-никак я тоже со спецподготовкой. Я, если дома ночью, перед сном дверь в каюту задраиваю, как на подложке, – это восемь титановых штырей, каждый в стену уходит на метр. Так что этот клинкет парни Каплунова долбили долго, уложили только вместе со стеной. К этому моменту я успел побриться и одеться, и побрызгаться одеколоном. Я ждал их в парадной форме, с орденской колодкой. Только вместо фуражки надел черный пластиковый пакет. Без мешка на голове к Каплунову попасть невозможно, он человек осторожный и локацией с кем попало не делится. Впрочем, пол-Москвы знает, что его кабинет располагается в бункере у Старой площади, под Горбатым мостом. Это называется уважение. Уважение и трепет...

Под Горбатый мост меня и доставили. Дороги я видеть не мог, но внимательно считал повороты и остановки на светофорах. Как только машина взобралась на мост, внутрь мешка на моей голове впрыснули что-то едкое, и я погрузился в приятный почти ненасильственный сон.

Проснулся я от голоса генерала в его кабинете. Я чувствовал себя бодрым и заряженным, готовым к труду и подвигу, как после бани по-черному. И только легкая диплопия, удваивающая количество предметов и личностей в кабинете (стола красного дерева, огромного сейфа, в котором можно было разместить пару задержанных, Сан Саныча и, наконец, портрета Верховного Главнокомандующего) – свидетельствовала о том, что я здесь не по своей воле....

– Кури, – протянул сигареты Каплунов ...

Я на секунду замешкался, раздумывая, из какой руки правильней будет взять, но генерал раскусил меня, как Тузик грелку.

– Токсикоманишь, Сережа, в рабочее время? – прищурил он правый глаз.

– Так это же ваши парни меня усыпили, – мотнул я головой.

– Шучу! – загоготал генерал, и рамы в окне откликнулись дрожью, словно при порывистом ветре...

– Кури! – отсмеявшись, приказал он.

И я закурил, хотя был, как говорят, некурящим, ведь нам – испытателям – не рекомендуются привычки, могущие повлиять на точность эксперимента, а в широком смысле – привычки вообще. Мы – летчики-испытатели, офицеры-исследователи (в моем случае правильнее было бы говорить «испытываемые и исследуемые») – культивируем у себя определенный набор привычек под каждый конкретный эксперимент. После испытаний привычки аннигилируются, иногда вместе с носителем. Устойчивая привычка у нас только одна – патриотизм. Одно время считалось, что она у человека в крови. Однако, после того как мне перекачали кровь от одного диссидента и я не изменился морально, стало понятно, что дело в другом.

Хотя у наших отцов дело точно было в крови, и у дедов. А потом с экономикой что-то случилось или же с экологией...

В общем, я тогда закурил, потому что пункт первый «Внутреннего устава испытателей», который я выполняю неукоснительно, гласит однозначно: «Приказано – выполняй». Второй пункт этого устава добавляет не менее однозначно: «Исполнил – кури, жди следующего».

Мы с Каплуновым стояли возле огромного, во всю стену окна и глядели вниз на смог и на трафик. Я понимал, что предо мной 3D-инсталляция, а Сан Саныч, кажется, нет.

Пока мы курили, а мы выкурили целую пачку крепкой «Победы», он повторил три раза:

– Похорошела Москва при Собянине.

Возможно, он говорил так специально, под запись. Вы и сами наверняка знаете, что стукачи есть не только на вашей писательской кухне. В наших ведомствах сотрудники тоже присматривают друг за другом, чтобы разного рода Икары не вырывались вперед и не обжигали свои крылья

о солнце. Мы тут все привыкли к тому, что «дисциплина и порядок бьют класс». Дисциплина и порядок бьют абсолютно все. Даже женщин и детей не щадят, чтоб все выглядело по-настоящему.

А четвертый раз генерал сказал по-другому, я даже закашлялся.

Он сказал:

– Эх, Сережа-Сережа, сжечь бы ее на х... опять, как при Наполеоне...

И увидев мою реакцию, пояснил:

– Да шучу я, Сережа, шучу. Человек измелывал. Нет теперь больше наполеонов с кутузовыми, нет даже барклаев-де-толли...

И мы продолжили перекур. Я курил не в затык и при этом старался, чтобы дым из меня выходил пятью равномерными струйками: через рот, нос и уши. У Коновалова их было шесть. Самую мощную генерал пускал через психический центр, расположенный над макушкой. Я про центры эти сам ничего не знаю, это лучше у Лохопета спросить... Слышал только, что генерал способен определять по плотности дыма чистоту наших помыслов.

Когда и Коновалов, и пейзаж за окном скрылись за серой табачной завесой, генерал спросил напрямик:

– Ну что, Сережа, пришел твой черед. Готов?

Вопрос явно был риторический и имел только один ответ – бодрое и громкое «Есть!». Но горло у меня пересохло от никотина, и «есть» вышло сдавленное и сиплое, словно меня кто-то душил...

– Не понял, Сережа? – Коновалов прибавил громкости, и стекла в рамах опять затряслись. – Повторяю вопрос: ты готов умереть за отчизну?

Конечно, я был готов. Не обязательно быть летчиком-испытателем и входить в отряд космонавтов, чтобы понимать свое главное жизненное задание – смерть. Разумеется, героическую, чтобы рабочие-металлурги отлили твой памятник и установили его на площади в каком-нибудь Усть-Ижевске. И раз в год бы к нему приходили дети и возлагали цветы. Я был готов, но вынужденно молчал.

И тогда голос Коновалова зазвучал совсем рядом, словно он, под прикрытием дыма, подкрался к самому уху:

– Я не понял, Сережа!!!

От его интонации пробку в горле прорвало сухим лающим, похожим на автоматическую среднекалиберную стрельбу кашлем... Слово «есть» снова было не разобрать, но Сан Саныч понял, что я имею в виду.

– Молодец! – похвалил меня генерал. – Так бы сразу.

На том и расстались.

Это, собственно, все. Далее, товарищ писатель, начинается сплошная военная и процессуальная тайна, а ее я с вами обсуждать не готов. Но с другой стороны, если вы опишете мою историю так, как сейчас пишут писатели, то читать это точно никто не будет, поэтому слушайте дальше...

Глава 2. Устав испытателей

Как характеризую сотрудников? Положительно. Хорошие парни, надежные, грамотные. До задания знаком не был. Встретились на месте сбора в лесу. Каждый добирался самостоятельно, по заранее намеченным координатам. Антон Лохопет – на попутках. Стас Баулов – на лимузине, за которым бежали цыгане с гитарами, потому что у каждого специалиста своя маскировка. Я совершил беспарашютное десантирование в соседнем квадрате и сутки добирался пешком.

Что такое беспарашютное? Это самый обычный прыжок с парашютом, только парашюта у тебя нет. Его можно осуществлять с самолета и с вертолета и, в общем, откуда угодно, где есть высота. Без парашюта обычно получается быстрее и незаметнее. Процесс приземления не опасен для жизни, если правильно выбраны контактные точки поверхности приземления и приземляе-

мого. Иными словами, когда ты приземляешься мягким местом на мягкое место – на воду, на сено, на еловые ветки; эт, как говорится, сеттера. Вы понимаете по-латыни, товарищ писатель? Я тоже. А пишете? Прямо как я.

Вы, кстати, сколько уже страниц написали?

Не густо.

Давайте добавим деталей. В деталях вся суть нашего с вами существования. На «Высших Военных Курсах Испытателей и Испытуемых», сокращенно «2ВКЗИ» мы в основном учили устав. Его семнадцатый пункт гласил: «Главное качество испытателя – это бездумность». Она лишает человека сомнений и позволяет идти до конца. До победы. Победа – это конец. Все логично. А думает пусть руководитель проекта. Вы этот абзац, товарищ писатель, заучите на память к нашей следующей встрече. Без этого вам и жить, и писать будет трудно.

Теперь вернемся к мягким местам беспарашютного десантирования. Замечу, что мягкие эти места далеко не всегда. Вода, например, и состоящие из нее болота, озера и реки – в зимний период года в наших, не буду распространяться в каких точно, широтах имеют привычку замерзать и становиться твердыми как булыжник. Беспарашютное десантирование на лед приводит к потере десантником боевых поражающих характеристик на срок от одного астрономического часа до, так сказать, пожизненного.

Стог сена опасен тем, что в нем могут быть забыты колюще-режущие сельхозинструменты: грабли, косы и вилы. Халатность – источник всех наших бед и болевых ощущений.

А ветки деревьев, особенно вечнозеленых, в силу врожденной повышенной гибкости относятся к мягким поверхностям.

В моем случае это были еловые лапы. Мягкие, ароматные и пушистые. В народе нашем бытует пословица: и на елку залезть, и кое-что не ободрать... Так вот, она, как и все в нашей жизни, верна только наполовину – когда лезешь снизу, но если спускаешься сверху – вполне себе даже приятно.

Как я могу объяснить этот – что? феномен?

А никак. Скажу только, что в каком-то смысле это не вопрос физики с химией, это вопрос иерархии ощущений...

Итак, приземлился я чисто. Из биообъектов меня видел лишь филин, но кому он расскажет, разве только другому филину или бобру, который рано или поздно станет меховой шапкой.

Дальше я двинулся вброд по руслу реки Коклюшка. Названия – это и все остальные – являются выдуманскими, бессмысленно искать их на карте. И нами руководили вовсе не карты, а профессиональные качества специалистов. Если бы люди всегда ходили по картам, они бы ни Америки не открыли, ни Арктики и дальше родимого леса не заходили бы. Так бы и прыгали через костер и молились своим истуканам. Ученые? Ученые тоже люди, товарищ писатель, они в микроскоп видят многое и по анализам могут все про тебя рассказать. Но без микроскопа они полный ноль, а если еще очки у них отобрать, то ноль в квадрате, отрицательная величина, так сказать.

К чему я это все говорю? К тому, что прогресс делаем мы – следопыты. Мы разведываем, мы исследуем, мы испытываем все, с чем сталкиваемся, включая всех вас и себя.

Генерал Каплунов назначил меня старшим группы из трех человек, одним из которых был я. Персонажи, не знакомые с правилами внутривидового взаимодействия, принятого в наших рядах, считают, что командование личным составом тем сложнее, чем больше отряд. Но на самом деле все наоборот: чем меньше в твоем распоряжении живой силы и техники, тем тяжелее управление. Самый сложный и запущенный случай, когда в твоем подчинении находится один человек, в особенности жена. Рано или поздно ты перестаешь понимать, кто командир. Эти слова во мне говорит не только офицер, но и личность, человек, за плечами которого два развода подряд.

Теперь про личный состав. Лохопет. Антон явно был не из наших. Долговязый, нескладный, с крупной головой брокера или профессора. Мостик очков на кончике носа, линзы довольно толстые – значит, вместо подвижных развивающих игр читал книжки, что, несомненно, плохо, потому что значит, он всегда знает больше, чем понимать ему нужно. Вовне реализовать это знание

он не может, и оно бродит в нем и бурлит, разъедает его изнутри, как желудочный сок переваривает, например, вареную курицу. Кросс не пробежит, в лесу заблудится, на допросе посыпется, в боестолкновении сразу же словит шальную пулю. Это было первое впечатление, а впечатления имеют способность меняться, особенно если искать в людях хорошее с самого первого взгляда и до самого, как говорится, конца. Главное, товарищ писатель, никогда не прекращать поиски, даже если бродишь взад-вперед по помойке. А второе главное: если не знаешь, что делать, начиная испытания. Так гласит наш негласный устав.

Со следователем Бауловым дело обстояло значительно проще. Стасик был во всех смыслах бык и во всех смыслах майор. Массивный, недооформленный, отяжелевший от высокостатусной кабинетной работы, отягощенной сверхпотреблением. Он имел небольшой бритый валунообразный череп и отличался незапоминающимися чертами лица. Нахрапистый, упертый, тупой, обидчивый, мнительный – я перечисляю только положительные характеристики – он был очень легок в общении. Говорил что думал. Если хотел кого-то ударить, то бил. А эмоции (их у него две) всегда были написаны на лице. Первая выражала искреннее недоумение: «Я чего-то не понял?» в смысле «Где мои деньги?», вторая – агрессию: «Я чего-то не понял?» в значении «Ты еще здесь?».

Я люблю в людях неотесанность, дикость. Эти качества представляют собой большое поле для деятельности: молотком, резцом и зубилом из таких людей можно выточить и Геракла и Гераклита. Антагонистами дикарей выступают воспитанные. Этих, особенно обученных на старый манер – замкнутых, прямоспинных, спрятавшихся в самих себе, переделать нельзя. Вот почему, не будучи сторонником избыточного насилия, я в целом за всевозможные культурные революции и философские пароксизмы.

А в Баулове мне не нравилось только одно: борода. Вообще, этот атрибут внешности мне представляется избыточным. Волосы – это атавизм. В наше время, когда есть одежда, волосы не нужны, поэтому их незачем культивировать. Нет, я понимаю, в капиталистическом мире есть люди, которым не хватает денег на лезвия, или человек по убеждениям пацифист и не хочет свою щетину заживо резать, мужественно терпит щекотку и перхоть. Ну, или человеку щеки не нравятся, слишком впалые или за уши выступают, и он хочет их волосами от посторонних прикрыть.

Борода Баулова была вымороженно-вымученная: надушенная, завитая и подкрашенная под благородную седину. Типа я царь Ирод и царь Навуходоносор в одном флаконе, а вы копошитесь внутри моего ночного горшка. Глядя на бороду Стаса, я вспомнил, что я Калужный. И отец был Калужный, и дед мой, и прадед. Прадед мой, между прочим, царя Николая свергал. Так что мне ли бояться царя, тем более самозваного.

Я оглядел свой отряд, посмотрел на часы с кукушкой и скомандовал:

– Отряд, слушай мою команду! Идем маршем до квадрата тридцать два бис. Ориентир на планету Сириус. Разговоры, перекуры, малая и большая нужда запрещены до привала. Первый привал через четыре часа. Вопросы?

У Лохопета вопросов не было, он сидел, прислонившись спиной к облезлой осине и, кажется, спал. Зато спросил следователь Баулов. Я, естественно, знал, что он спросит.

Он повел головой от плеча к плечу и обратно и прищурился, глядя мне прямо в глаза:

– Почему это Сириус?

Что, и вы, товарищ писатель, туда же?

Сириус – это двойная звезда и шестой по яркости небесный объект. Остальное прочтаете в рукипедии. А Баулову я ничего объяснять не стал, он ведь спрашивал не ради ответа. Его вопрос нес в себе вызов и провокацию одновременно. Вызов потому, что он оспорил команду. В нашем обществе все команды исполняются неукоснительно и вопросов не задают. Думаете, зря считается, что мы носим круглое, катаем квадратное и красим траву?

Мы так делаем потому, что всякий иррациональный поступок укрепляет боевой дух. Знаете, что такое боевой дух? Скоро узнаете.

В общем, Баулов задал лишний вопрос. Вызывающий, провоцирующий и отвлекающий одновременно. Будь на моем месте Лохопет или вы, вы бы тут же расслабились и пустились в про-

странные объяснения и на небо рукой указали. Печень открыта, почки открыты, скулы расслаблены. Бей не хочу. И Баулов ударил. Но в отличие от вас я был готов и сделал шаг в сторону, уйдя с линии нанесения удара, за тысячную долю секунды до начала атаки. Я сделал это автоматически и оказался прав: Стасик ударил. Он уверовал в то, что сумел меня отвлечь, потому бил наверняка, с отмашкой, с провалом. И в том месте, где мгновение назад располагался мой нос, а теперь был только воздух, показался кулак Баулов, за ним локоть, плечо, а потом и все туловище. Кинетическая энергия удара была так велика, что потащила за собой ее генератора. Получился невысокий, не сверхзвуковой, но довольно эффектный полет, окончанием которого стало падение. Безболезненное, под ногами рос мох, но довольно обидное. Как и всякий большой, слишком большой относительно размеров своей головы, человек, майор был обидчив, и поэтому он не успокоился и снова ринулся в схватку. Я не бью своих подчиненных, ограничиваясь замечанием или нарядом, но тогда выдался особенный случай. Не дожидаясь повторения удара, я схватил майора за бороду (еще один недостаток волос – они могут быть использованы при драке), чтобы поднять над землей, крутануть и опять уложить лицом в мох.

Внизу что-то затрещало, и Баулов выкрикнул слово:

– Сдаюсь!

В состоянии покоя у майора довольно высокий голос, а сейчас он вообще прозвучал как женский. Это потому, что я у него бороду оторвал. Борода оказалась фальшивая – накладная, как у клоуна или циркового факира.

Так или иначе, бой был завершен.

Я объявил поверку, и мы встали на маршрут...

Нет, товарищ писатель, проще я формулировать не умею, у вас своя пунктуация, у меня своя орфография. Каждый занимается своим делом...

Глава 3. Марш-бросок

Шли рваным темпом по пересеченной местности. Я планировал достичь реки до наступления темноты, но тормозил Лохопет. Он не справлялся с нагрузкой: путал ноги, нарушал построение. Из-за него мы казались стороннему наблюдателю – а лес, поверьте, наполнен такими – сбегавшими с каторги жуликами, а не элитным отрядом специального назначения.

Пару раз Лохопет засыпал на бегу и, упав, лежал неподвижно, как насекомые, когда хотят обмануть глаза птиц в надежде, что их примут за прутик или кусочек грязи. Тогда к процессу подключался Баулов. Он поднимал Лохопета с земли и встряхивал словно тряпку, а когда Антон просыпался, ловким поджопником придавал ему необходимое ускорение. Натренированные движения выдавали в майоре опытного садиста. Я не предотвращал последственных действий майора, поскольку хорошо понимал, что природа никого не создает просто так, и если на этой земле существуют глисты и змеи, то и садисты для чего-то нужны, например, для укрепления воинской дисциплины. Вопрос дисциплины, однако, на марш-броске решен не был, один из pinkов майора пришелся не на Лохопетовский зад, а на буковый пенёк. Баулов дико взвыл и оставшуюся часть марш-броска скакал на одной ноге...

Тогда-то мне в душу (не знаю, что это такое, но так говорят) закралось сомнение: так ли прост Лохопет, как кажется на первый взгляд? Я проиграл в уме догонялки со следователем и понял, что ни один поджопник не достиг цели – за миг до того, как ботинок майора собирался проделать дырку в пятой точке преследуемого, Лохопет менял траекторию. Выходило, что именно он задавал направление, выбирал темп и ритм и в итоге вывел группу к реке, причем кратчайшим путем.

Воды мы достигли, когда ночь расставила по небу звездные патрули. Если бы это был учебный бросок, я бы отдал приказ отряду вернуться к исходным позициям и осуществить вторую по-

пытку для улучшения показателей. Увы, мы действовали в условиях боевых, а боевая обстановка повторов не допускает.

Природное название водохранилища навеки останется в тайне. Озвучить его не могу – во-первых, нельзя, во-вторых, я не помню. Пункт 112 устава сообщает: «Необходимым и достаточным умением испытателя является умение забывать». По окончании заданий или испытаний мы проходим курс нейроигло-, иногда нейроштыкоукальвания, и воспоминания уходят. Иногда их обрывки возвращаются в качестве видений и снов. Снов я не вижу, но видения бывают. Если начинать их анализировать, то оказывается, что я неоднократно бывал на Луне и на более дальних планетах и спутниках, путешествовал в Америку сквозь пустоты в земной коре на специальном ядре. Вы, товарищ писатель, наверняка сейчас подумали о безумии. Это в самом деле безумно, но сознательно сделано с нами и ровно затем, чтобы нивелировать наш личный испытательский опыт до уровня бреда на случай, если испытатель захочет перейти на сторону предполагаемого врага или если враг захватит испытателя в плен. Потому, товарищ писатель, если я вдруг заговорю на непонятном для вас языке, не пытайтесь переводить и ни в коем случае не пытайтесь мне подражать – ментальные болезни заражны.

Вы пока просто фиксируйте факты, товарищ писатель, понимание придет, когда вы запишете всю историю целиком. И лучше пишите ручкой, все эти планшеты не только уязвимы в плане утечки, но и станут бесполезными в отсутствии электроснабжения. А мы с вами должны гарантировать сохранность сообщаемых мной материалов для вечности.

Для исчерпывающей фиксации исходящих из меня данных вам понадобится следующий канцелярский набор: ручка РШ20, блокнот нелинованный «70 лет СССР» и школьная готовальня. У вас, скорее всего, была такая в третьем классе. Есть с собой? Замечательно. Только распишите ручку получше, потому что сейчас я начну вам рассказывать о наручных часах с кукушкой. Я уже упоминал их в рассказе, но вы пропустили мои слова мимо – правильнее было бы сказать между – ушей. На этих часах нет циферблата. Вместо механизма внутрь вставлена копия птицы «кукушка» отряда кукушкообразных. В природе, как в армии, все живое делится на отряды, роды и части. Природа мудра, выпади ей быть человеком, она стала бы как минимум подполковником, как я, или выше...

И опять о часах. Они измеряют время не в часах и минутах, а в единицах опасности. Степень опасности определяется звуковым птичьим зуммером. Большую часть службы умная птица спит. Перед тем как что-то должно случиться, она просыпается, высовывается из часового корпуса и подает опознавательные сигналы. «Ку-ку, ку-ку, ку-ку». И так далее.

Чтобы верно оценить степень опасности, нужно провести подсчет издаваемых птицей звуков, а полученные данные расшифровать с помощью специального журнала дешифрования. Журнал насчитывает два десятка «Ку-ку таблиц», позволяющих спрогнозировать все, что может быть важно для жизни, например, артобстрел, снегопад или падение биржевых котировок. Цифровой диапазон «Ку-ку таблиц» находится в пределах от единицы до ста. Где единица – это нулевой элемент умножения, сотня единиц – есть ситуация, в которой поздно что-либо предпринимать. Цифры между тоже имеют самостоятельные значения, например, одиннадцать обозначает «барабанные палочки», шестьдесят шесть – «валенки», и так далее.

Каким именно образом птица угадывает время подачи сигналов, никто не знает.

Часы, о которых я сейчас вам рассказываю, вручил мне генерал Каплунов немедленно после того, как я съел пакет с заданием.

Вторым элементом положенной мне амуниции был сотовый телефон. Я тоже тогда скривился, так же как вы сейчас: идя на задание я ожидал получить легендарный пистолет-пулемет Криворукова или хотя бы пакет со взрывчаткой. Вместо этого мне выдали символ избыточности и праздности.

Заметив мою реакцию, генерал пояснил:

– Сережа, не строй из себя эстета, дают – бери, бьют – беги. К тому же это не какая-то китайская дрянь, это наш аппарат, отечественный, и не штамповка конвейерная, а штучный товар. В нашем ведомстве таких мобил только две. На вид как американский айфон, но только на вид. Звонить по нему можно в любую точку земли – в Америку, Африку, на Северный полюс, но разговаривать ты в любом случае будешь с одним из наших людей. Ведь все исходящие переадресуются на один инфоузел. Ребята там высший класс, все голоса передразнивают – хоть Обаму, хоть Байдена, а хоть саму Псаку. Как ты понимаешь, единый инфоузел создан ради предотвращения возможных утечек. Информация, Сережа, в наше время самое ценное. То же самое с интернетом мобильным. В твоём телефоне хочешь гугл набирай, хочешь ютуб, хочешь музыку слушай, хочешь смотри порнушку – везде наши люди. Понимаешь, Сережа, как мы продвинулись за последние годы?

– Рад стараться! – вытянулся я по стойке смирно.

Сан Саныч посмотрел на меня и вздохнул:

– Хорошо, что стараешься, хотя ты тут ни при чем.

– Товарищ генерал? – попросил я.

– Валяй. – Каплунов снова вздохнул.

– А что, если мне понадобится позвонить не в Америку, и именно вам?

– Звони, не ошибешься – кнопка всего одна.

– Но ведь там, на едином инфоузле, вас не будет...

– Не будет, – подтвердил генерал.

– Там, – продолжил я, – вместо вас со мной станет разговаривать пародист или пранкер...

– Ну да.

– А я ему как на духу выложу всю правду-матку о нашей гостайне...

Генерал отвернулся к окну. Когда через несколько минут повернулся, его лицо было красным.

– Ты сам этот вопрос придумал, Сережа, или тебя научили?

– Сам, – кивнул я.

– Не надо мне звонить, я тебе сам позвоню, когда надо будет. Ментально, Сережа, я всегда буду рядом с тобой. У нас с тобой одни и те же приборы.

Сан Саныч показал мне кулак, и я разглядел на его запястье часы с кукушкой. В точности такие, как у меня.

Вот такой разговор у нас вышел.

Что касается амуниции Лохопета, то ему, как гражданскому, она не полагалась. Только паек в три четверти нашего с майором пайка.

Несправедливо? Возможно. Учиться надо было Антону военной специальности, пока был молодой, а не баклуши бить. Офицерский паек кому попало не выдается.

У речного причала нас должен был поджидать специальный баркас, так сообщала выданная Коноваловым ориентировка. Но у борта дебаркадера колыхался только бревенчатый плот без названия, флагштока и других опознавательных знаков, зато оснащенный шалашом из свежего сена и навесным мотором «Ветерок-8» выпуска тысяча девятьдесят четвертого года.

Я посмотрел на часы, сверяясь не столько со временем, сколько по духу, и мы погрузились в судно. Баулов оттолкнул берег тяжелым пожарным багром, и могучие воды реки понесли нас вперед.

Путешествие началось...

Глава 4. Ночь

Наш плот плыл по реке, а мы плыли на нем. Мы с Бауловым расположились у гребей, на носу и корме согласно ранжиру, для корректировки движения. Впрочем, лопасти весел оставались су-

хими, так как плот (для разнообразия я буду называть его борт) шел четко в фарватере, гонимый ровным сильным течением. Настроение у всех было хорошим и бодрым, и только ульяновский «Ветерок» угрюмо висел над водой, поскольку команда, которая должна была отвечать за оснастку и снаряжение, забыла заправить бензином мотор. Так или иначе, мы шли вперед на скорости семь-восемь узлов.

Товарищ писатель, не пытайтесь конвертировать узлы в километры, этим действием вы сразу лишите романтики судовую жизнь моряков, морских волков, котиков и чертей или как там они себя называют. Ведь если перевести на сухопутный язык все эти кубрики, рубки, гальюны и прочие кабельтовы, получится довольно тесный, не слишком удобный дом-общежитие, которому не нашлось места на берегу. Для нас же, людей конкретных и вдумчивых, имеет значение не скорость, а время. Я получил приказ от Каплунова спускаться по реке трое суток, и ни минутой больше. И я должен был выполнить этот приказ, чего бы это ни стоило.

Вам, товарищ писатель, должно быть, в школе рассказывали, что все реки текут в одном направлении, сверху вниз, если иметь в виду карту, и с севера на юг – если компас. Мне тоже такое рассказывали, поэтому я долгое время так думал. Я постоянно думал. Думал о том моменте, когда вся жидкость стечет с Северного полюса и соберется на Южном. Сверху будет суша, снизу – вода. Один материк, один океан. Однополярный мир. Кто в этом мире окажется главным, доминирующим и определяющим? Мы или они? И кто такие «мы»? И что нам нужно будет определять? Если я приставал с такими вопросами к лицам одного со мной гендера, дело часто кончалось дракой, если к женщинам – бракоразводным процессом. И в итоге я перестал думать об океанах и реках, перестал думать о воде в принципе, пока судьба испытателя не столкнула меня с этим водохранилищем. Эта река была совершенно другой и текла она поперек, даже наперекор: с запада на восток.

И не вздумайте сейчас глазеть в свой айпод, вы не найдете ее на карте, не увидите в гугле. Это река, как бы так помягче сказать... очень сложная. Для ее всесторонней характеристики нам с вами понадобится написать, а точнее нарисовать, еще одну книгу – «Атлас тайных рек родины». Вы умеете рисовать, товарищ писатель? Очень жаль, потому что я тоже.

Прав был старший лейтенант Лермонтов, тысячу раз был прав. Были раньше люди, не то что сейчас. Эти люди и сделали эту реку. Эти люди позаботились, чтобы неприятелю или просто пустому равнодушному человеку река была не видна и чтобы видеть ее могли только люди, влюбленные в свою родину.

Убедившись, что плотом может управлять один человек, я отдал следователю команду отбой, а сам остался дежурить возле руля на корме. Беспогонному вольнонаемному Лохопету команды не требовались, он уснул, как только ступил на борт.

Ну а мне не спалось. Я вообще не люблю спать, мало того что во время сна человек становится уязвимым, так еще и выглядит крайне нелепо. Восемь часов в сутки люди являются прикованными к постели, где они потеют, ворочаются и храпят, а проснувшись, пересказывают друг другу обрывки плодов больного воображения, которые называются снами...

Однажды я повстречаю того, кто все это придумал, и спрошу его прямо в лоб:

– Ты того, ты зачем это сделал? Мы ведь все здесь не очень умны, да еще и треть жизни проводим в бессознательном состоянии. Ты бы лучше занял нас каким-нибудь общественно значимым делом. Не так ли?

Я люблю задавать вопросы. С самого детства люблю. Их у меня много за жизнь накопилось. Я, возможно, по этой причине и стал испытателем. А не смог бы стать испытателем, так начал бы книжки, как вы, писать. Мы ведь с вами, товарищ писатель, занимаемся практически одним делом: ищем ответы. Только вы их себе придумываете, а я – нахожу...

Мы проплыли всю ночь. Стоял штиль, и поверхность воды была ровной и глянцевой, как крышка у пианино. И от этого звезды отражались в черной воде без малейшего искажения, то есть

были точно такими же, как их прототипы на небе. Таким образом, звезды были одновременно над головой и под ногами – внизу, будто я находился в межзвездном, но при этом наполненном кислородом пространстве. Я вдруг почувствовал себя космонавтом. Первым космонавтом в открытом космосе без скафандра, но в обыкновенном охотничьем комбинезоне и овечьих носках.

Не в силах сдержать накотившего приступа счастья, я рванул комбинезон на груди и закричал: – Ы-ы-ы! У-у-у!

Это громкое протяжное «а-а-а» не имело ничего общего с победным восклицанием высших приматов. Это был поиск контактов, сконцентрированное послание внеземным цивилизациям, содержащее в себе всю необходимую информацию лично обо мне и обо всех нас...

Глава 5. Стикс

Как вы понимаете, эта река... погодите, что мы все река да река, когда это не просто река, а рожденный подневольным человеческим трудом живой организм, нуждающийся в названии. Потому давайте назовем ее сами. Назовем реку Стикс. Это будет сокращенное название, аббревиатура полного названия: «Союз товарищей испытателей и космонавтов». В честь носителей моей профессии, нетрудно догадаться. Согласитесь, звучит!

Так вот, Стикс создавался как мегананопроект для смычки Востока и Запада. В случае его реализации возникал новый «шелковый путь» – логистическая структура, которая в силу своей простоты и дешевизны обещала обанкротить конвенциональные системы перемещения материальных ценностей, как-то: авиацию, железнодорожный, судоходный и иже с ним транспорт, чтобы монополизировать рынок перемещения фуража, продовольствия, амуниции и далее по алфавиту... Проще говоря, свести разношерстные транспортные потоки в один – на реке нашей матушке-Стикс. Или все-таки – батюшке? Как будет правильно, товарищ писатель?

Впрочем, не говорите, вы лучше представьте себе: для того чтобы двигаться по этой реке, вам не нужны ни моторы, ни двигатели, ни прочие механизмы. А раз не нужны механизмы, то не нужны и моторные масла, топливо и мотористы, потому что всю полезную работу за вас выполняет вода. Она просто течет, а вы движетесь вместе с ней. Хотите на плоту, а хотите – на катамаране, да хоть на бревне. Рядом с вами плывут товары, продукты, услуги – все, что угодно, не знаю, я не специалист по коммерции...

Когда мы с ребятами плыли по Стиксу, движение шло только в одном направлении – слева направо – с запада на восток, но сейчас, скорее всего, ситуация изменилась. Генерал Каплунов намекнул мне тогда, в Москве, что нашим ученым выдано техническое задание на разработку системы двунаправленного течения через создание единой многоканальной системы бифуркации рек.

Успешное выполнение задания, а я в наших ученых не сомневаюсь, обещало нам фронтальное господство над мировыми товаропотоками. Представьте себе реку, разделенную на две половины дорожными знаками. По правой полосе с запада на восток текут айфоны, кроссовки и плазменные телевизоры, по левой полосе, то есть в обратную сторону, текут сжиженный газ и нефть. Нефть и газ вместо воды, представляете! И ни трубопроводов, ни газопроводов строить не надо. Все движется в нужном направлении согласно законам природы и под управлением научной силы человеческой мысли...

Тогда, правда, кроме нас по Стиксу плыл только мусор: бутылки из пластика, полиэтиленовые пакеты, резиновые изделия номер два, выполнившие боевую задачу тотального уничтожения будущей жизни. Но это я заметил, только когда стало светать, а до этого, повторюсь, вся вода была в звездах.

Товарищ писатель, разрешите отвлечься от основной темы и сказать несколько слов о мусоре. Недобрые языки утверждают, что наша страна становится похожей на свалку, мы не только мусорим сами, но и позволяем богатым странам захоранивать мусор у нас. Воспользуюсь случаем,

чтобы ответить клеветникам. Во-первых, то, что сегодня считается мусором, может со временем стать новым невосполнимым ресурсом, а значит, приобрести высокую ценность. Пример из истории: первобытные люди считали нефть и каменный уголь жидкой и твердой грязью. Прошли тысячи лет, прежде чем они осознали, что без этой грязи никуда и никак...

Понимаете?

Во-вторых, рано или поздно нас, людей, на земле станет столько, что даже пальмового масла на всех не хватит, и человеку придется употреблять в пищу то, что останется. А что остается, когда вся еда съедена? Правильно – упаковка. На данный момент установлено, что некоторые виды бактерий и некоторые породы жвачных животных способны переваривать пластмассу и пластики. А если это могут делать скоты и микробы, значит, сможем и мы – человекообразные, ведь в наших жилах течет кровь и млекопитающих и микробов. То есть мы можем все, что могут наши низшие, так сказать, братья и сестры, от собаки Павлова до палочки Коха. Я, дорогой мой писатель, открою вам одну тайну – мы, люди, всеядны!

В свое время я изучал пищеварительные процессы не как потребитель, а именно как испытатель. В программе, к которой я был прикомандирован, изучение начиналось с органики: я ел куриные яйца со скорлупой, арбузы с семечками и коркой, картофель с ботвой и так далее, и мой организм не распознавал вкусовой разницы. Затем эксперимент был усложнен: мне были предложены конфеты с фантиками и шаверма в бумажной обертке. Потом настала очередь мягкого пластика – сухие супы и ланчи в полимерных коробочках. Когда соотношение органики и неорганики в рационе вышло на отметку один к одному, эксперимент был остановлен. Никто не объяснил мне причин, это в нашем деле не принято. По косвенным признакам – товарищи по отряду летчиков-испытателей и испытателей-космонавтов перестали отдавать мне пасы при игре в мяч, их шутки и смех смолкали, когда я заходил в казарму, – я догадался, что стал превращаться в неорганическое существо. Нет, внешне я не изменился: как был девяностокилограммовый стовосьмидесятисантиметровый блондин с размером сапог сорок шесть, так и остался им. Изменились только ступни моих ног, но как! Они стали подлаживаться под окружающую среду, принимая форму берц при ходьбе по камням или войлочных тапочек при входе в казарму.

Я решил посоветоваться с военврачом и пошел в медсанчасть, где мне было выдано направление в госпиталь для консультации с педомантом. Там собрался целый консилиум, состоявший из людей в длинных белых халатах и в длинных колпаках с прорезями для глаз и рта. Пошептавшись между собой, доктора потушили свет и обошли вокруг меня тринадцать раз. В руках каждого был кинжал и свеча. После этой встречи меня перевели на эксперимент «БВП», изучавший адаптивные возможности организма для жизни в безвоздушном пространстве.

Это очень интересная тема, но выходит за рамки нашего с вами повествования, поэтому предлагаю вернуться к Стиксу.

Вдоль берегов бесконечным забором тянулись смешанные леса. Деревья стояли так плотно, как, наверно, стояли на Сенатской площади лейб-гвардейцы Семеновского полка, и я ощутил острое желание дать по ним залп из ПЗРК. К несчастью, оружия у нас не было, поэтому я перестал думать о лесе и начал думать о людях. Мы плыли без малого шестнадцать часов и не увидели на берегу ни единого человека, ни в качестве купальщика, ни в качестве пейзажника, решившего разнообразить свой скудный пищевой рацион за счет рыбной ловли. Я стал всматриваться в берег внимательнее и вскоре сообразил, что Стикс спроектирован таким образом, чтобы исключить возможность подхода к воде.

Я начал думать как обыватель, и пришел к выводу, что это вопиюще несправедливо и наша народная поговорка – «жить у реки и не напиться» – сочинена именно про такие места. Действительно, живет человек всю жизнь у гигантского водохранилища и не может насладиться благами жидкой стихии: искупаться в проточной воде, выудить и съесть рыбку, подцепить багром добрый топляк, который будучи должным образом высушенным вносит свет и тепло в унылую жизнь сельского жителя. Да, в конце концов, выйти ранним утром к реке, встать на краю мостка, широко

улыбнуться и пустить желтый фонтан на могучую синюю гладь. Словно в мире больше нет ничего: только человек и река. Величественная картина!

Затем я попытался осмыслить увиденное глазами государственника, державника, если хотите. Картина показалась принципиально иной. Страшно представить себе, что случится, если сельские жители узрят, какие богатства проплывают мимо них в бесперебойном режиме, не оставляя в их жизни какого-либо следа. Они догадаются, что они негры, извините, афроамериканцы, копающиеся с утра до ночи на чужих нечерноземных полях. Сначала они выбросят свои грабли и бороны в Стикс, а затем вычерпают из него коромыслами всю нефть и весь газ, выловят товары народного потребления, вместо того чтобы покупать их в магазинах и супермаркетах, уплачивая НДС, подоходный налог и так далее. В итоге крестьяне разбогатеют, как олигархи, а олигархи, наоборот, разорятся. Крестьяне усилятся, а государство ослабнет. Наше с вами священное государство, которому я приносил присягу. Да и вы тоже наверняка принесли, товарищ писатель. Без присяги жизнь – не жизнь, а существование, пустое потребление общественных благ.

Потом я с ужасом подумал о том, на что потратят выреченные деньги крестьяне – конечно, на водку, истратят на водку весь золотовалютный запас. Начнется инфляция, падение курса рубля. Новое мышление, перестройка и гласность. Не знаю, как вы, но я больше не хочу ни во что перестраиваться и гласности не хочу. Не надо нам больше гласности, за нами и так постоянно следят. Нам, товарищ писатель, не гласность нужна, а согласие, чтобы все друг с другом ладили и делали одно дело одновременно, то есть чтобы все стали одним большим человеком. Тогда и горы свернем, и океаны засыплем, и сделаем что-нибудь подобное с городами. Но чтобы стать таким человеком, нужно чтобы за всех думал только один человек, а остальные не думали от слова «совсем». Поэтому и мышления нам не надо, тем более какого-то нового. Хватит, подумали: страну чуть не продали по частям, едва на металлолом не сдали.

Это я, товарищ писатель, рассказываю вам о том, как тогда я подумал. Подумал и понял, что перед тем как запустить «мокрым шелковым путем», береговую зону необходимо будет огородить колючей проволокой и через каждую тысячу шагов поставить сторожевые вышки, оснащенные пулеметными гнездами. Нельзя по-другому с нами. Иначе не поймем, не захотим, не проникнемся сутью...

Я отвлекся от грустных мыслей и увидел, что вокруг рассвело. Я разбудил ребят, плеснув внутрь шалаша ведро холодной воды. Обливание, особенно неожиданное, – вещь полезная: холод закаляет тело, неожиданность – дух. Что касается души, то в нее я не верю.

Лохопет с Бауловым отозвались хриплым «трах-тарарах!».

– Сами вы трах-тибидох! – вторил я им.

И мы рассмеялись все вместе. Я еще плохо знал этих людей, но уже был уверен, что мы подожмемся.

Глава 6. Знакомство

– Равняйся, смирно, вольно! – скомандовал я. – Пять минут на водные процедуры и свободное время.

И продемонстрировал членам спецгруппы технику походной помывки. С этой целью я лег на живот и пополз к краю плота. Когда моя голова выдвинулась за борт на расстояние шеи, я наполнил воздухом диафрагму и легкие и, сунув голову в воду так, чтобы весь череп оказался под ватерлинией, разомкнул губы и веки и произвел головой десять реверсивных полувращений от правого плеча к левому. Таким образом, я одновременно очищал от ночной грязи ушные раковины, полости носа, глаза и зубы. Эта древняя техника копировала отряхивательные рефлексy собаки, которая выбралась из воды на берег, только наша применялась не в воздухе, а в воде. К слову, я так моюсь не только в походных условиях, но и в обычной жизни, потому что это эргономично. Вы наверняка слышали, что при рождении человеку выдается определенное количество энергии,

строго соответствующее поставленной ему цели, как походный паек – столько-то килокалорий на день пути. То есть выделяется на движение, на действие. Вместо этого люди тратят ее на разговоры, на просмотр телевизора, а теперь и на интернет. Был бы еще в этих разговорах как-нибудь смысл, так нет, все беседы сводятся к тому, кто, как и где покушал и где и как потом это выкакал. И все это сопровождается какой-то театральной мимикой, отчаянным жестикулированием, кивками головы и судорогами тела, будто бы от выбора еды зависит быть или не быть. Между тем человек должен контролировать свою динамику и запрещать себе немотивированные колебания и движения без необходимости. Ну а если уж необходимо двигаться, то делать это надо так, чтобы одно твоё движение решало две задачи как минимум. Например, одновременно кушать суп и второе, а еще лучше суп и второе, и хлеб. Или читать одновременно интернет и газету. Или, когда тренируешься, играть в шахматы, бежать и грести. Так поступали Наполеон и Леонардо да Винчи, которых справедливо относят к представителям сверхчеловечества...

Парни умылись, повторяя за мной, после чего начался прием пищи. Скромный солдатский прием: перловая каша, тушенка и сухари. Мы ели быстро и молча, как едят люди, которые знают, что ни обеда, ни ужина у них может не быть. В смысле никогда вообще. Когда с твердой пищей было покончено, пожевали чайных листов для бодрости и запили все это водой из реки.

– А теперь, – сказал я, засунув вылизанную дочиста ложку за голенище, – пришло время знакомиться. Звеньевой четвертой бригады копателей, почетный бурильщик седьмого разряда Сергей Елисеевич Перетугин. Пятьдесят лет. Здоров. Разведен. Подался на заработки на севера. Остановился на ночлег в гостинице «Дружба». Заинтересовался вашим прекрасным городом и решил на пару деньков задержаться для осмотра достопримечательностей и освобожденных от семейных обязанностей лиц женского пола.

Все, что я сейчас говорил ребятам, было легендой – вымышленной историей о себе на случай, если попадешь в плен к врагу, другими словами, брехней от первого до последнего слова. За исключением имени. Каждый человек в принципе способен изменить в себе все: внешность и походку, паспортные данные и отпечатки пальцев. И только имя он менять не должен, потому что твоё имя и есть ты. Даже больше: имя – это то, что после тебя остается. Так-то.

– А вы кто такие? – спросил я у членов своего маленького экипажа, включая в свою речь простонародные косноязычные реплики. – Откудова будете?

– Я Лохопет, – сказал Лохопет.

– Отставить, Антон, – перебил я. – Мы уже на задании. А на задании мы становимся другими людьми. Мы сейчас рассказываем легенды – выдуманные истории, факты из жизни и биографии на случай, если окажемся на допросе в плену. Наши легенды должны стать нашей жизнью на время задания. Вас должны были инструктировать перед отправкой.

– Инструктировать меня бесполезно, – отвел глаза Лохопет. – Я же гражданский.

– Тогда отставить стоять, – махнул я рукой. – Можете сесть.

– Не могу, – ответил Антон, – я уже.

Он не врал, он действительно все это время сидел. Я закрыл глаза, медленно выдохнул и повернулся к Баулову.

– А ты будешь чьих, мил человек?

– В каком смысле «чьих»? – напрягся майор.

«Неужели и этот не выучил?» – с досадой подумал я и дал подсказку.

– Известно в каком, в профессионально-укладном: рабочий там, служащий али антиллигент? По виду, похоже, артист.

– Чего? – Баулов поднялся, и плот наш качнуло.

– Нет, вы посмотрите, товарищи дорогие, с нами едет настоящий артист, – продолжил намекать я, выкладывая легенду Баулова карту за картой. – Артист-исполнитель похабного жанра. Касторский. Точно Касторский! «Раз пошли на дело, выпить захотелось...»

Майору оставалось всего-то ответить да, но вместо этого он опять попер на меня, как тогда на поляне.

– Какой, нахрен, Касторский, когда конторский. Четвертое управление. Старший следователь по особо важным делам! – кричал он, прыгая вокруг меня и размахивая руками.

Никакого самоконтроля, только шум и бравада. Пустая трата энергии. Я опять не стал трогать майора, а лишь развернул корпус в тот момент, когда он полез в атаку. Следователь пролетел мимо меня тяжелой свиньей и упал в черную воду.

– Все, отставить легенды, – сказал я, когда маленькая голова майора показалась у кормы среди волн. – Приступаем к плану Б, план А отменяется.

Я не знаю почему, но в нашей стране план А чаще всего проваливается, даже не начинаясь. И была б моя воля, я бы сразу начинал с плана Б.

– С этого момента, – говорил я без бумажки по памяти, у меня хорошая память, некоторые вещи я знаю еще до того, как увидел их или о них прочел. – С этого момента. Мы являемся только теми, кем мы на самом деле являемся, то есть непосредственными функциями задания. Наша задача – найти потерянный наукоград, кодовое название «Китеж-2». В девяностых годах в рамках широкомасштабной конверсии его сняли с федерального баланса, несколькими годами позже списали с региональных счетов. Город перестал существовать юридически и процессуально. Мы должны его найти и вернуть в лоно государственной службы. Меня зовут летчик-космонавт-испытатель подполковник Калюжный. Я старший группы. Отвечаю за общее руководство. Вы, майор Баулов, призваны обеспечить вопросы экономической безопасности. Вы, Лохопет... – тут я замаялся.

Объяснения генерала Каплунова были слишком расплывчатыми, и я до сих пор не понял, за чем к нам прикомандирован Антон.

– Я пока тоже мало что понимаю, – вяло кивнул Лохопет. – Иногда мне кажется, что я не понимаю вообще ничего...

Глава 7. Рассказ Калюжного

Сказал и замолчал. По выражению лица Лохопета было понятно, что он не соврал, и выжить из него дополнительную информацию сейчас бесполезно, поскольку это будет дезинформация, которая всегда возникает под силовым или моральным давлением, или лестью, или еще черт знает чем. А мне нужна была правда. Сколько себя помню, мне всегда была нужна правда. Но, честно сказать, я пока не нашел ее здесь – на земле.

Я снова взгляделся в лица товарищей и понял, что, как всегда, придется начинать мне. И я рассказал о том, как стал испытателем...

Дорогу не ремонтировали из соображений секретности. И все остальное – машину, одежду, сухой и мокрый пайки – мне тоже подобрали из соображений секретности. А непосредственно перед погрузкой на борт генерал Каплунов (он отвечал за доставку меня до пускового объекта) приказал выпить водки, что я и сделал.

– Паленая! – сказал я, кашлянув.

– А ты думал! – усмехнулся генерал. – В нашем деле главное – достоверность.

И налил мне еще. Я опять выпил и занюхал овчинным треухом. Мы оба знали, что мне предстоит полет. А полет всегда риск. С вероятностью пятьдесят на пятьдесят. Или больше. С генералом мы не попрощались. Мы никогда не прощаемся. И не здороваемся. Такая у нас примета.

Не то чтобы я после водки стал пьяный, но тошнота, да, подкатила практически сразу, как тронулся ЗИЛок. Грузовик, а вместе с ним и меня то водило из стороны в сторону, то подбрасывало на ухабах. Чтобы хоть как-то стабилизироваться, я даже пересел с лавки на пол. Руки мои были заняты: правой я ухватился за борт, левой держал топор. На этом участке задания я играл роль крестьянина, который выехал в лес рубить дров.

«Что за жизнь у меня? – думал я про него. – Утром просыпаешься от холода и бодуна, едешь в лес, чтобы заготовить дров, вечером топишь печь, чтобы было тепло, и пьешь водку, чтобы заснуть. Надо что-то менять. Я изменю. Может быть, даже сегодня все изменю».

После этой идеи тошнота стала невыносимой, и мне пришлось нарушить пункт четыре статьи семьдесят пять уставного положения «О ночных перемещениях в зимнее время суток», а именно: выдернуть трос из люверсов, просунуть голову в образовавшееся окно и освободить пищеварительный тракт от алкогольсодержащих продуктов.

С внешней стороны тента густо клубилась вьюга. Видимость была нулевой, но я хорошо представлял себе окружающее пространство: извивающуюся ленту дороги, башни высоковольтки с лохмотьями проводов, затаившегося в ельнике филина, седого и грузного, как генерал Каплунов. Одним словом – дичь. Дичь, дичь, конечно, но что, кроме этого, может повстречаться человеку в лесу?

Насмотревшись и отдышавшись, я затянул тент, лег на пол и заснул. Я всегда засыпаю сразу. Просто закрываю глаза – и сплю. И просыпаюсь сразу. Открываю глаза – и больше не сплю. Как оно происходит? Не знаю. Как-то так происходит. Внутренний распорядок такой.

Проснулся я от того, что ЗИЛ остановился. Хлопнула дверь водителя. Заскрипел под калошами снег. И раздался звук падающей воды. Звук был сигналом, приказывающим катапультироваться, что я и сделал: выпрыгнул из кузова и покатился в кювет. Краем глаза увидел водителя. Он стоял у кабины и, задрав голову, справлял малую нужду под колесо.

Он все делал правильно, в точности как предписывала инструкция: он не должен был видеть в лицо меня, я не должен был видеть его лица на тот случай, если нас поймают и станут пытать. Кстати, если меня станут пытать, где-нибудь на третьи-четвертые сутки допроса я должен буду сознаться, что в 1989 году в Будапеште меня завербовали американцы. Никто меня, конечно, не вербовал, и никуда я не ездил. Мне вообще было десять лет в восемьдесят девятом. Просто такая легенда. В нашем деле у каждого должна быть легенда.

Грузовик уехал. Я лежал на спине и глядел вверх. Вьюга стихла, и за снежными верхушками елей проступила скворода неба. По ее черной, как сажа, поверхности медленно сползала луна. Справа от нее дислоцировался большой ковш, слева – малый (будучи более технократом, нежели гуманитарием, я предпочитал называть медведиц ковшами), а также другие созвездия и звезды, никуда не входящие и раздислоцированные как попало.

Звезд, вообще, было много. В принципе, любая звезда больше Луны, но кажется меньше, потому что находится дальше. Почему я так много знаю о звездах? Потому что я учился астрономии в школе, потом в летном училище, потом в летном городке, где довольно много узнал о войдах, джетах, галактиках, суперсимметриях и сингулярностях. Но, по правде сказать, я не верил в тот космос, которому учили меня щуплые, субтильные профессора, теоретики с козлиными бородами.

Некая секретная часть меня всегда знала, что в реальности существует только Луна, остальные звезды являются нарисованными на гигантском полотне типа брезента и этот брезент натянут вокруг Земли, как тот тент, внутри которого я ехал сюда. Сколько себя помню, я мечтал стать космонавтом и прилететь на Луну. И уже оттуда – с Луны – попытаться сорвать этот брезент к чертовой матери, чтобы узнать всю правду.

Так я думал, пока пробирался сквозь сухой валежник к месту старта.

Лес внезапно закончился идеально круглой и лысой поляной, посреди которой фурункулом вздулся гигантский ржавый ангар. Проваливаясь в снег по колено, я заспешил навстречу мечте. Спустя двадцать минут неспортивного бега с препятствиями я постучал в дверь ангара, как было условлено: два раза по два и три раза по пять. В ответ раздался ляг засова, дверь открылась. На пороге стоял хорошо знакомый мне человек.

– Заходи, – сказал он и добавил: – Сережа.

Я остался стоять. Я пытался думать – и думать быстро. Я не имел права сделать ошибку. Да, меня звали Сережа. И условленным паролем тоже было слово «Сережа». Но человек, который

меня сейчас встречал, и человек, который меня провожал, был одним и тем же человеком. На нем, как и на мне, был надет тулуп и треух.

– Генерал, – пробормотал я, – это вы?

Задавать вопросы у нас тоже не принято, но как-то вырвалось...

– Брат-близнец, – пошутил он. – Заходи внутрь, ангар застудишь.

Я послушался. Внутри было полутемно. Свет шел от нескольких бочек, в которых сгорали облитые соляркой тарные доски. Кроме нас с Каплуновым и этих бочек в ангаре находился только один предмет, усидчиво задрапированный маскировочной сеткой и меньше всего напоминавший своими контурами ракету.

– Это что? – опять не сдержался я, но сразу поправился: – Товарищ генерал, виноват.

– Да ты не извиняйся, Сережа. У тебя сегодня полет. Тебе сегодня все можно. В том числе и вопросы. Или ты, может, того?

Генерал замолчал и всмотрелся в мое лицо так пристально, словно до этой минуты ни разу меня не видел. Ну а я продолжал смотреть на него. Так мы и молчали. Я не выдержал первым, все-таки он генерал, а я – подполковник.

– Что «того»? – спросил я.

В качестве объяснения Каплунов сделал несколько коротких ритмичных движений, изобразив то ли лыжника на крутом спуске, то ли жокея на ипподроме.

– Лыжник? – предположил я. – Лошадь?

– Ну какая ты лошадь, Сережа? – Генерал как будто обиделся. – Я о другом. Может, ты хочешь раскрыть свою гомосексуальность перед решающим исполнением долга?

Бывалые космонавты вам скажут, что самым сложным в нашей профессии считается время перед полетом. Тебе кажется, что ты готов ко всему, и вдруг появляется нечто или же некто... Я сам не заметил, как встал в боевую стойку и поднял топор.

– Сережа, – отступил на два шага Каплунов, – не надо, Сережа. Это была проверка. Теперь так положено. Знаешь, какие люди сейчас в эту тему уходят? Страшно подумать.

– Ну а если я не смогу? – вдруг ни с того ни с сего спросил я.

– Расчехлиться? – выдохнул он.

– Нет, задание не выполняю!

– Выполнишь, Сережа, не имеешь права не выполнить. Знаешь, сколько в этот проект денег вбухано? Знаешь, сколько серьезных людей получили звезды и премии за всю эту конструкцию?

Я заматал головой.

– Лучше тебе не знать, – сказал он. – А топор опусти.

Я опустил.

– Молодец. Положи его на землю и толкни ногой в сторону. Вот так, хорошо. Теперь задавай вопросы. Времени у нас не так много. У тебя три вопроса. Поехали.

– Это что, пусковая площадка? – задал я первый вопрос.

– Да, пусковая. Бюджетная только. А ты что же, Сережа, думал, мы Байконур тебе соорудим? Ты забыл, что мы под санкциями, Сережа? Это раньше технологии можно было купить, можно было украсть, в крайнем случае – изобрести, а теперь все приходится делать вот этими вот руками... – Генерал снял перчатки и показал мне короткие волосатые пальцы, украшенные платиновыми печатками.

– Где ракета? – задал я вопрос номер два.

Вместо ответа генерал развернулся и пошел прочь твердой суровой походкой человека, привыкшего как к земным, так и к внеземным колебаниям. Поравнявшись с неопознанным мною закамуфлированным объектом, он эффектным жестом фокусника стащил с него драпировку.

Камуфляжная сетка скрывала пушку. Копию той самой Царь-пушки, может быть даже оригинал. Ее ствол был развернут к земле.

– Ты чего там притих? – усмехнулся Каплунов. – Впечатлен?

– Товарищ генерал! – отпартовал я. – Но это же не ракета. Это какая-то бутафория. Муляж для отвода глаз.

– Это, Сережа, не бутафория. Это настоящая пушка. Девяносто один процент меди, шесть – олова, до одного процента цинка, кобальта, железа, никеля и серебра. – Каплунов сделал паузу, зацокал языком и закатил глаза. – Отлита по чертежам одна тысяча пятьсот восемьдесят шестого года. Это, Сережа, больше, чем пушка. Это наша история. Наши корни, наши истоки. А потеряешь корни – потеряешь все остальное. Ты, наверное, сейчас думаешь, что это самоубийство. Это, Сережа, не так. Это большая ответственность. Не всем выпадает возможность совершить подвиг. В мирное время. Я, между прочим, тоже мечтал о полетах на Марс и Венеру, а был вынужден двадцать лет копаться в этой снежной грязи и разбавлять мочой ГСМ, чтобы на закуску хватило, как какой-нибудь Витус Беринг.

– Но, товарищ генерал, как можно на этом взлететь? – спросил я.

– Нам, Сережа, не надо взлетать. Мы, то есть ты, Сережа, полетишь вниз... Стоп, отставить, полковник! – Каплунов угадал мою реплику. – Есть такие вещи, которые объяснить невозможно. Ими нужно просто гордиться. Так что гордись и не задавай лишних вопросов, тем более что твои вопросы закончились. Теперь говорить буду я. А ты будешь моргать. Один раз, если понял, два раза, если нет. Ты понял?

Я моргнул.

– Мы, между прочим, хотели Чубайса туда отрядить. Он бы им показал, что такое «Роснано». Щас бы рубль наш, Сережа, стоил у них восемьдесят бачей. Мы даже засаду устроили на него, но в последний момент оттуда, – генерал указал пальцем на крышу ангара, – дали отбой. Понимаешь, о чем я?

Я моргнул дважды.

– Молодец. Я тоже не понимаю, зачем им Чубайс. А сейчас иди ближе. Ко мне сюда и смотри.

Каплунов схватился за ближайшую бочку, перевернул ее днищем вверх и раскрутил на нем желтый пергаментный свиток.

– Этот манускрипт, – объяснил он, – был найден в месте падения Тунгусского метеорита. Это карта Земли. Видишь – здесь север, здесь юг.

Я снова моргнул, на этот раз без причины. Все моргают без причины время от времени.

– Вот где-то здесь, – Каплунов ткнул в верхнюю, девственно чистую область рисунка, – находимся мы. А тут, – его палец ударил в заштрихованный черным карандашом низ, – Овальный кабинет.

Я хотел моргнуть, но не смог, потому что глаза мои пучились от удивления.

– Да, Сережа, тот самый. Тот самый. Задание твое заключается в следующем: пролететь через центр Земли и высадиться на поверхность Овального кабинета ровно в три сорок пять по американскому времени. В это время их президент, как у них говорят, имеет свой ланч и смотрит тиви... Я, Сережа, вижу, что ты не можешь моргать, поэтому, так уж и быть, говори...

– А что он обычно смотрит? – выдохнул я.

– Думаю, порно. Что-нибудь из блэк-матер. Или даже из блэк-гей-матер...

– И я должен буду его оприходовать?

– Ни в коем случае. Там, – генерал снова указал пальцем на крышу, – сказали, пока никого не приходить, хотя, конечно же, стоило бы. Они нас уже тридцать лет приходяют, а мы...

– Так, может?..

– Не может, – отрезал генерал. – Припугни просто. Скажи что-нибудь. – Генерал задумался.

– Чисто по-русски. Какое-нибудь одно наше слово.

– «Рособрнадзор»? – предложил я.

– Подойдет, – сухо кивнул Каплунов. – Только надо напугать хорошенько. До дрожи. А то они над нами смеются. Ты понимаешь, Сережа, что они считают нас идиотами?

Я моргнул.

– А мы им покажем на деле, кто из нас кто. Короче говоря, когда их президент от твоих слов упадет в обморок, ты снимешь с его стола ихний флаг. И водрузишь наш.

– И все?

– И все. – Генерал вдруг улыбнулся какой-то детской, совсем беззащитной улыбкой. – Трендец Америке. Вашингтон наш. Ну что, к полету готов, товарищ полковник?

Я закусил губу и ударил мерзлую почву носком сапога, чтобы отогнать от себя предательский страх.

– А если не пролечу?

– У нас, Сережа, потому и не получается ничего. – В голосе Каплунова прозвучала такая решимость, с которой люди бросаются на амбразуры. – Мы разучились верить в себя. Ты свой детский садик помнишь? Пионерлагерь помнишь? Кисель, манную кашу помнишь? Пиво по восемнадцать копеек? Сушеных подлещиков? А ацидофилин и эскимо на палочке? А заводы и фабрики? Где оно все сейчас?..

Я заморгал часто-часто и, словно ведомый каким-то невидимым ЦУПом, полез на лафет.

– Нету! – гудел генерал. – Теперь ничего у нас нету, ничего! Отняли, Сережа, они у нас родину!

Внутри меня закипал холодный огонь! Не знаю, имеется ли в природе такое, но сейчас оно во мне было точно. И кстати говоря, ствол пушки тоже был довольно холодным.

– Космос, Сережа, это не туристический рай, как рекламирует этот их Илон Маск. Космос – это пространство войны. А наша с тобой, Сережа, земля – часть этого самого космоса. Так что прорвешься, Сережа, зубами будешь грызть землю, если понадобится, но проберешься. Вот так, Сережа, вот так, только так!

В стволе пушки, куда я успел забраться, голос генерала приобрел интонации грома.

Страх прошел окончательно. Я был готов к полету физически и морально. Обхватив руками голову и зажмурил глаза, я просто ждал, когда Каплунов подпалит порох.

В пушке было довольно тепло. И места оказалось не меньше, чем в моей ипотечной квартирестудии. Так что я задремал.

Разбудил меня генерал, повозив по макушке шомполом. Это было неприятно. Мне даже захотелось заехать атакующему в пятак, но когда я вылез из пушки наружу и увидел генерала, желание это прошло.

– Все! Вылезай! – скомандовал Каплунов. – Пей водку, переодевайся в сухое. Ты нам подходишь.

Уточняя, что он имеет в виду, я спросил:

– Товарищ генерал, я полечу?

Генерал Каплунов кивнул:

– Полетишь. И не только. Будешь делать все, что скажет родина. Но только уже не сегодня. Сегодня была проверка, и ты эту проверку прошел. К тому же пороху нет, интенданты, сволочи, опять стырили порох. Вопросы?

– Один.

– Давай, только быстро.

– Товарищ генерал, что значит «скажет родина»? Как она скажет? Каким языком?

– Моим, – Каплунов звонко похлопал ладонью по животу. – Родина, Сережа, это мой позывной...

Глава 8. Урок политической экономии

Я так проникся рассказом, что не заметил, как кончился лес. А он именно кончился, то есть совсем. Вместо деревьев, покуда хватало глаз, а глаз моих хватало на километры, словно к носу моему были приделаны оптические прицелы, из пепельной, будто бы обожженной земли, торчали черные пни. Лес был не просто вырублен, он был уничтожен как вид. Даже бесполезные в

военно-хозяйственном деле лишайник и мох были выдраны из земли, вытоптаны и выжжены. Будто кто-то, у кого не было ни профнавыков, ни достаточно времени, мучал и пытал лес, а затем судорожно скрывал следы преступления

– Это что? – пробормотал я вполголоса, на полную громкость меня от волнения не хватило.

Баулов и Лохопет промолчали, сочтя мой вопрос риторическим, и оказались правы. Они ошибались в другом: на этот риторический вопрос ответ все-таки требовался.

– Это что? – повторил я, повысив голос настолько, насколько мог в ту минуту. – Мы пересекали границу с Китаем? Нас захватили враги? Если одно из двух, то нужно сообщить в центр, чтобы центр применил оружие сдерживания по наблюдаемой местности...

– Подполковник, – произнес Стас, увидев мою растерянность. – Враг здесь ни при чем. Это девелоперы...

– Кто? – переспросил я. – Разве они не сидят?

– Всех посадить нельзя, – развел руками Баулов.

После слов майора у меня заболела голова, правая ее часть, отвечающая за воображение и эмоции. Я принялся массировать череп в районе виска, восстанавливая нейронные связи, разрушенные картиной местного апокалипсиса. И чем интенсивнее я разминал свой мозг, тем более убеждался, что Стасик был прав.

Генерал Каплунов объяснил мне однажды, что наш государство еще очень молодо, в терминах антропоморфизма оно может быть определено как ребенок, переведенный в подготовительную группу детского сада. Для того чтобы догнать и перегнать в развитии взрослых – коллективный запад и соединенные штаты – нам нужно в ускоренном темпе пройти все грядущие стадии: детство, отрочество, юность, зрелость и старость, чтобы умереть в первых рядах. Нет, не буквально, смерть – это метафора. Под смертью генерал понимал цифровую эпоху, ее еще называют постиндустриальной. Это когда никто не работает, когда все только поют и танцуют, меняют внешность и пол и играют в компьютеры, потому что работать негде, поскольку индустрии больше не существует. У нас, товарищ писатель, все, конечно, будет не так, нам таких безобразий не надо. Ни компьютеров, ни смены пола, ни танцев. У нас сохранится особый исторически определенный путь: одни будут сидеть, другие – их охранять.

– А при чем здесь девелоперы? – спросил я у Каплунова.

– Девелоперы, Сережа, при всем, – объяснил генерал. – Именно благодаря девелоперам мы повторяем историю хомо сапиенсов, мчимся дорогой проб и ошибок на повышенной скорости, типа на перемотке. И только девелоперы знают, куда. У нас, например, везде растет лес. Но мы с тобой не знаем, что «лес – наше богатство». Мы знаем эту фразу, повторяем ее постоянно, но значения не понимаем. Лес становится ценностью только тогда, когда девелоперы продадут весь лес иностранцам, а у нас вместо леса появятся прерии и песчаные бури. То же правило действует в отношении всего остального: зерна и картофеля, коров и гусей, заводов и фабрик... Неумная жадность девелоперов оставляет после себя загаженные реки, заброшенные деревни, загубленные леса, распиленные на металлолом фабрики и заводы, промышленные районы, переоборудованные в общественные пространства, точечную застройку и прочую комфортную городскую среду, которая вызывает транспортный коллапс в мегаполисах. И все это приводит к тому...

В этом месте на столе Каплунова зазвонил телефон с красной кнопкой. Сан Саныч нахмурился и отдал мне бровями команду «на выход».

Впервые я покидал кабинет генерала с тревожными чувствами, ведь я не люблю, можно даже сказать, боюсь многоточий. Они для меня словно мины, зарытые в поле.

– К чему это все приведет? – спросил я у членов группы.

– Сначала девелоперы переведут в цифры свои матактивы, затем оцифруют себя, и настанет цифровая эпоха, – протянул следователь безынтонационно. – Значение будут иметь только цифры и ничего больше...

– А мы? – я открыл рот.

– Мы станем цифрами тоже, – прошептал Лохопет.

– Мы давно уже цифры, – Стасик демонстративно рыгнул. – Например, мы с тобой, подполковник. Вот у тебя две большие звезды, а у меня одна, и я как бы перед тобой во всех отношениях говно: в зарплате там, во внимании телочек, в суде, если нам с тобой предстоит суд, ну и во всем другом. Зато все, кто у кого звездочки меньше размером, говно по сравнению со мной.

– А он? – спросил я, показывая на Антона.

– У него звездочек нет, поэтому он говно в принципе. – Майор сплюнул в щель между бревен.

– Ну, это здесь и сейчас, а в цифровом мире потом? – задал я Стасу вопрос, который готовил для Каплунова.

– Когда мы перейдем в цифры, – объяснил Стас, – у всех будут строгие цифровые значения, и неравенство усугубится.

– Трах-тибидох, – вырвалось из меня неприличное слово. – Это еще почему?

– Равенство невозможно в принципе. Посмотри на себя, на меня, на него, у нас же все разное: вес, рост, размер сапог, объемы полномочий и банковских ячеек. Идею о равенстве придумали аферисты, чтоб разводиться лохов.

– Это я понимаю, – кивнул я. – Но если нам попробовать собрать всех людей вместе и сделать все по-честному.

– Ты, в смысле, разделить все поровну?

– Ну, да. Имущество, зарплату, полномочия.

– Тогда работать люди перестанут. Начнется выяснение отношений. Местами и кровавое. И я тебя скажу, что через год все возвратится на круги своя: имущество и полномочия опять окажутся в руках у сильных и вооруженных. Мы, подполковник, так устроены – нам иерархия нужна, разность потенциалов. Иначе мы не сможем вместе сосуществовать. Вот если, например, мы трое вдруг окажемся на необитаемом острове, и там кроме нас окажутся еще две телочки и ослик, скажи мне: кто кому достанется?

Я пожал плечами.

– Да ладно, – прищурился Стас. – Будет только так: у тебя будет телочка получше, ты ведь старший группы, мне достанется вторая, а ему, – он показал на Лохопета мизинцем, – придется дружить с осликом. Понятно?

– Не совсем.

Мне стало жаль Антона, честно жаль.

– Тогда второй пример, – продолжил Баулов, – опять на острове нас трое, и мы находим три предмета: пистолет, электрошокер и лопата. Кому какой предмет достанется и кто будет копать? Вот он, – майор опять показал на Лохопета, не дожидаясь ответа. – Это я тебе как старший следователь по особо важным делам говорю. Это вам мой урок политической экономии о здешних местах.

На этот раз доводы Стаса показались мне убедительными, сквозь них просматривалась суровая правда жизни. Когда-то наш мир был пустыней и рано или поздно снова станет пустыней, населенной единственным человеком. Рано или поздно на земле опять останется только один человек, которых съест всех и все, в прямом и переносном смысле, а потом сам умрет. Таков порядок вещей. Или просто порядок, если вещи отсутствуют.

– Объявляю вам благодарность, майор, – похвалил я его.

Вместо ответа Стас выругался. Выражение получилось замысловатым и длинным, и я сделал вывод, что майор был польщен...

Лохопет тоже выругался, глядя на нас. Его брань выдавала в нем дилетанта, так стеснительно и неумело сквернословят беременные и школьники. Мат должен идти от сердца, и тогда он мотивирует, побуждает к труду и подвигу, в противном случае он превращается в пошлую obscenity лексику...

Помолчав пять минут, мы сели есть. Когда ты в походе, желательно съедать в два раза больше, чем умещается в животе. ЖКТ потом сам разберется, что усвоить, что выбросить прочь, а что за-

пасти на так называемый черный день. При систематических занятиях желудок постепенно растягивается и заполняет собой все существо человека. Хорошо тренированный желудок способен без перерыва принимать пищу весь день и всю ночь.

Чем мы и собирались заняться. Тщательно жевать и слушать рассказ Лохопета. Из всех нас он один не раскрыл причину своего назначения.

– Военнонеобязанный Лохопет, – посмотрел я на Антона. – Наступил ваш черед поведать историю своей жизни.

Заметив, как неохотно гражданский откладывает в сторону банку консервов, Баулов подбодрил:

– Давай, ти-би-дох, не тяни!

Лохопет вытер губы, поправил штаны, посмотрел на Баулова, потом на меня, а потом мне за спину. Выражение его лица менялось при этом разительно: поначалу оно выразило презрение, затем безразличие, а затем искажилось ужасом.

– Вертолет! – закричал он. – Вертолет!

Мы с Бауловым обернулись одновременно и резко, как при команде «равняйся», и увидели «Аллигатора». Боевой разведывательно-ударный вертолет КА-52 подобрался настолько близко, что я мог разглядеть через лобовое бронестекло характерные черты двух пилотов. Лопасты «Аллигатора» вращались медленно и бесшумно.

«Это как же он так? Это как это так?» – недоумевал я.

Похоже, то же самое творилось и в голове у Баулова.

– Трах-трах-трах. Та-ра-рах! – обратился он к вертолету.

Зря он начал ругать вертолет. Очень зря... потому что... в общем так, товарищ писатель, если вы когда-нибудь получите разрешение на прогулку по Стиксу, никогда не материтесь на вертолеты.

Я не знал наверняка, какое оружие по нам будет использовано: тридцатимиллиметровая авиационная пушка, ракетный комплекс «Бобер» или бомбометательный аппарат «Скунс», но я ни секунды не сомневался, что будет.

– В укрытие! – заорал я, ныряя в шалаш и увлекая за собой Лохопета, поскольку был уверен, что Антон не понимает, что такое укрытие и что сейчас происходит.

Кстати говоря, Стас, не отличавшийся быстротой действий в повседневности, уже находился в шалаше, лежа на спине и прикрыв паховую область котелком для приготовления пищи. Он срабатывал четко по уставу испытателей, смотри пункт 140-бис: «Действия старпома при налете и\или обстреле в рамках пакета мероприятий по сохранению генофонда страны». Я улегся на живот, потому как котелок у нас был на всех один. В это время раздался оглушительный грохот. Плот подбросило вверх, потом ударило о воду. И подбросило снова. Тогда я оценил перегрузку в четыре с четвертью джи, сейчас мне кажется, что она была еще больше. Так или иначе, наш замечательный борт проявил чудеса стойкости и не развалился на отдельные бревна. С тех пор я предпочитаю плоты катерам, крейсерам и даже подводным лодкам.

Нас кидало еще несколько раз, прежде чем кинетическая энергия приобрела потенциальный характер. Некоторое время мы оставались неподвижны, приходя в себя, затем вылезли наружу. Ничего вокруг не напоминало о налете. Ничего, кроме черной спирали, разрезающей небо на две неравные части. Это был дым от горящего «Аллигатора», которого болтало из стороны в сторону, как глупую муху, залетевшую между окон.

Нам невероятно повезло, в отношении нас была применена экспериментальная неуправляемая ракета серии «Коррупция-8». Неожиданность маневра является ее главным достоинством. Ни одно ПВО мира не в состоянии определить, куда полетит такая ракета, в цель или в стрелка. В нашем случае она угодила в стрелка.

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку, – часы на моем запястье пробили тревогу...

Глава 9. После налета

– Не повезло пацанам, – произнес Баулов с сочувствием, разглядывая из-под ладони дымящийся вертолет. – Как думаешь, подполковник, дотянут они до базы?

– Дотянут, – уверенно сказал я. – Должны – нет, обязаны дотянуть.

Я сочувствовал летчикам, не мог не сочувствовать, я ведь и сам был пилотом.

– Я бы на их месте, – следователь потянул в себя пахнущий гарью воздух, – применил обычную штатную пушку. И мы бы с тобой, подполковник, сейчас разговаривали бы в раю.

– Согласен в технической части, – откликнулся я, – а что же касается философской: не верю я в рай, майор.

– Во что же ты веришь?

– В разум. В науку, – объяснил я. – В мировое правительство. В рептилоидов. Но больше всего я верю в то, что рано или поздно мы освоим Луну. Мы будем там жить и смотреть на Землю, как смотрим сейчас на этот дымящийся вертолет.

Мы замолчали, разглядывая черную точку. Я, как обычно, думал о космосе. Баулов, мне показалось, думал о космосе тоже. Космос – лучшее, о чем может думать мужчина.

– Господа, вы можете мне объяснить, что это было? – дряблый голос Лохопета прозвучал резко и громко.

Я вздрогнул от неожиданности – это был первый вопрос, который задал Антон.

– Отработка, – пояснил Баулов лениво, – учебная стрельба по движущейся мишени.

«Хорошие нервы», – подумал я о нем.

– А почему мишенью были избраны именно мы? – опять спросил Лохопет. – Трое невооруженных, одетых в штатское, временно неработающих, небритых людей?

– Так уж и неработающих, – хмыкнул Баулов. – Посмотри на него. – Следователь повел в мою сторону мизинцем и указательным. – От него за версту потомственным офицером разит, что бы он на себя ни напялил и сколько бы дней ни пил. Меня, между прочим, трах-тибидох, тоже с девятого класса ментом в школе стали дразнить. А я тогда сам не знал, что я буду мент. Думаю, нас распознали...

– А кто распознал? – Антон расстегнул пуговицу на вороте нервным движением. – Китайцы?

– Китайцы на «Аллигаторе»? – Майор издал три козлиных бляения.

– А кто же тогда? – спросил я, чтобы прервать бауловский смех.

– Неф-тя-ники, – протянул майор с уважением.

– С какой это стати? – вознегодовал Лохопет.

– А что им здесь делать? Баб вокруг нет, и казино нет, и симфонической музыки нет, и границы закрыты. Они живут тут годами и охраняют свои нефтяные вышки. Раньше на оленей охотились, теперь, когда леса вырубili, стали на воде мишени искать...

– Ку-ку, – пропела механическая кукушка.

Это было некстати, ну совсем ни к чему, и я машинально спрятал руку поглубже в карман.

Антон посмотрел на меня, на Баулова, на небо, опять на меня и сказал:

– Товарищ подполковник, по-моему, ваши часы отстают.

Как будто в подтверждение его слов часы снова пробили «ку-ку».

– Трах ти-би-дох, – выругался майор.

А я удержался. Но так или иначе парнишка был прав. Вся эта долгая и мучительная для нашей великой страны история конверсии производства, когда под предлогом борьбы за мир нас заставляли переделывать танки в комбайны, каски в кастрюли, а радиопередатчики в магнитофоны, закончилась полным провалом. Мы не только не смогли сделать из отличной противопехотной мины высококачественных часов, мы, когда возникла необходимость, не сумели эти часы переделать в мины обратно. Да, раньше у нас не было многих удобных товаров: туалетной бумаги, АКПП и сотовых телефонов, но зато были самые лучшие ракеты и пушки, теперь не осталось ни

того, ни другого... только муляжи, имитация, оболочка... это касалось всего, что нас окружало: от моих командирских часов до догорающего в облаках вертолета...

Я растегнул кожаный ремешок, сжал циферблат в ладони и приготовился запустить часы в воды Стикса, как вдруг заголосила кукушка:

– Ку-ку-ку-ку. Ку-ку-ку-ку.

Постепенно ее однообразная речь стала складываться в мелодию нежную и грустную одновременно. В голосе кукушки было столько тоски, столько горечи, сколько не могло быть ни у французской, ни у англосаксонской птицы. Только у нашей, видевшей из своих высоких кустов всю нашу безутешную жизнь во всем ее неглиже.

– Ку-ку. Ку-ку, – пела птица. – Ку-ку. Ку-ку.

– Ку-ку, ку-ку. – Я не сразу почувствовал, что подпеваю ей.

Как только я понял это, справа от меня раздался тенор Баулова, а затем и баритон Лохопета, чуть позади и слева.

– Ку-ку, ку-ку, – пели мы вместе.

Все вчетвером. Люди и птица. Каждый пел о своем: о потерянном детстве, о несчастной любви, о несложившейся жизни.

Мы пели, а наш плот плыл, и мы не могли остановиться. Я чувствовал в себе связь со всем, что когда-либо видел, о чем когда-либо слышал. Все мое прошлое, все мое будущее, все мое «я» стало вибрацией двух простых звуков. Бесконечной, вечной вибрацией звуков...

Ку-ку. Ку-ку.

Вдруг птица в часах замолчала. Внезапно и резко. Так же внезапно и резко стало темно. Это солнце, еще недавно освещавшее воду красным пламенным светом, село, нет, упало за горизонт.

Я ощутил непреодолимую тяжесть, словно на меня наехал Т-200 с полным боекомплектom, под его тяжестью я сначала сел, затем лег – и заснул.

Мне приснился... нет, мне и в тот раз ничего не приснилось. Я уже рассказывал вам, что не вижу снов. Главный военный психиатр – полковник Золотарев – объяснил мне этот феномен (он так и сказал: «феномен», видимо надеясь удивить меня иностранным словом) тем, что моя психика подчиняется только предустановленным директивам и не впускает в себя ничего постороннего. Иначе говоря, у меня отсутствует воображение и ассоциативная память...

В пять пятнадцать утра (время было установлено мною через расположение звезд при наблюдении с уровня моря; если бы я в тот момент находился на вершине холма или на небоскребе, техника расчетов была бы иной, и время тоже было другое) нас разбудили пьяные аккорды гармонии...

Звуки раздавались словно возле самого уха. Будучи на ты с законами рефракции звука, я знал, что возле моего уха никого нет, значит, непосредственной опасности нет. Но, с другой стороны, сам характер звуков: гармонист пытался то ли задушить, то ли разорвать инструмент – говорил о серьезной угрозе.

Некоторое время я притворялся спящим, который, отлежав себе ногу, руку или другую конечность, ворочается во сне. Таким образом я подготавливал мышечный корпус к действию. Поняв, что мои маневры остались никем не замеченными, я приступил к более активным действиям – поднялся на четвереньки и перешел на подпрыгивания в полуприседе. Завершив рекогносцировку боковым уходом назад, я позволил себе открыть глаза.

Примерно в ста метрах, справа по курсу, на рейде стояло самоходное судно. Точнее, сторожевой пограничный баркас типа «Тревожный», образца одна тысяча девятьсот пятого года. Суда этого класса обычно барражируют вдоль водных границ государств, предотвращая попытки незаконного пересечения оных отдельными лицами, группами лиц и подлежащими таможенному оформлению товарами.

Однако сейчас этот баркас больше походил на фрегат. Пиратский фрегат. На палубе между мачтами дымился костер, на шампуре висел обкусанный свиной окорок. С бушприта свисала ры-

боловецкая сеть, наполненная бутылками с водкой. Возле костра, спиной ко мне и лицом к под-свеченной судовым фонарем рубке, сидело четверо мужиков, жилистых, крупных, затянутых в камуфляж. Один из них был гармонист, который мучил гармонику. Взгляды всех четверых были устремлены на крышу рубки. Там танцевала женщина, одетая в ожерелье из медвежьих зубов и нечто напоминавшее медвежью шкуру. Двух тактов хватило мне, чтобы понять, что женщина исполняет танец феи Драже из балета «Щелкунчик». Я уважаю хореографию и сам танцую. Если бы я не стал испытателем, то посвятил бы себя балету, поскольку и то и другое, точнее, только то и другое – испытательство и балет – именно они делают нас теми, кем мы являемся. Теми, кто идет только вперед, теми, кто побеждает свой страх, вызывая страх у других, теми, кого все боятся. Я имею в виду наших врагов – страны Запада. Востока и Запада, а по гамбургскому счету – Севера, Востока, Юга и Запада. Так-то.

Вот, товарищ писатель, бывало, придешь домой вымотанный, высушенный и отжатый в центрифуге, имитирующей сверхперегрузку, или после тренировки нахождения в безвоздушном пространстве, и сил в тебе нет ни на что. И вдруг увидишь висящие на шведской стенке пуанты. Скинешь с ног грязные булжники форменных берцев. Переобуешься в белоснежные чешки. Встанешь к станку в арабеск, постоишь в нем минуты две-три. А потом тело само начинает двигаться, ты только вспоминаешь название позиций: легчайший *Assemblée*, изящное *Emboîté*, нежнейшее *En tournant* и любимое фуэте.

Извините меня за французский, товарищ писатель, без французского в балете каши не сваришь. Без французского балет не балет, а краковяк...

Поэтому именно фуэте и ничего другого...

Ну а дальше пойдет само: от адажио до аллегро. Не замечаешь, как ночь наступает, а иногда и рассвет.

Балет – это не только искусство. Балет – это сила. Искусство, полезное в жизни.

Кто владеет балетными техниками, тот любого дзюдоиста превратит в отбивную...

Я часто думаю о балете, но тогда, глядя на женщину в шкурах, я думал совсем о другом, я тогда неожиданно понял, что мне хочется стать премьером. Ее премьером. Подержать на весу, поносить на руках, подбросить высоко-высоко, до самого колосникового пространства, потом сделать с ней па-де-де и никогда больше не расставаться...

И все от того, как она танцевала. Не каждая женщина исполнит вам танец феи Драже под звуки гармони. А она танцевала. Гибкая как каучук, тонкая как игла, сильная как бурундук, она словно летала над рубкой.

Наш плот между тем каким-то одной воде ясным образом изменил траекторию и пошел на встречу баркасу. Он двигался совершенно бесшумно. Неудивительно, что ни я, ни мой экипаж не почувствовали динамической перемены, и что ни пираты, ни прима не обнаружили нас.

Полет балерины околдовал меня, я остался стоять в той позе, в которой ее увидел: в позиции премьеры – подбросившего, да так и не поймавшего свою приму.

Что она делала здесь? Как попала на этот браконьерского вида корабль?

Конечно, ее похитили. Она шла по лесу и собирала бруснику... хотя где здесь лес... Ее похитили из города, из театра, в антракте спектакля. Большого театра! Такая женщина может играть только в Большом, только в Большом. Под светом софитов. Под гром аплодисментов. А ей приходится танцевать босиком на шифере рубки, рискуя упасть и получить травму голени, – и все для того, чтобы развлечь толпу пьяных гопников, добывающих противозаконным путем деньги на водку.

Эти гопники украли ее и требуют денежный выкуп.

Во сколько они оценили ее? В пятьдесят тысяч? В сто?

Крохоборы! Такая женщина должна стоять не дешевле, чем новейшая баллистическая ракета, та самая, гарантирующая тотальное превосходство над вероятным противником на земле, в небесах и на море.

– Ну ни хрена себе телочка! – раздался за спиной восхищенный голос Баулова.

Я повернулся и увидел своих парней. Оба казались собранными и решительными. Их внешний вид и особенно выправка свидетельствовали о том, что ребята все это время не спали и тоже смотрели танец Драже. Оценив боеготовность отряда на сто два процента, я решил пойти в наступление.

– На абордаж! – крикнул я.

Одновременно со звуком моего голоса плот глухо стукнулся носом в заржавленный бок баркаса.

– Трах-тибидох! – в панике закричали пираты.

– Трах-тарарах! – отозвались мои ребята.

– Трах-тибидох-трух! – зло резюмировал я.

Только женщина не проронила ни слова.

И началась драка!

Глава 10. Настенька

Потому что боем это, конечно, назвать было нельзя. Корабельный бой, знаете ли, дело серьезное, требующее тщательной рекогносцировки, скрупулезной разработки плана, огневой подготовки и последующего маневрирования. Бой – это основная форма тактико-технических мероприятий, нацеленных на подавление противника, невозможное без согласованных действий отдельных огневых единиц, частей и соединений, предусматривающее обязательное наличие флангов и центра, тыла и авангарда, солдат и командира. Перед корабельным боем обороняющейся стороне выставляется ультиматум, окончательный итог боя подводится пактом о капитуляции. Ничего такого при захвате баркаса не было. Да и не могло быть. Разве можно вести бой с толпой пусть и вооруженных, но безграмотных в военном отношении оборванцев? Нельзя! Их можно было только выбросить за борт, что мы и сделали.

Точнее, один Баулов. Надеюсь, из моего повествования стало понятно, что Лохопет профнепригоден к ведению каких-либо боевых действий. В этом противостоянии у Антона имелось всего две возможности: свалиться за борт или встать на пути шальной пули. Я нашел для него третий путь – столкнул в трюм, а сам направился к балерине, предоставив майору полную свободу маневров. Я был уверен в Баулове, потому что и сам бы на его месте легко справился с четверыми. Не зря же перед каждым серьезным заданием я пересматриваю два великих во всех смыслах фильма: «Пиратов двадцатого века» и «Черепашек-ниндзя».

Пока я взбирался на рубку, майор очистил «Тревожный» от контрабандистов. Их черные немытые головы, то исчезая, то появляясь над волнами, медленно удалялись от судна.

Поняв, что победа одержана, я посмотрел на танцовщицу. Вблизи она оказалась еще изящнее, чем на расстоянии выстрела. Она была из тех женщин, которых нельзя описать словами. С ней хотелось одновременно петь и танцевать, идти в бой и разведку, говорить на высокие военнанаучные темы и отмотилизовать немедленно. Во мне сейчас говорит офицер, человек скупой на слова, а окажись на моем месте поэт, так он только бы о ней и писал, только о ней, а скульптор только бы таких и лепил. Как-то так.

В общем, я решил подойти к танцовщице, деталей не помню, однако уверен, что это был четкий строевой шаг, и представился:

– Подполковник Калужный!

– Я Настенька, – сказала она и запорхала ресницами, как вертолет перед взлетом.

– Начальник оперативной научно-розыскной группы, – продолжил свое представление я; мне хотелось, чтобы она знала обо мне все. – Заслуженный испытатель, звеньевого восьмого истребительного отряда летчиков-испытателей и космонавтов. Сто восемьдесят пять, семьдесят семь, сорок три. Сорок семь лет. Разведен. Что в сумме всех измерений дает триста пятьдесят три. Имею прописку в городе-герое Москве.

– Не надо, – попросила Настенька, начиная краснеть (так мне показалось). – Я уже поняла, что вы герой. Большое спасибо вам и вашим ребятам. Вы спасли мою жизнь.

– Не надо благодарить, – выдохнул я. – Это наш долг.

– Сейчас все говорят о долге, любви к родине и патриотизме, – с горечью сказала она. – Но на деле ведут себя, как они. Те, которых вы победили.

– Это еще не победа, – ответил я, чувствуя, что сам начинаю краснеть. – Но мы обязательно победим. Пойдешь к нам в отряд?

– Не знаю, – сказала она, поправляя чулок на бедре. – Сначала надобно разрешение у папеньки испросить.

– Папенька? – нахмурился я. – От слова «папик»?

– Папенька, – она посмотрела на меня как на ребенка, – от слова «отец».

– А-а-а, – протянул я и замолчал.

Я молчал, а должен был спрашивать. Я ведь был на задании, где сбор данных является главным аспектом исследований. Я как минимум должен был узнать ее легенду. Выяснить, кто она. Где проживает? И с кем? Что делает здесь?

Но ничего подобного я не спросил. Я не мог сформулировать мысль. Неказистые волны моих умопостроений разбивались о пирсы ее красоты. В итоге я выдавил из себя еще одно неопределенное «а-а-а», а потом еще более неопределенное «э-э-э».

– Меня зовут Настенька, – повторила она, приходя мне на помощь. – Родом из Сибири. Живу вместе с папенькой в городе Н. А здесь танцевала балет.

– Город Н? – вырвалось из меня. – Город Н!

Этот город был целью нашего путешествия. И, как кажется, у нас теперь был проводник. Очень недурной проводник.

– Да. А что здесь такого? – удивилась она. – Город как город.

– Не скажите, – начал я и замялся.

– Что это значит? Поясните, пожалуйста, – попросила она.

– Э-э-э.

Я понимал, что мои реплики выглядят дико, но ничего не мог с собой сделать.

В ожидании моего пояснения она посмотрела мне прямо в глаза.

– Э-э-э, – повторил я, разрываясь между признанием женщине и военной тайной.

– Видите, – улыбнулась она. – О нем даже сказать нечего. Городов таких у нас сотни, если не тысячи.

– Да уж, – с облегчением выдохнул я, почувствовав, что могу избежать скользкой темы, и добавил уже в своем обычном режиме: – Дорогу покажешь?

– Покажу, – блеснула она глазами.

– А поведешь? – уточнил я.

– И поведу. Я ведь и сама туда собираюсь. Попасть к нам не сложно. Дорога всего одна – эта река.

– Стикс? – переспросил я.

Мне хотелось, чтобы она посчитала меня эрудированным, начитанным человеком.

– Стикс, вообще-то, не здесь. – Настенька улыбнулась уголками губ. – А у этой реки пока нет названия, потому... пускай будет Стикс. Пускай.

– Что ж, – сказал я, мысленно похвалив себя за то, как веду разговор. – Тогда добро пожаловать на борт. – И показал на плот.

Когда мы перебирались с баркаса на наше судно, я протянул Настеньке руку, но она неуловимым движением кисти отказалась от помощи, и моя пятерня наткнулась на волосатую лапу майора Баулова и сцепилась с ней крепко и жестко. Мы постояли так примерно с минуту, как будто бы не замечая друг друга, затем взяли друг друга в замок. Я действовал автоматически, и он тоже. Наши подсознания работали по инструкции, установленной матушкой нашей природой. Все то время, пока Настенька изучала плот, мы с майором боролись, хотя это не бросалось в глаза

посторонним. Со стороны казалось, что мы старые друзья, которые не виделись много лет. На самом деле схватка была более чем серьезной: у одной женщины должен быть либо один мужчина, либо ни одного. Только один мужчина или ни одного должен был остаться после нашей борьбы с майором.

Мы отпустили друг друга лишь после ее слов.

– Очень хочется кушать, – сказала она. – У вас есть еда?

– Есть, – сказал я, жадно вдохнув и потирая ушибленное плечо.

– Какая?

– Обычна пайковая еда: тушенка, сухари, сухой чай, вода. Полезно и вкусно.

Заметив в ее взгляде вопрос, я пояснил:

– В обычных условиях чай принято заваривать кипятком, но мы здесь жуем его так. Из соображений секретности не разводим огня.

– Все с вами понятно, – сказала она.

– Так будете есть? – повторил я вопрос.

– Пожалуй, что нет. Подождем до утра. К утру как раз доплывем...

– Уже? – спросил я, вглядываясь во тьму. – Мы второй день в пути.

Я был уверен, что плыть еще сутки.

Вместо ответа она опустила на скамью на корме и отвернулась к воде.

Я сразу забыл свой вопрос, пораженный красотой открывшихся моему взору шеи и рук.

«Как это так? Почему это так? – думал я. – Одни женщины выглядят просто как женщины: обычные или там никакие. Их замечаешь только тогда, когда они сварят суп или выстирают штаны. Посмотришь на такую как-нибудь мельком, скажешь спасибо, просто потому что воспитан, и в следующую секунду забудешь до следующего обеда. А бывают такие, как эта...

Вот Настенька, она ведь сейчас ничего совершенно не делает. Ну, ничего вообще, просто сидит с незаинтересованным видом. А глаз отвести невозможно. Просто невозможно глаз отвести...»

– Товарищ подполковник, Калюжный! – отвлек меня от мышления испуганный шепот.

Я оглянулся и в метре от себя, на уровне плеч, увидел лицо Лохопета. Оно было серым и съевшимся, словно подтаявший и снова замерзший снег. А глаза были черные, круглые и пустые – как у игрушечного медведя.

– В чем дело, вольнонаемный? – шепнул я в ответ.

– Нам нужно срочно избавиться от нее, – одними губами произнес он.

– Почему вы так думаете?

– Потому что это не женщина!

– Кто же тогда?

– Колдунья!

– Отставить, Лохопет! Колдовства не существует. Есть внушение, есть самовнушение. И более ничего.

– Самовнушение? – переспросил Антон. – Вы на Баулова посмотрите.

Тревожная гримаса на лице вольнонаемного заставила меня переключить фокус внимания на майора.

Баулов стоял на краю плота в позе писающего ребенка. Но не мочился, а только тужился. Его неподвижный немигающий взгляд был устремлен на Настеньку. Он смотрел на балерину, как смотрит на недоступную жертву закованный в кандалы, запертый в клетке маньяк – с неутолимой страстью и страхом.

– Отставить, майор! – закричал я.

Ни один мускул на теле Баулова не отозвался.

Зато отозвалась Настенька.

– Калюжный! – сказала она, развернув себя к нам. – Какие же милые в твоём отряде друзья.

– И ничего-то не милые. Просто майор и человек без звания. – Мне стало обидно и я, подумав, добавил: – И они мне не друзья.

– Это их ранги, – протянула она. – А зовут-то их как?
– Антон, Станислав и... Сережа.
– Антон – это ты?
– Нет, не я.
– Тогда Станислав?
– И это не я. Я Сережа.
– Сережа? – переспросила она. – Какое-то детское имя для подполковника. Вы не находите?
– Меня, – смутился я, – так называет генерал Каплунов.
– Он гей?
– Нет... нет... не знаю... – замотал я головой. – У нас это нельзя. Запрещено уставом. В личном плане возможно только товарищество.
– Теперь это можно везде, – улыбнулась Настенька.
Она умела вводить людей в краску.
– Товарищ подполковник, – снова зашептал Лохопет, – ее нужно выбросить за борт. И срочно!
– Молчать! – зашипел я на Антона. – Еще одно слово – и сам окажешься за бортом.
– Какая прекрасная ночь, – сказала танцовщица.
Я с сомнением посмотрел по сторонам, но подыграл ей:
– Так точно!
– В такую ночь хорошо пить шампанское, – сказала она. – Сережа, у вас есть шампанское?
– Опять-таки, – ответил я и замолчал, не зная, что сказать дальше.
– Устав? – уточнила она.
Я кивнул.
– Тогда я пошла спать. У вас есть каюта для дам?
– Есть! – отпортовал я и указал на шалаш.
– Тогда всем спокойной ночи, – помахала она мне и моему отряду рукой.

Не знаю, спала ли она, но мы с ребятами глаз не сомкнули. Баулов так и простоял у края плота, а Лохопета всю ночь била дрожь. Что касается меня... то я всю ночь думал.

Я думал о женщинах. О задачах и целях женщины в мирное и военное время. Женщина-портника, женщина-маляр, женщина-сталевар, женщина-снайпер. Женщина-испытатель, женщина-разведчик, женщина-диверсант, женщина-военный министр, женщина-военный диктатор. Женщина-жена, женщина-мать, женщина-вдова. Женщина начинала, женщина и заканчивала. Женщина уничтожала и женщина создавала.

Получалось, что женщина могла делать все, что умел делать я и мужчины в целом. Получалось, что женщины могли обходиться без нас, а мы без них нет. Мы не умели создавать жизнь...

– Ку-ку, ку-ку, – пропела кукушка.

Я снял с руки часы и спрятал подальше в подсумок.

Глава II. Атака

Как я и сказал, мы не спали всю ночь, но рассвет пропустили все. То ли сон накатил в последний момент, то ли место было каким-то особенным, владеющим техникой маскировки. Да, именно маскировки. Да, будет известно вам, товарищ писатель, что земля это не просто окруженный воздухом и водой набор минералов. Нет! Земля – живой организм, она наша мать, а мы ее дети. Мы вот думаем, что хозяйничаем на ней: понастроили городов, растатуировали железнодорожными нитями, рассверлили в поисках драгоценностей, на куски поделили. Это все до той поры, пока она терпит. А когда перестанет терпеть (ей однажды все то, что мы делаем, обязательно надоест), потрясет нас и смоем потопом. И опять на ней не останется ничего, кроме подводных лодок.

В общем, я очухался только тогда, когда плот чиркнул килем по песчаному дну. Я открыл глаза и увидел высокий берег, лес на берегу и солнце над лесом, высоко-высоко, где-то на уровне одиннадцати часов.

Сплюнув на ладонь, я прилизал волосы, оправил одежду и трижды ухнул филином, подготавливая команду к высадке. Баулов отозвался петухом, звонко и лихо, как на смотре в училище. Лохопет, как типичный представитель гражданской масти, сделал испуганные глаза. И мы прыгнули в воду. Мы, конечно, могли подвести плот ближе к берегу и спокойно пришвартоваться у пристани, что виднелась в полста кабельтовых справа по борту, но... Если бы вы знали, товарищ писатель, что такое атака с моря, как она романтична. Ты преодолеваешь силу стылой воды, поднимая над головой боеприпасы и снаряжение, а в это время тебя с господствующих, хорошо укрепленных позиций поливает огнем вероятный противник. И поскольку плотность воды в семьсот восемьдесят раз больше плотности воздуха, ты лишен и скорости, и маневра, ты не можешь ни пригнуться, ни уклониться. Ты практически беззащитен. Тебе остается либо умереть, либо победить. И ты одерживаешь победу... потому что патроны, которыми в тебя стреляет противник, все до одного холостые.

Что-то я расфилософовался. Тогда ни о чем подобном я, конечно, не думал. Мы просто высадились в требуемом квадрате и захватили плацдарм для последующего развития атаки.

– Окопаться! – коротко скомандовал я.

За два с гаком часа мы вырыли себе по окопу, а для Настеньки построили уютный блиндаж, выложенный свежим багульником.

Полевая кухня – вот чего нам не хватало для полного счастья, в смысле что кухня превратилась бы наш бивуак в какой-нибудь дорожный грязелечебный курорт. Но и без кухни, знаете ли, место казалось приятным: лес, солнце, воздух, вода и красивая женщина. Одно было плохо: я не понимал, что делать дальше. Пока ребята заправлялись тушенкой (Настенька, кстати говоря, тоже съела две банки), я думал.

На прощание Каплунов отдал мне приказ действовать по обстоятельствам по мере приближения к объекту. Как определить нужные обстоятельства и что считать обстоятельствами, он не рассказал.

Я то и дело поглядывал на часы, но кукушка молчала. Тогда я достал из вещмешка телефон, включил питание и всмотрелся в меню пиктограмм. Строго говоря, пиктограмма была всего лишь одна – ярко-красная кнопка. Если нажму на нее, услышу голос Сан Саныча. Но я также знал, что это будет не сам генерал, а дежурный пародист на штабном коммутаторе. Этот пародист может изобразить мне кого-угодно – от Сан Саныча до Барака Обамы – и рассказать что угодно. Только будут ли иметь юридическую силу такие слова?

Меня выручила Настенька. Она не только управилась с едой раньше всех, но еще и успела свернуть из жестяных баночных крышек сережки в форме рыбачьих блесен. Сделай подобное любая из немногих моих знакомых, я бы непременно решил, что она рехнулась, но вот Настенька... очень красивым женщинам идет все, вообще все, даже если на них нет совсем ничего...

Так вот Настенька блеснула своими сережками и закричала звонко, как горн:

– За мной! – И немедленно скрылась в лесу.

– За ней! – скомандовал я, понимая, что если мы упустим ее, то сами едва ли найдем дорогу в город.

Мы оставили в лагере всю амуницию, за исключением носильных вещей, и устремились за Настенькой. Она двигалась быстро и ловко, несмотря на пересеченную местность. Стараясь не потерять из виду ее тонкие и длинные лодыжки, я несколько раз упал. Я использовал все свои двигательные навыки, но расстояние между нами не сокращалось.

Представляете, товарищ писатель, мы вдвоем бежали за женщиной, не в том смысле чтобы настигнуть и завалить, как миллионы наших пращуров от обезьян до ныне действующих чело-векоподобных субъектов. Мы бежали за ней, как рядовые бегут за командиром, хотя фактически командиром числился я.

По форме и содержанию это снова была атака, однако оставалось неясным: кого и зачем мы атакуем. Хотя я и не требовал ясности, поскольку ответы на такие вопросы обычно известны лишь высшему комсоставу и составляют военную тайну. В нашем деле, как и в любом другом, тоже существует разделение труда. Одни бегут, вторые стреляют, третьи руководят, четвертые наблюдают, пятые строят планы, шестые их отменяют, седьмые получают награды – у каждого своя боевая задача, и каждый знает только то, что делает сам. Проходят десятилетия, рассекречиваются архивы, публикуются документальные данные, а суть и смысл большинства боевых операций так и остается загадкой...

Да что я, собственно говоря, перед вами оправдываюсь. Я слишком устал тогда, чтобы кого-либо о чем-либо спрашивать, моих органов чувств едва хватало на читку окружающего пространства. Во время броска командиру необходимо чувствовать точное время, автоматически вычислять широту, долготу, высоту над уровнем океана и близость врага...

В тот раз я справился со всеми заданиями, кроме последнего.

Я так и не понял, как мы попали в город...

Глава 12. Город

Я так и не понял, как попал в город. Он возник ниоткуда. Просто возник. Встал передо мной, как скала. А лес пропал, и вместе с лесом пропала Настенька. Но я не думал о ней в тот момент. Мужчина не так часто думает о женщинах, как ошибочно считают последние. У мужчины на первом месте долг, на втором – работа, на третьем – рыбалка, на четвертом – пулевая стрельба, ну, и так далее...

Город... Еще минуту назад вокруг нас были только сосны и мох, даже неба не было видно, оно пряталось за зеленой маскировочной сетью, вытканной из растений. А теперь стоял город. Наукоград, как обмолвился генерал Каплунов. Снежно-белые, словно только что выстроенные пятиэтажки, междомовые пространства, светофоры, столбы электропередачи и линии связи. Автомобили (все как один отечественные), припаркованные ровной линией на выделенных разметкой стоянках из расчета двадцать единиц на сто жителей. Мамаши с колясками в соотношении одна к одному – одна мать на однокомнатную квартиру. Маленькие собаки в намордниках... Собак я считать не стал, я не кинолог. Город выглядел как на учебных архитектурных макетах – неестественно аккуратным и чистым. Опыт развития человечества подсказывал мне, что такого порядка невозможно добиться в реальной жизни, но глаза шептали обратное, отчего в душе затеплилось радостное предчувствие.

«Неужели все возвращается?» – подумал я, и сердце мое застучало часто и шумно.

Огромным усилием воли, сравнимым по силе с ракетным ударом «воздух-земля-воздух-воздух», я приказал себе успокоиться. И успокоился. Так было надо для дела. Вход опергруппы в новую местность – в новый город, в другую страну, в ресторан, в туалет – требует действий слаженных, четких и трезвых. Только в этом случае могут быть обеспечены внезапность и незаметность – качества, создающие решающий перевес сил опергруппы над любой другой группой, численностью от двух человек до населения целой планеты.

Перейдя на язык знаков, я показал ребятам два пальца – средний и указательный – и провел по лбу взад-вперед. Баулов отозвался немедленно, вытянув из кулака средний палец и указывая им в небеса.

«Собирается дождь», – понял я.

Впрочем, для решения нашей задачи дождь едва ли являлся помехой, о чем я поведал Баулову троекратным утиным криком. Он подтвердил прием, пропев крапчатым зябликом. Я дал понять, что услышал его ответ, куропаткой. Он зауהל соевой. На что я залаял дикой собакой. Мы не только делились оперативной обстановкой, мы делились историями из прошлого и рассказывали

друг другу о наших чаяниях и мечтах. Опытные разведчики могут переговариваться часами, не выдавая себя.

По обыкновению Лохопет в дебатах участия не принимал. Он казался то испуганным, то задумчивым, словно знал много больше того, что было известно нам...

Мы внедрялись в город по всем правилам разведывательного искусства: заходили с подветренной стороны и учитывали особенности ландшафта. Мы сливались с рельефом местности, становились кустами, если вокруг были кусты, деревьями, если – деревья, кирпичами, если на нашем пути возникала стена. Даже если вероятный противник имел прибор инфракрасного обнаружения, он бы не распознал в нас людей. В лучшем случае он бы принял нас за сгустки отработанного топлива, выплюнутые выхлопной трубой неисправного автомобиля.

Тем не менее разоблачили нас как детей, что забрались в поисках яблок в колхозный сад. Нам оставили незапертой калитку, а потом вели типовым маршрутом, характерным для большинства городов страны, умным человеческим маршрутом, выверенным самой жизнью, с четкой расстановкой смыслов, от исполнителя к младшему командиру, от среднего комсостава до самого верховного лидера. Переулком матроса Железняка, тупиком Урицкого, улицей Кирова, проспектом Дзержинского мы продвигались к центру (точнее, вершине) – площади Владимира Ильича Ленина.

Вы, товарищ писатель, думаете, что мы поступили прямолинейно – выбрали дорогу, по которой ездят правительственные делегации или возят туристов, потому и спалились. А я вам на это отвечу: в наших городах существует только два пути от периферии до центра – первый неразрывно связан с Великой Октябрьской социалистической революцией, а второй называется путем дурака. Он идет от шоссе Энтузиастов по улице Наставников, через Ударников и заканчивается Передовиками. Второй пусть безопаснее, но мы, кадровые офицеры, не могли его выбрать по вполне понятным причинам.

Не понимаете? А ведь это элементарно: путь дурака к заветной цели не выведет...

Почему тогда нас распознали?

Скажу честно – не знаю.

Помню только, или так мне казалось, что, пока мы передвигались, вокруг нас не было ни людей, ни транспортных средств. Да и площадь казалась пустынной. Но как только мы шагнули на ее бетонные плиты, началось стремительное преобразование действительности. Громыкнуло и зауhalo так, будто дала залп зенитно-ракетная батарея. Лохопет и Баулов как по команде упали на землю. Я остался стоять и наверняка бы еще закурил, но я не курил. Со стороны могло показаться, что я, как говорили раньше, бравировал. Но это было не так. Я остался стоять потому, что лечь при зенитном обстреле бессмысленно – если ракеты сделаны от души, от площади не останется живого места. Это в общем, а в частном: стояние, стойкость, устойчивость – весьма полезные положения. Когда ты стоишь, ты однозначно выше всех тех, кто сидит, тем более тех, кто лежит. И не только физически. Когда ты лежишь, это значит, что ты спишь, или ранен, или даже убит, а когда ты стоишь – ты бодрствуешь, бдишь и сто процентов жив. Лежа человек напоминает раздавленного таракана или срубленное бревно. Стоя он похож на ракету, устремленную в небо. В конце концов, стоя ты дальше видишь. Собственно, поэтому я раньше всех понял, что шум издает не зенитная батарея, а музыкальное объединение, состоящее из двух оркестров – симфонического и фольклорного, и одного детского хора...

Симфонический исполнял «Прощание славянки», словно мы не прибыли из похода, а наоборот, уходили в поход. Народный – играл частушки или нечто подобное. Разобрать было сложно, потому что оркестры старались не столько отыграть собственное произведение, сколько помешать противнику исполнить чужое. Детский хор пел «Взвейтесь кострами». Слов я не слышал, но был в этом уверен. Что еще могут исполнять дети для взрослых?

В классическом составе я насчитал двадцать шесть человек, с полным боекомплектom – английской флейтой, контрафаготом, большими и малыми барабанами, короче говоря, со всем, что

состоит на вооружении музыкальных взводов в эпоху Моцарта и Сибелиуса. В фольклорном ансамбле число участников определить не удалось, поскольку среди исполнителей были не только люди, но и медведи, прикованные цепями к тяжелым басовым балалайкам. Мальчиков-хористов я насчитал двадцать пять человек. Я вздрагивал всякий раз, когда их истерическое сопрано прорывалось сквозь вымученные басы старших товарищей.

Из собравшихся на площади можно было сформировать бригаду. Все выглядели так, что стало понятно: они здесь не случайно. Мужчины были одеты в костюмы и галстуки, женщины – в расписные платки и цветастые платья. Дети – в белые рубашки, шорты и краповые береты с кокардами. Выстроенные по росту, они стояли ровными шеренгами и рядами и были организованы либо по профессиональному признаку, например, швейный цех номер пять, либо же по прописке, например, улица Подвойского, дом шестнадцать, корпус один, подъезд номер два.

Как и на фронте, в первой шеренге стояли самые высокие юноши. Высоких ребят ставили впереди, чтобы они принимали на себя первую, самую убийную, дозу картечи, закрывая своими телами мелких. Тем, кто так или иначе знаком с иерархиями управления, известно, что в руководстве высоких нет. Этот трюк применяется издревле, его используют не только люди, но и некоторые человекоподобные звери, как то шимпанзе.

Девушек ставят вперед, когда готовятся к сдаче города или крепости и хотят купить благорасположение противника видом красоты молочной спелости.

Исходя из того, что в передней шеренге девушек было втрое больше, чем молодых людей, я сделал вывод, что город сдавался, хотя и не исключал присутствия тонкой военной хитрости. Девушка, стоящая в центре первой шеренги, на мгновение отвернулась всем телом, а когда повернулась обратно, я увидел в ее руках вышитую салфетку, каравай и графин с мутной жидкостью, скорее всего – спиртным. Увидев еду, Баулов и Лохопет поднялись с земли. Стас с видимым удовольствием выпил две рюмки. Антон отломил огромный кусок каравая, запихнул в рот и проглотил. Кто-то в задних рядах протянул ему тарелку с дымящимся супом.

Будь на месте горожан я, я бы всех нас немедленно расстрелял как членов диверсионно-разведывательной группы, какими мы на самом деле и были. А они... Они встречали нас словно героев-челюскинцев...

По этой причине мне было стыдно и совестно, и не смотрелось горожанам в глаза, но мне некуда было спрятаться от их восторженных глаз, поэтому я просто стоял. Просто стоял. Я не знал, какую из семидесяти заранее заготовленных на случай провала легенд имеет смысл использовать первой. Я перебирал их в своей памяти – и одну за другой отвергал. Одно я знал совершенно определенно: я не имел морального права называть себя собственным именем – Сережей Калужным...

Как только я подумал об этом, женский голос, сильный и звонкий, сказал:

– Здравствуйте, Сережа! Хорошо, что вы нашлись. Когда вы исчезли, я очень волновалась за вас...

Глава 13. Встреча

Сколько помню себя, я всегда чувствовал, если ко мне подбираются сади. Меня не успевали ударить, а я уже знал имя, фамилию, звание, рост, возраст и пол нападавшего. Однако сегодня эта моя особенность меня подвела.

– Сережа Калужный, – повторил голос. – Товарищ полковник!

– Я не полковник, я подполковник, – произнес я с досадой и обернулся, а обернувшись, увидел Настеньку.

То, как она улыбалась: непосредственно, широко и чуть по диагонали – могло осчастливить любого мужчину, но то, как она была одета, создавало непреодолимую на первый и на второй взгляд дистанцию.

Товарищ писатель, вы знаете, как выглядела линия Мажино?

Не важно, молчите. Ее одежда была как глубокоэшелонированная линия обороны: доты, дзоты, брустверы и прочие фортификационные сооружения, лишаящие атакующую сторону какой-либо надежды. Начищенные до блеска яловые сапоги со шпорами и ботфортами. Зеленые кавалеристские рейтузы с золотыми лампасами на бедре. Широкая портупея с круглой латунной пряжкой. Пистолет-пулемет Криворукова в черной кожаной кобуре и адмиральский кортик турецкой стали. Гардероб завершали синий форменный китель и багровая фуражка с заломленным верхом.

Впечатляет, товарищ писатель?

Но это еще не все, поверьте. Главной ударной силой амуниции примы были погоны: две алые полосы вдоль золотого поля с треугольником крупных золотых звезд. Именно этот равнобедренный треугольник делал сию женщину недосягаемой для человека моего положения.

– Товарищ полковник Настенька! – выкрикнул я, отчетливо понимая, что мне следует разорвать с ней отношения до их начала. – Разрешите обратиться?

– Сережа, – опять улыбнулась она. – Вы уже ко мне обратились...

– Товарищ полковник, – щелкнул я каблуками – Разрешите идти?

– Куда вы пойдете, Сережа? – Ее брови взлетели, как два стратегических истребителя с авианосца. – Вы же только пришли. Не уходите, Сережа, мы вас так ждали. Если б вы только знали, как мы вас ждали. Если б вы только знали, как вы нам нужны!

– Товарищ полковник Настенька! – выпалил я.

– Коновалова, – уточнила она.

– Это ошибка. Вы принимаете меня за кого-то другого. Я не полковник, я – подполковник!

– Да станете вы полковником, – рассмеялась она. – После нашей совместной работы.

Ее слова меня обнадежили, но ненадолго, я думал так: «Если меня повысят, значит, ее тоже повысят, и значит, дистанция между нами не сократится, а еще более увеличится».

Так устроена субординация.

– А кем станете вы? – не мог не спросить ее я.

– А кем вы хотите?

Она опять засмеялась.

– Товарищ полковник Настенька...

– Коновалова, – опять уточнила она.

– Товарищ Коновалова, мне больше нравилось, когда вы были как балерина, – сказал я, чувствуя, что щеки наполняются красными кровяными тельцами.

– Как скажете, – кивнула она уже без улыбки. – Но не сейчас. Берите своих друзей и пойдете к президиуму.

– К президиуму? – Я поперхнулся.

Она махнула рукой вверх голов. Отследив траекторию ее жеста, я увидел обтянутую красной тканью трибуну с черной надписью: «Все как один!».

– Вам обязательно нужно выступить. – Настенька толкнула меня локтем в ребро. – Подбодрить людей.

Стараясь сохранять хладнокровие, я плотно сжал губы. Слишком плотно, чем и выдал и себя.

– Вопросы? – строго спросила она, словно я был школьником, а она классной руководительницей.

– Никак нет, – щелкнул я каблуками. – Разрешите идти?

– Разрешаю, – разрешила она. – Идите за мной.

Прежде чем взойти на трибуну, мы с Настенькой разыскали Баулова и Лохопета. Майор находился в компании девушек и пузатых зеленых бутылок. На его голове красовался сплетенный из ромашек венок, а форменная пилотка перекочевала на голову одной из его собеседниц. Антона, наоборот, окружали зрелые женщины, пожившие и хлебнувшие, которые понимали, что нужно человеку после похода. Я имею в виду еду и одежду. В руках Лохопета виднелась корзина со сне-

дью, на плечи была наброшена кацавейка. Ни тот, ни другой, увидев меня, радостных чувств не выразили и отправились за мной потому, что бежать им сейчас было некуда.

Они шли за мной, я шел за полковником Коноваловой. Толпа расступалась перед ней, как лед перед ледоколом. Когда я сообщил Настеньке, что балериной она мне нравилась больше, я слукавил, мало того – смалодушничал. Военная форма идет женщине больше, чем всякие юбки, кофты, бюстгалтеры, панталоны и шляпки. Военная форма, с одной стороны, скрывает человеческую фигуру, с другой стороны – обнажает ее природу. Только в форме человек становится самим собой, только в форме он является настоящим. Если бы я мог сравняться с ней в звании, у нас все получилось бы по-настоящему. Например, близнецы, лучше – тройня. Их удобней растить. Если дети здоровые (а у женщины с сердцевидной тригонометрией таза обязаны получиться здоровые), их можно сразу ставить на баланс вооруженных сил. Военные ясли, общевоинской детский сад, юнкерское училище, а потом и высшее военное. И детства как не бывало.

Вы не будете со мной спорить, товарищ писатель, если я вам скажу, что детство – бесполезное время, и для самого человека и для общества в целом...

Настенька подвела нас к президиуму. Это был передвижной мобильный президиум типа АМП-72, он монтируется на открытых бортах, и мы остановились четко и слаженно, словно по команде «раз-два». На трибуне стоял человек в бежевом мятом костюме с накладными плечами и тощим кожаным чемоданом, зажатым под мышкой. Невысокого роста, редковолосый и щуплый, с мелкими незапоминающимися чертами лица, то есть один из тех, кто, никак не проявив себя до сорока, к пятидесяти годам становится крупным начальником на гражданке.

– Сережа, – сказала Настенька, – познакомьтесь. Наш научный руководитель – профессор Николай Николаевич Гатов.

– Много слышал о вас, – широко улыбнулся профессор. – Забирайтесь скорее сюда.

Я кивнул и перелез через борт.

– Очень рад, – повторил он, схватив мою руку узкой скользкой ладонью. – Ждем вас. Ждем вас давным-давно. Нам без вас никак. Некоторые даже стали думать, что в центре о нас забыли. Сняли с баланса, осудили и деклассировали. Но надежда все-таки теплилась. Не какая-то религиозная фанатичная, а научная, основанная на серьезных расчетах. Что, не верите? Да вы посмотрите! Посмотрите, как искренне вам рады люди.

И я посмотрел на публику. Гатов говорил правду. Лица людей, а их собралось несколько тысяч мужчин, плюс дети и женщины, светились улыбками. Одни держали шарики и флажки. Другие приплясывали. Третьи пели песни. Четвертые разучивали комплекс утренней физзарядки.

– И ведь никто не предупредил. Никто, – продолжал трясти мою руку Гатов. – В чистом виде сработала интуиция.

– Не понял? – изобразил я Баулова, освобождая ладонь от липких щупальцев Николая Николаевича.

– Научная интуиция, – поправился Гатов вполголоса и тут же обратился к собравшимся, уже через микрофон: – Товарищи!

Люди на площади замолчали, и Гатов продолжил:

– Сейчас перед вами выступит товарищ... – Николай Николаевич поднял брови.

Решив, что Гатов забыл мое имя, я наклонился к его полупрозрачному уху, и в этот момент площадь заговорила стройным тысячеголосым хором.

– Ка-люж-ный, Ка-люж-ный, Ка-люж-ный! – скандировала она.

До сего дня я не нашел определения тому эпизоду: это был полный провал или полный триумф. Но тогда я просто взял микрофон и, многозначительно подумав с минуту, сказал одно слово:

– Товарищи!

Последний слог утонул в гуле аплодисментов.

– Товарищи! – повторил я, когда овации стали спадать. – Спокойней, товарищи. Давайте бережем свои ладони для дела. Я честно скажу, что не знаю, зачем мы здесь собрались и что мы

здесь делаем. Но я точно знаю, что мы сделаем все, что от нас будет нужно. Сделаем все как один. Как один! Только вместе, только вместе мы сила! За работу! За работу, товарищи!

Николай Николаевич Гатов что-то говорил мне, глядя на меня снизу вверх, я не мог разобрать его слов, потому что площадь снова забила в овациях.

– Я хотел сказать вам, товарищ Калужный, – прокричал он, дыша мне в плечо, когда подо-
брался поближе, – что никогда в жизни не слышал столь пронзительной речи.

В ответ я пожал плечами, а вам, товарищ писатель, я поясню: в нашем уставе предусмотрен раздел, посвященный ораторскому искусству. Он состоит из двух речей: вступительной – она произносится перед открытием памятников, стартом ракет, запуском двигателей, и заключительной – она произносится по окончании всего. Естественно, я выучил оба текста. Первый текст озвучил на площади. Второй... а второй так и не произнес. Этот текст на моей памяти не произносился никем.

Глава 14. Завод имени Тупорева

Нас разместили в одноместных номерах гостиницы «Родина-2», просторных и светлых, с хо-
рошим обзором. Расположение окон позволяло вести скрытое наблюдение и выдержать долгую оборону. Люстра, ваза, чеканка с Фиделем, ромбические ковры на стене и полу и особенно мебе-
ли – были в точности такие же, как во времена моего детства – в красном уголке воинской части, в которой служил мой отец.

Мебель особенно! Тяжелая и массивная, одному не поднять, будто не деревянная, а гранит-
ная, что ли: платяной шкаф, книжная полка, стол и кровать. Одна прикроватная тумбочка ве-
сила, наверное, килограммов шестьдесят. Внутри такой тумбочки выживешь в эпицентре взрыва, а если такую тумбочку положить в шкаф, вы становитесь полностью неуязвимым от всех угроз и опасностей жизни. Сейчас такую не делают. Сейчас все одноразовое, сварганенное наспех, по-быстрому. Один раз переночевал на кровати, один раз на стул сел и привет: соединительные
винты раскрутились, лак потрескался, матрас провис, как будто предметы быта разжалованы до
звания туалетной бумаги – попользовался и выбросил. А там, товарищ писатель, была мебель
так мебель.

Я побрился и надел парадную форму, поскольку скрывать себя смысла не было, затем опу-
стился в кресло, дал себе команду уснуть и уснул. Организованный сон – очень полезная техника. Не нужно ни снотворного, ни будильника, просто смотришь вглубь себя и производишь со всей
строгостью, какую можешь изобразить:

– А ну спать! Всем спать! Быстро!

И добавляешь уже тоном спокойным и даже размеренным:

– Подъем через двадцать минут.

Можно назначить больше, а можно меньше, это зависит от времени, имеющегося в распоря-
жении.

В общей сложности на подготовку, короткий отдых и сон у меня ушло час тридцать минут.

Баулов справился немного быстрее – когда я вышел из лифта, он уже сидел в вестибюле. Он
тоже переоделся, но не в форму, как следовало. На нем были красные расклешенные брюки и дву-
бортный пиджак салатного цвета, из-под мышки небрежно торчала похожая на беременную жабу
барсетка. Небритые щеки и горящие нездоровым блеском глаза наводили на мысль, что вместо
аутогенной тренировки, положенной для восстановления сил, следователь распивал спиртные
напитки. Я не стал публично ставить это майору на вид, но взял на карандаш, записав в вооб-
ражаемый блокнот детали эпизода: время, место и физиогномические характеристики подозре-
ваемого в самовольном распитии. Записал и поставил точку, поскольку многоточия, запятые и
прочие восклицательные и вопросительные в нашем письме не приветствуются. У нас в ведомстве

ценится сухой, лапидарный, фактологический стиль. Читать такой текст, конечно, неинтересно, зато он содержит в себе все необходимые доказательства и улики...

Итак, я поставил точку и огляделся в поисках Лохопета. В огромном фойе гостиницы не нашлось человека, хотя бы отдаленно напоминающего этого несуразного сутулого гражданского типчика.

«Зачем его включили в состав? Зачем?» – подумал я с раздражением и дал команду майору подниматься на этажи.

Мы нашли Антона в номере. От воздействия высококалорийной еды и изысканных комплиментов он спал как дважды убитый, развалившись на чистой широкой кровати прямо в грязной походной одежде.

После злостного игнорирования приказа «подъем!» мы завернули Лохопета в простыню и поставили под ледяной душ. Собственных гражданских вещей в лохопетовском вещмешке не нашлось, и пришлось позаимствовать для Антона костюм коридорного – коричневую двойку с белыми аксельбантами и фиолетовую бескозырку с белым ремешком, крепящимся под подбородком. Потом, много позже, Лохопет скажет мне, что тогда он очень обиделся, посчитав, что мы выставили его человеком второго сорта. А по мне так наоборот: он до нашей встречи являлся никем, а теперь у него появилась хоть какая-то форма, и вместе с ней хоть какое-то положение в жизни.

На сборы Антона ушло еще минут сорок, стало быть, в одиннадцать тридцать мы уже ехали широким, прямым и ровным, как стрела, проспектом Всеобщей Победы в сторону инновационного центра имени генерал-академика Тупорева. Свежевыкрашенные, ровно выстроенные, одинаковые, как солдаты в строю, дома восхищали меня – офицера со стажем и человека в летах. Еще большие домов радовали сердце другие, вроде бы незначительные, но в конечном счете определяющие нашу жизнь бытовые детали: желтые помятые бочки с синей надписью: «Квас», белые тележки с мороженым, жестяные газированные аппараты.

– Город наш, – подтвердил мои ощущения Гатов, – славится не только наукой, но и досугом. Я бы даже сказал, повсеместным досугом. Видите вон там здание, похожее на туру, справа от нас? Это шахматный клуб велосипедистов. Члены клуба играют в шахматы на велотренажерах, чтобы одновременно с лобными долями мозга укреплялись широчайшие мышцы бедра. Следующее здание, похожее на стоящую на торце шайбу, это кружок ораторского дзюдо. В этом клубе проходят интереснейшие дебаты, особенно когда словесные аргументы у оппонентов заканчиваются. А еще почти все наши люди играют «изгиб гитары желтой» на семиструнных гитарах, занимаются чечанкой и выжигают фольклорные сюжеты на разделочных досках. Стыковые дисциплины дают удивительные результаты, у заурядных, на первый взгляд, людей открываются творческие способности...

«Как они сберегли, сохранили все это? Как удержали? Как удержались? Как остались в тепле, обманув и застой, и распад, и государственно-олигархический капитализм? – думал я, прижав нос к стеклу и чувствуя, как во мне просыпается какое-то детское ликование. – Неужели все возвращается? Неужели весь этот многолетний позор, весь этот кошмар – рыночные отношения, приватизация, оптимизация, ликвидация науки и образования, промышленности и сельского хозяйства – все это было ловушкой? Мы откатывались, пятились, отступали, но мы делали это не от бессилия и не из страха. Мы, как скифы, заманивали в голодную, пустую, дикую степь Александра Македонского, оставляя лишь засыпанные колодцы и сухую обглоданную траву на пути его непобедимых фаланг. Мы, как фельдмаршал Кутузов, сжигали за собой все, что горело, и топили все, что могло утонуть, чтобы обескровить и измотать до поры непобедимые наполеоновские корпуса. И, в конце концов, доведя до изнеможения, до предела, до высшей точки отчаяния себя – восстать птицей Феникс, градом Китежем, яблоней на снегу (не уверен, что последняя фраза не вырвана из контекста какой-то легкомысленной песни), встать, восстать, развернуться и ударить всюю нашей оставшейся мощью по злому врагу. Неужели это то самое место? Метафизический Байконур нашего последнего старта?»

Я уже решил задать эти вопросы вслух, но Гатов опередил меня.

– Приехали, товарищи офицеры, – произнес он, показывая рукой куда-то вперед. – Вот он, Тупоровский центр, знаменитая Тупоревка – наше общее наследие, наше общее детище.

Вы, товарищ писатель, напрасно сейчас барабаните пальцами по клавишам ноутбука – информации о Тупорева в интернете вы не найдете. Да и, скорее всего, в библиотеках. Личность эта, во-первых, глубоко засекречена. Во-вторых, Тупорев – не личность, а собирательный образ, воплощение лучших, зачастую несовместимых человеческих качеств, навыков и профессий – военный и ученый, космополит и почвенник, первопроходец и фундаменталист.

Здание Тупоревки» напоминало собой гигантский танк. Собственно, это был танк. Функциональная копия танка – «БэПэТэИопэТу бис 210 дробь 172», выполненная в масштабе четыреста сорок три к одному. То есть в четыреста сорок три раза больше, шире, выше и боеспособней, чем его серийный аналог. Название танка – «Большой противопехотный танк и одновременно противотанковый танк универсальный, бис двести десять дробь сто семьдесят два» – было таким длинным сознательно, чтобы шпионам и диверсантам сложнее было запомнить и еще трудней объяснить, что все это значит. Я и сам иногда путаюсь и не буду вам пересказывать. Скажу только, что внешне он выглядел в точности так, как его полевой оригинал: массивные зеленые гусеницы, похожая на детскую юлу стальная башня, двести сорок три сантиметровая гладкоствольная пушка с глушителем. Для наглядности поясню, что в дуло пушки мог заехать рейсовый автобус. И мог вылететь обратно, причем с гиперзвуковым ускорением. Экипаж такого танка составлял не менее тысячи человек. «БэПэТэ» одинаково хорошо было видно с земли, из воды и из воздуха, чтобы жители Земли, обитатели вод и так называемые лица инопланетного происхождения помнили с кем и с чем они имеют дело. Башня танка была стационарной, то есть не вращающейся. Могучее дуло глядело своим черным глазом на запад.

Мысль о западе выудила из моей памяти разговор с генералом, который произошел несколько лет назад накануне испытаний, о деталях которых я вам рассказать не могу.

– Все эти страшилки, Сережа, которые все кому не лень рассказывают про восток, про антисанитарию, нищету, деспотию, бесправие, рабовладение, дикость, коварство и варварство – все это пустяки по сравнению с той угрозой, которая исходит от запада. – В глубокой, возможно, медикантенной задумчивости вещал генерал Каплунов. – Я сейчас говорю не о военной экспансии.

Я кивнул, хотя, как обычно, не понимал, что он имеет в виду.

– На сегодняшний день, – продолжил Сан Саныч, – человеческо-войсковой ресурс запада практически равен нулю, в армию не хотят идти даже афроамериканцы. Рэп, наркотики и «блейк лайф метр» сделали свое черное дело. Закат Америки не за горами. Но в плане культурной экспансии... их еда, их одежда, их музыка – они победили нас. Даже если еду готовят отечественные повара, музыку исполняют отечественные ансамбли, а одежда и предметы быта прибыли из дружественного Китая – это все равно еда, одежда и музыка запада... Что, Сережа, на это ты можешь мне возразить и сказать?

– Никак нет! Ничего.

– Нет, Сережа, ты давай возражай. У нас с тобой сейчас разговор по душам.

– Никак нет, – повторил я.

– Вот так лучше, – улыбнулся генерал. – Ты, Сережа, можешь мне возразить и сказать, что это всего лишь форма. Что на протяжении нашей истории мы только и занимаемся, что копируем форму, а наше содержание остается таким же, как и сто, и пятьсот лет назад.

– Да, – сказал я.

– А тебе не кажется, что они, действуя постепенно и исподволь, уже подобрались вплотную?

– Не понимаю!

– Вот они завоевали наше тело их буржуазной одеждой, наши уши – их буржуазными звуками, а наш желудок – их буржуазной едой, а теперь берутся за нашу голову! Понимаешь, Сережа, что голова – это наш с тобой последний оплот.

– Они могу присвоить наш мозг? – Я надвинул на лоб фуражку.

- Разумеется!
- Каким образом?
- Через управление мышлением. Они могут посеять в нем зерна рациональности. И тогда, Сережа, от нашей цивилизации, от нашей духовности, от нашего особого, особенного пути не ничего. Да и нас с тобой, Сережа, тоже не станет...
- Мы погибнем?
- Хуже! Это, Сережа, много хуже, чем смерть. Мы с тобой, Сережа, мы все... станем западниками...

Глава 15. Музей недалекого будущего

– А где же полковник Настенька? – спросил я, когда увидел, что Николай Николаевич встречает нас у дверей музея один.

Я понимал, что мой вопрос прозвучал непрофессионально, но мне нравилась эта женщина, и я ничего не мог с собой сделать. И не хотел.

– Полковник Коновалова, – ученый посмотрел на меня, как будто видел впервые, – занята организацией ужина.

– Организацией? – Я попытался скрыть личное недовольство под маской общественного неодобрения. – Офицеры младшего ранга отдыхают, разгуливают по музеям, а товарищ полковник готовит ужин. Потом мы поедем и ляжем спать, а товарищ полковник займется помывкой посуды? Профессор, вы не находите, что это сексизм?

Обычно ученые изъясняются сложно и многословно, опасаясь, что в противном случае их не будут считать учеными. Но в этот раз Гатов был предельно короток.

– Не нахожу, – строго ответил он. – В науке, точно так же как в армии, полов не существует. Существуют только уставы, инструкции и протоколы. Сейчас мы руководствуемся инструкцией по VIP-приему.

– Разрешите взять свои слова обратно, товарищ ученый? – попросил я.

– Забирайте.

Николай Николаевич скомандовал не по уставу, у нас говорят «разрешаю», но и вольного «забирайте» от гражданского мне было достаточно, поэтому я ответил, изображая лихую решимость:

– Беру!

– Еще есть вопросы? Тогда начинаем экскурсию. Товарищи офицеры, готовы?

– Он не офицер, – показал я на Лохопета.

– Так точно, – поддакнул Антон. – Можно я не пойду?

– Увы, – улыбнулся научный руководитель. – Вы нужны нам троим. Только троим. Даже если один из вас всего лишь вольнонаемный. В нашем центре, да и в городе в целом, ведь город является частью научного центра, все основано на троичной системе. Вы, должно быть, заметили, что наши люди всегда передвигаются по трое: отец, мать и ребенок, рабочий, инженер и пастушка, легковой автомобиль, грузовик и автобус.

– И часы на площади отбивают каждые двадцать минут, – вставил Лохопет.

– Верно, – обрадовался Николай Николаевич. – Наши сутки тоже разделены натрое: работа, сон и досуг. Таким образом мы отделяем себя от людей, живущих в двоичной системе, но делаем это не ради каких-то расистских или социально-видовых штучек. Мы считаем, что троичный цикл запрограммирован нашей самобытной природой, истоком, историей. В ней все троично: три богатыря, три дороги, три желания, три белых розы, три приема пищи. В нашей системе нет места примитивным «ноль» или «один», «да» или «нет», «правда» или «ложь», «быть или не быть», «добро» или «зло». Нашей системе присуще некое третье, некое «кое-что», которое на языке слов лучше всего описывается фразой: «Затрудняюсь ответить». Это самое «затрудняюсь» и превращает нашу науку, нашу историю, наше существование, наш особый путь в черт знает что...

Гатов замолчал, повисла тяжелая пауза. Я видел, что ребята растеряны вводной. Мало того, ученый тоже казался растерянным, словно выболтал лишнее и теперь искал способ вернуть разлитое молоко обратно в бутылку. В той ситуации самым находчивым оказался майор Баулов.

– Это... – сказал он, почесав подбородок, – чего-то не понял?

– Что вы не поняли? – Губы Гатова дрогнули.

– «Сообразим на троих»?

– Что, на троих?

– Типа тоже из нашей тройственности?

– Конечно! – с облегчением выдохнул Гатов.

– Так, может, пора? – широко раздул ноздри следователь.

– Я бы с радостью, – развел руками ученый. – Но ужин у нас назначен на восемнадцать ноль-ноль или, как у нас говорят: три ю скобка, три плюс три, скобка. А пока всех известных для этой формулы нет, приглашаю вас в музей наших достижений. Обычно музеи посвящаются прошлому, но мы сломали эту традицию. Мы собрали в музей экспонаты, которых в обычном мире сейчас еще нет, но они обязательно появятся в ближайшее время. Вот по этой причине мы назвали нашу, не побоюсь сказать, пинаотеку «Музей недалекого будущего».

– Я что-то не понял? – Баулов был по обыкновению короток.

– Некоторые экспонаты уже начинают действовать, – поправился Николай Николаевич. – Но что мы стоим на пороге? Друзья, пойдемте со мной.

В этот миг на моем запястье прокуковала кукушка.

– Что это? – вздрогнул профессор.

Мне стало неудобно, что я напугал ученого, и я соврал, хотя никогда не вру.

– Лохопет, – объяснил я происхождение звука. – Он, когда волнуется, разговаривает голосами птиц и животных. Редкий и очень сложный невроз.

– Ку-ку, ку-ку, – нашелся Антон.

– А-а-а, – протянул ученый. – Понятно.

И мы рассмеялись. Именно тогда, товарищ писатель, я понял то, зачем Лохопет был прикомандирован к нашей команде, как и то, зачем вообще нужны гражданские.

Когда наш смех затих, Гатов надавил на кнопку звонка.

Дверь дернулась, затряслась и исчезла в щели в полу. Я шагнул вперед, и земля ушла из-под моих ног, а небо, наоборот, оказалось под моими ногами. Я упал от неожиданности, прежде чем понял, что падаю... на потолок. Лохопет и Баулов тоже упали. Гатов сохранил равновесие и остался стоять. Он протянул мне руку, помогая подняться.

– Поначалу все падают, – сказал он и похлопал меня по плечу, – и не один раз, пока привыкают

Мы действительно стояли на потолке. По обе стороны от меня, словно тыквы из грядки, торчали люстры. Над головой нависал начищенный до блеска дубовый паркет и красная полоса ковровой дорожки.

– Антигравитация? – спросил я Николая Николаевича, вспомнив научный термин.

– Не совсем, – сказал он уклончиво. – Пока только модель. Перевернутая модель дома.

– Я не понял? – нахмурился Баулов.

– А вы не философ, – пробормотал Гатов и бросил косой взгляд на следователя.

– Нет, – отрезал майор.

– Ну что вам на это сказать, – пожал плечами ученый и спросил уже у меня: – Позвольте продолжить экскурсию?

– Разрешаю, – согласился я.

– Начнем по порядку, – Николай Николаевич расправил плечи. – Товарищи офицеры, мы находимся в первом зале музея. Тематика зала – преодоление всемирного тяготения. Решения еще нет, но оно не за горами, поверьте. При проектировании макета мы постарались воссоздать в мельчайших деталях антигравитационную атмосферу. Мы с вами сейчас находимся в том по-

ложении, в котором окажется человек, когда он лишится привычной земной поддержки – то есть на потолке.

- Три дэ симуляция? – Баулов ковырнул пальцем побелку на стенке.
- Ну почему же три дэ, – обиделся Гатов. – Все натуральное. Ковер, стулья, белила, паркет.

Еще есть вопросы, товарищи офицеры?

- Паркет из чего? – не отставал Баулов, и я догадался, что Стас начал допрос.

Что ж, каждый делает свое дело.

- Дубовый, ГОСТ 145-1973, – без колебаний ответил Николай Николаевич.

– А стулья?

– ГОСТ 202\1932.

– Закреплены надежно?

– На дюбелях, ОСТ 309\1967. Еще есть вопросы?

– Больше вопросов нет. – В голосе Баулова прозвучала досада. – Пока.

– Тогда идемте в следующий зал. В нем, кстати, уже никакой антигравитации нет.

Зал номер три (цифра два в троичной системе отсутствовала) был посвящен точным и высокоточным приборам. Он пустовал.

– Раньше экспозиция была напичкана электроникой. Но с тех пор как мы поняли, – Гатов обвел нас многозначительным взглядом, – что на электронику полагаться нельзя...

– Это вы шас, профессор, про санкции? – оживился Баулов.

– Умная электроника, – Гатов сделал вид, что не услышал вопроса, – интеллект которой превосходит кондиции многих наших коллег, рано или поздно возьмет человека под свой контроль, и тогда...

– Все мы погибнем, – констатировал Лохопет.

– Друг мой, – потрепал его по щеке профессор, – наоборот, мы победим. В этот трудный момент мы сможем переключиться на натуральные биологические приборы.

– Я не понял? – подал голос Баулов.

– Товарищи офицеры, – Гатов посмотрел на меня, затем на Антона. – Друг мой, вы должны уяснить одну очень простую мысль: все, что нам нужно, уже находится в нас. Или в вас, если брать ваш персональный случай.

Если я не ошибся, а я не ошибся, Гатов процитировал выдержку из недавней статьи Каплунова. Она называлась «Время нашей надежды и конец западной цивилизации».

– Все находится в нас, – повторил Николай Николаевич и зашагал прочь быстрым шагом.

Мы последовали за ним и оказались в следующем зале.

– Это... – театральным жестом профессор сбросил плотную накидку с прозрачного, поставленного под сигнализацию шкафа, и мы увидели два прутика ивы, сложенные крест-накрест. – ...наши знаменитые гиперзвуковые биолокаторы. Изобретение нашего выдающегося земляка – академика Зоопаркова.

– Я не понял? – заинтересовался Баулов.

– Да вы правы, товарищ майор, – помог ему Гатов. – Лозоискательство является одной из самых древних и самых дремучих парапсихологических практик. Многие ученые отрицали магические свойства ивовых прутьев, маятников и рамок, а товарищ Зоопарков развеял эти сомнения раз и навсегда. Теперь мы ищем и, заметьте, находим прутьями не только воду, но и полезные ископаемые, забытые и украденные предметы, улики и клады. Поисковая настройка прибора осуществляется голосом. Здесь самое сложное – выбрать правильный тон.

– Правильно я вас понял, профессор, – спросил я, чувствуя, что нить рассуждений Гатова исчезает в тумане терминов, – что вы будете заменять технологии биологией и зоологией?

– Верно! – широко улыбнулся ученый и махнул рукой вправо. – Ближайший к нам зал посвящен палеолиту. Там есть много всего интересного: шкуры медведей, кости мамонтов, кремневые ножи, топоры и бусы из камня. Мы изучаем эту эпоху, поскольку есть понимание того, что мы

скоро туда вернемся. А значит, нужно готовиться – собирать факты и артефакты, учить матчасть. К сожалению, у нас не так много времени, и этот зал мы, пожалуй, сегодня пропустим. Но впереди у нас нечто, еще более интересное, то, что будет предшествовать новому палеолиту.

– Ядерная война как последнее средство моральной победы? – процитировал я строку из популярной в наших кругах монографии «Доктрина победного самоуничтожения».

Одним из ее разработчиков был генерал Каплунов. В работе рассматривалась ситуация, в которой наша страна, безнадежно отставая по основным направлениям человеческой деятельности, одерживала победу в моральном плане. За победу принималась ситуация, в которой ты проживал хотя бы на секунду дольше, чем враг.

– Мы победим, профессор? – спросил я у Гатова.

– Мы обязательно победим, – отпарировал он. – И доказательство этому ждет нас в последнем зале музея.

Глава 16. Робототехника

Этот зал не походил на музейный, он выглядел скорее как склад, в котором сыграли свадьбу или произвели обыск. Содержимое зала – это были столы, стулья, ковры, вешалки, чайники, кофеварки, кастрюли, ведра и прочая утварь – валялись на полу или были нагромождены друг на друга. Хрупкие вещи были разбиты, мягкие – выпотрошены. На всех без исключения лежал толстый слой пыли.

Мы с ребятами переглянулись. У Баулова задергалась бровь. Это был не тик, как должно было показаться стороннему наблюдателю, это был язык мимики, самый древний из языков.

«Здесь что-то не так, – предупреждал меня Стас. – Арестовать его?»

В ответ я два раза коснулся мочки левого уха и почесал подбородок, что означало: «Только по команде, майор».

Наше перемигивание не ускользнуло от внимательного ученого. Николай Николаевич широко развел руки, словно пытаясь сгрести разбросанные по залу предметы в одну огромную кучу.

– Понимаю ваше недоумение, товарищи офицеры, – сказал он, пристально глядя на нас. – Но хочу вам напомнить, что рядом высших должностных лиц перед нами была поставлена задача создания собственной, ни от кого не зависимой и ни на что не похожей альтернативной науки. Подручными средствами и имеющимися в нашем распоряжении головами. И мы эту задачу решаем. Через не хочу, не могу, невозможно, так быть не может. Руководствуясь только приказом «надо». Этот зал – результат многолетней и кропотливой работы и предмет нашей гордости. Каждый предмет, замечу. Каждый! Взять хотя бы этот вот стул.

Гатов поднял с пола венский стул с отломленным подлокотником, стер с сиденья пыль носовым платком и уселся, сложив на груди руки:

– Каждый предмет здесь не просто предмет, а робот. Биоробот, если точнее.

– Этот стул? – спросил я.

– Робот-стул, – поправил меня ученый. – Биостул.

– Он что, обладает искусственным интеллектом?

– В какой-то степени.

– И что же он может делать?

– Полковник! – Гатов дотронулся пальцем до лба (ученые часто трогают лоб, перед тем как сказать что-то умное). – Этот стул может многое. Он может быть транспортным средством, летальным оружием, топливным ингредиентом, низкокалорийной едой, а может быть надежным партнером, товарищем, другом и, в конце концов, служить непосредственно стулом. Как, например, сейчас. Каждый предмет в этом зале способен стать тем, что мы в него зашьем, что запишем.

– То есть для этого стула предусмотрено программное обеспечение?

– Без обеспечения в наше время нельзя, – пожал плечами профессор.

– Вы все-таки используете импорт? – расстроился я. – Все эти недружественные макро- и микросхемы, майкро- и микрософты, завезенные контрабандой через Китай?

– Под обеспечением я имел в виду господдержку, – развеял мои опасения Гатов. – А импорта у нас нет, мы никак не сообщаемся с внешним миром. Мы самодостаточны и самобытны, как когда-то были самодостаточными Перун, Макошь и прочие лидеры общественного мнения первой энергетической сверхдержавы. Все, что нам нужно, дают нам матушка-природа, тайные знания пращуров и лучшие представители нашей страны. Мы всего лишь едва корректируем их, пишем новые биопрограммы.

– На чем же тогда вы пишете свои программы? – спросил я. – На бересте?

– Зачем портить лес? – Гатов соорудил презрительную гримасу, словно мы заставляли его произносить такие вещи, которые должны были знать с пятого класса. – Мы пишем на воде. Общеизвестно, что существует два типа воды: живая и мертвая.

От слов профессора Лохопет попятился к выходу, а Баулов громко заржал. И оттого, как смеялся майор – а майор ржал как мерин, – я догадался, что разговор приобретает серьезную форму.

– Мертвая вода – это яд? – спросил я.

– Яд в чистом виде, в сухом остатке, – кивнул ученый. – Мы, однако, стараемся не использовать это слово, какое-то оно вульгарное, ненаучное, что ли. Мертвая вода применяется в качестве антидота к живой. И наоборот тоже можно. Строго говоря, живая вода тоже может быть ядом. Это зависит от целей и намерений пользователя.

– Ничего не понимаю, – честно признался я.

– Мы, ученые, тоже пока понимаем немного. Мы находимся на стадии проверки научных гипотез нашей биопрограммы.

– Хорошо. А где вы берете воду? Не используете случаев неприкосновенный запас?

– Из открытых источников, – успокоил меня Николай Николаевич. – Водоемы, большие лужи, батареи центрального отопления, конденсат. Потом фильтруем, настаиваем в титановых чанах, кодируем и разливаем в спецтару.

– Что значит «кодируете»?

– Пишем на воде различные формулы, например C_2H_5OH , и тем самым придаем воде необходимые свойства.

– Ну, а дальше? – поторопил ученого я.

– Собираем комиссию, выбираем объект, который должен стать биороботом, и его окропляем.

– Сколько раз? – встрял в разговор Лохопет.

– В основном трижды, – терпеливо пояснил профессор. – Или больше, если мы имеем дело с крупногабаритным предметом, таким, как например танк. Что касается биообъектов, им вода вводится внутрь – перорально или втирается в больные места. Что вы смотрите на меня, товарищи офицеры? Мы с вами живем в беспокойное время. Противостояние цивилизаций достигло экстремума. Вопрос, который все мы решаем, вне зависимости от уровня интеллекта и рода деятельности, это только один вопрос: «Мы или они?».

– А потом что? Что происходит потом? Отвечайте! – Мне становилось тревожно от того, что я слышал.

Гатов, в отличие от меня, был абсолютно спокоен, как профессор на лекции. Собственно, он ведь и был профессор.

– Вода впитывается предметом, растворенная в воде биопрограмма начинает действовать. Испытуемый предмет оживает в биологическом смысле и становится умной вещью. Государственная программа, под эгидой которой мы проводим исследования, так и называется: «Умные вещи». Эти вещи будут помогать нам в быту, на работе и на войне.

– Будучи испытателем, товарищ профессор, – сказал я, с трудом преодолевая волнение, – я привык доверяться ученым. Но сейчас мне трудно поверить в то, что вы говорите. Вы тут разводите...

Я замолчал, подбирая подходящее слово.

– Мракобесие, – произнес за меня Лохопет.

В словах Антона мне почудилась непонятная радость.

– Это и есть мракобесие, – в свою очередь обрадовался профессор. – Но не то, профанное, которое исповедуют астрологи и гадалки, а строго научное, исходящее от людей, имеющих ученые звания, степени и награды.

– Но, – сказал я и осекся.

– Ну, а что вы хотите на выходе? – пожал плечами профессор. – От путей, предложенных западной мыслью, мы отказались. От восточных духовных практик мы открестились. Ничего не осталось, приходится держаться корней. К счастью, нам достался солидный багаж метаданных.

– Каких же?

– Сказки, былины, предания, – принялся загибать пальцы Гатов. – Пословицы, прибаутки, частушки, обценная лексика...

– Обценная? – переспросил я и нахмурился.

По роду деятельности я довольно часто общался с учеными, а потому знал, что представители мира науки нередко являются сумасшедшими. Психические отклонения помогают ученым не думать о том, о чем думают все нормальные люди – о женщинах, о подвиге, о еде, а наоборот – думать о том, что никому больше не интересно. Скорее всего, мы так бы и бегали стаями по пампасам и ели бананы, если бы не сумасшедшие. А с другой стороны, я знал, что сумасшедшим не место среди здоровых людей.

– Профессор, – сказал я.

Гатов встал настолько стремительно, что уронил стул, на котором сидел.

– Товарищи офицеры! – воскликнул он, закрываясь руками. – Глядя на ваши лица, я понимаю, что вы приняли решение задержать меня за порчу государственного имущества и нецелевое использование государственных средств.

– Николай Николаевич, – объяснил я профессору, – в своей деятельности мы обязаны использовать все полномочия, которыми наделены. И хотя мне не хочется этого делать...

– Да хочется, хочется, – зажмурился ученый.

И напрасно: мы с майором восприняли его мимику как команду и пошли брать профессора. Мы работали по учебнику: Баулов заходил справа, я – слева. Гатов пытался и что-то невнятно шептал. Вероятно, он просил предоставить возможность явиться с повинной. Но в своем раскаянии он опоздал.

Когда спина Гатова коснулась стены, ученый принялся шарить себя по карманам.

– Я хотел представить доказательства завтра. На официальном мероприятии... – говорил он. – В рамках научной программы... но могу доказать и сейчас.

Профессор был в наших железных тисках, и нам оставалось всего-то надеть на него наручники, но Баулов вдруг зачесался. Он скоблил одновременно левое колено и правое ухо и делал это так неестественно, что я принял зуд его тела за знак. Пытаясь уловить смысл послания, я прекратил все движения. Воспользовавшись паузой, Гатов извлек из пиджака мензурку, заткнутую резиновой пробкой.

– Как говорят у нас, встретимся на том берегу! – сказал он, откусил пробку и сделал большой и жадный глоток.

Его тело изогнулось в подкову, затем вытянулось в струну... и застыло. Ученый утратил свой профессорский лоск и сделался похожим на заснувшего часового.

– Отставить, Николай Николаевич, – приказал я. – Отставить и доложить оперативную обстановку.

Профессор молчал.

– Пульс не прощупывается, – диагностировал Лохопет, потрогав запястье ученого. – Он умер?

– Отставить! – ответил я. – Еще есть гипотезы?

– На понт нас берет. – Баулов наклонился к ученому, и сказал страшным голосом: – А если по почкам, профессор?

В этот момент в зал вошла Настенька. На ней был белый передник, белый поварской колпачок и чулки в рыбацкую сетку.

– Что у вас здесь происходит? – спросила она, как будто не замечая тело профессора Гатова, распластанное на полу.

– Убийство! – объяснил Лохопет.

– Самоубийство, – добавил Баулов.

– Несчастный случай, – уточнил я. – Нам нужно предать тело земле.

– Не нужно, – мотнула головой Настенька. – Он здоровее нас всех, несмотря на ученую внешность. Он что-нибудь пил, перед тем как упасть?

– Вот из этой мензурки, – показал на склянку Лохопет.

– Эта жидкость, – засмеялась Настенька, – носит название «мертвая вода профессора Гатова». Вызывает легкий летаргический сон. Николай Николаевич личность творческая, любит шокировать публику, особенно на закрытых экскурсиях. Через пятнадцать минут он проснется. В добром настроении и самочувствии. Товарищи офицеры, еще есть вопросы?

Ребята молчали, переваривая услышанное.

– А у вас? – обратилась она ко мне.

– У меня? – переспросил я.

Ее большие глаза светились изнутри так, как светится океан, когда из его глубин всплывает атомная подводная лодка.

– Товарищ полковник Настенька, – пробормотал я и замолчал.

– Продолжайте, Сережа!

– А почему? – начал я и опять замолчал, потому что забыл, где я и кто я...

– Говорите, говорите, Сережа, – улыбнулась она.

– Почему, – спросил я, – вы делаете ставку не на людей, а на биороботов?

Конечно, я сказал совсем не то, что мне хотелось сказать. Мне хотелось признаться Коноваловой в любви. Но я не имел права говорить о любви в присутствии двух подчиненных и одного профессора в коме.

– Вы точно хотели сказать именно это, Сережа?

Я кивнул.

– Хорошо. Биороботы не ругаются матом, не пьют, не ходят налево. С биороботами все просто: ты даешь команду, они выполняют, моют посуду или ходят с женой на оперу. В жизни с биороботом плохо одно: человечество перестает размножаться и умирает.

Я посмотрел на Баулова, потом на Лохопета. Глаза обоих были размером с блюдца, словно они тоже хлебнули мертвой воды.

– Но мы же не выберем такой путь? – спросил я полковника Коновалову.

– Нет, конечно, – успокоила она нас. – Вымирание – это путь запада. Рано или поздно они все-таки вымрут.

– Ну а мы? – спросил я одними губами.

– Мы останемся. Нас ждет торжественный ужин.

Глава 17. Бал-маскарад

– Банкет в ресторане? – расстроился я.

– Вы не любите рестораны, Сережа? – удивилась Настенька.

– Нет, – сказал я.

– А куда бы вы хотели пойти?

– На балет, – сказал я и покраснел.

– Хорошо, – без колебаний сказала она и махнула рукой профессору Гатову. – Николай Николаевич, банкет отменяется. Мы идем в театр на спектакль.

Театр оперы и балета города Н находился рядом. Буквально за дверью, из которой вышла полковник Настенька и в которую теперь зашли мы. Гигантский прямоугольный ангар со сценой и зрительским залом без кресел. На сцене стояли: бюст Ленина, покрытый алой скатертью стол и пятеро официантов, одетых в костюм Лохопета.

– Товарищи офицеры, прошу! – Гатов глядел на нас, в то время как его руки и корпус подались в сторону сцены. – Большое искусство в компании пустого желудка выглядит мелким. По этой причине и предлагаю всем нам подкрепиться. У нас не Мишлен. Все натуральное: и продукты, и люди.

Он выглядел посвежевшим и бодрым и, кажется, даже не помнил, что полчаса назад выпил «мертвую воду».

– Почему мы будем на сцене? – спросил я Николай Николаевича. – Мы не артисты.

– В нашем городе артистов объективно больше, чем зрителей, – объяснил Гатов. – Нашим артистам на сцене банально не хватает места. Я уже говорил вам, что все наши люди на досуге занимаются творчеством – поют и танцуют, пишут стихи, играют в театре. У нас самая большая музыкальная труппа на евразийском пространстве. Если бы вы слышали, какие оперы мы играем...

– Никогда не понимал оперы, – сказал я, усаживаясь за стол. – Какой смысл напрягать связки и легкие, тужиться, вытягивать ноты, если те же самые слова можно произнести обычным человеческим голосом? А вот балет я люблю.

– Для вас и будет балет, товарищ полковник. – Гатов протянул мне салфетку.

Засовывая салфетку за шиворот, я оглядел обеденный стол. Такое изобилие пищи и жидкости я видел только в кинофильме Леонида Гайдая о царе Иоанне Грозном. На этом столе было все, что летало, скакало и ползало, впрочем, недостаточно быстро.

– Профессор, как вам удалось так оперативно поставить нас на довольствие? – спросил я ученого.

– Все она, – небрежно ответил он, подвинув соседний стул. – У нее везде связи, в том числе и в столовой.

Я повернул шею в сторону полковника Коноваловой, она отвернулась, а мне так хотелось поймать ее взгляд. Мне хотелось, чтобы она смотрела на меня, как в музее, – как атомная субмарина из глубин океана. Она смотрела на меня, а я тонул в ее бездонных глазах...

– Товарищи офицеры... – Голос профессора прозвучал как брошенный в воду спасательный круг.

Благодаря ему я вынырнул на поверхность.

– Товарищи офицеры! – Гатов сделал кивок в сторону Лохопета. – Мой друг! Я бы хотел сказать тост. Но! Времена нынче такие, что вероятный противник может даже из тоста узнать о наших намерениях, а намерения наши, поверьте, серьезны. Поэтому, товарищи, давайте выпьем без тоста. Выпьем, и все!

Мы подняли бокалы и чокнулись. Профессор с Настенькой сделали по небольшому глотку, Баулов опустошил целый фужер и отполировал его водкой, а я и Антон поставили нетронутые бокалы на стол и принялись за кушанья. Как только я начал есть, я перестал обращать внимание на то, что происходит вокруг, я ел очень медленно, сосредоточенно и очень настойчиво, задача профессионала во время еды – концентрация на пережевывании, что гарантирует максимальное усвоение потребленных калорий.

На двадцатой минуте я понял, что мой бак наполнен едой под пробку и отодвинул тарелку.

– Сережа, о чем вы так напряженно думали все это время? – спросила Настенька.

– О пищеварении, – ответил я.

– Вы любите есть?

– Совсем нет. – Я опять залюбовался ее глазами и голосом. – Я бы совсем не ел, если бы можно было не есть. Но пища дает нам жизненную энергию.

– А как же любовь? – спросила она.

– Любовь? – переспросил я, и сердце мое забилося со скоростью двести ударов в минуту, как при три джи перегрузке.

– Да-да, – зашебетала она. – Например, любовь к родине, любовь к науке.

– Науку люблю, – сказал я, сбиваясь на каждом слове. – Я очень люблю науку.

– Я рада, что мы с вами похожи в этом аспекте, Сережа. Я вижу какое сильное впечатление произвел на вас наш музей – вы как будто бы не в себе. А вы ведь еще не видели наших ноу-хау.

– Как? – переспросил я, не в силах оторвать от нее взгляд.

– Именно так, – подтвердила она. – Наши агротехники вывели замечательный мультиплод – помесь помидора с картофелем. Сверху красная ягода, снизу съедобный клубень, сочные зеленые листья. Этот овощ можно есть в сыром виде и целиком, а можно прикладывать ко лбу, если болит голова.

Полковник Коновалова описывала корнеплод, но мне, казалось, что она дает описание себя.

– Рассказывайте, товарищ полковник, – попросил я. – Не умолкайте.

– Еще, – полковник Коновалова расстегнула пуговицу на форменной блузке, – у нас есть собака с плавниками и жабрами. Мы учим ее плавать в жидком азоте, поскольку мы готовимся к существованию в безвоздушном пространстве, ведь рано или поздно мы все там окажемся. Еще у нас есть гиперзвуковой пылесос, работающий на навозе, усовершенствованный пистолет-пулемет Криворукова и...

– Господа офицеры, друзья, – перебил Настеньку Николай Николаевич. – Я вижу, все перекусили, все сыты. И можно предаться культуре. Без культуры мы люди только отчасти. А скорей, только отчасти мы люди. Дорогие друзья, наша музыкальная труппа подготовила театрализованную бал-маскарад-мистерию «Сарай в столице». Изначально она называлась «Барак в пустыне», но мы сменили название, чтобы англосаксы не подали на нас в суд. Все, что вы сегодня увидите и услышите: музыку, костюмы, либретто – сотворили жители нашего города, простые рабочие, крестьяне, ученые и военные. Давайте поприветствуем наших артистов!

Гатов заплодировал. Мы с ребятами тоже захлопали, а Настенька вышла.

– Полковник Коновалова? – спросил я профессора с плохо скрываемым беспокойством.

– Скоро придет, – кивнул он – Без нее нам нельзя.

Зрительский зал заполнился целиком, и, судя по тому, с каким трудом билетеры затворили ведущие в партер двери, значительное количество артистов осталось снаружи. А те, кому удалось попасть в зал (мужчины и женщины в свежeweыстиранных рабочих одеждах), поклонились и начали танцевать. Они двигались синхронно и в такт, но каждый при этом совершал свое персональное действие. Один закручивал воображаемый болт. Другой вращал руль воображаемого троллейбуса. Третий стоял на посту, охраняя покой двух других. Женщины водили по кругу детей, одетых в пионерские галстуки, шорты и гольфы. Судя по хмурым выражениям лиц, это были не настоящие дети, а маленькие мужчины, которых ввиду низкого роста не взяли на роли рабочих.

– Впечатляет? – шепнул профессор.

– Мне пока не очень понятно происходящее, – честно признался я. – Может быть, у вас есть либретто.

– А хотите, я расскажу вам краткое содержание? – Гатов подвинулся ближе.

– Давайте.

– Недалекое будущее. Наши ученые завершают последние приготовления перед вводом в эксплуатацию биомакропроцессора, задачей которого является тотальное уничтожение всех существующих микропроцессоров и освобождение планеты Земля от господства искусственного и естественного интеллектов. Люди возвращаются к натуральному хозяйству и тяжелому физическому труду, причем делают они это не для производства прибавочной стоимости, не ради результата труда, а ради процесса преодоления трудностей. Понимаете?

– Понимаю.

– Капиталистический мир смотрит на наш прогресс с плохо скрываемой завистью и засылает шпиона.

– Барака? – меня осенила догадка.

– Сарая, – поправил меня ученый. – Полковник, пока мы не взяли реванш, мы должны соблюдать ряд условий, как-то: политкорректность, БЛМ и заботу об экологии.

– Диверсант находится в зале? – перебил я.

– Смотрите – и все скоро узнаете.

Я расфокусировал взгляд, чтобы увеличить угол обзора, и всмотрелся в зрительный зал. На первых порах все персонажи казались мне одинаковыми, словно вырезанными по трафарету – синие комбинезоны, красные галстуки, серые лица... и вдруг вдалеке мелькнуло коричневое пятно.

– Негр! – закричал я, указывая пальцем в толпу. – Сарай!

К сожалению, артисты не услышали моего предупреждения и продолжили исполнять свои па. Между тем в руках у негра появилась бутылка с дезинсекторным распылителем, и Сарай принялся опрыскивать жидкостью из бутылки всех, кто оказывался с ним рядом. Орошенный рабочий останавливался танец и падал.

– Держите его! – закричал я, сложив ладони рупором.

– Спокойней, – шептал Николай Николаевич. – Это не настоящая провокация. Это ее постановка. Расслабьтесь, выпейте водки.

– Не пью, – с раздражением сказал я. – Чем он их травит?

– Мертвой водой. Да вы не волнуйтесь, полковник, во втором отделении появится некий ученый. – Гатов повысил голос. – Он не только раскроет формулу мертвой воды, но и изобретет антидот – воду живую, и все те, кто сейчас лежат на полу, вернутся в трудовой строй. Их работоспособность лишь возрастет. Что касается негра, то его почистят, отмоют, и он тоже станет нормальным.

– Балет посвящается вам? – спросил я, глядя на раздувшиеся щеки профессора.

– Балет посвящается всем нам, Сережа. – Эту фразу сказала Настенька.

Я вздрогнул. Пока мы с разговаривали с ученым, Коновалова сделала свои дела и вернулась, и теперь сидела рядом со мной. Она опять переоделась. На ней было черное вечернее платье без рукавов и коричневая портупея с тяжелой кобурой, в которой, судя по размерам, мог поместиться не только пистолет-пулемет Криворукова, но и ребенок грудного возраста.

– Нам? – повторил за ней я и посмотрел на Николай Николаевича.

– Все-все-все, краткое содержание я вам рассказал, дальше думайте сами, – уклонился от ответа Гатов.

– Товарищ полковник, – обратился я к Настеньке, – я хочу уточнить, что значит «нам»? Вы что, знали, что мы с Бауловым и Лохопетом прибудем в ваш город?

– «Нам» в том смысле, что всем нашим людям, – объяснила она. – Как ширнармассам, так и отдельным личностям: Гатову и Сарая, Баулову и Лохопету, мне и вам. Мы ведь с вами, Сережа, не просто живем...

– Живем? – повторил за ней я.

– Мы пишем историю...

– Историю?

– Милый Сережа, – сказала она, и я почувствовал, что ее ладонь легла на мою. – Иногда мне начинает казаться, что я разговариваю с попугаем.

– Попугаем? – переспросил я.

– Ну все, хватит, вставайте, – потянула она меня. – Я люблю балет, и вы его любите. Не отнекивайтесь, я знаю. Вы танцуете, и я тоже танцую. В конце концов, я старше вас по званию. Я приглашаю вас на белый танец.

В мои пятки словно вонзилась сотня иголок, лоб покрылся испариной, ноги не слушались, но отказываться от приказа было нельзя. Преодолевая себя, я встал, подхватил Коновалову под руку, и мы закружились в танце. Я повел ее по своим любимым местам: *Assemblée*, *Emboîté*, *En tournant*. Если бы вы знали, что я чувствовал в тот миг, товарищ писатель. О-ля-ля. О-ля-ля. Все

вокруг: рабочие и колхозницы, дети, ученые, негр Сарай, перестали существовать. Во всем мире остались только Настенька, музыка и Сережа.

Я не знаю, сколько времени длился наш танец. Мы остановились только тогда, когда звуки музыки утонули в реве овец.

– Bravo! Брависсимо! – кричала толпа.

Мы раскланялись. Я не выпускал Настеньку из своих рук, она – не выпускала меня.

– Ах, Сережа! – закричала мне в ухо она. – Я ведь чувствую, вы хотите мне что-то сказать. Вы хотите?

– Хочу.

– Говорите. Ну, говорите! Потом может быть поздно!

Я уже рассказывал вам, товарищ писатель, что был женат дважды. Были просто романы, так сказать, на стороне. Я испытатель и летчик, в каком-то смысле и космонавт. Люди этих профессий нравятся женщинам. Но ни одной женщине я не признавался в любви. Никогда. Не было необходимости, да и желания не было. А в музее я почувствовал нечто: я хотел петь и говорить стихами, очень хотел. Я ведь и Тютчева знаю, и Грибоедова – не пустые были люди, отважные офицеры. Но в тот момент в голове крутился гражданский Маршак. «Пробирается медведь сквозь сухой валежник, стали птицы песни петь и расцвел подснежник...» Неплохие стихи, но не подходили моменту. Избавляя ум от стихов, я вспотел и начал краснеть. Еще немного, думал я, и мое лицо покроется подростковыми прыщами-хотимчиками. Впрочем, наверное, все нормальные мужчины при виде Настеньки испытывали подобные ощущения...

– Вы меня слушаете, Сережа? Вы меня слышите? Сережа, скажите мне все. Как оно есть...

И я признался.

– Товарищ полковник Коновалова... – Я не мог больше скрывать от нее военную тайну. – Я прибыл в ваш город в составе диверсионной команды. Нам было поручено предотвратить заговор, который готовится для смены политического строя страны. Исходя из собранных оперативных данных, вы можете являться одним из организаторов...

Лицо Настеньки исказила нервная судорога, глаза потемнели, словно в них брызнули тушью.

– Ах, Сережа-Сережа, а ведь я полюбила.

– Кого? – вырвалось из меня.

– Кого?

Ее кисть легла на кобуру.

Я решил, что она застрелит меня, но вместо пистолета Коновалова вытащила из кобуры батистовый носовой платок и промокнула им губы.

– Того, кого сейчас поцелую.

Ее руки обхватили меня, а губы раскрылись, как створки ракетной шахты.

В это время на сцену стал опускаться занавес.

Последним, что я запомнил, была надпись: «Обама – чмо» – на занавесе.

Глава 18. В плену

Когда я проснулся, было темно. Я всегда просыпаюсь, когда темно, потому что я встаю рано, за пятнадцать минут до первого петуха. Ну, что вы на меня так смотрите, товарищ писатель, я же птицу имею в виду. А тогда было темно по-особенному, и пахло хлоркой и ржавым железом, и затхлостью. Этот запах в нашей стране знают все, даже грудные дети. Они впитывают этот запах с молоком матери. Это запах тюремной камеры. Рано или поздно садятся все: и ученые, и колхозники, и артисты, и сварщики, и предатели, и разведчики, и рядовые, и генералы, и герои, и негодяи. И тюремщики тоже садятся. То есть в этом смысле у нас полное равноправие: можно быть женщиной, стариком, инвалидом или ребенком. Можно заниматься всем, чем угодно, делать это

хорошо или делать это плохо или же не делать ничего вовсе, но однажды на прогулке рядышком с тобой затормозит микроавтобус с черными стеклами, и крепкие улыбочивые ребята, типа тех которые в цирке загибают и разгибают подковы, вежливо попросят тебя зайти внутрь.

В моем случае я сделал дело плохо. Я провалил задание. Вне зависимости от того, кто отдавал приказ о задержании – свои или чужие – меня ждал трибунал. Для своих я был изменником, для чужих – шпионом. В том и в другом случае вступала в силу высшая мера наказания, что, в общем-то, было гуманно, если брать в расчет условия содержания в тех местах, где исправление производится путем наказания.

Не могу сказать, что мне было страшно, я ведь думал и чувствовал не сам по себе. После высших курсов испытателей я думал и жил по «Уставу испытателей», семнадцатый пункт которого требовал от нас продолжать оставаться испытателями не только во время непосредственных испытаний, но и вне их, в каждый миг нашей личной и общественной жизни. Руководствуясь уставом, я как бы перестал жить внутри себя, а в основном наблюдал за собой со стороны, то разглядывая через лупу, то рассматривая в телескоп. Я был то темной планетой, то солнцем, то кишечной палочкой, то донным эпибентосом – все зависело от прибора, которым я в тот момент пользовался. А сейчас мои внутренние приборы молчали. И я не видел себя, то есть видел себя буквально, как человека, лежащего на нижнем ярусе койки, внутри тесной тюремной камеры, которая находилась на первом этаже кирпичного дома, помещенного внутрь гигантского танка, установленного в центре города, окруженного смешанным лесом, произрастающим на голубой круглой планете, летящей в черной пустоте в неизвестность. Часы на руке молчали, звонить в ЦУП казалось делом бессмысленным. Задача не имела решения. Почти. Еще один шанс у меня оставался, и он был спрятан в ботинке под стелькой. Это было письмо генерала.

– Откроешь его, когда ситуация станет безвыходной, – сказал он, вручив мне конверт.

Я понял, что это время пришло, и откусил сургуч.

Письмо начиналось словами: «Ну, здравствуй, Сережа!».

Других слов разобрать я не смог. Хотя текст был написан нашей русской кириллицей, с арийской пунктуацией и элементами рун, я не понял ни единого слова. Вам, товарищ писатель, конечно, известны базовые правила шифрования, но я все равно поясню. Вдруг вашу книгу все же станут читать. Существует обычное шифрование – подразумевающее некий массив символов и ключ для их дешифровки, есть двойное, когда ключ есть у двух человек и расшифровка возможна, только если эти двое окажутся вместе. Но самой надежной считается система абсолютного шифрования, когда шифровальщик использует шифр, который знает только он сам и больше никто, и забывает ключи сразу же после составления информogramмы. Как вы понимаете, дешифровать такой текст невозможно ни при каких обстоятельствах, что вовсе не означает, что теперь его можно просто так отдать в лапы врагу. Письмо следовало незамедлительно уничтожить, что я и сделал, запихнув листок в рот.

Я успел вовремя – гулко разгнул засов, и меня ослепило ворвавшимся в камеру светом. В проеме двери возник силуэт тюремщика.

– Калюжный, с вещами на выход!

В комнате для допросов (я узнал ее по тусклой лампе без абажура и накрытому кумачовым сукном столу) меня поджидали двое: профессор Гатов и полковник Коновалова, оба сегодня были в форме внутренних войск и погонах полковника. Профессор занимал левый фланг, Настенька – правый, между ними стоял еще один стул. Отчего я сделал вывод, что в табеле рангов Настенька старше Николай Николаевича, и что в их команде есть старший и этот старший скоро прибудет.

Пока я размышлял, конвойные ввели в допросную человека. На нем был измятый и грязный белый костюм, шею украшал розовый бант, тоже мятый и грязный. Под глазом расплылся

чернильный синяк, на лбу на месте кокарды алела шишка. Я узнал в человеке Баулова, однако не подал вида. Он тоже.

– Садитесь! – приказала нам с Бауловым Настенька, указывая на два стоящих перед столом табурета.

Мы сели. Конвойные примотали нас скотчем к сиденьям и вышли. Во время обмотки я старался сидеть неподвижно, словно не чувствовал унижения, Баулов пытался вывернуться, но безуспешно.

Ножки у табуретов были шаткие, чтобы подозреваемым было неудобно сидеть, и короткие, чтобы подозреваемые чувствовали себя заведомо ниже допрашиваемых.

– Подозреваемый, вы знаете этого человека? – спросила у Баулова Настенька, сделав кивок в мою сторону.

– Впервые вижу! – заявил он, бросив на меня многозначительный взгляд.

– Вы хорошо подумали?

– Я, гражданин следователь, не привык думать вообще.

– Но вы же пили с ним вчера в ресторане театра!

– Вчера я много где пил. Много с кем.

– А вы, – спросила Коновалова у меня, тыча пальцем в майора. – Вы узнаете этого человека?

– Никак нет. – Я старался смотреть сквозь нее, как будто бы ее никогда не было.

– Может быть, встречали когда-нибудь, видели где-то?

– Если бы встретил, – я посмотрел на наручники и сжал кулаки, – задушил бы этими своими руками.

Мое поведение со стороны выглядело несколько театрально, но я действовал по инструкции, разработанной специалистами ведомства в ситуации очной ставки.

– Вы, господа пока еще офицеры, – вступил в беседу профессор. – Слово в слово читаете нам диалог из одного советского кинофильма. «Ночь на баркасе “Тревожный”», если не ошибаюсь...

– Подожди, Коля! – перебила Гатова Настенька и опять обратилась ко мне: – И меня не узнаешь тоже?

– Нет.

После этого ответа на меня навалилась чудовищная усталость, будто я не языком шевельнул, а разгрузил вагон угля.

Ведь любимым женщинам я не врал никогда.

– Значит, не узнаешь? Значит, не помнишь? Какая же ты все-таки сволочь, Сережа! – полковник Коновалова выскочила из-за стола и бросилась в мою сторону.

Это была не пощечина, какую дают вялые малокровные женщины в спектаклях Островского. Это был хук. Профессиональный боксерский удар со средней дистанции, в который была вложена вся масса тела. И в нокауте я не оказался лишь потому, что успел закрыться плечом. А вот от прямого в нос, бокового по печени и крюка в подбородок я увернуться не смог. Все вокруг завертелось и закружилось, из глаз брызнули слезы. Это были сложные слезы, в них смешались печаль и радость, боль и наслаждение, надежда и вера.

– Помню, – прошептал я, облизывая кровотокающие губы.

– Уже лучше, – выдохнула Коновалова. – Что помнишь? Пошлости помнишь?

– Каждую минуту с тобой, каждое дыхание, каждое слово.

– Значит, гражданин Калюжный, вы готовы оказать помощь следствию?

– Готов.

– Хорошо. – Настенька подула на покрасневшие костяшки пальцев и неторопливо вернулась за стол.

Как же она была сейчас хороша! Как никогда.

– А меня помнишь, Сережа? – раздался знакомый голос.

Я обернулся...

Глава 19. Все встает на свои места

Я обернулся и увидел генерала Каплунова. Как обычно, вне кабинета Сан Саныч предпочитал форме штатское. Остроносые блестящие туфли, отутюженные спортивные штаны и жилетка с многочисленными накладными карманами придавали ему сходство с военным пенсионером. Впрочем, острый пронзительный взгляд свидетельствовал о том, что Каплунов крепок телом и ясен умом и не собирается отдыхать.

– Товарищ генерал! – начал я.

– Отставить, Сережа! – перебил меня он. – Ты мне не товарищ покамест.

– Товарищ генерал, – не унимался я. – Я виноват. Я готов понести самое суровое наказание. Мы провалили задание.

– Нет, Сережа, ничего вы не провалили, наоборот. Мы ведь поняли это, что вы нас раскусили практически сразу и сознательно шли в расставленные силки, наступали на все наши грабли, принимали за чистую монету все наши подделки. Вы разыгрывали из себя лопухов и дебилов, и в это же самое время кропотливо собирали улики и доказательства. А потом посадили бы нас всех до одного, невзирая на должности, звания и заслуги. Посадили бы? – Генерал тяжело опустился на стул между Гатовым и Коноваловой.

– Посадили, – кивнул я.

– Вот такой он весь – этот Калюжный! И вся эта троица – она ух какая! – Генерал повысил голос, и графин на столе робко звякнул. – А когда их будет три в одном, вы понимаете, что тогда будет?

Я тогда, товарищ писатель, смысла фразы этой не понял, но по тому, как переглянулись профессор и Настенька, догадался, что собирается произойти нечто важное, нечто особенное.

– Мы им три дэ силиконовые наукограды показываем, – продолжил генерал, глядя на Гатова. – Антигравитацию демонстрируем, биороботов, живую воду, а они в ответ кивают, но в уме подсчитывают стоимость растрат, хищений, откатов и, конечно, тюремных сроков. Только Настенька и спасла силиконовыми имплантациями, притупила критическое мышление героев. Без нее они бы сразу взялись за табельное.

– Разрешите доложить, – вырвалось из меня, я хотел опровергнуть слова генерала относительно имплантатов.

– Не разрешаю. – Генерал наморщил нос, продолжая следовать своим курсом. – Мы, конечно, не ожидали, что муляжи обойдутся дороже оригиналов. Проще и дешевле было изначально делать все настоящим. Это все цифровая экономика, трах-тарарах...

– Вы нас расстреляете, товарищ генерал? – не выдержал длинных объяснений Баулов.

– Расстреляю? – рассмеялся Сан Саныч. – Я не сумасшедший, чтобы уничтожить такой ценный биоматериал? Да мы вас на руках носить будем. Будем ведь, будем?

– Будем! – в один голос сказали Николай Николаевич и Настенька.

– Так-то! – резюмировал Каплунов. – Это пусть западники делают ставку на роботов. А у нас другой путь. Другая судьба. Наше главное достоинство – люди! Человеческий капитал! Вы вот мне скажите, профессор, смогут иностранцы когда-нибудь сконструировать робота с характеристиками человека Калюжного?

– Никак нет, товарищ генерал, никогда, – выпрямил спину Гатов. – Не придумано еще таких микросхем, что смогли заменить Сережку.

– Ну а ты, что думаешь, Настенька? – обратился генерал к Коноваловой.

– Можно я не буду отвечать? – Настенька потупила взгляд.

– Ты гляди-ка, – генерал ущипнул Настеньку за плечо. – Ты чего с ней сделал такое, Сережка?

– Вы, пожалуйста, не трогайте ее так, генерал, – попросил я, нарушая устав.

– Это почему? – удивился Сан Саныч.

– Потому что полюбил я ее, – сказал я, глядя в глаза генералу.

Я всегда говорил правду, только правду и ничего, кроме правды, старшим по званию.

– Полюбил? – нахмурился Каплунов.

– Полюбил, – подтвердил я.

– Дурак! – выругался генерал. – Она, Сережа, не женщина. Она...

– Робот? – предположил Баулов.

– Ты, майор, тоже дурак. – Сан Саныч горестно хмыкнул. – Настенька – она это, ну как его, ну как ее... ну, помогай профессор.

– Транссексуал, – пояснил Гатов. – У него, у него почти все на своих местах, кроме...

Николай Николаевич похабно закашлялся.

– Ты, Сережа, разве не почувствовал на себе руку мужскую? – добавил генерал. – Когда она была тебя?

– Это правда? – срывающимся голосом спросил я у Настеньки.

Она не ответила. Она смотрела поверх меня, на стену, на которой висел портрет Дзержинского в тяжелой золотой раме.

– Это правда? – повторил мой вопрос Баулов, голос его дрожал.

Вместо ответа полковник Коновалова зарыдала. Ее плач оказался низким и грубым, как у пьяных болельщиков в фанатском секторе. Настенька плакала, а мне хотелось кричать, но я заставил себя сдержаться. Вместо меня закричал Баулов, и я понял, что он тоже влюблен в Коновалову... а возможно, и Лохопет. А она, или он, влюблена в нас...

«Идиоты, – подумал я, – какие же мы все идиоты».

– В этом смысле ты, Сережа, конечно, прав, – разгадал мою мысль генерал. – Только ты не о том сейчас думаешь. Ты сейчас должен не самобичеванием заниматься, а старшего по званию слушать. Твое задание не закончилось, между прочим. Оно вот-вот начнется. Мы с тобой, Сережа, сделаем то, что никогда никому раньше не удавалось. Мы из тебя сделаем сверхчеловека.

– Не понял, – заявил немного пришедший в себя Баулов.

– Из тебя тоже. – Каплунов обвел всех присутствующих долгим отеческим взглядом. – Господа офицеры, настала пора раскрыть карты. В поисках источников дешевого сырья мы проделали долгий путь и вернулись обратно – назад к человеческому материалу. Это дешево и серdito, и легко возобновляемо. Вся проблема в том, что в людях много говна и мало полезных качеств. У кого-то есть одно, у кого-то два, и реже – три, но ни у кого не бывает полного, так сказать, арсенала.

– Чтoб один человек был быком-осеменителем в домашнем жилище, ослом в труде, халдеем при трапезе, взрывчаткой на войне и компьютером при игре в шахматы, – добавил профессор Гатов.

– Это не фантазия, Сережа, это реальность. – По лицу Каплунова пробежала мечтательная улыбка. – Завтра утром мы объединим ваши лучшие качества, пропустив вас сквозь БАК.

– Через что?

– Объясни им, профессор.

– Большой адронный коллайдер, – объяснил Гатов, поправив галстук. – Изначально предназначался для разгона протонов и тяжелых ионов и изучения продуктов их соударений. С его помощью западные специалисты рассчитывали зафиксировать момент перехода материи в энергию и обратно. А мы... товарищ генерал, дальше начинается секретная информация.

– Продолжай, – махнул рукой Каплунов. – После распыления и слияния они станут единой массой и вряд ли будут помнить о своих прежних, скажем прямо, мало осмысленных жизнях либо станут беспорядочным массивом молекул, налипших на радиатор.

– Ну а мы, – успокоился Николай Николаевич, – будем по частицам разбирать и собирать человека. БАК – это такая труба со встроенным в нее вентилятором. Мы разложим вас на молекулы, пропустив через вентилятор. Балласт и шлак прилипнут к поверхности лопастей, полезные молекулы пройдут дальше и соединятся в единую личность, выпав в осадок на радиаторе. Надеюсь, вам все понятно?

– Мне непонятно, мне ничего не понятно, – сказал я генералу. – Почему вы не сказали нам об истинном задании сразу? Мы бы в любом случае были согласны, профессионалы не имеют права отказываться. И вам бы не пришлось заманивать нас в ловушку, ловить и допрашивать, создавать эту унижительную ситуацию для нас и для вас. Товарищ генерал, почему?

Каплунов издал странный звук, похожий одновременно на смех и на плач.

– Согласились бы. Все соглашаются. У нас все со всем всегда соглашаются. А когда до исполнения доходит, случается жопа. У нас все всегда хорошо на словах, а вокруг одна жопа. Огромная жопа! А они уже у наших границ. Они окружили нас.

Закончив говорить, генерал зарыдал. Его тело тряслось подобно стиральной машине во время функции «отжим». Рядом с ним плакали Настенька и Николай Николаевич. Настенька гладила Каплунова по голове, Гатов накрыл ладонь генерала своей ладонью.

Вы, товарищ писатель видели, когда-нибудь плач палачей?

А я видел. Это вам не детские слезы, это то еще зрелище, доложу вам.

Прошло несколько долгих минут, в течение которых я сначала разжаловал, а затем восставил в звании генерала и обоих полковников – Гатова и Коновалову. То есть прощал их, и как только я их простил, они успокоились. Каплунов вытер краем скатерти слезы со щек и подбородка и посмотрел на подозреваемых. То есть на нас. Его глаза были маленькими и красными, как у новорожденного поросенка.

– Ты понимаешь, Сережа, что никто, никто не может остаться в живых, если увидит рыдающего генерала?

– Так точно.

В тот момент я действительно понимал все, вообще все, и ответил бы утвердительно на любой вопрос, кто бы его ни задал.

– Тогда, – Каплунов завис над столом, – у меня к вам обоим остался всего лишь один вопрос: где третий? Где, мать вашу, третий?

– Не понимаю! – ответил я.

– Я не понял, – повторил за мной Стас.

– Третий?

– Нас было двое. – Я поднял подбородок.

– Я и он, он и я! – подтвердил майор.

– Хорошо, я спрошу по-другому: где скрывается Лохопет?

– Не скажу, – сказал я.

Я опять говорил правду: я не знал, где Антон сейчас.

– Не скажу. – Баулов тоже решил идти до конца.

– Ну а если так? – Генерал достал из-за пазухи пачку долларовых банкнот. – Ничего не припоминаете?

– Кажется, начинаю припоминать. – Баулов жадно облизал губы.

– Сволочь, – процедил я.

– Сам ты сволочь, – ответил майор.

И мы начали драку, будучи связанными и прикованными к шатким казенным стульям. Доложу вам, товарищ писатель, это особый вид боя.

Некоторое время чрезвычайка с интересом наблюдала за нами, но потом генерал нажал кнопку звонка и приказал вошедшей охране:

– Отведите этих болванов в камеру!

Когда нас поставили на ноги и развернули лицом на выход, Сан Саныч резюмировал итог нашей встречи:

– Будете сидеть до тех пор, пока не вспомните о Лохопете. А если не вспомните, сгниете в застенках...

Как видите, генерал оказался не прав, мы не сгнили.

Глава 20. Победа

– И все же интересно, где сейчас Лохопет? – спросил я не у Баулова, а скорее сам у себя, когда нас вернули в камеру.

Мы лежали на провисших железных койках, майор наверху, я – внизу, потирая ушибленные бока. Мы вели себя так, будто и не пытались отбить внутренности друг у друга еще десять минут назад. Время миру и время войне, это правило знают друзья.

– Если Антоха остался в городе, – продолжил я свою мысль, – то попал под машину или угодил в люк, если в лесу – заблудился, если доковылял до реки – утонул.

– Как по мне, то без разницы, – ответил майор. – Главное, что как третий ингредиент он отсутствует. Слышь, полковник, а получится из нас сверхчеловек без него?

– Вряд ли, дело не столько в Антоне, сколько в том, что у них тут все под третичную систему заточено.

– Значит, есть шансы выжить?

– Не думаю. Ты бы, майор, на их месте оставил меня в живых?

– Ни за что.

– И я тоже.

– И что нам теперь делать?

– Спать. Нам нужно хорошенько выспаться перед расстрелом, – сказал я, укладываясь на койку, и в следующее мгновение услышал раскатистый храп майора.

«Хороший он парень, уравновешенный. Пожалуй, из нас получился бы сверхчеловек», – подумал я, прежде чем провалиться в сон...

Проснулся я оттого, что кто-то тряс меня за ногу. Я открыл глаза и ничего не увидел, поскольку в камере было темно.

– Вставайте, товарищ полковник, – зазвучал приглушенный шепот. – Вставайте, майор, у нас мало времени!

– Лохопет? – предположил я за неимением других предположений.

– Это он, – подтвердил голос.

– Это как же ты оказался здесь, чертяка ты этакий, трах-тибидох? – раздался голос майора Баулова. – Стрелили тебя или сам сдался с повинной?

– Меня спас ваш костюмчик, в нем я был для всех свой. Остальные объяснения потом, если они потребуются. А пока собирайтесь, нам нужно успеть до рассвета...

– Что успеть? – спросил я, натягивая ботинок.

– Пройти через стену!

– Не понял, – сказал Баулов в свойственной ему хамской манере.

– Отставить идиотизм! – скомандовал Лохопет. – Всем прижать лоб к стене.

Перед тем как последовать приказу, а это именно был приказ, я мысленно пожаловал Антону чин лейтенанта, поскольку не имел морального права подчиняться гражданским лицам. А вот офицеру, даже младшему, при определенных обстоятельствах мог.

– Есть, лейтенант, – отпароттовал я и прислонил лоб к стене.

Баулов произнес обязательное «не понял», но повторил мой маневр.

– Концентрируйте энергию ци в районе пупка, – наставлял Лохопет, – и становитесь жидкими. Мы на восемьдесят процентов состоим из воды, пришло время этим воспользоваться. Представляйте себя водой. Становитесь водой. Очень мягко, очень спокойно, впитывайтесь в стену. Хорошо. Хорошо. Баулов, спокойней. Калюжный, отлично. Представляйте, что вы пропитали стену собой целиком. Хорошо! Хорошо! А теперь начинайте стекать с обратной ее стороны...

Я внимательно следил за словами Антона, пытаюсь представить себя водой, но не мог: мешало отсутствие какой-либо формы последней. Тогда я решил, что нужно создать воображаемый резервуар, и это сработало. Через какое-то не слишком долгое время я ощутил себя огромной

железнодорожной цистерной, стоящей на насыпи перед обрывом. С трудом скрывая радость, я стал искать на себе кран, что выпустить воду наружу. Здесь, товарищ писатель, мне сопутствовала удача: я нашел на теле металлический кран-буксу и повернул.

Баулов потом доказывал мне, что я просто описался. Может, и так. А может, и нет. Как бы то ни было, через несколько минут я стоял с наружной части стены и вдыхал сырой воздух улицы. Это снова был я – подполковник-испытатель Сережа Калюжный, человек, прошедший сквозь стену. Возле меня стоял Лохопет.

– А где майор? – спросил я.

– У него возникла проблема с воображением, – ответил Антон. – Ему придется пробить себе брешь головой.

– Что? – отпрянул я.

– Ничего страшного, у него возник свой план побега. Ничего не говорите, просто послушайте.

– Антон прижал палец к губам.

Я повернул ухо к стене и услышал глухие удары.

– Этот стиль называется «Путь быка». Жестко, грубо, болезненно, но и так тоже можно. Главное – результат, – пояснил Лохопет.

Как потом объяснил Антон, в отношении майора сработал кармический закон компенсации гипержелания: если ты хочешь чего-то чересчур сильно, все случается с точностью до наоборот, то есть вместо того, чтобы стать водой, майор несколько задубел.

– Мозг? – спросил я. – Он не повредит себе мозг?

Ответа я не расслышал, послышался грохот и скрежет, на асфальт посыпались щебень и камни, и в открывшемся проеме показалось могучее тело майора Баулова.

– Я не понял, – хрипло сказал он, выплюнув кусок штукатурки.

Мы стояли на улице, с ног до головы покрытые строительной пылью, наши лбы были разбиты, но мы были свободны...

– Бежим! – прокричал Лохопет.

– Отставить бежать, – приказал я.

Миссия Антона была закончена и по праву старшего бразды правления переходили ко мне.

– Мы не побежим. Нам не убежать от себя. Нам нужно очистить себя и город.

Я тогда не понимал смысла собственных слов, вероятнее всего, сработала программа, защищая меня еще в детстве, а может, раньше, до моего рождения. Та программа, тот генетический код, который делает нас такими необъяснимыми, хромосома, которая отличает нас от остальных людей, живущих на этой планете.

Я отряхнул одежду, перезавязал шнурки на берцах и достал из карманов телефон и часы.

– Вызываю огонь на себя! – сказал я в часы и в телефон одновременно, потому что не доверял ни одному из девайсов более чем на пятьдесят процентов, выдохнул-вдохнул и повторил: – Вызываю огонь на себя. Прием! Начинаю обратный отсчет: двадцать девять, двадцать восемь и так далее...

– Господа, может, все же дотянем до леса? – попросил Лохопет. – Выберем жизнь.

– Дорогой Антон, – объяснил я прописную истину Лохопету, – ты теперь офицер, испытатель, это значит, на тебя распространяется «Устав испытателей». Пункт один этого устава гласит: между жизнью и смертью офицер-испытатель всегда выбирает смерть. Только такой выбор делает его победителем.

Мы подняли головы и увидели в небе гиперзвуковые ракеты. Точнее, пока только услышали. Гиперзвуковыми ракеты называются потому, что звук, вызванный их полетом, на многие децибелы превышает звук от обычных ракет. Это сделано для того, чтобы хорошенько напугать цель перед ее поражением. Целью, как вы понимаете, были все мы.

Циферблат моих часов засветился, и послышался голос кукушки. Она была настойчива и грустна.

Лохопет закричал: «Теперь точно бежим!» – и побежал в неизвестном ему направлении. Баулов крепко выругался, но остался на месте. Я тоже остался. Незачем бежать, когда шансов нет.

Как положено офицеру, испытателю, тем более испытателю-офицеру, я был человеком неверующим, но даже мне в тот момент захотелось прочесть какую-нибудь молитву. И поскольку я не знал ни одной, мне пришлось подпевать механической птице, как тогда на реке Стикс.

– Ку-ку, ку-ку, – пела кукушка.

– Ку-ку, ку-ку, – подпевал я за ней.

– Ку-ку, ку-ку, – подпевал за мной Стас.

– Ку-ку, ку-ку, – вступил со второго куплета Антон. Он вернулся к нам после бесполезного метания взад-вперед, к нам и от нас, когда понял, что отступать некуда.

– Ку-ку, ку-ку, – пели все мы, как тогда, когда наше путешествие начиналось. А теперь ему приходил конец...

Вы хотите знать, товарищ писатель, почему мы остались живы? Вы, наверное, думаете, что произошло какое-то чудо. Помощь свыше. Я вас разочарую – чудес не бывает. Но зато безответственность и разгильдяйство случаются повсеместно. Я, заметьте, стараюсь не применять бранных слов. Очень стараюсь. Но внутри меня бушует Везувий. Он или они, кем бы они там не были, на том конце провода (не поймешь теперь с этими гендерами). В общем, они перепутали сразу все: время, место и средство.

Время. Они выпустили ракеты, а потом принялись за обратный отсчет, думая, что так смогут вернуть ракеты обратно.

Место. Вместо того чтобы поразить город Н, ракеты улетели в Китай.

Средство. Оказалось, что они выбрали для пуска гиперзвуковые ракеты, то есть такие ракеты, у которых вся мощь реализуется в звук. То есть от них много шума, но они не содержат в себе поражающих элементов...

Понимаете, товарищ писатель?

В этой стране все, абсолютно все как-то не так. В этой стране нет людей, способных прочесть нашу книгу. Они ее либо сожгут, либо съедят.

Что касается других героев нашей трагедии, то их конец был бесславен. Профессора Гатова арестовали. Каплунова тоже. Самолично генерал Каплунов и арестовал. Своего двойника. Мы все знали, что у Каплунова существует двойник. Ему по должности такое положено. Так вот, двойник оказался предателем, решил начать собственную игру. Как видите, не получилось. Двойник до сих пор утверждает, что настоящий генерал – это он, а нами руководит самозванец. Пусть говорит. Кто же ему поверит?

А вот Настеньку не нашли. Полковник Коновалова исчезла. Говорят, она ушла не с пустыми руками, а прихватила с собой золото партии. А для этого, знаете ли, большая сила нужна.

Я... хочу ее найти, товарищ писатель. Если придется, готов с ней поехать на каторгу. Вот выйду на пенсию и поеду.

Вы, если ее увидите, передайте слово в слово:

– Так, мол, и так, привет тебе от Сережи...

Эдуард ВАЙСБАНД

ДЕСЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Снова пробираешься вдоль стены,
молодость, снова партизанишь в городе детства.
Зеркальные витрины раскусили твою игру,
и манекены требуют предъявить документы.

Распластанная как Чезаре вдоль стены
ты не отбрасываешь тени, поскольку тень
здесь ценится превыше всего, а что ты можешь
предложить кроме мокрых пятен подмышек.

Прицениваясь для конспирации к этим бусам, берегись:
их смарагдовый глаз ловит измену.
И покатайся, подпрыгивая вдоль Кинг Джордж,
наши годы, как раскатыстые хлопки торговцев ниже спины:
«Шармута!»

Скоро по Яффо пустят трамвай, и волны
туристов в шикарных шортах накроют
доисторический пляж в городе без реки, где нас
прибивает к берегу как опознанных и неопознанных.

Иерусалим, 2018

голый завтрак, пропавший жених
возле рынка задрипанный дворик
мы снимали тогда на двоих
этот старый заплатанный коврик

мой возлюбленный бел и румян
немцы бабушке что-то платили
не пособие а стыд

Эдуард Вайсбанд родился в 1973 году в Киеве. С 1997 года живет в Израиле. Учился в Иерусалимском университете. Книга стихов «Общезитие» опубликована в издательстве «Водолей» в 2015 г. Публикации стихов под псевдонимом Эдуард Розенштейн: «Иерусалимский журнал», «Воздух», «Волга»; под псевдонимом Арсений Былинкин: TextOnly.

или срам
на него мы с тобою и жили

свальный дред наших тел и голов
как чужой пахлавыв половинка
мы не воры наш жалкий улов
ввечеру пред закрытием рынка

дверь раскрой и оставь нараспах
это будет твой маленький спойлер
а пока мы кормились в гостях
и к зиме собирали на бойлер

Двадцать лет назад
все написали о ней свои лучшие стихотворения
и разбрелись по домам.

Голый холмик земли
еще какое-то время вызывал острый стыд,
как только что побритый.

Потом автоматически включится приступ остервенелости
в здоровом инстинкте самосохранения серости,
в делении несчастной шкурки мертвого шмеля,
в растягивании ее на стене в шкуру трофейного леопарда.

Двадцать лет назад
нам всем на миг что-то показали,
отчего мы согнулись пополам как от удара под дых.

Девочка доверчиво разжала ладонь,
по которой щекотно неуклюже ползал
выставленный напоказ срам смерти.

2021

Мы с минуту помолчали
резко понизив уровень подлости в мире

политика продержания давала свои плоды
начали проступать контуры воздуха, но дышать им было еще нельзя
или уже можно?

и некролог бежал как всегда все пропустив
что-то мыча и силясь стащить с головы свой идиотский противогаз.

2021

Выбросили посередине пустыни и сказали «сторожи».

И джип унесся, оставив столп пыльного джинна.

Я оглядел голую строительную площадку под торговый центр
и понял, что мне здесь жить.

В принципе, я не против здесь умирать.

Вдали вились огоньки кизячного жилья.
Не то Рамла, не то Рамалла, я не уточнял.
Меня выбросили, меня забрали, отмотал смену.

Ночью он вернулся: *это моя пустыня*.
Зовут холод камня или голод Каина, теперь все равно.
Начал с пальцев ног, обгладывая кости, изголодался.

Но подожди не делай этого подожди.

Лучше обмотай ступни обрывками газет подожди
чтоб огонь пританцовывал как на котурнах в античном театре
в сандалиях с развевающимися последними терактами.

Между нами пролегли как минимум два века,
два языка и две страны.
Но любоваться, как на старых фотографиях, было нечем.
Мы стояли на остановке под этим страшным солнцем,
как под душем, который смывает не только глянец, но и кожу.

– Не скажете, который час? –
Я спросил вдруг так, как будто просил купить у меня
бабушкины золотые часы
или продать фальшивый паспорт,
по которому еще можно перейти границу и спастись.

Поздно, слишком поздно.
Мы сели в автобус, как в машину времени,
которая разнесла нас по разным уголкам галактики.

хохмачи попадешь в палачи
хохмачи

я часто думаю
что общего между вальяжным любителем хорошо посидеть
под качественную закуску
как он по-барски брал гитару в по-женски холеные руки
как снисходительно подносил спичку к папиросе хозяйки дома

или например что общего
между священной блудницей из Кирьят-Оно
ее увядающая грудь в разноцветных тряпках
склонялась над снами местных бухгалтеров
и их сыновей и они причмокивали во сне губами
потрескавшимися от жажды

и одинокой религиозной старухой
с детства с поломанным как от инсульта ртом

сейчас все больше понимая музыку
я часто думаю как я был в юности
к ней несправедлив
несправедливо требователен даже жесток

сейчас все больше становясь сам как музыка
старой неряшливой музыкой с трясущей головой
и обкусанными как ногти локтями
я часто думаю что общего

он здесь стоял и часть его лица составляла ансамбль
уличного питьевого фонтанчика

что сказать о находке?

как истинный эллин, он добавлял воду к коле
три к одному

как истинный смертный
плакал когда смеялся

все же удалось отодрать
хотя бы один ломая ногти
два-три бесценных
оттенка песка

сейчас украшают
чью-то гортань

потрогай пока никто не видит

приваренные так чтоб нельзя было унести
милые ямочки как на щеках
гулкая ржавь из разжатой горсти
мраморный пар из пронзенного сердца

наверное только в таком дешевом формате
только таким отбитым по самое горлышко речитативом
подбирая такт старинной пяткой

мелкие смыслы лезут в душу как мелкое жулье
скажите, кто вам создал эти спецэффекты?

осталось только проверить
кто сегодня у меня на подтанцовке
дырявые ступни и дело швах
все кажется на местах
можно начинать
моя бедность и ничтожество создали эти спецэффекты

спой Шоши
страшенькая моя
песню украденную у цыган
как собачонка сама увязалась за тобой
песня ставшая национальным гимном
народа который до сих пор

нет, нет у меня молитвы
но возьми вот этот
прирученный столбик песка

слышишь, слышишь?
сокрушенные сердцем поют

всего обыскав
нашли только этот притоп
откуда украл?
из какой йеменской деревни?

неправда
я сам
сколотив труп
отправился с ним
на гастроли
по провинциям

и бежали
рассекая воздух
два скелета в одном
шафрановом шарфу

Мы плывем на лодочке,
легкий парус сначала был крылом птицы,
потом он станет крылом самолета,
мы знаем об этом и наш взгляд немного грустен.

Мы как дети, которые немного смутились,
когда им объяснили откуда они взялись.

Потом мы станем искусством и памятью,
средством передвижения для других людей в дальние дали,
мы знаем об этом и наш взгляд немного грустен.

Парус счастливо надувается под порывом ветра,
между морем и небом он научился ходить как по земле.

2021

МЫ – КТО, А ОНИ – ЧТО¹

Рассказ

Лом-Али любил поговорки. Ребятишки по соседству не раз слышали от старика ингуша с белой волнистой бородой: «Стыд да совесть и не купишь, и не продашь». Лом-Али всю жизнь трудился в школе города Грозного учителем, где он воспитал несколько поколений детей. Однажды его пригласили преподавать на кафедре грозненского университета. Даже получив профессорское звание, Лом-Али отказался от преподавания в вузе и продолжал работать в родной школе, пока не вышел на пенсию. Его старший сын Мустафа не изменил семейной традиции – стал обучать студентов истории и юриспруденции.

В начале 90-х годов XX века в Чечено-Ингушетии началось смутное время, обустроенная и честная жизнь многонационального края крушилась и превращалась в прах. Ярким событием стало собрание чеченского народа в цирке, который внешне напоминал летающую тарелку. В цирке максимум помещалось две тысячи человек. Кто были эти люди? Что они решали за всех? Чьими жизнями оплачивались их идеи? Казалось, что инопланетная тарелка цирка должна была переместиться в параллельную реальность, но туда переместились улицы Грозного, которым стерли названия.

На карте мира происходили резкие изменения, границы меняли свои очертания: республика Ингушетия отделилась от Чечни, а саму Чечню ждали тяжелые и страшные годы войны. Президент Джохар Дудаев объявил о создании Ичкерии.

Провозглашение независимости поддержали не все. Были голоса против Джохара Дудаева, говорили, мол, в России президент Борис Ельцин выпьет и танцует, вот и наш чудит по-своему. Вместо референдума и общего голосования появились лозунги, которые оскорбляли граждан по национальному признаку: «Русские – в Рязань, ингуши – в Назрань!» Пенсии, зарплаты и пособия на детей – исчезли. Авторитетные, приближенные к Джохару Дудаеву люди строили себе шикарные коттеджи и катались по Грозному на дорогих иномарках. Обычные граждане лишились вкладов в банках. Социальные институты – рухнули. На смену светскому суду явился альтернативный: шариат и наказание палками. Уголовников освободили из тюрем и раздали оружие – они теперь защищали власть. Однако люди продолжали верить, что вскоре заживут как в настоящей Швейцарии, и цитировали слова чеченского вождя: «В туалетах будут золотые краники!» На деле жителям республики было предложено собирать лебеду и шишки, поэтому каждый выживал как мог. Детские сады закрылись, творческие кружки – тоже. Были дети, которые просили милостыню и торговали вместо школы. Старики стояли с протянутой рукой и падали в обморок от голода. Люди выносили из дома последнее, чтобы обменять на хлеб и картошку. Более обеспеченные

¹ Старая вайнахская поговорка, когда о людях за их подлые поступки говорят пренебрежительно.

семьи старались отправить свою молодежь подальше из республики. Лом-Али занялся репетиторством: готовил к вступительным экзаменам тех, кто решил поступать. Его сын Мустафа, разбирающийся в механике, ушел из института, где перестали платить зарплату, в частную автомастерскую.

– Обокрали дом в переулке! Семья всего на пару дней отлучилась в село! – пожаловались соседи старому Лом-Али, проходя мимо его добротного кирпичного дома.

– Стадо без присмотра – волчья добыча, – грустно покачал головой Лом-Али. На его плече восседал полосатый кот Барсик, желтоглазая бестия.

Соседи хихикнули, глядя на кота.

Русских жителей в Чеченской республике проживали сотни тысяч. Преступники запугивали и грабили их первыми как самых незащищенных, но и вайнахам доставалось. Вот и на этот раз – обчистили дом чеченцев. Творческая интеллигенция несла урон, не умела защищаться. Размышляя над несправедливостью этого мира, Лом-Али оставил Барсика на широкой садовой скамье, которая стояла в тени высокой кривой яблони, и отправился совершать намаз. Он хотел от души поблагодарить Всевышнего: времена трудные, но они справлялись, работали, сын даже купил машину. Теперь копили деньги на свадьбу.

В это самое время рыскали по частному сектору пятеро парней с автоматами – представители новой власти. Вслух патриоты цитировали фразу из выступления Джохара Дудаева, мол, все, что пригодится для фронта, для победы светлого будущего, – можно реквизировать.

Приметили парни крепкий забор и цветущие фруктовые деревья, заглянули в узкую щель и возликовали: во дворе стояла иномарка, купленная сыном Лом-Али. Без промедления перемахнули ловкие чеченцы через высокий забор. Русских жителей ждала бы неминуемая смерть, попытайся они оказать сопротивление, но неожиданно навстречу незванным гостям вышел старик с молитвенным ковриком в руках.

– Где это видано, чтобы вайнахи так поступали? Тем более со своими единоверцами! Зачем вы как воры прокрались сюда, да еще с оружием! Какой стыд! Небывалый позор! Шли бы вы отсюда, ради Аллаха! – Лом-Али высказал окрыленным борцам за свободу все, что думал об их поступке.

– Как ты смеешь кричать на нас?! – возмутились парни.

От громких голосов проснулся Барсик, резво вскочил и, изогнув спину дугой, зашипел.

– В переулке дом на днях ограбили! Не ваша ли работа? – вкрадчиво поинтересовался у незваных гостей Лом-Али.

– Ты, старик, смерти, что ли, совсем не боишься? – удивились парни.

– Умер и тот, кто боялся смерти, и тот, кто ее не боялся! – засмеялся Лом-Али.

Парни схватили старика, грубо прижали его к стене дома, отчего молитвенный коврик отлетел в одну сторону, а кот Барсик бросился в другую, и невежливо сообщили, что место ингушей – в Ингушетии.

– Отделились ингуши от нас, вот и ты проваливай отсюда. А машину мы забираем себе! На нужды Ичкерии! – бросил один из них.

По его глазам Лом-Али понял, что ни ругаться, ни шутить не стоит. И что эта воспитательная беседа может стать последней. Беспокоился он и за родных: в доме были юные племянники, которые уже спешили на шум во дворе.

– Не хотите умереть, стойте, где стоите! – Парни наставили на юношей автоматы.

Один из племянников все-таки выскочил на помощь старому дяде и тут же получил прикладом по голове.

– Ладно, ладно, – сказал Лом-Али. – Забирайте машину. Все равно она каждый день ломается. Проку мне от нее нет, а вам, глядишь, она действительно пригодится. Только не трогайте семью!

– Вот видишь, – удовлетворенные представители власти отпустили старика, – ты поступил правильно!

Неторопливо осматривая машину, они любовались ее литыми дисками, нагретым солнцем капотом, открывали и закрывали двери, поглаживали ее с восхищением, как поглаживают дорогую породистую лошадь. Один из парней даже запел на родном языке. Лом-Али вместе с ними ходил вокруг машины сына, показывал, как ее заправлять, как заводить. Потом глаза старика заблестели, и он сказал, что пойдет искать кота, затерявшегося в кустах малины.

– Барсика напугали... Что же вы за гости такие? – посетовал он.

– А чья это машина? – спросили парни.

– Сына моего. Мустафы. Он на нее деньги пять лет копил, – вздохнул Лом-Али.

– Можешь с машиной попрощаться! – разрешили представители власти.

Старик остановился, кивнул, сел за руль, посидел немного и вылез.

– Забирайте! – сказал он, отворачиваясь.

Довольные, как все прошло, представители новой власти повернули ключ зажигания, но их ждала тишина. Мотор не заводился. Они пробовали еще и еще, даже закашлялись от злости и открылись испариной, но все их усилия были напрасными.

– Что ты с ней сделал, старик?! – Они с негодованием выскочили из машины: – Почему она не едет?!

– Заберите вы уже этот металлолом! – отшатнулся от незваных гостей старый ингуш. – Берите! Уносите! Хоть на руках тащите ее с моего двора! Говорил вам: только с виду машина красивая, но каждый день ломается.

– А что в ней сейчас сломалось?! – недоумевали парни, которые, как выяснилось, плохо разбирались в машинах.

– Откуда же я знаю?! Я всю жизнь учителем проработал! – пожал плечами старик, а затем добавил: – Но вы не волнуйтесь, мастера я уже вызвал.

– Точно починит?!

– Он всегда помогает. А знаете что, – предложил хозяин дома, – приходите-ка вы завтра утром. Машина будет на ходу!

– Ну-ка поклянись! Клянись!

– Клянусь светлым будущим Ичкерии!

– Договорились! – незваные гости ушли со двора Лом-Али, отправившись дальше орудовать по району.

Как только они ушли, старик скрутил нужные провода, и машина, словно по волшебству, ожила. Племянников Лом-Али отправил за своим братом, который жил через улицу. И когда тот пришел, они под деревьями в саду стали совещаться, как быть.

– Надо машину перегнать в Ингушетию, – убеждали Лом-Али родственники. – В Ичкерии такое беззаконие началось, что теперь долгие годы не закончится. Мустафа с работы придет и сразу нужно уезжать!

Старик погладил седую бороду и спокойно ответил на это:

– Мы – кто, а они – что.

– Когда вломятся эти с автоматами, поговорки нам не помогут, дядя, ... – посетовали племянники.

– Настоящий мужчина не паникует, даже если загорится его дом, – строго напомнил им вайнахскую мудрость Лом-Али.

– Сейчас-то что делать? – вздохнули родственники.

– Машину спрячьте в селе, – распорядился старик. – А тех, что явятся завтра, я беру на себя. Так они и поступили.

Машину спрятали, а Лом-Али ушел читать Коран.

Утром, как и обещали, явились к нему во двор парни с автоматами.

– Ну что, готова наша машина? – закричали они.

– Какая машина? – с удивлением встретил их старик.

– Наша машина! Красивая! Тут стояла!

– Какая машина? – переспросил старик.

– Шутки шутить вздумал?!

– Какие шутки?! – вскричал Лом-Али. – Посмел бы я? Вы же для Ичкерии забрали ее! Для победы!

– Да! Именно! Хотели забрать! – заявил главарь группы. – А ты ее спрятал, коварный старик!

– Напраслина, братья мои! – возмутился Лом-Али. – Машина – ваша!

– Как это – наша?! – настал черед парней несказанно удивиться.

– Сразу после утренней молитвы пришли люди с автоматами. Представились ичкерийцами. Сказали, забираем машину. Все для Ичкерии! Все для светлого будущего!

– Как?! Кто?! Что за бандиты? Поклянись!

– Клянусь, починил я ее!

– Мастер приходил?

– Да. Честные, кровные, заработанные деньги отдала наша семья за эту машину! А вы опять пришли...

– Нет! Ты врешь! Мы не забирали твою машину. Это были не мы! Кто же ее забрал?! Как они выглядели?! Из какого они полка?! – недоумевали парни.

– Выглядели, как и вы. С автоматами. Крутые джигиты, – убедительно произнес Лом-Али.

– Из какого они подразделения?! Какие документы показали?! Мы их найдем! Это была наша машина! Мы первыми ее обнаружили! Сейчас же говори, какие у них были документы! Отвечай! Живо!

Старик присел на широкую деревянную скамью около дома и, поглаживая кота Барсика, невозмутимо ответил:

– А вы мне какие документы показали?

Наталья ИГНАТЬЕВА

сидели детьми
на коленях дня
одного из тех
что наступают
по-прежнему непривычно
когда известно
что спозаранку нужно
выщипать корпию слов
самых простых и мерклых
корпеть над ними с опаской
доброе доброе
на неприкрытую ранку
была червона
теперь черна глубока
наполнена всклянь
в ней тонет время
и шепчет remember me

как на дорожку присели
так ничего не сказать
лишь незаметно сплюнуть
кровавой слюной чрез плечо
в ладонях скомкать
потрёпанный one way ticket
не разобрать куда
в глазах нет правды
правым остался воздух
северный ветер
унёсший билет
на котором значит
into eternal winter

как подошло это слово
ладно село
его прочитали
в многотиражке

Наталья Игнатъева родилась в 1999 году. Живет в Москве, учится на филологическом факультете НИУ ВШЭ. Стихи публиковались на «Полутонах», в журнале «Волга» (2021, №7-8).

кольцевой магистрали
на первой ее полосе
белым по чёрному
по типографской краске
свежей смоле асфальта

дышать тяжело
жупелом одождён весь город

объявляют
авария
далеко на окраине
соблюдайте спокойствие

ушли без оглядки
боялись застыть
нависнуть над улицами
как сестрицы-высотки

незнакомый старик
завал спрятаться у него
деваться некуда
долго толкались
в тесной его прихожей
имя сказал
забыли
про что-то про
слышится хруст
он раскладывает кровать
на ней уместится
только безногий

старик смотрит
куда-то в сторону
мимо глаз
в дверь стучат

помяни нас воздух

Письмо

здравствуйте дорогие
а б в г
(или просто ***)
раньше так называли стихи
теперь так пишутся письма
да и писать их стыдно
стыдно спрашивать
глупо писать ответы

ходим каждый день
на почту
с утра пораньше
заодно покупаем
крупы мыло и колу
иногда встречаемся
смейся видя
пустые листы
друг у друга в руках
лижем края конвертов
один другой девяностый
заклеиваем

вы (не)прочтёте
по водяным знакам
пятнышкам крови
запаху смрада
присохшей земле

дорогие а б в г
(или просто ***)
у нас тут всё время холодно
ходим в звериных шкурах
пытаемся себя
отличить от волков
хоть воем единым языком

у нас за окнами стройка
гремит весь день
пыльно и знойно
почти закончилось лето
с утра на полу
привычный квадратик солнца
только больно вставать
больно открыть глаза

у нас пожары
некуда деться
кашляем
полуслепые от дыма
чуткие пальцы в ожогах
разбираем дома
на гробовые доски
шли в родину
попали совсем в другую

дорогие а б в г
(или просто ***)
в наших письмах

ни капли лжи
ни крупницы правды

опускаю в ящик

выходишь из дома
на дороге мёртвые птицы
с головами набок
разодранными телами

обходишь на цыпочках
ноги как будто босые
чувствуют каждый камень
в ботинках на толстой подошве

губами вполголоса
матка боска
на траве на обочине
красные капли
кажется божьи коровки

каждый охотник
желает знать
чья это беглая кровка
чей дух повеял
там где ему не велено

спросили дорогу
до благовещенья
прохожие говорят
и шепчут зачем-то
спасибо

для слепого радуга
эта дорога
от тёплых цветов
к холодным
все морозней и тише

как здесь все изменилось
похорошело
повсюду гранитные плиты

говорят
вы давно мертвы
вас отпели загодя

голодранцы и негодяи
вот она ваша могила

видно время здесь
с вывихнутым лицом
волочит распухшую ногу
ищет плечо опереться

мы оказались исторгнуты из утробы
со сгустками крови
так началась для нас
родина наша мать

кесари и фарисеи
ей полоснули живот
рассекли до спины
с востока на запад
от южных предгорий
до северных стылых морей

расползается шов
она его мочит слюной
пыльный кладёт подорожник
бинтует двуцветной лентой

у нас паспорта дочерей её и сынов
ничем не прикрыты голы как птицы
дышим друг другу в затылок
кровью крещёные выблядки
крикнуть хочется мама
кричим война

она отводит глаза
лёгкие наши сморщенные тельца
кладёт у распахнутого окна
и бог подбирает
разбитые голоса

голосовое сообщение

I

солнце режет глаза
позабывшие за ночь свет
голос спросонья
как в детстве не колок

расскажи что случилось
почему ты молчишь замираешь

что говорить
с принесенной повесткой беды
выпиты залпом
железные иглы
ежеминутно
плюёшься кровавой слюной
не повернуть головы от боли

и так только знаешь
что остаёшься в живых

II

проверка звука
ты слышишь
ты слышишь
голос
сквозь шорох
грохот и вой
раз-раз
два-два
и так до тьмы
тысяч и тысяч капель
одна ни гроша не стоит
на слезу потратится
меньше в разы
чем больше их льётся
пока идёшь по улице
с двусторонним
движением ветра
неизменно в лицо
в глаза
снегом льдинками вечности
нарёчными пулями
так что не спрятаться
и не пригнуться
упадёшь и останешься здесь
расслышав только
звон в ушах
ниоткуда повисший
во влажном воздухе
пойманном
исколотыми губами

Денис СОРОКОТЯГИН

ТАК И НЕ СНЯТОЕ КИНО

Этюд

Он знал, что ещё рано, что и не нужно об этом думать, думать значит призывать события, то-ропить их, кликать не радость (об этом он в последнее время думал мало), а звать беду. Все могло кончиться для него в любой момент, как, впрочем, и для каждого из нас, но он не думал о каждом. Думал только о себе. Наступило такое время – призывное. Либо ты думаешь о себе, либо не думаешь, и тогда время призывает тебя, берет в расход. А он так и не снял фильм. Написал книгу, вырастил как мог сына, который как может растит уже своего сына, он стал дедом, но как оказалось, время, отправив его в отставку, выкинув на обочину жизни, как он думал, вдруг вспомнило о нем и нашло его в своих призывных списках, но пока не призвало к ответу, и он может успеть снять кино. Пусть это будет вдали от дома. Там, где он не молодой и не старый, промежуточный, может быть в относительной безопасности, где время, окинув своим новым, все тяжелеющим взором, не увидит его ни с первого, ни со второго раза.

Он прилетел в Душанбе. Когда-то он уже бывал здесь. Выйдя из самолёта (вопросы на паспортном контроле – зачем, почему, на сколько дней, есть ли обратный билет, ответы (как у до-ски) – по работе, вернусь, да, конечно, он не стал говорить, что едет снимать кино, он, вообще, об этом никому, ни слова), спускаясь по трапу, он жадно глотнул таджикский воздух с примесью пыли, серый воздух, здесь не о блёклости и бедноте, а о цвете восприятия, фактуре ощущений. Он помнил, что его всегда здесь кормили, как говорят, до отвала, это пере-ощущение он нигде больше не испытывал, только на этой земле. Здесь же он напивался, как говорится, «до чёрти-ков» (кто был этим чертом? он сам?), что делал в своей жизни крайне редко, может быть, это было всего один раз, когда жена сказала ему, что больше не может, и уже все про него и про себя давно поняла. Уйдя от него, она называла тот прощальный, ставящий все по местам (повторюсь – для неё) день самым счастливым в жизни. Кто-то передал ему это, по доброте душевной, и тогда он напился. Ни резюмирующие, острые как скальпель реплики, ни всё это мелодраматическое «прости-прощай» не взволновали его так, как этот «самый лучший день». Это было пьянство от-чаяния. В Душанбе, когда-то давно, в прошлой жизни, он пил от нахлынувшей радости, находясь в компании малознакомых ему людей, и будто бы сам был не до конца себе знаком. Дастархан ломился от закусок, каждый норовил подлить ему, слеза соловья – обычай, чтобы рюмка при каждом новом тосте была полной, не оскудевала. Нет, он не был душой компании, два-три слова, поддерживающие разговор, но весь его вид, светлый, тёплый, опять речь о фактуре ощущений, внушали окружающим какую-то уверенность во всем сказанном в этот вечер, давали право на праздное пиршество в эти последние, горячие времена, он излучал странное спокойствие и силу. Ноги затекали от долгого сидения в неудобной позе, он выходил из дастархана и уходил подальше от людей звонить, он звонил, как обычно, своей бывшей жене, набирал номер, снова и снова, за-

Денис Сорокотягин родился в 1993 году в Екатеринбурге, окончил Свердловский мужской хоровой колледж (пианист) и Екатеринбургский государственный театральный институт. Актер театра и кино, режиссер, драматург, художественный руководитель «DAS-театра», педагог по актерскому мастерству и вокалу, автор учебных пособий для детских музыкальных школ. Актер Театра музыки и поэзии Елены Камбуровой. Публиковался в журналах «Знамя», «Нева», «Волга», «Новый мир», «Дружба народов», «Урал» и др.

быв, что абонент давно сменил номер телефона, мужа, и того, кто был после него, и, впрочем, это не его дело. Это все не войдёт в фильм.

Зачем снимать кино про себя? Это сможет каждый, как и написать книгу о самом себе. Речь не о качестве текста, а о рассказанной истории. Прожитая жизнь, пусть и не богатая на события – уже сама по себе весомый повод для фильма, остальное в руках режиссёра – загубить эту маленькую жизнь или, наоборот, превратить житейскую правду в крепко сколоченный кино-миф, от которого нельзя будет оторваться. Если бы нашёлся такой режиссёр, оператор, которым бы он смог доверить свою не молодую, не старую, промежуточную жизнь, тогда бы все срослось. Но таких нет. Поэтому он будет снимать сам – своё кино – ни о себе – ни для кого. Он решил, что никому не покажет снятый материал, должно же быть в его жизни что-то такое, что принадлежит исключительно ему.

Нужно было поторапливаться. Снимать, а не пить с друзьями, складывая свои промежуточные, негнувшиеся ноги на дастархане, затекающие теперь уже гораздо быстрее, чем в прежние времена, варикоз, малоподвижный образ жизни, одышка и прочее, прочее. В новый приезд он пил, но не пьянел, не звонил жене, не по причине отсутствия побудительного на звонок хмеля, просто жена умерла полгода назад, просто ее призвало к себе время, и она не смогла ничего ему (времени) ответить, после этого он (готовящийся к съёмке) стал думать только о себе, о своём призыве, конечно, он скорбел, даже плакал, как без этого, сблизился с сыном, с которым бывали тёрки, но после смерти мамы-бывшей жены их отношения будто бы наладились, они попытались понять друг друга. Сын, успевай жить, уделяй внимание своему сыну, жене, не избегай их, ты не заметишь, как быстро время объявит свой призыв, ты даже не заметишь, как это наступит, – говорил отец сыну. Учил его, неуместно и запоздало. А сын отвечал: «Мне уже будет все равно. Правильно?» Отец молчал и крутил в своей голове ленты не снятого за жизнь киноматериала.

Он гулял по берегу. Вокруг были горы, серые, как и воздух. Женщина гуляла с коровой (зовут Снежок, серо-белая в чёрную крапину), держала ее на длинной веревке, струящейся как змея по земле, веревка волочилась за коровой и поднимала пыль. Было прохладно, быстро вечерело, и казалось, что земля дышит, изо рта у неё шел пыльный пар. Он хотел было погладить корову, но та нервно замахала ушами и попятилась, обычно животные тянулись к нему, не боялись: собаки, кошки, птицы, белки. – Она ждёт телёнка, потому боится вас, – сказала женщина, мирно улыбнулась и поспешила увести корову подальше. Он кивнул и про себя подумал, что он как корова, тоже ждёт свой фильм, вынашивает его и боится, что так и не сможет его снять, и, вообще, почему он решил, что он – режиссёр, откуда это знание? Даже земля перестала дышать, ни пылинки, даже земля будто не верит ему, не верит?

Он хотел снимать свой фильм на камеру телефона, получалось неплохо, качество съёмки позволяло. Он навёл камеру на горы, приближал, отдалял, выстраивал картинку, крутил настройки цвета и света, но ему ничего не нравилось, он чувствовал, что готовность снимать «здесь и сейчас», приход Божественного вдохновения в нем напрочь отсутствовали, лишь одно принуждение, вызванное страхом не успеть. А может быть, бросить уже это все, и вниз туда, в обрыв, а потом в реку. Нажать кнопку гес и довериться лучшему режиссёру – его отсутствию – падать и ничего не играть, все будет сыграно за тебя. Когда-нибудь твой телефон, если ему будет суждено выжить (в отличие от тебя), найдут и увидят то стремительное, оборванное кино про тебя, его посмотрят в отсутствии героя и ничего в нем не поймут, как и всегда. Поэтому нужно снимать кино не для чужих глаз, зачем множить количество недопонявших, пусть будет один такой – ты. Ты ведь тоже ничего не поймешь, как ни стараешься.

Он наткнулся на адресную книгу, увидел телефон жены, как нектати и как вовремя. Снова посмотрел смски, его поздравления с праздниками, ее скупые ответы, она всегда находила время

написать ему хотя бы пару слов, ведь он так осчастливил ее, освободив от себя. Кривая улыбка не сходила с его рта, вот что нужно снимать, и пусть зритель думает, что же у героя там, в телефоне, что заставляет сердце замирать и разгоняться вновь, все это видно по его то сужающимся, то увеличивающимся зрачкам, как время мучительно трудно прокладывает мосты через реку забвения, эти мосты из серого, душанбинского воздуха, выходящего из его ноздрей, он как бык перед корридой, знает, что умрет и бросается на время, не дождавшись его призыва, но все напрасно. Время бессмертно. Мосты из воздуха рухнули, весь снятый материал уничтожен.

Он улетает из Душанбе, так ничего и не сняв. Садясь в самолёт, он пишет смску сыну о том, что любит его. В первый раз формулируя это. Вот так просто и мелодраматично, но, кто знает, вдруг время захочет призвать своего промежуточного подопечного именно в этот промежуток, когда он зависнет между небом и землей. Пусть признание будет сказано до, ещё на земле, пусть и чужой. Сын ответил сразу, сказал, что «тоже любит», потом спросил «как сам», отец рассказал в двух словах о том, как он сам с усам, о Душанбе, о не снятом фильме не говорил, зачем, и так список не сделанного (в глазах сына) полон другим, более весомым, сын пообещал встретить отца по прилёту и довести до дома, благо завтра у него выходной.

- Как отдохнул? Чего это ты вдруг решил?
- Ты знаешь, хорошо. Места молодости. Даже какие-то друзья нашлись, ну, как друзья. Я-то их не помню, а они меня – да. Странно, забавно это всё.
- Ты какой-то разобранный.
- Ну да. Перелёт, наверное. Да и вообще. Время такое. Как тут ещё.
- Здоровье как? Не болит ничего.
- Болит, но это нормально. В моем возрасте тем более. Что все обо мне, как у тебя?
- Лучше не спрашивай. Все по силам.

Он мог бы вставить этот диалог с сыном в свой будущий (когда-то) фильм, но он всеми силами сопротивлялся снимать фильм о себе, и так и не снял его.

Как хорошо, что у него есть сын.

Как хорошо, что что-то все-таки остаётся и не входит в финальный монтаж.

Как хорошо, что время не говорит, когда оно призовет нас, и мы не теряем интереса к процессу жизни (есть исключения, и их много), и страха тоже не теряем, порой он полезен, в малых терапевтических дозах.

Как хорошо, что что-то рождается, зреет внутри и выходит наружу тогда, когда мы совсем не ждём этого.

Как хорошо, что мы не разучились плакать, помнить, забывать и вспоминать снова, смотреть на горы, лететь вниз с этих гор, разбиваться вдребезги, потом собираться у подножья в нечто целое и снова подниматься вверх в точку, откуда было совершено падение.

Как хорошо, что кино ещё не снято.

Как хорошо, что земля имеет удивительную способность дышать и говорить этим дыханием с нами, как хорошо, что когда-то нам все-таки удастся перевести это дыхание на наш, человеческий, язык и что-то понять. Вот только мы неучи, не молодые, не старые, промежуточные, все, зависшие между знанием и незнанием, верой и равнодушием, мыслью о скором конце и сладкой грезе о возможном начале всего с чистого листа, с первого, не замутнённого кадра.

Как бы взять и всё переснять, переписать заново.

Невозможно. Пыльно. Снято. Смена окончена.

16 октября 2022 г.
Душанбе-Иерусалим

ТРЕВОЖНЫЕ РЫБКИ

Рассказ

Из пустого школьного фойе на меня таращилась сова. «Чудны дела наши, господи», – хотела сказать я, но увидела сонного охранника, прятавшегося за картонным Дамблдором. «70 лет любимой гимназии» – было написано на матовых синих и золотых шарах, трепыхавшихся в больших связках рядом с входной дверью. Алиса показывала мне фотки. Я просто забыла. Из-за всего – из-за этого. Гарри Поттер и Алиса в одинаковых круглых очках. Алиса и девочки из класса. Алиса была выше и хуже всех, даже Гарри Поттера. Олененок Бемби – в Хогвартсе.

Когда в моей школе случались праздники, то мы фотографировались на фоне стены, выкрашенной зеленой масляной краской. Театральный вечер – все позируют в списанных нарядах из местного драмтеатра. У меня голубое бальное платье с кринолином, засвеченные красные глаза и главная роль Софьи в «Горе от ума». Выпускной в девятом классе – фотка только девочками. Ноги в телесных колготках выставлены острыми коленками вперед, в руках – измученные букеты в шуршащих целлофановых обертках. Зачем мы надели колготки в июне? 20 и 40 ден. 40 ден больше блестят, а 20 ден – матовые и легкие, но быстро рвутся.

Последний звонок. Все улыбаются и тыкают колокольчиками прямо в объектив. На стене облупилась краска – в том месте, где мы бросали рюкзаки и кучковались, когда отменялся урок. Классная отправила покупать колокольчики меня. Сначала – ты не участвуешь в жизни класса... коллектив... только о себе, а потом – вот тебе деньги. Я взяла и сходила. Вместо математики. Зашла еще за узкой атласной лентой в отдел тканей. Хотелось посмотреть, как продавщица разматывает ее с большой деревянной катушки.

Девки прогуляли следующую физкультуру и помогли продеть ленточки в узкие ушки. Аня сбежала в хлебный рядом с военным универмагом и купила батон московский и три шоколадки Lion. Вафли, орехи, карамель, липкий соевый шоколад, рычащий лев на рыжей глянцевої обертке. Ножницы для ленточек попросили у вахтерши бабы Дуси, которая смотрела в окно и улыбалась. Мелкие нарциссы на клумбах из шин и чьи-то головы из-за забора. Тоска.

Шоколадкой мы испачкались, а батон раскрошили по раздевалке. Отламывали руками. Двадцать шесть колокольчиков с белыми бантиками и сдачу отдали классной, когда она пришла на нас орать. «Как ты будешь жить дальше?», – спрашивала она меня в то время, как мои подружки жались к железной сетке раздевалки. Я не знала. Но будущее без школы представлялось мне прекрасным. Говорить об этом было нельзя. Надо было утирать слезы, обниматься с одноклассниками в школьном дворе и называть учительницу второй мамой.

После выпускного я ни разу не была в своей школе. Лучшая школа города. Видела ее мельком, когда приезжала на каникулы или в отпуск. Красное кирпичное здание с заколоченным парадным входом снаружи и зелеными стенами внутри. Баба Дуса умерла между нашим последним звонком и выпускным. От старости. Восемьдесят семь лет. Все равно было жалко. До этого сказала нам с Ленкой: «Если есть волосы на руках – будете жить счастливо, девки!» Мы засмеялись и поверили. Верить бабе Дусе было легче чем классной, которая предрекала нам аборт, непоступление в институт, осуждение окружающих (с таким-то характером) и тоску по школе.

Мария Бердинских родилась в 1980 году в Кирове. Кандидат социологических наук (УрФУ им. Ельцина); учится в ЕГТИ (специальность «Литературное творчество», курс Николая Коляды). Дебютировала в журнале «Урал» (2021). Живет в Екатеринбурге.

Всё забылось. Ощущение, что я самая тупая на математике. Запах тушеной капусты, который все ненавидели, а я тайно любила. Кузнецов, которого я оттаскивала от своего младшего брата в школьном коридоре. «Ваша дочь избила мальчика!» – сообщила классная моей маме по телефону. Кузнецов вырос и стал взрослым человеком с семьей, морщинами и ипотекой. Не ходил на встречи одноклассников, тоже хотел что-то забыть.

Алисины школа напоминала мне мою. От этого в животе начинали трепыхаться рыбки. «Да кто из тебя вообще вырастет?», – говорили мне рыбки по внутренней связи, беззвучно открывая рот. На стенах были бежевые обои, а в фойе по праздникам играла местная музыкальная группа. Смешной солист в кожаной курточке пел «А твой мальчик ездит на девятке» и каверы на английский ском. Дети бросали рюкзаки и танцевали прямо перед железной вертушкой. Школьный секретарь делала видео и выкладывала в инстаграм.

Все равно было похоже. На первом этаже пахло котлетами, а на столе охраны лежал большой лоток с одиночными варежками и забытыми ключами. Учительницы ругали бегающих детей, а завучиха врывалась в туалет девочек и билась в двери, подозревая, что там курят. Выходите, а не то хуже будет! Старшеклассницы прятали вскрытый презерватив, который рассматривали, и вываливались впитером из одной кабинки.

Я расписалась в журнале посещений и побрела в Алисин класс. Все уже собрались. Классный руководитель сидела за учительским столом, замаскировавшись высокими стопками тетрадок. Завуч нависала рядом. Кирюшина мама за первой партой смотрела на пирамидальные тополя в приоткрытое окно.

Рыбки устроили вечеринку и пригласили гостей. Еды было мало, а выпивки – завались. Одна рыбка выпила четыре коктейля «Кокосовая леди» и танцевала на барной стойке. Другие махали хвостами в такт так сильно, что у одной он отвалился. Спокойно! «Спокойно, – сказала завуч, – давайте поговорим спокойно». Почему-то после этой фразы все начинают орать, даже если не собирались. Рыбки сбились в стаю и жали плавниками на красную тревожную кнопку.

Завуч, повышая голос, говорила про ЧП. «ЧП, ЧП, ЧП», – билось в моей голове. Надо было вслушиваться, чтобы вступить вовремя. Рыбкина вода была похожа на перекипевший суп. Буль-буль. «Мой Кирюша, – опередила меня Кирюшина мама, – очень добрый мальчик. Он никогда бы специально. Но сейчас такие девочки!» «Заткнись, – хотела сказать я Кирюшиной маме, – заткнись, сука». Одна рыбка мечтала выпасть из моего рта, описать дугу и приземлиться на прямой светлый пробор Кирюшиной мамы.

«У ребенка порваны локтевые связки, рука не будет разгибаться еще три месяца», – услышала я свой голос. Чуть глуше, чем обычно, проседает к концу фразы. Если не знать, то не заметно. Хорошо, что продумала, что сказать. Иначе бы не смогла. Вспоминала бы Алисино белое лицо в скорой, когда мы сорок минут ехали до больницы. Еще повезло, что без пробок и под уколом. Рука, привязанная к самодельной шине, торчала под моим плащом.

«Задел ее, и Алиса упала», – сказала учительница. Рыбки застучали плавниками у меня внутри, чтобы я не отключалась. «Случайно задел, и нечаянно упала», – уточнила Кирюшина мама. Ее голос тоже звучал сипло. Рыбки застыли в напряжении, готовились к броску. Мне хотелось схватить Кирюшину маму двумя руками за аккуратный хвостик и трясти до тех пор, пока прилизанные волосы не встанут дыбом. У нее должен быть такой же безумный вид, как у меня, когда подбегая к школе после звонка директора я увидела скорую помощь. Рыбки переместились куда-то в район сердца и скулочкались в большой шар. Говорить было тяжело. «Все время пристаёт... специально... издевается... полиция», – слышала я свои отдельные слова.

Договорив, я посмотрела на Кирюшину маму. Она выглядела так, будто мы с ней бились врукопашную и я уже сидела на ней сверху в белом кимоно, заляпанном ее кровью, а рефери шел к нам, чтобы растащить и поднять мою руку вверх. Только я не победила. Два месяца нужно было ходить на процедуры. Что-то магнитное, УВЧ и физиотерапевт. Неделю мы таскались вместе, а потом Алиса одна. Двенадцатилетняя девочка с рукой на перевязи и мятым бумажным пакетом из «Золотого яблока». В пакете – направление и розовая флисовая пеленка. Укрывала ею Алису, как одеялком, когда она была маленькая.

Рука не поднималась, не разгибалась и болела. Я купила несколько метров белого льна и делала повязки, чтобы фиксировать локоть, как советовал врач. Почему-то ткань, не лангетка. Разводила вонючее лекарство и прикладывала компрессы. Нужно было стоять над раковиной пять минут и ждать, пока лекарство перестанет капать и впитается в бинт с разлохмаченными краями. Мазала на ночь жирной пачкучей мазью. Перед этим дула на больное место, целовала и говорила: «У феи Динь-Динь боли, у Серебрянки боли, а у Лисенка не боли!»

Были и плюсы. Освобождение от экзамена в музыкалке, и можно было не писать итоговые контрольные в школе. Вообще ничего не писать. Правая рука. Повезло. Просто делать вид, что слушаешь, и смотреть в окно. Вместо первых двух уроков ходить в детскую поликлинику на Буторина. Сначала по Восточной мимо Благотворительной столовой, где слева всегда очередь, а справа на разложенных на земле скатертях и шерстяных клетчатых одеялах продавали вязанные носки, детские ношенные шапки и сколотую посуду. Зимой продавцы и очередь стояли обособленно, не смешиваясь. Весной и летом все болтали, обсуждали рассадку и еще что-то, такое же неинтересное. Потом знаменитый дом с четырьмя парикмахерскими – «Натали», «Моя Мишель», «У своих» и еще одна какая-то со стертой вывеской. Большая арка, ступеньки, асфальт в трещинах, два тихих двора и новое здание поликлиники. Вахтерши жалеют и помогают надеть бахилы. Потом обратно. Все делят дробы, а Алиса ест оранжевый фруктовый лед левой рукой, записав пакет подмышку. Продавщица сама достает сто рублей из кармана джинсов, туда же кладет дачу и разворачивает мороженое. Спасибо Кирюше!

Я посмотрела на Кирюшину маму, которую учительница называла Еленой Павловной, и вспомнила, почему она Кирюшина мама. «Тетradка для Кирюши, он забыл», – говорила она, врываясь в класс посреди урока. Алиса рассказывала. Никто Кирюшу не дразнил, все завидовали. «Кирюшина мама и шпаргалки для него пишет, – восхищалась Алиса, – а русский вообще за Кирюшу делает». «Да с чего ты взяла?» – спрашивала я. «Почерк-то взрослый, сличали», – косилась на меня Алиса.

Я явно недотягивала. Когда столовая не работала, то Кирюшина мама готовила морковный салат с яблоками и изюмом и складывала его в контейнер вместе с пластиковой вилкой, в то время как я забывала купить даже мишек Барни. Кирюша разбрасывал тертую морковь по полу, а изюмом кидался в Алису. Она ждала следующей перемены, бежала в «Пятерочку» и запикивала Кирюше за белый наглаженный воротник блестящую обертку от шоколадки.

«Уроки безопасности для всех, школьный психолог для Кирилла. Согласны?» – спросила меня завуч. Рыбки устроили соревнование, кто выдует самый большой пузырь. Будто они были на вечеринке в Вегасе, а не в Алисиной школе, где под бежевыми обоями прятались маслянистые зеленые стены. Выигрывала самая мелкая, которая напилась. «Да, – ответила я, – согласна».

На улице шел дождь. Под навесом на школьном крыльце стояли Алиса и Кирюша. Кирюша рисовал корявые самолетики на Алисиной повязке. Ручка скользила по ткани и контур был нечеткий, прерывистый. «Поднажми, продавливай», – командовала моя дочь. Я выдохнула, выпустила рыбок в разноцветные бензиновые лужи и открыла зонтик.

Кирюшина мама запикивала бахилы в переполненную мусорку. У нее был вид человека, которого много дней держали в неволе. Мне хотелось признаться ей, что я ненавижу школу, хотелось произнести это вслух, но вместо этого я сказала: «Так душно! Наверно, будет гроза». Кирюшина мама улыбнулась и ответила совсем не в тему: «Алиса стала такой красивой, совсем взрослая девочка».

Мои рыбки встретились с командой красноухих черепашек Кирюшиной мамы и поплыли к киоску «Всё для рыбалки». Я еще слышала их перешептывания. Одна рыбка бормотала: «Опарыш». Черепашка отвечала ей: «Так, на Ш...шлецык!» «К – козявка», – подсказывала я своим тревожным рыбкам по нашей внутренней связи. Сигнал уже был слабый, и мне никто не ответил. «Мама, не ходи по лужам. Все ноги и так сырые», – ткнула меня в бок Алиса. «А вот Кирюшина мама...», – сказала я, и мы засмеялись.

Екатеринбург
Май 2022

Игорь ИЛЬИН

СЛЕПЫЕ ПОДРАМНИКИ

Когда-то бабочки были дельфинами...
Не волнуйтесь, я не сошёл с ума –
профессор задумался на секунду и сказал:
бабочки доживали до восьмидесяти лет
и смотрели на мир иначе.

Грациозные, смелые, независимые –
они бороздили морские глубины и крутили божественные фуэте,
взмывая над гладкой поверхностью.
Они вместе охотились,
резвились порознь,
отчаянно, до беспамятства,
праздновали и заботились друг о друге.

Да, иногда случались острозубые акулы с субмарины размером
и изжога от слишком соленой воды,
но это не мешало бабочкам
видеть безумные синие сны,
не мешало дружить, строить планы,
влюбляться и умирать.

А потом случилось то, что случилось.
И мы изменились.
Мы стали носить панцирь.
Мы стали безропотными и невесомыми...

Он говорил, говорил, а затем неожиданно замолчал.
Вздыхнул глубоко и грустно,
подпрыгнул и, сквозь незапертое окно, выпорхнул в мир –
туда, где кружили голодные кровожадные
говорящие головы.

Я понял, что такое сознание.
Я его разглядел.

Игорь Ильин родился в 1970 году в Омске. Окончил ОмГПУ. Живет в Москве. Участник поэтического семинара Дмитрия Воденникова в школе писательского мастерства «Пишем на крыше». Публиковался в журналах «Зеркало», TextOnly, «Новая Юность», «Юность». Автор книги стихов «Из дыма, солнца, водки и конфет».

Свободное, выпуклое, неукротимое.
Очевидно необъяснимое
зазеркалье.

Художник выдохнет (один раз), а дальше – тишина.
Они предлагают мыслить всегда, непрерывно.
Техники творчества. Нет, спасибо.
Быть в аду непрерывно – ад. В квадрате.

Мы с осознанием разделимы. И оно это осознаёт.
Я слаб, я немощен, я старюсь.
Я, я, я, я...
Оно предаст, отлетит, выживет.

Время. Для меня это роскошь.
Для сознания – рутинная вещь.
Сознание бесконечно во времени и пространстве.
В отличие от меня.
Иногда мы пересекаемся. Перекрикиваемся.
Перекидываемся словечком.
Сон – полусон – полуявь – полёт над гнездом.
Кукушонок в конце концов упорхнёт, а я, папа, останусь.

Что я чувствую к тебе?
(Я не знаю).
Я переполняюсь, перевоплощаюсь, ускользаю сам от себя,
кричу, плачу, впадаю в панику.
Это не мо...
.....
и жалею лишь об одном, что мы не можем быть вместе.

...Когда несешь большую страсть
В самом себе, как уголь в ладонях,
Тогда не страшно умирать,
Но страшно жить необожженным...
Елена Шварц

...они приходят, они возвращаются, восстанут, оживают.

Он несется по комнате озером, облачком, светом,
устремляясь в растопыренные объятия
своим соблазнительным телом,
не зная стыда и подвоха, – брызги смеха и радости.

И назад.
И по новой обратно.

Словно видит в своем закольцованном действии
не расчёт, не корысть или принцип (как взрослые),
а природную необходимость – непреерекаемость жизни.

Дети не выбирают родителей,
они их в какой-то незаменимый момент назначают,
повинуясь неясному звериному инстинкту,
и дальше уже живут с этим назначением всю жизнь,
как с первой раскраской, первым шажком
или неповторимыми невыбранными глазами.

Если бы кто-нибудь мог выбирать.

Однажды, я помню, ты сказал на прощанье, как в сказке: вот и сказке конец.
Я запомнил, потому что глаза – никогда не врут.

Когда-нибудь (если будет мне суждено)
я снова увижу твои родные, звериные глаза, папа.
И Фрида заснет.

Кого бы я выбрал в проводники?
Того, с кем наивысшая разность потенциалов.
Нам будет о чем поговорить, о чем помириться.

Последний ужин не такой калорийный, как кажется:
мало сахара, много мыла, много свинца.
Насытиться не получится.

Мы перестали понимать друг друга, когда ты сказал, во что веришь.
Вера была слишком живой, трепетной и немой.
В тот момент.

Такие разные. Такие родные. Такие непримиримые.
Кто-то не понял, кто-то не простил.
Кто-то один не поверил, что может убить.
Свет.

Блестит чернотой рукотворное море.
Берег последний словно пасть – зевающий монстр.

Одна река. Одна вода. Для двоих.
Слишком много и слишком чудовищно недостаточно.

Эта жидкость словно желе:
грузная, надменная, чужая:
тела, грехи, надежды, отчаяние,
неутолимая тяжесть тоски.

Прости меня. Прости. Оставь.
Оставь себе все на свете монеты.
Только, пожалуйста, не молчи.

Мы плывем уже тысячу лет.
Вокруг не осталось даже тех, кто нас никогда не знал.
Почему ты молчишь?
Ухмыляешься, и молчишь.
Это тебе (между нами) следовало бы каяться.
Следовало бы извиняться.
Я ведь тебя так...
Почему же я не слышу ничего, кроме этих жутких капель?

Да, обо мне знали больше, чем я заслужил.
Да, я сделал то, что сделал.
Но я жил. Я был жив. Жив!
А ты?
Что ты делаешь в этой единой синтетической антиреальности?
Это и есть твоя пресловутая жизнь вечная?

Оставь меня, умоляю тебя.
Пристань, высади меня уже где-нибудь.
Я тебя прощаю.
Прощаю, слышишь?
Ты мне больше ничего не должен.
Ты свободен.
Дай мне, наконец, жить.

Только верни мне мои монеты.

Слепые подрамники

Он просто ушел.
Даже не хлопнул дверью.
Улетел. Уехал. По-моему, в командировку.
На собрание, встречу, корпоратив –
откуда не возвращаются.

Книжный шкаф, тумбочка, письменный стол,
антресоль – они никогда не лгут.
Открытки, письма, записки, тетради, черновики.
Обрывки жизни, редкие изделия ручного труда,
обмылки существования.
Ничего. Пусто.
Одни слепые подрамники.

В детстве, возвращаясь домой после длинного пионерского лета,
я всегда замечал, что дом изменился.

Стены, шкафы, потолки и окна будто набухли и сузились.
Пространство казалось выпуклым, натянутым и выразительным.
Дом проникал в меня своим пронизательным взглядом,
и я неминуемо вырастал.

Тридцать лет – долгий срок. Даже для черновика.

Я хочу спросить об одном: почему?
Ты же кормил меня с рук.
Ты же смаковал мои мысли, эксплуатировал мое мироощущение,
насиловал мою искренность.
Я тебе ничего не должен.
А как же Сент-Экзюпери? Он тоже всех обманул?
Дорога у всех одна – пути разные.

–Я ненавижу тебя.
–И любишь.
–Нет.
–Да.
–Да. Да. И ненавижу.

Вот это и называется свет.

Я хочу оказаться снова молодым.
Светиться будущим, отливать отцовством.
Энергично решать сложнейшие ребусы сущего.

И прожить ещё две (или три)
смелые жизни.

Дело не в том, что уходит,
а в том, что останется (не всё).
Не всё исчезнет.
Не всё отомрет.

Будет лето и осень,
зима и весенняя лодка с каплями снега с бортов.
Будет мирное солнце и яркое небо от звёзд.
Снова будет мороженым небо сводить.

Будет больше детей.
Будет больше игрушек.
Будет больше всего.

И мой дедушка вернется домой.

Дорожки посыпаны гравием.
А звёзды переглядываются, как будто перемигиваются.

Когда-нибудь я наконец-то найду себя.

Когда-нибудь, пьяный, налью себе полный стакан.

И по-свойски усядусь рядом на скошенную траву.

Здесь, среди этих чужих, одиноких, обшарпанных звёзд.

Чтобы услышать родной, незнакомый голос.

И понять, что ещё живой.

Обувь заговорила.
Стены, шкафы.
Утварь.
Стаканы, чашки.
Заголосили кастрюли.
Загадели блюда и ложки.
Где-то такое уже происходило.
Возможно, еще происходит.
С переменным успехом.

Невыносимо.

Однажды мой дедушка решил продемонстрировать,
как пользоваться новой точилкой для ножей.
Шикс, и кровь залила безымянный палец.
Смотри, смотри, закричал мой брат,
какой невероятный, темный и густой цвет.
Это от неожиданности.

...жестяные кружки, стальные кофейники...

Сжечь, переплавить, перековать.
Сделать что-то другое:
саблю, шашку, самурайский меч.

И
готово.

Какой чистый, яростный, ясный звук.
Слышишь?
А я не слышу.

Одно слово

Хотел чего-то светлого.
Не получается.
Темные времена. Дикие. Перевернутые.
Слова перестали спасать, утешать, созидать, воскрешать.
Тесное выжженное пространство.

Мальчишки с отнятыми конечностями, подсвеченные софитами.

Страшно, противоестественно, отвратительно, больно.
Впервые пожелал смерти
не себе.
Чужеродное, безумное, инородное состояние.

Слова перестали жить.
Слова перестали искать.

И все же.

Умоляю тебя – всего лишь одно слово.
Самое простое.
Самое волшебное, самое настоящее.
Самое живое и самое важное:
Мир.

Девять жизней

Я хотел бы прожить восемь жизней.
И каждую из них – помнить.

Первая – была змея.
Второй – вода.
В третьей и четвёртой мои дети покинули мой город один за другим.
Пятая была вазой. Огромной греческой вазой, с позолоченными лепестками
возле самого горла.
Шестая прошла в битве.
Седьмая – в тайных, непроторливых встречах. Мимо любви, мимо смерти.
Мимо тебя.
Восьмая пела. Весело. Шумно. Нахально. Негармонично:
муторно, искусственно, раздражающе.

И лишь в девятой – ясный, воздушный, леденящий, смоляной,
уничтожающий звук. Лишь только в девятой.

Девятую – позабыть.

Осознанную, как снегопад – бескомпромиссную, солнечную, необходимую.
Резонирующую как страдивари.

Там, в девятой, в тридевятой, сверхновой, треклятой, ты была не одна.

Там, в девятой.

Где мой ангел-хранитель наконец-то меня потерял.

– Ну почему, почему же они не могут жить в мире?

– Почему не могут? Могут.

Вот, например, в системе Кин-дза-дза:

«А за что вы их трансклюкировали?

За то, что они не успели».

Всеобщая гармония, всеобщее счастье, мир и покой.

И красные штаны в придачу.

Но в этот момент почему-то всегда появляется тётя Бэси.

Или дядя Пришвин (тот ещё персонаж).

Им всё претит. Они всем недовольны.

И тогда всё приходится нам начинать сначала.

Эники Беники ели вареники

Эники Беники рак...

Кто не спрятался, тот проиграл.

И ты проиграл. И ты.

Мы все проиграли.

Стоять. Руки к стенке.

Эники Беники, Эники Беники

ели, ели, доесть не успели.

Вареники:

сочные, сладкие, с солями из выпаренной речной воды,

едкого дыма и слез.

Вареники:

гоголевские, шолоховские, чеховские,

интернациональные, родненькие.

Вареники:

сытные, говорящие, не отнимающие жизнь.

Эне бене раба квинтер финтер жаба...

– Принципами не пообедаешь, не поправишь здоровье, не согреешься.

– А принципы не шашлык, не витамин В12, не грелка.

Некоторые чудаки ради них жертвуют обедом.
Бывает плата и подороже.
– А скрипач не нужен, родной. Он только топливо лишнее жрет.

А он все твердил: присяга, присяга.
Немым, исковерканным ртом, немыслимыми глазами.

Тебе водить.

Очевидно, что мы живем в разных местах: в самый разгар нашей жизни,
между нами десятки, а может быть сотни навязанных лет.
Ни стереть, ни пересмотреть.
Одно цепляется за другое.
Звук переходит в цвет.
Но ничего не видно.
Вокруг мертвый путь из прилипших к обочинам автомобилей.
Мы слышим и видим разное, но не разницу – и смысл ускользает
в саднящую рану следующего поколения.
Нам не выжить. Не пережить.

*я стою в супермаркете голый.
в одной нелепой серой (почему-то) майке.
и в ней же иду по офису, чувствуя, как обжигает
грубый, несвойственный, детсадовский стыд.
хочется провалиться в младенца – бесстрашного, любопытного, глупого.
хочется вернуться обратно – в маму.*

Ты выглядишь логично и обезоруживающе. Твои слова – лазерная указка.
Но твоё лисье тело не врет. Не спит. И никого не спасет.
Звать бесполезно (никто не откроет), поздно и, наверно, бессмысленно.

*на всех остановках миллионы проклятых любопытствующих глаз.
нам не спрятаться и не укрыться.
я беру твои руки в свои и кричу. и рушится стыд, и сад, и дома. и природа становится не
своя. лишь растёт и ширится стая.*

Кого надо, уже позвали. Кто надо, уже откликнулся.
Несбыточное так и не сбудется.
Надежда превратится в пыльную нескончаемую дорогу
с односторонним движением.
Нас не станет и не будет.
Лишь они будут длиться и длиться. В безразличном душном пространстве –
безоружные, лисьи, трекозьи,
так никого и не воскресившие.

Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

СЛУГА ГОСПОДИНА КОММЕРСОНА

Действующие лица:

Луи Антуан, капитан.

Франсуа, первый помощник.

Жан, слуга господина Коммерсона.

Автор, записывает за ними.

В начале действия Луи Антуан, Франсуа и Жан находятся в роскошной капитанской каюте, заставленной мешками, клетками, клубками ниток и лент. Они стоят по углам каюты, застыв как манекены. Долгое молчание, прерванное криком снаружи: «Земля!»

Вбегает Автор, продолжая кричать.

Автор. Земля!

Франсуа. Земля!

Жан (бросается к двери). Земля!

Луи Антуан садится за большой дубовый стол.

Франсуа. Стоит выйти на мостик?

Луи Антуан. До берега еще пара лиг. Присядьте, господа, успокойтесь. Мы должны обсудить нашу проблему. Нашу деликатную проблему.

Автор садится за маленький столик в углу, со стопками бумаги, открывает печатную машинку (можно заменить на ноутбук), записывает за ними.

Франсуа. Оружие сдать!

Жан возвращается к столу, кладет перед капитаном два пистолета.

Луи Антуан. Заряжены?

Жан. Разумеется.

Франсуа. Точно, заряжены. Эй, ты – сидеть! Руки перед собой.

Луи Антуан. Ну зачем вы так, Франсуа. В конце концов, это первое преступление...

Франсуа. Первое и категорически окончательное! За такие дела – вон с корабля!

Луи Антуан. Давайте разберемся. Мы здесь для этого собрались. Смотрите же, до сего момента у вас были прекрасные характеристики... Господин Коммерсон докладывал, вы трудились, как негр.

Татьяна Бонч-Осмоловская родилась в 1963 году в Симферополе. Закончила Московский физико-технический институт и французский университетский колледж. Кандидат филологических наук (диссертация о творчестве Раймона Кено). Автор нескольких книг (проза, поэзия, переводы, исследования). Публиковалась в журналах «Новый мир», «НЛО», «Знамя», «Иностранная литература», «Урал» и др. Живет в Сиднее.

Автор подбегает, подсовывает бумаги Франсуа, возвращается к своему столу.

Франсуа. Хвалил *(перелистывает бумаги, читает)*. Называл своей вьючной скотиной.

Луи Антуан. Не могу сказать, что имел честь часто встречать вас, наш незадачливый юный друг, но по моим наблюдениям, должен отдать вам должное, вы вели себя достойно на борту. С самой тщательной скромностью и аккуратностью.

Франсуа. Не по уставу это. Одномоментно – прочь с корабля!

Луи Антуан. Давайте разберемся. Значит, вы – слуга и помощник господина Коммерсона.

Жан. Так точно.

Луи Антуан. В чем заключались ваши обязанности?

Жан. Мой господин страдал от качки и от язвы на ноге. Мои обязанности заключались в том, чтобы очищать ногу от гноя, промывать и прикладывать мази и компрессы. И подносить судно, когда ему было нехорошо. Это пока мы были в море.

Франсуа. А на островах?

Жан. На островах добывать образцы растений и животных, зарисовывать их и записывать в дневник наблюдений.

Франсуа. Господин Коммерсон хворал ногами и не принимал участия в полевых исследованиях, предоставив своему помощнику следить за здоровьем господина и выполнять вылазки на берег в одиночку. *(Перелистывает бумаги, читает.)* Среди снегов и ледяных пиков Магеллана пролива, неся с мужеством и достойной похвалы энергией требуемую экспедиции провизию, оружие и сумки с растениями, добытыми моим помощником лично в недостижимых для прочих чащобах...

Луи Антуан. Это весь список твоих услуг?

Жан. Нет.

Франсуа. Ага! Говори!

Жан. Еще он приказал мне выучить грамоту и классификацию растений.

Луи Антуан. В самом деле.

Франсуа. Господин Коммерсон в целом похвально отзывался о своем слуге. Он докладывал, вот: мой помощник выполняет все мои поручения, забираясь на самые высокие холмы и кручи, и возвращается, нагруженный образцами камней, раковин и растений, как вьючное животное.

Луи Антуан. А чем занимался господин Коммерсон, пока его помощник добывал образцы и зарисовывал чудовищ?

Франсуа. Господин Коммерсон страдал в каюте. Матросы докладывали, он стонал.

Луи Антуан. Так, так... А рисунки?

Франсуа. Пожалуйста. *(Отходит к углу, подбирает крупную папку, возвращается.)* Рисунки, выполненные помощником господина Коммерсона во время путешествия. Обезьяны, цветы, ещё цветы... ракушки... А, вот – цветущая лоза, которой господин Коммерсон дал ваше имя, капитан...

Луи Антуан. Весьма любезно с его стороны.

Франсуа. Вы в полной мере это заслужили, капитан. А, взгляните, еще рисунок: бобер...

Луи Антуан. Да какой же это бобер, у него клюв как у утки!

Франсуа. Так точно! И лапы! Вы посмотрите на эти когти! Безобразно, чудовищно! Безобразие, а не иллюстратор!

Жан. Такой был зверь. Господин Коммерсон подписал рисунок. Моё дело было описать его в дневнике путешествия.

Луи Антуан. И как же господин Коммерсон назвал это чудовище?

Жан. *Ornithorhynchus anatinus*. Оно совсем небольшое. И пушистое.

Луи Антуан. Так это вы выловили зверя?

Жан. Выловить не удалось. Мне посчастливилось разглядеть его тень в озере и после часов ожидания, дождавшись вечера, когда он вылез на берег, зарисовать в альбом наблюдений.

Луи Антуан. Действительно не то, чем кажется. Дитя ночи. Скрывается под водой, в темных заводях, выползает на берег в сумраке и во тьме. Маленькое, низенькое, держится поближе к земле. А когти какие острые!

Франсуа. На крысу похож.

Луи Антуан. Могу представить, какое замысловатое у него внутреннее устройство касательно производства потомства.

Автор (*с места, себе под нос, но они замолкают, когда он говорит*). Капитан ошибается. Ни один европеец не мог представить себе внутреннее устройство *Ornithorhynchus anatinus*, платипуса в просторечии.

Луи Антуан (*молча рассматривают рисунок*). Жаль. Жаль, что не изловили. Было бы чем утереть нос британцам, они такого вовек не увидят!

Жан. Мне очень жаль. Когда оно заметило мое присутствие на берегу, в тот же миг нырнуло в озеро.

Луи Антуан. Скрылось в толще мрачных вод. Других таких вы не видели?

Жан. До сего дня это был единственный случай, когда мне встретилось подобное существо.

Франсуа. Но как? Как тебе удавалось скрываться столько времени?

Жан. Я старалась.

Луи Антуан. Удивительно удачно старалась. Мы столько времени не могли разглядеть тебя. Если бы не проницательность наших туземных друзей, бог знает, сколько бы еще ты таила свою сущность во тьме, в глубине таинственных омутов, скрывая, что ты не то, чем представлялась перед людьми.

Жан. Я не таилась во тьме. Или под водой, как вы говорите. Свой пол я прятала под просторной одеждой.

Франсуа. Но как? Как тебе удалось изображать из себя мужчину? На корабле? С двумя сотнями моряков? Почти полтора года?!

Жан. Я неприметного телосложения. Нечего замечать, не на что смотреть.

Луи Антуан. Маленькое, низенькое, держится поближе к земле. Но давайте по порядку (*де-лает знак Автору*). Как вас зовут? На самом деле. Ваше подлинное имя?

Жанна. Жанна Баррет.

Франсуа. Чудовище! Дата и место рождения.

Жанна. 27 июля 1740 года, Ла Комель, Бургундия.

Франсуа. В законном браке? Или мать в подоле принесла?

Жанна. В законном браке. Сирота. Утратила наследство в ходе судебного разбирательства. Осталась в одном платье.

Франсуа. И то мужском?

Жанна. И то мужском.

Луи Антуан. Как вы оказались на корабле?

Жанна. Была холодная, ветреная декабрьская ночь. Я брела по улице в своей единственной одежде, дрожа от голода и холода. Сама не знаю как, я оказалась на причале, где обнаружила себя смотрящей в толщу вод и размышляющей о своей жалкой жизни. В этот момент господин ученый спросил, хочу ли я отправиться с ним за море. Добрый господин сказал, ему нужен слуга и помощник, так как он слаб здоровьем, а работа предстоит тяжёлая.

Франсуа. И ты согласилась? Отправиться с незнакомцем за море, едва увидела его? Как только он позвал тебя? Ты не просто женщина, ты – дурная женщина!

Луи Антуан. Должен заметить, вы поступили весьма опрометчиво, дорогуша, отозвавшись на зов случайного господина. Вы не опасались вреда, который он мог бы нанести вашей добродетели?

Жанна. Он позвал, я отозвалась. Господин Коммерсон предложил жалование и кров. Я согласилась на службу. Служить господину не преступление. Я раньше была в услужении у одного женеvского господина, никто меня не наказывал.

Франсуа. И что случилось с этим господином?

Жанна. Он сделался писателем и уехал в Париж.

Луи Антуан. А вас нанял господин Коммерсон, на причале, непосредственно перед отплытием в кругосветную экспедицию? Один из вас определенно поступил безрассудно.

Франсуа (*обращается к Луи Антуану*). Господину Коммерсону было выделено две тысячи ливров из государственных фондов на найм слуги и помощника иллюстратора.

Луи Антуан. И он нанял это дитя ночи, возникшее перед ним в сумраке причала, словно бы вынырнув из бездны вод. Она очаровала его своей песней, ночная сирена. Неудивительно, что она

предстала не тем, кем казалась. Создание многих, многих талантов... (*обращается к Жанне*) Когда ты научилась рисовать, дорогуша?

Жанна. Господин Коммерсон обучил меня во время путешествия.

Луи Антуан. Господин Коммерсон талантливый учитель. По возвращению в Париж мне стоило нанять его учителем рисования. Для моих детей (*закрывает папку*). Значит, вы утверждаете, милочка, что стали слугой господина Коммерсона, не уведомив его о своей женской сущности?

Жанна. Точно так. Не уведомила.

Франсуа. И он сам не догадался? Ты же жила с ним в одной каюте?

Жанна. Я старалась. Я скрывала свой пол под просторной одеждой.

Франсуа. А почему ты не ночевала в общей каюте или на палубе, в гамаках, со всей командой?

Жанна. Господин капитан уступил свою каюту господину Коммерсону, когда тот начал страдать от качки, сразу после отправления, и я перенесла его багаж, препараты и инструменты. И сама осталась рядом, ухаживать за господином Коммерсоном и его препаратами.

Франсуа. Удачно получилось! Ночлег и туалет в личном распоряжении! Неплохо для слуги, когда более высокие персоны ходят в галюн.

Жанна хочет что-то ответить, но смолкает.

Луи Антуан. Я все же не понимаю. Простите меня, мадам, я задам неделикатный вопрос. Я понимаю, вы скрывали особенности фигуры. Но что вы делали, когда вас призывала Селена? Или, говоря простыми словами, как вы скрывали ваши женские дела от многих слуг и матросов? У вас были женские дела?

Жанна. Вы имеете в виду регулы? Были пару месяцев, потом прекратились.

Луи Антуан. В связи с чем?

Жанна. В связи с беременностью.

Луи Антуан. Час от часу не легче! Вы были в тяжести на корабле? На моем корабле? Вы родили дитя? Как?! Когда?!

Жанна. Не родила. Выкинула на пятом месяце. Не доносила.

Франсуа. Ты убийца! Детоубийца! Чудовище! Именем короля я заключаю тебя под стражу...

Жанна. Плод погиб естественным путем, я не травмила его.

Франсуа. Судье расскажешь, судья разберётся.

Луи Антуан. Дорогой Франсуа, мы имеем слова мадам Баррет о ее бывшей супоросности вместе с ее же словами о прекращении тягостного состояния. Следы данного преступления, если оно было совершено, так же стерты в теле женщины, как следы птицы в небе и рыбы в море. Ни она, ни вы, никто не сможет ничего доказать судье. Мы не станем усложнять наше разбирательство. (*Автору*) Не упоминайте беременности при составлении отчета. (*Жанне*) Но мне не ясно, милочка, как вам удавалось скрывать ваше состояние, когда вы были в тягости, вы говорите, до пятого месяца? Вам не следовало отдыхать в это время? Я припоминаю мою жену, ее страдания во время ожидания дитя... Никто в моем доме тех месяцев не забудет!

Жанна. Я тонкого телосложения, неприметного, ничего не было видно.

Луи Антуан. И вы продолжали исполнять свои обязанности?

Жанна. Разумеется.

Луи Антуан. Но когда случилось трагическое происшествие, завершившее... Врач, священник... Вы раскрыли свое положение кому-либо из этих господ?

Жанна. Господин Коммерсон обладает всеми необходимыми медицинскими познаниями, он наблюдал мое состояние.

Луи Антуан. Наблюдал ваше состояние... Но вы не могли участвовать в экспедициях на острова, не могли карабкаться по скалам и деревьям, какого бы телосложения вы ни были, пока... когда... ваше состояние... оно прервалось...

Жанна. Я посвятила эти дни составлению каталога найденных мною растений и животных.

Франсуа показывает Луи Антуану увесистый альбом. Это, очевидно, упомянутый Жанной каталог.

Луи Антуан. *(пролистывает).* Так, Маврикий, Таити... Стало быть, прискорбное происшествие случилось около года назад. А затем?

Жанна смотрит на него вопросительно.

Луи Антуан. Ваши регулы? Селена вновь призывала вас? Луна закатывалась регулярно?

Жанна. После выкидыша мои регулы не восстановились.

Франсуа. У нас цинга началась на корабле. Двадцать случаев. Цинга, дизентерия, малярия... Четыре месяца на одном соленом мясе и ограниченном рационе воды и рома. Если кто не болел, по меньшей мере был ослаблен и угнетен, едва по палубе ползал.

Луи Антуан. Что ж, здесь вам повезло. Вам не нужно было скрывать регулы по причине их отсутствия. А матросам было не до вас вследствие ослабленного состояния тел. Двести человек... И никто ничего не заподозрил?

Франсуа. Слухи-то ходили. У него... у нее, видите ли, борода не растет.

Луи Антуан. Действительно. Отсутствие бороды не скроешь просторными одеждами. И что же наши доблестные люди? Они задавались вопросами?

Франсуа. Они роптали. Мой слуга упоминал мне, подозрительный, сказал, нежный голосок и тонкие ручки у слуги господина Коммерсона. Я, разумеется, поставил его на место. Но слуги есть слуги, капитан. Акулами кружили вокруг него. То есть, нее.

Луи Антуан. И что он? То есть, что мадам Баррет?

Франсуа. Огрызался. Задибался. Говорил, что евнух. По несчастливому стечению обстоятельств – мамка уронила оконную раму, аккуратно на, значит, детский органчик.

Жанна. Я говорила им, мой пол был создан случайно, как у тех мужчин, которых великие султаны делают хранителями своих сералей.

Луи Антуан. И они верили?

Франсуа. Так он в драку лез, разбойник. Задибал всех, кто к нему по поводу бороды и ручек подходил. То есть, она.

Луи Антуан. Применялись ли к ней дисциплинарные наказания?

Франсуа. Никак нет, к чужому-то слуге. Это ведь помощник господина Коммерсона. Прямых увечий матросам и прочим слугам он не наносил, так, мелкие драки, ссадины, царапины. Какое-то шипение продолжалось, но, в самом деле, цинга, усталость, болезни...

Луи Антуан. Никто более покров стыдливости не срывал, так сказать. Но туземцы не знают стыдливости...

Франсуа. Так точно. Дикари ее сразу распознали. Сначала... помните Ахутору? Который привел туземных баб на корабль. Его еще оставили как гостя, пока мы чинились и заправлялись. Он подарки получал, довольствие по офицерской рангу. Так этот Ахутору через пару дней после прибытия на корабль принялся рыскать повсюду, себе женщину искал. И стал принимать себя к господину, то есть мадам Баррет. Но я уверил его, на корабле ему женщин не найти. А господин Коммерсон отогнал от своего слуги, объяснив, что тот – маху, евнух на туземном наречии.

Луи Антуан. Должен вас поправить, дорогой коллега. По моему наблюдению, а я ведь множество раз был в лагере дикарей, имя маху туземцы используют не для евнухов, каковых в их племени не было замечено, но для мужчин, по своей воле остающихся в женском лагере и исполняющих женские обязанности и по достижению возраста, когда другие мальчики наносят себе на грудь шрамы и отправляются на охоту с прочими мужчинами. Это деликатный вопрос, дорогой друг. Но я предполагаю, феномен маху является проявлением скорее морального, нежели физического отклонения. Однако туземцы, по всей видимости, не порицают такого рода поведение. Я сам наблюдал, как маху участвовали в ритуальном танце и пиршестве в кругу прочих туземцев, не за его пределами, как можно было бы ожидать в нашем просвещенном обществе.

Франсуа. Дикари.

Луи Антуан. Благородные дикари. Я описал этот случай в отчете, приготовленном для до-стопочтимой академии. Мы обсудим его на ближайшем заседании ученых мужей по завершению нашего путешествия.

Франсуа. Благодарю за уточнение, капитан. Все понятно: маху не евнухи, маху – пидоры. Никогда бы не подумал! Вот что значит человек науки – раз, и разглядел! Возвращаясь к нашим,

так сказать, баранам, в итоге Ахутору от него отстал, разве что усаживался рядом, когда та припудривала волосы. Но на другой день, когда господин... мадам Баррет спустилась на берег и углубилась в лес с корзиной, приуроченной для сбора местных корней и шишек, мы услышали крики туземцев. Матросы бросились на звуки и обнаружили госпожу Баррет, окруженную дикарями со шрамами через грудь и дикарями с раскрашенными лицами. Ор стоял, что на птичьем базаре: вахине! вахине! Баба, значит. Раскрыли ее пол, сорвали, так сказать, покров. Когда на поляну прибежали моряки, дикари уже полностью разоблачили ее, до последней тряпки, предъявили ее пол на всеобщее обозрение. Наши люди застали тот момент, когда дикари подхватили мадам, обнаженную, только повязка волочилась, она, видите ли, повязку завязывала поперек груди, для плоскости стана, а туземцы разоблачили все и волокли в лагерь...

Луи Антуан. Дабы оказать почести сообразно обычаям племени... Это как они нам своих дев приводили?

Франсуа. Так точно, как нам на корабль приводили. И они ее тоже, взамен, стало быть, на поругание, значит, всем племенем.

Луи Антуан. Прискорбный случай!..

Франсуа. Данное происшествие завершилось благополучно. Матросам удалось возвратить госпожу Баррет на корабль. Двоих туземцев застрелили. Покой и порядок были восстановлены.

Луи Антуан. Но из-за этого досадного происшествия нам пришлось отплыть с острова. Покинуть сей гостеприимный остров, мадам! Едва мы насладились его плодами, в физическом и фигуральном смысле. Едва мы заправили судно водой и фруктами, едва испытали его сладкие дары. Ваше преступление повторяет проступок вашей праматери Евы – из-за вас мы лишились блаженства и невинности райского сада.

Франсуа. Капитан... Мы можем возвратиться, если будет нужда. У нас достаточно оружия, чтобы перестрелять их всех. Дикари не представляют серьезной опасности.

Луи Антуан. Дорогой друг, вы забываете о цели нашей экспедиции. Мы отправились не наслаждаться прелестями дикарской жизни, но открывать новые земли, наносить на карту неведомые острова. Мы трудимся на благо Франции, исследователи и ученые, а не крестьяне, набрасывающиеся на тропические фрукты.

Франсуа. Так точно, прошу прощения. Впереди новые цели и острова.

Луи Антуан. Но теперь мы оказались перед задачей, перед непростой задачей – мы должны решить, что делать с нашей спутницей.

Франсуа. Высадить ее с корабля! Вон вахтенный кричит – «земля»! Остров впереди, там ее и оставим. Дадим сухарей, ром, ружье. Женщина на корабле – к беде! Сплошное несчастье.

Луи Франсуа. Позвольте, дорогой друг. Ведь до сих пор, пока мы не открыли, что мадам Баррет – женщина, экспедиция не страдала от недостатка удачи. Плавание проходило благополучно, насколько это возможно в данных широтах. Моряки не страдали выше обыкновенного. Мы совершили множество чудесных высадок на новые острова, провозглашая их собственностью великой Франции. Все это – с женщиной на борту, друг мой. До сих пор ее присутствие нам не вредило?

Франсуа. Так точно, капитан. Но теперь матросы ропщут. Одно дело, когда крыса сидит под полом и зубы свои наружу не показывает. Другое – когда она у всех на виду. Моряки волнуются. Я не смогу удержать в узде покорности двести человек в присутствии женщины на корабле. Они ее на ключья раздерут и горла друг дружке перережут!

Луи Антуан. Да полноте, друг мой. Кто перережет? Вы же сами говорите – цинга, малярия, дизентерия... Да им сил хватает едва на исполнение обязанностей, чисто воскресшие духи, на людей не похожи, куда им еще на женщин засматриваться!

Франсуа. Так точно, чисто звери. Пребывание на туземном острове несколько сгладило их настроение, но с момента отплытия дикость определенно пребывает.

Луи Антуан. Мы запаслись водой и фруктами, а моряки насладились туземными обычаями. Каждого приветствовали юные девственницы, каждый вкусил свою долю райского плода.

Франсуа. Но мы отбыли с острова. А крыса выбралась из подполья. Маленькое подлое существо, бродит по палубе, в глаза смотрит. Куда ни глянешь – крысиные зубы. Ребята волнуются.

Жанна. Я отобьюсь. У меня всегда с собой два заряженных пистолета.

Франсуа. Эти? (указывает на пистолеты на столе капитана) Вернуть ей?

Луи Антуан. Я полагаю, мы вернем их по завершению допроса.

Франсуа. Вернем и высадим. Я сам отвезу ее на шлюпке на берег.

Луи Антуан. Дорогой друг, согласитесь, одна женщина на корабле погоды не делает. Вряд ли ее пример будет заразительным. Какая достойная девушка последует вслед за мадам Баррет, в путешествие, полное стольких невзгод и трудностей. И ради чего? Ради верности своему господину! Должны ли мы с вами предположить, мадам Баррет, что вы последовали за господином Коммерсоном ради любви? Декабрьской ночью, под высокими звездами, вы полюбили его. Ах, мои милые друзья! Любовь, а не войны, не жалкое золото, не жажда мимолетной славы, только любовь двигает звездами и людскими сердцами. Вы усомнитесь, но и женщине присуща любовь, друг мой! Даже женщине! В древнем трактате о возвышенном приводятся строки, написанные женской рукой... прекрасные строки! Мнится мне, как боги, блажен тот и волен, кто с тобою сидит, кто видит близко и слышит лепет умильный уст нежных... Женщина смотрит на своего возлюбленного.

Франсуа. Возвышенно в высшей степени. Но прошу заметить, мы не в Элладе находимся, хоть вы и назвали один из обнаруженных островов греческим именем.

Луи Антуан *(вскакивает, ходит по каюте)*. Я дал ему имя Новая Кифера, остров Афродиты, по мягкости климата, красоте ландшафтов, плодородию почв, повсюду орошаемых реками и водопадами, виды которых внушают подлинное чувственное наслаждение. А каковы населяющие его девы! Сколь робки и невинны они были, когда предавали себя в руки офицеров моего корабля. В самом деле, обитателям этих островов присуща легкость нравов золотого века, а его девы в полной мере обладают естественной робостью, демонстрируя менее всего желания в том, чего они сами более всего жаждут.

Франсуа *(мрачно)*. Я припоминаю...

Луи Антуан. Ах, как дрожали эти целомудренные Коры, когда туземные старухи снимали с них одеяния, демонстрируя нам нежные прелести своих дочерей!

Франсуа *(читает)*. Я преподнес ей бусины искусственного жемчуга, украсив ими ее перламутровое ушко, и поцеловал в губы нежным поцелуем, который она в тот же миг с жаром возвратила мне. Моя отважная рука, ведомая любовью, проследовала к двум круглым плодам, соревнующимся друг с другом крепостью и спелостью, достойно тех, принадлежавших Елене, что стали образцом для прекрасных чаш, великолепных совершенством и изяществом форм. Моя рука вскоре соскользнула дальше и по счастливой случайности подпала под обаяние даров, что оставались спрятанными под тканью, тут же сброшенной самой девой, и все мы увидели ее словно бы как Еву перед падением. Она вытянулась на подстилке, ударяя в грудь нападающего на нее, предоставив себя в мое полное распоряжение, и отодвинула с пути последние препятствия, что заслоняли вход в храм, коему поклоняются столь многие.

Луи Антуан. Путевой дневник нашего дорогого герцога?

Франсуа. Разумеется.

Луи Антуан. Полагаю, он также сделается писателем и будет блистать в Париже. Однако насколько мне помнится, назойливое внимание племени смутило его. Когда дикари обступили их с юной нимфой, лежащей на циновке и притягивающей его к себе, племя ударяло в барабаны и подбадривало герцога криками. Кажется, ему так и не удалось сыграть требуемую от него роль.

Франсуа. Он останавливает рассказ на границе скромности.

Луи Антуан. Ах, какие девы! Вы говорите, цинга, болезни... Наши несчастные как сейчас у меня перед глазами. Их члены покрыты язвами, конечности сведены судорогами от тяжелого труда и пребывания на скудной диете. Но прекрасные островитянки послушно следуют приказам отцов и матерей и ложатся с ними, невзирая на язвы и раны! На самого уродливого, на наш испорченный взгляд, матроса находится достойная служительница Цирцеи, которая оmyвает, так сказать, его чресла. Будьте благословенны, берега Новой Киферы! Прощайте, счастливые и мудрые люди, оставайтесь всегда такими открытыми и веселыми, какими мы встретили вас. Я не забуду то краткое время, которое провел среди вас, и, пока буду жив, с улыбкой восторга буду вспоминать счастливую Утопию, очаровательную Новую Киферу! *(восторженно замолкает)*.

В паузу вступает Автор, себе под нос, но достаточно громко, чтобы его было слышно.

Автор. Отбыв с острова после десятидневного там пребывания, капитан не мог знать, что его люди заразили сифилисом местных девушек, по приказанию старейших племени разделивших ложе с моряками. Лечения на островах известно не было, и заболевшие туземки испытывали страшные муки, они гнили заживо, теряя волосы, ногти и плоть с костей. Оставленные богами и соплеменниками, они умирали в жалком одиночестве.

Луи Антуан (*поднимается с места*). Я принял решение. Мадам Баррет, невольная жертва проказ шаловливого Эроса, останется на корабле под моей личной защитой. Будет бродить по холмам, собирать свои гербарии на благо науки, вооружившись луком, как Диана, и мудростью, как Минерва, опасаясь лишь хищных тварей, но не людей.

Франсуа. Капитан!

Жанна. Капитан!

Луи Антуан. Не благодарите меня, мадам, это долг офицера и благородного человека. Вы остаетесь на корабле, дитя мое! Ваша любовь толкала вас на самые высокие горы и в самые густые леса во исполнение приказов вашего любимого. Как Психея, следуя приказаниям Афродиты, вы шли на все, чтобы иметь возможность соединиться с возлюбленным. Возрадуйтесь! Пелена спала с наших глаз, отныне вы можете пребывать с ним под одним кровом днем и ночью, не опасаясь кривотолков.

Франсуа. Но мадам Баррет единственная женщина на корабле, наши матросы, кто-нибудь из наших матросов непременно...

Луи Антуан. Вы не сумеете исполнить свои обязанности и укротить недостойное поведение наших людей, буде оно проявится в присутствии дамы?

Франсуа. Капитан! Крысе не место на корабле. Хотя как ее назови. Маленькое, низенькое, коварное существо привлекает всеобщее внимание. Отравляет все. Или мы высаживаем ее, или она уничтожит дисциплину и нравы.

Луи Антуан. Я могу высадить вас. За неповиновение приказу. А мы отправимся дальше, к новым островам и нимфам. Мадам Баррет, вы остаетесь открыто на корабле как помощница и подруга господина Коммерсона. Служите ему столько же верно открыто, как вы служили тайно. (*Делает знак Автору, тот заканчивает записывать, выходит из-за стола, с поклоном подает листы капитану.*).

Капитан встает, показывая конец встречи. Он может поклониться аудитории.

Жанна. Господин капитан, не нужно открыто. Тем более, любовь не при чем. Я отправилась с господином Коммерсоном не по зову любви.

Автор машет руками, пытаясь остановить ее.

Луи Антуан. Что вы? Что вы такое говорите, дитя мое! Не таитесь, не скрывайте своего сердца! Не слушайте Франсуа, это пока еще мой корабль. Никто вас не обидит на моем корабле. Более нет нужды стесняться и скрывать.

Жанна. Это был не зов сердца, но необходимость трудом собственных рук обеспечивать себе кров и стол. Я служила господину Коммерсону прежде, на берегу, и я последовала за ним в море. Но путешествие изменило меня.

Франсуа. Ты обманула нас, говоря, что познакомилась с ним у трапа корабля?

Луи Антуан. Тебя погнали в море голод и опасение лишиться господина?

Жанна. Когда он прибыл в Рошфор, я опасалась... (*задумывается*) тогда я опасалась утратить господина, которому служила не один год. Но путешествие изменило меня.

Луи Антуан (*ошарашенно*). Ты знала господина Коммерсона до экспедиции?

Жанна. Я поступила в услужение господину Коммерсону после смерти его жены. Я родила ему ребенка, записанного в реестры со слов господина Коммерсона, без родителя. Господин Коммерсон приказал мне оставить малютку в приютном доме. Я послушалась своего господина.

Луи Антуан. Франсуа прав! Ты – не то, чем кажешься. Ты – чудовище. Маленькое, низкое, мерзкое существо. Дитя ночи, ты скрываешься в темных заводах, выползая на берег в сумраке и

во тьме, для совершения зверств. Ты хуже крысы. Самое омерзительное на вид создание станет заботиться о потомстве, не выбросит его за порог.

Жанна. У меня не было своего порога, только приказание господина Коммерсона. Но путешествие изменило меня. Я ступала на новые земли. Я просыпалась каждое утро в новом месте, и открывая глаза, не знала, какое небо распахнет крылья над моей головой, какие волны будут нести меня. Я спрыгивала с борта корабля и ступала на золотой песок. Я слышала пение птиц и рычание чудовищ из чащ. Я ловила и рисовала невиданных тварей. Я забиралась на высочайшие деревья, озирая зеленый лес под ногами. Белые попугаи роняли перья мне в руки, юркие макаки собирали бананы и носили детенышей на спинах. Я прятала сладости внутри выдолбленной чаши, и макаки засовывали лапы внутрь и не могли вытащить наружу, а я хватала глупую тварь и засовывала в клетку, а потом несла клетку с прыгающей и верещащей скотиной всю дорогу вниз, до бухты, где спал на волнах корабль. Господин Коммерсон взял меня в экспедицию, но шла я сама.

Луи Антуан. Мы не можем оставить ее на корабле.

Жанна. Я не останусь на корабле. Я пойду сама.

Франсуа. Пистолеты ей вернуть?

Луи Антуан. А? Что? Пистолеты? Пусть забирает.

Автор (*отворачивается, выглядывает в иллюминатор*). Земля!

Луи Антуан. Франсуа, бросаем якорь в бухте. Отвезите мадам на берег и немедленно возвращайтесь. Не будем подвергать опасности корабль и матросов. Прощайте, мадам! Убирайтесь в лес, в чащу, в заводи, под воду. Держитесь ближе к земле. Прощайте, чудовище.

Жанна. Благодарю вас, капитан. (*К Франсуа*) Если позволите, пистолеты.

Франсуа (*протягивает ей пистолеты*). Как вам будет угодно. Пойдемте, я отвезу вас на берег и сообщу господину Коммерсону о решении капитана.

Подходят к двери и застывают, как манекены.

Луи Антуан (*встает из-за стола, подходит к карте*). Она пропадет там. Какое замысловатое существо. Не то, чем казалась. Это происшествие тяжело отпечаталось на моем сердце. (*Застывает.*)

Автор (*подходит к капитану, снимает матросскую шапку, распуская длинные волосы*). Я здесь оговорила капитана Луи Антуана де Бугенвиля. В действительности мадам Баррет осталась после допроса на корабле и сошла на берег Маврикия вместе с господином Коммерсоном только несколько месяцев спустя. Капитан Бугенвиль даже выхлопотал ей пенсию, когда после смерти господина Коммерсона она вернулась во Францию. Невиданный случай в Европе XVIII века, где за пребывание женщины на корабле серьезно наказывали не только ее саму, но и ее покровителя. (*Подходит к Жанне*). Вероятно, подлинная Жанна Баррет поступила умнее моего персонажа и не поделилась с офицерами историей своего сожительства с господином Коммерсоном и своими мечтами об островах. Необыкновенное существо. Не то, чем представлялась. Неприметная, маленькая, одинокая. А когти какие острые! (*Берет Жанну за руку, вместе поднимают руки и кланяются зрителям.*)

Вадим МИХАЙЛИН

ДВОЕМЫСЛИЕ REVISITED

К выходу книги: Вадим Михайлин. Бобер, выдыхай! Заметки о советском анекдоте и об источниках анекдотической традиции. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 232 с.

Жанр (поздне)советского анекдота – явление по-своему не менее уникальное, чем советская же интеллигенция. Последняя, в чем-то дублируя роли и функции интеллектуалов в «европейском» смысле слова, разительно отличалась от них стремлением совмещать провиденциальную миссию «совестить нации» с – неизбежным, за полным отсутствием других возможных ниш – статусом госслужащего: обеспечивая себе тем самым пожизненное право на когнитивный диссонанс¹. Первый, во многом дублируя роли и функции шуточных коммуникативных жанров, существующих в любой другой культуре, – не важно, европейской, азиатской или латиноамериканской, исторической или современной, – не менее разительно отличался от них в той главной своей задаче, которую позволял решать простому советскому человеку. Он обслуживал советское двоемыслие.

С одной стороны, существуя в обширной серой зоне между публичными советскими дискурсами и сугубо приватными коммуникативными практиками, он помогал деконструировать – во вполне постструктуралистском смысле слова – любой официальный нарратив, подрывая процесс сотворения мифа: если это, последнее слово понимать на бартовский манер². Он остраивает те смыслы, которые транслируются как априорные, создает (до определенной степени) подушку безопасности между публичностью и индивидуальным сознанием. С другой стороны, если говорить о позднесоветских вариациях на тему коммунистического проекта, «обслуживаемое» анекдотом умение деконструировать тоталитарный дискурс никак не было связано с неприятием тех ценностей, которые за этим дискурсом стояли. И в данном смысле жанр представлял собой один из механизмов комфортизации, доступных каждому советскому человеку и помогающих адаптироваться к реальности, которая, конечно же, была куда менее жесткой, чем в сталинские времена, однако общей способности к порождению травмы ничуть не утратила. Ну и, наконец, советский анекдот всегда – с двадцатых годов до самых последних лет существования СССР – оставался жанром «прошупывающим», то есть помогал ориентироваться в не полностью прозрачных социальных средах, выстраивая «публики своих»³ и задавая разные режимы доверительности по отношению к разным партнерам по коммуникации.

¹ «Когда западные интеллектуалы берут на себя заботу о самосознании общества, то они вырабатывают науку социологию. Когда русские интеллигенты сосредоточиваются на том же самом, они создают идеал и символ веры. В чем разница между интеллектуальским и интеллигентским выражением самосознания общества? Первое стремится смотреть извне системы (сколько возможно), второе – переживать изнутри системы». Гаспаров М. Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность / Российская интеллигенция: история и судьба. М.: Наука, 1999. С. 10. См. также: Михайлин В. Скромное обаяние позднесоветского интеллигента: об одном каноническом типаже Олега Янковского // Отечественные записки, 2014, № 5 (62). С. 137–153.

² См.: Барт Р. Мифологии. Пер., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.

³ См.: Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Книга, небольшой фрагмент из которой опубликован ниже, была написана быстро, за полтора месяца в начале ковидного 2020 года, в период вынужденной привязанности к домашнему пространству и домашнему компьютеру, и процесс ее написания был связан еще с одним неотвязным чувством, родившимся не вчера, но день ото дня набиравшим силу еще с нулевых годов нынешнего века. Все более и более отчетливым ощущением того, что набирающая обороты совстальгия, которая уже давно вышла за рамки иронических, в духе Леонида Парфенова, проектов конца 1990-х годов, рано или поздно заставит нас заново привыкать к двоемыслию¹. Поскольку писалась она быстро, в нее не вошла часть материала, вполне способного поддержать возводимую конструкцию. Какую-то часть я с тех пор успел опубликовать (скажем, применительно к такому забавному микрожанру как анекдот прогностический)² – какая-то (анекдоты о литературных и кино-персонажах; о войне и концлагерях) остается пока на будущее: впрочем, в силу понятных причин, весьма неопределенное. Выбранный для публикации в «Волге» фрагмент³ взят не из «теоретических» глав книги, а из главы сугубо публикаторской, поскольку в значительной мере советский анекдот остается не только недостаточно исследованным материалом, но и материалом как следует не опубликованным⁴. И – обязательно замечание напоследок – как и в книге, я принципиально оставляю здесь без внимания соображения цензурного порядка. Анекдот всегда был и будет жанром принципиально неполиткорректным и неотъемлемым от матерного говорения. Книга мыслилась как исследовательский текст, а не как салонная подборка забавных историй: так что восемнадцать плюс, господа и дамы. Восемнадцать плюс.

Медведь

Медведь в традиционном советском анекдоте, как и следовало ожидать, вполне соотносим со своим сказочным прототипом. Это персонаж, воплощающий силовые и властные позиции, не обязательно расположенные на самой верхушке «лесной» социальности (при наличии тако-го действующего лица как лев): уверенный в себе, эгоистичный, не испорченный излишним интеллектом, время от времени попадающий в роль жертвы кого-нибудь из природных трикстеров (зайца или лисы), но всегда способный уравнивать позиции за счет прямого насилия. Вот пример подчеркнуто «детский», пародирующий эстетику стандартного советского мультфильма, в конце которого все зверята хором поют веселую песню:

Собираются зверята в детском садике после Нового года и хвастаются подарками. «А мне, – говорит зайчонок, – подарили пианино, почти как настоящее». – «А мне, – говорит лисичка, – кукольный дом с куклами и мебелью». – «А мне, – говорит волчонок, – целую железную дорогу с рельсами, паровозами, станциями...» – «А я, а мне, – говорит медвежонок (*исполнитель, наспившись, оглядывается вокруг, а потом уверенно произносит*), – а я вам всем сейчас пизды дам».

¹ См.: Михайлин В. Ex cinere: проект «советский человек» из перспективы post factum // Неприкосновенный запас, 2016, № 4 (108). С. 137–160.

² Михайлин В. Зато джинсы целы: игры с ближайшим будущим и позднесоветский прогностический анекдот // Неприкосновенный запас, 2021, № 139 (5/2021). С. 275–300.

³ Михайлин В. Бобер, выдыхай! Заметки о советском анекдоте и об источниках анекдотической традиции. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 122–128.

⁴ Книга Михаила Мельниченко (Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М., Новое литературное обозрение, 2014), при всей своей фундаментальности и публикаторской тщательности, посвящена исключительно политическому анекдоту, который никоим образом не представляет всего жанра в целом.

Вот медведь сталкивается с трикстером:

Идет по лесу медведь, как в воду опущенный, а навстречу заяц. «Ты чего такой?» – «Да вот, в военкомат вызывают. А мне в армию неохота, там зимой спать не дают». – «А ты закоси». – «Как?» – «Да глаз себе выколи, один. И второй останется, и не загребут». Через неделю встречаются снова, медведь еще грустнее прежнего, только без глаза. Заяц: «Что, не помогло?» – «Да как тебе сказать, – *(исполнитель горестно вздыхает и смотрит себе под ноги)*: – Я ж до окулиста так и не дошел. Плоскостопие у меня».

Вот другой сюжет, вполне совместимый не только с анекдотической традицией, но и с традицией сказок о животных:

Проснулся зимой медведь, ворочался, ворочался, чует – жрать охота. Ну малины нет, придется кого-нибудь заломать. Поплелся в деревню. Видит – в сарае лошадь стоит, сено жует. Медведь ей: «Здорово. Прости, подруга, но хошь не хошь, придется тебя съесть. А то до весны не дотяну». Лошадь ему: «А меня есть нельзя». – «Это еще почему?» – «Я колхозная, на балансе значусь». – «А чем докажешь?» – «Да у меня на жопе написано. Иди смотри». Ну, медведь ее обошел, под хвост заглядывает, а лошадь – хху-як его с обеих ног копытами. Медведь отлетел, лежит в сугробе *(исполнитель хватается за голову и раскачивается)*: «Ну что за мудака. Ну куда я полез. Я ж и читать-то не умею...»

Исходя из распределения характеристик и ролей между стандартными персонажами советского зооморфного анекдота, протагонистом в этом сюжете вполне мог оказаться и волк, поскольку сочетание хищнических наклонностей и общей незадачливости не противоречит анекдотической сути обоих этих персонажей. Не заметить сходства этого сюжета с приведенным чуть ранее сюжетом о волке и свинье достаточно трудно. Собственно, в одной из более поздних вариаций этого анекдота, где дело происходит в ловчей яме, а состав персонажей несколько изменен (двое хищников – волк и медведь – и лось), волк становится прямым двойником медведя – с некоторой разницей. Удар лося обеими ногами назад в этой версии сюжета вызывает ту же фразу медведя в пуанте, но волка убивает наповал.

Волк и медведь вообще достаточно часто оказываются участниками одного сюжета, хотя в этом случае анекдот, как правило, строго выдерживает систему распределения ролей:

Откинулся волк с зоны. И решил завязать. Вернулся в деревню, устроился в сельпо продавцом. И – старается: вежливый, предупредительный, никого не обсчитывает и не обвешивает – короче, передовик советской торговли. Заходит в магазин медведь: «Продай килограмм соли». Волк *(исполнитель быстро оглядывается по сторонам, шаря глазами по воображаемым поверхностям)*: «Миш, продам, конечно, только гиря у меня куда-то делась. Я тебе на глаз насыплю?» *(Исполнитель изображает тяжелый переход к гневу)*: «На хуй себе насыпь, собака бешеная!»

С большой долей вероятности – если вспомнить о кинематографических привязках большинства анекдотических сюжетов – этот анекдот является откликом на «Калину красную» (1973) Василия Шукшина.

В позднесоветском зооморфном анекдоте происходит весьма любопытный процесс: медведь вытесняет зайца с позиции самого востребованного персонажа. Складывается ощущение, что изменившаяся система диспозиций по отношению к публичному пространству у тех, кто рассказывал и слушал анекдоты, потребовала других форм проективной идентификации. Заяц с его

вздорностью, наглостью, готовностью в любой момент урвать хоть что-то и тут же спрятаться за спину более сильного персонажа стал слишком напоминать ту ипостась «простого советского человека», которую тот не очень любил видеть в зеркале. Кстати, очень может быть, что именно этим обстоятельством объясняется и та особенность мультсериала «Ну, погоди!», о которой речь уже заходила выше, – он остался практически бесплоден в плане производства анекдотов. Ключевой тамошний тандем – волк и заяц – стали попросту неинтересны с анекдотической точки зрения: именно в качестве контрастной пары, которая должна была производить провокативные сюжеты с привлекательными моделями идентификации и неожиданными «перебивающими» сценариями.

Медведь, с его уверенной силой, с его претензиями на самостоятельность и наклонностью к созерцательному восприятию жизни, оказался очень востребован и изменился вполне предсказуемым образом. Присущая ему в традиционном анекдоте недалекоость если не исчезла вовсе, то отошла на задний план, а компенсирована эта «потеря характеристики» была за счет общего философского отношения к жизни, спокойствия и своеобразного черного юмора – то есть черт, крайне привлекательных для человека, взыскующего метапозиции по отношению к скучной современности:

Идет медведь по лесу, смотрит – на ветке сидит попугай. «Ты кто?» – «Попугай». (*Исполнитель резким жестом сворачивает голову воображаемой птице*): «Да хули тут пугать...»

Просыпается медведь весной, выходит на берег речки, воды зачерпывает (*исполнитель неторопливо похлопывает по лицу «мокрой» рукой*), садится и на воду смотрит. Тишина, красота. Волнишка так в бережок – шшшш... шшшш... И тут вдруг вода расступается, выныривает бегемот и во всю пасть... (*Исполнитель имитирует глубокий затяжной зевок*.) Медведь так сидит, смотрит и говорит (*исполнитель переходит на философски-мечтательную интонацию*): «Вот таким бы ебалом да медку хлебнуть...»

С точки зрения поиска социальной метапозиции, наиболее любопытная система отношений выстраивается в промежуточной антропо-анималистической зоне – в отношениях анекдотического медведя уже не с другими зооморфными персонажами, а с людьми:

Заблудился в лесу грибник. Ходит и кричит: «Помогите! Спасите!» Тут из-за дерева медведь: «Ты чо разорался?» – «Думал, может, услышит кто...» (*Исполнитель вздыхает, смотрит на воображаемого грибника, как на маленького ребенка, и неспешным проникновенным голосом выговаривает последнюю фразу*): «Ну вот я услышал. Легче тебе стало?»

Идет по лесу турист. Навстречу медведь: «Ты кто?» – «Турист». – «Нет, турист – это я. А ты – завтрак туриста»¹.

Сидят в берлоге медвежонок и старый медведь. Медведь: «Спи!» – «Не хочу спа-аать... Не хочу спа-аать...» – «Спи, говорю!» – «Покажи клоунов... Ну покажи-ии...» Старый медведь взды-

¹ Для тех, кто не жил в СССР. «Завтрак туриста» – дешевые консервы невысокого качества. Самый распространенный и доступный в советской провинции вариант – переваренная рисовая или перловая каша с рыбным наполнителем и томатной заливкой. Существовали и другие разновидности – некое подобие тушенки, мясо с капустой (ленивые голубцы), гречневая каша с мясом. Но в 1970–1980-х годах никаких других «Завтраков», кроме пахнущей второсортной рыбой размазни, я в саратовских магазинах не видел.

хает, лезет в угол и вынимает два человеческих черепа. Надевает их на лапы (*исполнитель приподнимает обе руки и дальше имитирует разговор двух кукол-рукавиц, как в передаче «Спокойной ночи, малыши»*): «Папа, а как ты думаешь, есть тут медведи?» – «Да что ты, сынок! Отродясь их тут не было!»

Идет по лесу охотник, видит – берлога. Он туда голову – раз (*исполнитель делает резкое движение головой вперед*), а его за уши хватить две мохнатые лапы (*исполнитель изображает соответствующий жест*): «Соси!» Ну, куда деваться, отсосал. Медведь по голове его так похлопал и говорит: «Ну, если понравилось, еще приходи...». (*Исполнитель изображает жест отталкивания одной рукой.*) Охотник отскакивает, ружье с плеча, дулетом – шарах! в берлогу. Перезаряжает и еще – шарах! Потом еще, пока патроны не кончились. Подходит – вроде тихо. Голову – раз внутрь. Его две мохнатые лапы за уши хватить (*исполнитель переходит на приторно-ласковую интонацию*): «Вот так и знал – понравилось...»

Приезжает в тайгу московский охотник: карабин автоматический, все дела. Переночевал, пошел в лес. Навстречу по дорожке местный дедушка: «Сынок, ты куда?» – «Да в лес, на охоту». – «Не ходил бы ты, там медведь. На него еще дед мой ходил с рогатиной. И отец ходил, тоже с рогатиной». – «Да какие рогатины, отец? Двадцатый век! Во, глянь, карабин какой! Оптика! Пули разрывные!» – «Ну-ну... (*Исполнитель провожает взглядом воображаемого охотника и говорит раздумчивым старческим голосом*): Н-да... Уезжать надо. Были у медведя две рога, а теперь еще и карабин... с оптикой...»

Самое примечательное в этих сюжетах то, что все они без исключения используют один и тот же принцип организации проективного пространства. В любом случае речь идет о вторжении человека в законные владения медведя – от леса как такового до непосредственно домашней территории – и о неизбежном наказании за это вторжение. Позднесоветский человек с его акцентацией на свежеобретенном приватном пространстве должен был получать особенное удовольствие от самого этого принципа: *Trespassers will be prosecuted*. Впрочем, эта тяга к приватности не была лишена самокритики, причем строилась эта самокритика по всем законам анекдотической «понижающей инверсии»:

Просыпается весной медведь в берлоге: хорошо! Потягивается, зевает: какой-то волос во рту. Шарил, шарил, поймал. Подносит к лапе – нет, не то. К груди – опять не то. К животу – не похоже. Ниже... (*Исполнитель застывает, смотрит в пустоту перед собой и медленно произносит*): «Не может быть...»

Встречаются, хотя и не часто, анекдоты, в которых стороны меняются местами и на человеческую территорию вторгается именно медведь; впрочем, к сколько-нибудь радикальному переосмыслению образа это не приводит. Медведь в позднесоветском анекдоте все равно остается спокойным и уверенным в своей силе созерцателем, который знает себе цену и четко противопоставляет собственный способ жизни человеческим потугам на исключительность. В подобных случаях он вполне способен не только демонстрировать эрудицию, но и обыгрывать устойчивые человеческие стереотипы:

Залезли на пасеку папа-медведь и медвежонок. Большой медведь к улью подходит, одним движением так – оп-па – крышку с него откидывает и давай мед жрать (*исполнитель изображает процесс, лениво отмахиваясь от воображаемых пчел*). А медвежонок пыхтит, пыхтит, пчелы его

жалят, а улей открыть не получается. Папа-медведь так на него оглядывается и говорит (*исполнитель произносит с ласковой и слегка укоризненной растяжкой*): «Сынок, тебе что, Моцарт на лапу наступил?»

Вообще в позднесоветском анекдоте неожиданные проявления эрудиции со стороны персонажа, от которого зритель ничего подробного не ожидает – один из устойчивых приемов создания когнитивного диссонанса, необходимого для того, чтобы пуант вызвал смеховую реакцию. На нем строится значительная часть поздних анекдотов про чукчу, о которых речь пойдет в главе, завершающей эту книгу. Он же может лежать в основе анекдотов внесерийных:

Приходит в швейное училище преподавательница мастерства – с утра в понедельник, после вчерашнего. На улице ноябрь, серо, сыро, промозгло. Собираются ученицы, тоже все как одна после вчерашнего. Звенит звонок, учительница начинает через пень-колоду шевелить губами: «Сегодня будем проходить изнаночный кант... То есть кант, его вы уже знаете, но только наоборот...» Тут голос с задней парты: «Раиса Васильевна! Раиса Васильевна!» (*Исполнитель нервно вскидывается*): «Что такое, Бадейкина?» – «Чо-т я не поняла...» (*Исполнитель переходит на подворотенную – через губу – манеру речи*): «Чего ты не поняла, Бадейкина?» – «Кант наоборот – это как? Звездное небо внутри и нравственный закон над головой?»

Алексей ГОЛИЦЫН

ДВОРЯНЕ АРАПОВЫ И СОВЕТСКИЕ ПЕДАГОГИ

В ноябре 1930 г. секретный отдел ГПУ начал расследовать доносы, поступившие на четырех саратовских учителей: Михаила Цыганова, Валентину Февралеву, Петра Рисса и Лидию Арапову. Фамилия преподавателя музыкального техникума Цыганова, несмотря на то что ее вынесли на обложку, в уголовном деле упоминается лишь однажды, и причины, по которым он избежал преследования, не известны. Оставшиеся трое после обысков были арестованы.

В деле сохранился лишь один донос – на Февралеву. Завуч транспортного техникума Целовальников обвинял ее в том, что в 1921 году во время бунтов в Поволжье она жила в селе Иловатка, где выдавала повстанцам коммунистов. Валентина Февралева не отрицала, что была под следствием за участие в банде, однако никаких последствий ее арест не имел. Более того, сельская учительница утверждала, что и сама пострадала от рук бандитов, в частности заявила, что «мать моя, напугавшись банд, умерла с перепугу от удара».

В 1921 г. партизанским отрядом в Иловатской волости командовал Михаил Пятаков. Очевидцы утверждали, что «16 марта в Иловатке пятаковцы разбили отряд ЧОН... В ночь на 18 марта пятаковцы вывели 35 арестованных на лед реки Иловатки (приток Волги), подвергли их пыткам, а затем пустили под лед»¹. Отметим, что в соседнем селе Мюльберг, на противоположном от Иловатки берегу Волги, жил художник Яков Вебер², в 1921 году чудом спасшийся от расправы банды Пятакова. Впоследствии Вебер написал реалистичную картину «Под лёд», на которой изображено, как бандиты топят в проруби коммунистов.

Несмотря на тяжесть обвинения и отрицательную характеристику горono, Февралевой удалось устно доказать свою непричастность к деятельности банды Пятакова. Автор доноса коммунист Целовальников следствие не заинтересовал, и логичной очной ставки с обвиняемой не последовало. 30 ноября, после единственного допроса, Февралеву освободили.

Арестованный преподаватель немецкого языка Петр Рисс, судя по анкете заключенного, отличался не только на педагогическом поприще. Так, до революции он успел поучиться на медицинском факультете Казанского университета, затем поступил на военную службу. Вернувшись в 1902 году в Саратов, устроился надзирателем буйного отделения больницы, затем счетоводом, и только после – преподавателем немецкого языка в коммерческом училище. Однако во время Февральской революции Рисс снова оказывается в армии, где, как он утверждал, «принимал участие вместе с ротой в аресте Губернатора Тверского и жандармского полковника». Судя по всему, речь идет о тверском генерал-губернаторе Николае Георгиевиче фон Бюнтинге, который 2 марта 1917 г., по существующим версиям, был либо убит выстрелом в спину по дороге на гауптвахту, либо заколот штыками. По воспоминаниям митрополита Вениамина (Федченкова), над телом губернатора издевалась толпа.

А в 1930 году, к моменту ареста, Петр Рисс преподавал родной немецкий язык в саратовском Радиокинотехникуме. На первом же допросе он сдал следствию десять «антисоветски настроенных» коллег. Рисс, преданный, по его словам, советской власти, назвал всех известных ему «бывших» людей: дочь дворянина Лидию Арапову, сына дьякона Сергея Победоносцева, сына товарища прокурора Павла Фермодина, бывшего прокурора гимназий Анатолия Полякова, дочь генерала Екатерину Аткарскую, преподавателя семинарии Николая Богоявленского и даже выдающегося саратовского педагога Никона Скалигерова, который впоследствии был награжден за

труды орденом Ленина, и его именем в Саратове в 2008 году собирались назвать улицу, но так почему-то и не назвали.

Причина, по которой Рисс считал своих знакомых учителей антисоветчиками, заключалась в том, что они не приветствовали моду тех лет на «выдвиженцев» из рабочих. По словам Рисса, во время назначения в школу-девятилетку заведующим рабочего Николая Кузнецова «перечисленная группа преподавателей составили группу, которая не помогала в работе выдвиженцу, а старалась тормозить». Рисс особо выделял Лидию Арапову, которая «проявляла недовольство» сфабрикованными политическими процессами в стране, а также «при всяких мелочах говорила, что ранее труд педагога ценился, а теперь при совласти требования к нам предъявляют большие, а зарплата низка, говоря, что ставка совласти на рабочих, а нас, интеллигенцию, затерли».

Арестованная Лидия Арапова на первом допросе заявила лишь, что «отец мой Борис Александрович Арапов потомственный дворянин». Следователя Ботикова интересовали не только преступные высказывания учительницы, но и ее многочисленные родственники – потенциальные клиенты ГПУ уже по причине своего происхождения. Впрочем, генеалогическое древо Араповой, начало которому положил «выехавший из татар Барамук Барамуков сын», который объявился в Муроме в середине XVI в. во времена Ивана Грозного, представляет интерес само по себе. Мы же ограничимся лишь теми близкими, которых называла на допросах сама Лидия Борисовна.

Отец Борис Александрович Арапов (1844–1918) – саратовский потомственный дворянин, окончил юридический факультет Казанского университета. Практиковал в Симбирске, где и родились все его дети. В Симбирске проживал в одном дворе с Ульяновыми. В настоящее время эти здания относятся к комплексу музея-мемориала В.И. Ленина. Затем Борис Александрович начал практику в Саратове в качестве адвоката, с 1900 г. он частный поверенный в окружном суде и на расширенном судебном заседании. По гражданскому табелю о рангах он имел чин действительного статского советника, равноценный генерал-майору.

В 1905–1907 гг. Борис Арапов избирался депутатом 1-й и 2-й Государственной Думы от Саратова по списку партии кадетов. Был избран и в 3-ю Государственную Думу, но работать в ней отказался. Неоднократно баллотировался и в гласные Саратовской городской думы, входил в состав ее училищной и санитарной комиссий. Был близким другом выдающегося юриста Анатолия Федоровича Кони и до самой смерти поддерживал с ним тесную связь.

Состоял членом совета «Братства Святых Первоучителей Кирилла и Мефодия» при Первой мужской гимназии Саратова, патронировал музыкальную школу, был одним из учредителей Саратовского музыкального общества, общественным директором Саратовской консерватории. По семейной легенде, в 1913 году Борис Александрович должен был приобрести в Петербурге рояль для консерватории, и ему посоветовали в качестве консультанта Сергея Рахманинова. Инструмент с автографом композитора до сих пор находится в рабочем состоянии в Саратовской консерватории.

Борис Александрович умер в октябре 1918 г., похоронен на территории Спасо-Преображенского мужского монастыря в Саратове, могила не сохранилась. Его супруга Зинаида Алексеевна Панчулидзева (1844–1892) – внучка саратовского губернатора Алексея Давыдовича Панчулидзева. Родила 10 детей и всем дала музыкальное образование. Похоронена предположительно в Симбирске.

Портреты Зинаиды Алексеевны и Бориса Александровича кисти Гектора Баракки в 1970-х годах были переданы семьей в Саратовский областной музей краеведения и входят в постоянную экспозицию.

Борис Борисович Арапов (1875–1938) окончил юридический факультет Саратовского университета, служил адвокатом в судебном округе Саратова. Член партии кадетов, входил в группу

защитников по политическим аграрным процессам. От эмиграции отказался, в 1917 г. работал помощником министра по транспорту во Временном правительстве.

С 1917 г. жил в Москве, был юрисконсульт в «Северолесе», затем во МХАТе. В 1921 г. был арестован, освобожден и в 1930 г. вновь арестован. Освобождению способствовало обращение в ОГПУ юристов «Политического Красного Креста»: «Борис Борисович по окончании курса юридических наук в университете вступил в адвокатуру Саратовского судебного округа и пробыл в ней вплоть до Октябрьской Революции. В продолжение всего времени своей адвокатурной работы – около двух десятилетий – Борис Борисович тесно примыкал к тому кругу прогрессивных общественных деятелей из присяжных поверенных, который возглавляли его старшие товарищи по саратовской адвокатуры, как А.А. Токарский, член первой Госуд. думы и самый близкий в Саратове человек к Н.Г. Чернышевскому, А.С. Чумаевскому, Н.И. Семёнову, – оба принимавшие деятельное участие в революционном движении... Когда в начале текущего столетия политические преступления стали передаваться на рассмотрение судебных установлений, Борис Борисович вступил в образовавшуюся в Саратове группу политических защитников. Он принимал деятельное участие в политических процессах, защищая отдельных лиц и группы крестьян (по делам аграрным), ведя эти дела бесплатно и тратя на разъезды и на помощь подсудимым собственные средства. Необыкновенно добрый человек, преданный товарищ и на редкость бесребреник, – Борис Борисович отличался также большой принципиальностью и безукоризненной честностью. Никто из людей, близко его знавших, не может заподозрить Бориса Борисовича в чем-либо, что находилось бы в противоречии с искренней преданностью его интересам Революции и государства, которым он служил непрерывно от Октября до самого ареста, в том числе в продолжение многих лет в «Северолесе» в должности юрисконсульта»³.

В феврале 1932 г. Борис Арапов все же был приговорен к заключению в концлагерь и сослан на Север, где работал банщиком, затем выпущен на свободу, поселился в Дмитрове и умер в 1938 г. от рака мозга. Был женат на Елене Борисовне Головачевой, урожденной баронессе Дельвиг, вдове расстрелянного Н.Н. Головачева.

Александр Борисович Арапов (1878–1942) – банковский работник, надворный советник с 1916 г., умер в блокадном Ленинграде. Один из трех его детей Борис Александрович Арапов (1905–1992) – известный композитор, народный артист РСФСР, профессор Санкт-Петербургской консерватории.

Ольга Борисовна Арапова (Сидорова) (1874–1939) – музыкант, певица, училась в Петербургской консерватории. Работала машинисткой в Саратовской городской управе. Ее муж Николай Филиппович Сидоров (бывший муж ее сестры Зинаиды) преподавал математику в Тенишевском училище в Петербурге, затем в военно-морском училище. В 1937 г. арестован, умер в тюрьме в 1938 г.

Софья Борисовна Арапова (Высоцкая) (1873–1958) родилась в Симбирске, была дружна с Александром Ульяновым. По семейным преданиям, Володя Ульянов однажды так сильно раскачал качели, что Софья упала и сильно ушиблась, что стало причиной конфликта между соседями.

Окончила Мариинскую женскую гимназию в Саратове и музыкальное училище. Преподавала в Саратовской консерватории по классу фортепьяно, после революции – в музыкальном училище. После 1930 г. была лишена права проживания в крупных городах, давала частные уроки на дому, затем переехала в Гатчину. Пережила блокаду Ленинграда, была эвакуирована к дочери Ольге в Саратов. Муж Федор Александрович Высоцкий, юрист, член уездного суда, нотариус, владелец собственным домом в Саратове, на Большой Костижной. В 1919 г. дом был национализирован и в 1970-х годах снесен.

Зинаида Федоровна Высоцкая (1895–1982) – врач-педиатр. Окончила, как и все ее сестры, саратовскую гимназию Воротынской (Островской-Горенбург), основанную либеральными преподавателями, ушедшими из Мариинской гимназии (в советские годы школа №3 на углу улиц Горького и Сакко и Ванцетти). Заведовала детской консультацией в Саратове, работала в клинике при университете. В 1930-х по рекомендации академика А. Тур была принята на работу в ленинградский Педиатрический институт, где впоследствии заведовала отделением новорожденных. В качестве военврача участвовала в советско-финляндской войне, работала в блокадном Ленинграде.

Анна Федоровна Высоцкая (1898–1986) – музыкант. Окончила гимназию Воротынской (Островской-Горенбург), затем саратовскую консерваторию по классу фортепьяно. По семейной легенде, экзамен у нее принимал Сергей Рахманинов. Преподавала в саратовской консерватории, а затем работала в библиотеке ленинградской консерватории.

Людмила Федоровна Скобелева (Высоцкая) (1917–1999) – окончила школу №3 (бывшую гимназию Воротынской (Островской-Горенбург)). Переехала в середине 1930-х годов в Ленинград.

Федор Александрович Высоцкий (1867–1941) был судьей в Чебоксарах, Дубовке, Покровской слободе Саратовской губернии, Балашове, Новом Узене и в Саратове. В 1918 и 1921 г. арестовывался. Второй арест был ошибочным, т.к. Федора Александровича перепутали с братом Александром Александровичем Высоцким, бывшим вице-губернатором Саратовской губернии. Тем не менее Федор Александрович был лишен права проживания в крупных городах, поселился с супругой в Гатчине и умер от голода в блокадном Ленинграде.

Александр Федорович Высоцкий (1899–1988) окончил саратовскую гимназию Добровольского. В 1917 г. поступил в московский Институт инженерных путей сообщения. Участвовал в строительстве Туркестано-Сибирской магистрали и в создании одного из проектов саратовского автодорожного моста.

Софья Федоровна Высоцкая (1905–1995) в допросах не упоминается, т.к. на момент ареста Лидии Араповой уехала из Саратова. Родилась в Балашове, в 1924 г. переехала в Ленинград, где окончила Высшие курсы иностранных языков. Работала гидом-переводчиком, затем секретарем в «Интуристе». В конце 1930-х перешла в «Ленглававтоотрактороснабсбыт» (впоследствии «Сельхоз-техника»). Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

На допросах Лидия Борисовна Арапова утверждала, что родственников за границей не имеет, но это не соответствовало действительности. В 1925 г. стал невозвращенцем ее племянник Алексей, а его мать, вдова Алексея Борисовича Арапова – Екатерина Анатольевна Толстая (племянница Льва Николаевича), первая в России женщина-глазной хирург, жила в имении Пожура под Ковно.

Алексей Алексеевич Арапов (1905, Санкт-Петербург – 1948, США) – живописец. Учился в Саратовском Художественно-практическом институте (1921–1922) у Валентина Юстицкого. С 1923 г. жил в Москве. В 1925 с театром «Кривое зеркало» выехал на гастроли в Варшаву и не вернулся в СССР. Затем принявший католичество Alexis Paul Arapoff жил в Париже и входил в группу русских художников «Удар». В 1930 переехал с женой-американкой в Бостон⁴.

Отметим, что знакомство с эмигрантом Араповым в 1935 г. легло в основу обвинения саратовского художника Федора Русецкого⁵.

Алексей Борисович Арапов (1872–1918). По окончании курса медицинских наук в Императорской Военно-медицинской академии (1894) удостоен степени лекаря с отличием. В 1898 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины. С 1906 по 1909 г. работал приват-доцентом С.-Петербургского Женского медицинского института, а с 1909 по 1912 г. – ординатором Саратовской железнодорожной больницы.

В 1914 г. назначен экстраординарным профессором Императорского Николаевского Саратовского университета по кафедре факультетской хирургической клиники, но 15 ноября 1914 г. был вынужден отправиться на фронт в качестве главного врача Сибирского санитарного отряда. Вернулся в саратовский университет в 1916 г., в июне 1917 г. находился в составе делегатов Всероссийского академического съезда, проходившего в Москве под эгидой Союза деятелей науки и высшей школы.

Кавалер орденов Св. Станислава III и II степени (1909, 1912), Св. Анны II степени (1915), Св. Владимира IV степени (1916), знака Красного Креста (1906), серебряной медали Красного Креста «В память русско-японской войны 1904-1905 гг.» (1906) и медали в ознаменование Монаршей признательности войскам, участвовавшим в войне с Японией 1904-1905 годов (1907).

По семейной легенде, покончил с собой. Похоронен в Саратове на территории мужского Спасо-Преображенского монастыря, могила не сохранилась.

Ольга Федоровна Алексеевская (Высоцкая) (1887–1983). Родилась в Покровске, в 1914 г. окончила саратовскую гимназию Воротынской (Островской-Горенбург). Изучала историю на Бестужевских курсах в Петербурге, затем перевелась в Москву на Высшие женские курсы Герье, которые не окончила из-за революции. В 1917 вернулась в Саратов. В 1920 вышла замуж за Константина Николаевича Алексеевского.

Константин Николаевич Алексеевский (1895–1981), кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий кафедрой овощеводства саратовского сельскохозяйственного института, ученик Николая Вавилова. Двоюродный брат известного художника Владимира Алексеевича Милашевского⁶ (1893, Тифлис – 1976, Москва).

К моменту ареста Лидия Борисовна Арапова работала преподавателем русского языка и литературы в фабрично-заводской семилетке и жила с семьей на Панкратьевской, 14 (ныне угол улиц Мичурина и Вольской, дом не сохранился). Она категорически не понимала, какое отношение к антисоветской агитации имеют ее разговоры о перегибах при раскулачивании, когда «не считались с детьми, отправляли их экстренно худыми и без одежды, выкидывали на снег и т.д.». Арапова, как ей казалось, просто констатировала, что учителям задерживают зарплаты, руководить школами ставят неграмотных рабочих, а ехать работать в деревню ей, профессиональному педагогу, мешает «отсутствие моральных сил». Лидия Борисовна также не считала преступлением беседы с посторонними о расстреле ее брата, которого, как позже выяснилось, спас от гибели Красный крест. Свою лояльность режиму арестованная доказывала крайне неумело: «В моей жизни были некоторые моменты усталости, например арест брата. Мысленно я выражала, что если бы не надежда на будущее, то не стоило бы и жить. Под будущим я подразумевала развитие индустриализации, окончание коллективизации, что даст подъем хозяйства, и жизнь станет спокойней». Впрочем, чутье на опасность у нее все же присутствовало. Арапова объяснила следователю, почему при обыске у нее не нашли письма: «Я их за последнее время уничтожаю. Причина та, что решила вообще с письмами не связываться».

Одновременно с допросами Араповой шли допросы ее знакомых и коллег, которых вызывали в ГПУ якобы для «переговоров о работе».

Так, Петр Рисс утверждал, что «от нее исходили следующие выражения: “Когда мы займем опять привилегированное положение, которое занимали раньше?”, “Когда перестанут нам, ста-

рым педагогам, предпочитать зеленую молодежь, прямо со школьной скамьи?», «Когда перестанут угнетать и задира́ть нас, педагогов?». Арапова выражала недовольство контролем ее действий со стороны комсомольских организаций, говоря, что они еще зеленые, чтобы меня, старого опытного педагога, контролировать. Арапова, как мне известно, избегала своего участия во всех проводимых кампаниях».

Учитель рисования Надежда Муратова добавила существенные детали. Оказывается, «примерно в 1928 г. у меня собиралась компания педагогов, делали складчину на выпивку. Были следующие лица: Рисс Петр Петрович, Арапова Лидия Борисовна... Цель сбора была кутнуть, разговоры среди этой группы велись любовного характера, все были пьяны, радовались тому, что у них в школе стал хороший заведующий, т.к. все указанные педагоги были работниками одной школы». Муратова заявила, что «слышала от Шапиро Анны, что Арапова арестована, наверное, как антисоветски настроенный педагог».

Следователь Ботиков вызвал Шапиро. Преподаватель обществоведения и географии рассказала, что Арапова «аполитичная личность, вопросы современности ей все были чужды, она никогда не могла передать детям вопросы современности, проводя занятия строго казенно по программе, отсутствовала увязка программы преподавания с современными моментами». И делала вывод, что «советским педагогом Арапову считать без сомнения нельзя».

Некая Надежда Колмановская, ходившая к Араповой в домашнюю библиотеку еще до революции, вдруг припомнила с ее стороны часто проявлявшиеся «случаи интисемитизма». В записи оперуполномоченного Ботикова это звучало так: «Антисимитизм Араповой который ярко ею выражался в дореволюционное время, сохранился и по сие время, мне не однократно приходилось видеть в ее библиотеке, случай грубого обращения к Евреям приходящим к ней за книгами, а так-же слушать о разных лиц – кого я сейчас не помню, что Арапова не дружелюбно настроена к Евреям вообще, как к Евреям преподавателям, так и учащимся». Колмановская – статистик геологоразведочного управления – считала, что «интеллигенция того времени не была близка к семье Араповых-Высоцких, а наоборот сторонилась от них». По какой причине она продолжала ходить домой к аристократическим антисемитам, неизвестно, однако излагала следователю, что «среда Араповых-Высоцких это группа которая имеет за собой большой опыт распространения разных нелепых слухов про Советский Союз, всякие небольшие затруднения ими рассказывались, как моменты окончания существования соввласти примерно. Затруднения с хлебом и введения норм и ряд других затруднений, причем всякие затруднения их радовали, сама Арапова не пропускает не одного праздника, чтобы его не соблюсти, что без сомнения передается и при ее воспитаний учащимся».

К 9 января 1931 года сидевшая в изоляторе Лидия Арапова поняла, что от нее хотели чекисты, но продолжала держаться с достоинством. В деле сохранился протокол, заполненный ее разборчивым учительским почерком: «Считаю, что начавшаяся культурная революция идет по правильному пути, создавая новую, социалистическую культуру... Среди моих знакомых я не наблюдала проявления контрреволюционных настроений, а потому назвать никого не могу... Со времен студенчества считаю свою идеологию прогрессивной... к монархии и царскому режиму всегда относилась и отношусь резко отрицательно. Вполне разделяю идеалы социализма».

Однако уверения в лояльности не могли перевесить свидетельских показаний. Арапову продолжали топить коллеги, каждый из которых припоминал все новые эпизоды ее преступной деятельности.

Высланный в Саратов математик Александр Кахабери однажды шел из школы с Араповой, и она спросила: «Скоро ли будет конец вашему и нашему страданию?»

Физик Георгий Кузнецов передавал слова Араповой, которая прямо в учительской жаловалась, что «зарплату не платят, это полное безобразие, все так дорого, жизнь тяжела». По словам Кузнецова, Арапова была «педагог старой закалки, который своим наружным видом, своим

общением с педагогами не дает право назвать ее педагогом современным, хотя она и работает на этом поприще тринадцать лет».

Словесница Нина Снежницкая подробно изложила, как Арапова «неоднократно проявляла недовольство выдвигенчеством рабочих на заведывание школ... говоря, как можно увязать «Капитанскую дочку» и работу на заводе... жаловалась на трудности жизни... во время задержки зарплаты приходила в группком и говорила: давайте требовать зарплату, ведь нам нечем жить... говорила, как не хочется жить дальше при существующих порядках... в ее разговоре чувствовалось, что тяжесть жизни у нее от существующего строя».

В основу обвинительного заключения были положены «систематическая антисоветская агитация и проявления отдельного недовольства» Араповой, а также то, что она «распространяла провокационные слухи об арестах ОГПУ по 2000 крестьян, о расстреле по 50 чел., о массовых волнениях и восстаниях среди казачества, о расстреле брата ее, Бориса в Москве».

В результате 14 февраля 1931 года тройка ОГПУ приговорила Лидию Борисовну Арапову к ссылке на три года с «прикреплением к определенному месту жительства». Учительница попала в Тамбов, где первое время обязана была работать санитаркой. Лишь один раз перед войной она смогла выбраться на короткое время к родным в Саратов.

Сведения о дальнейшем преследовании подельников Араповой, которые попали в поле зрения карательных органов за шесть лет до Большого террора, отсутствуют.

Оперуполномоченный Александр Ботиков, добившийся обвинительного приговора Араповой, пошел на повышение в Белоруссию, однако в 1940 г. был уволен из органов.

Иосиф Жемков, чья подпись также стоит под документами уголовного дела, дослужился до майора госбезопасности, получил орден Ленина, стал персональным пенсионером союзного значения и умер в 1991 году в Волгограде.

15 октября 1941 г. Лидия Арапова погибла в результате несчастного случая. В справке о смерти указано, что 58-летняя преподавательница литературы в музучилище прожила в Тамбове 10 лет, и причиной ее смерти стало «повреждение тела». Тогда же родственники получили сведения, что Лидия Борисовна погибла под колесами грузовика, и ее уход из жизни мог быть добровольным.

Автор благодарит Ольгу Александровну Брынза за всестороннюю помощь в подготовке публикации.

1 (Л.д. 2)⁷

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о производстве обысков и арестов)

25 ноября 1930 года. Уполномоченный III отд[еления] Секретн[ого] отдела П[олномочного] П[редставительства] ОГПУ по Н[ижне]-В[олжскому] краю БОТИКОВ рассмотрев имеющийся материал на гр. ФЕВРАЛЕВУ Валентину Евгеньевну, учит[ельница] школы Ф[абрично]-З[аводская] С[емилетка], год рождения 1886, АРАПОВУ Лидию Борисовну, 1883 г. рождения учительница 20 школы ФЗС⁸, дочь дворянина, РИСС Петра Петровича, 1876 г. рождения, преподав[атель] немецкого языка в Книжном техникуме, ЦЫГАНОВА Михаила Ивановича, 1886 г. рожд[ения] – преподаватель Музтехникума.

проживающих в Введенская д. № 17, Панкратьевская 14, кв. 2, Часовенная д. № 133, Угодниковская 19, кв. 1

НАШЕЛ:

Упомянутые гр-не подозреваются в введении антисоветской агитации среди учительства, что предусмотрено ст. 58 п. 10 УК РСФСР.

А потому, для пресечения указанных преступных действий, руководствуясь ст.ст. 14, п. 5, 175 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

У поименованных выше граждан по месту их жительства произвести обыск, подвергнув последних задержанию.

Копией настоящего постановления поставить в известность Крайпрокурора.

Уполномоченный *подпись* /БОТИКОВ/

Согласен: Начальник отдела *подпись*

Утверждаю: Зам. ПП ОГПУ по Н.-В. краю *подпись*

2 (Л.д. 1)

Гороно.

[В од]ной из школ города в должности препода[вате]льница школы I ст[упени] работает гр[ажданка] Февра[лева] Валентина. Указанная гр[ажданка] в 1921 году [в Иловатке] АССР Н[емцев] П[оволжья] принимала актив[ное уча]стие в белых бандах, выдавая комму[нистов.] Приведу такой случай: Во время [...] банд он вместе со сворой бан[дитов] ворвалась в дом моего тестя (учитель [нрзб]) и стала указывать, что он скрывает у себя меня-коммуниста и 2 сыновей. В результате чего был произведен обыск и арестован тесть за содействие коммунизму. Благодаря войскам кр[асной] ар[мии] тестя удалось спасти. При помощи Февралевой было расстреляно много местных коммунистов.

О вышеизложенном довожу до Вашего сведения

Завед[ующий] уч[ебной] ч[асти] трансп[ортно]-эк[ономического?] техникума – член ВКП/б/ 15 XI 30 Целовальников

В С[екретный] О[тдел] ОГПУ

Гр-ка Февралева служит учительницей в школе №7 ФЗС на Агафоновском поселке. При её назначении ГорОНО возражало, но со стороны КрайПр<...> была проявлена сверх везкая и непо-
нятная защита Февралевой.

Замзав ГорОНО *подпись*

20/XI – 30 г.

3 (Л.д. 11)

[надпись карандашом] Камера 10

Полномочное Представительство ОГПУ по Н.-В. Краю.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1930 г. Ноября мес. 27 дня. Я ун[олномочен]ный секр[етного] отдела П.П. ОГПУ по Н.-В. краю, Ботиков допрашивал в качестве обвиняемой гражданку Февралева и на первоначально-предложенные вопросы она показала:

1. Фамилия	Февралева
2. Имя, отчество	Валентина Евгеньевна
3. Возраст (год рождения)	1886 г.
4. Происхождение	уроженка г. Саратова. Русская. Родители служащие умерли [в] 1922 году

5. Местожительство	<i>Саратов Введенская №17 кв 3</i>
6. Род занятий	<i>учительница 7 шк. ФЗС I центра</i>
7. Семейное положение	<i>вдова муж был помощник агронома умер в 1927 г. военный рядовой. со мной проживает воспитан[н]ик Михаил Федорович Карнеев-Февралев⁹ 17 лет учится на курсах Волжско-милиаративных</i>
8. Имущественное положение	<i>родители имели свой дом на Введенской ул. сейчас принадлежит брату Владимиру Евгеньевичу Комарову. Я в настоящее время ничего не имею</i>
9. Образовательный ценз	<i>Среднее</i>
10. Партийность и политические убеждения	<i>Безпартийная, считаю себя советским в полне.</i>
11. Где жил(а), служил и чем занимался (ась): а) до войны 1914 г.	<i>С 1901 года учительствую. Село Валувка Р[еспублики] Н[емцев] П[оволжья] учительница до 1903. Село Красноярское РНП до 1905 г. Село Иловатка Ст[аро-]Полтавского к[анто]на до 1929 г. Октябрь. –</i>
б) с 1914 г. до февральской революции 17 года	<i>учительствовала в селе Иловатка Старо Павлоповского кантона РНП до 6/X – 29 г.</i>
в) где был (а), что делал (а) в февральскую революцию 17 г., принимал (а) ли активное участие и в чем оно выразилось	<i>С. Иловатка учительница участия не принимала.</i>
г) с февральской революции 17 г. до октябрьской революции 17 г.	<i>Село Иловатка учительствовала участвовала по раздаче програм[м] при выборах в учредит[ельное] собрание</i>
д) где был (а), что делал (а) в октябрьскую революцию 17 г.	<i>Село Иловатка учительствовала участия не принимала</i>
е) с октябрьской революции 17 г. по настоящий день	<i>С 1905 года по 6/X 1929 г. учительствовала в селе Иловатка. Саратов с 14/IX – 30 7^а школа ФЗС, учительница</i>
12. Сведения о прежней судимости	<i>Не судилась, была под следствием и арестовывал О.Г.П.У. РНП причину ареста мне когда я находилась в заключений мне была не известно, но после ареста я выяснила что причиной этого было как будто принимала участие в Банде 1921 г.</i>

Записано с моих слов верно: записанное мне прочитано (подпись допрашиваемого)
В. Февралева

4 (Л.д. 12)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

27/XI 1930 года. Я, Ботиков допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Февралева Валентина Евгеньевна

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать в 1929 г. 6 октября я была арестована Г.П.У. РНП и содержалась под арестом до 28/XI – 29 г.

Предъявлено обвинение мне не было, но после я узнала что причина ареста моего была, как будто я принимала активное участие в банде Пятакова в 1921 году. Как выяснилось на меня показывали следующие лица. Журавлев, Корнеев Алексей Маркич и Прядихин Афанасий Симонович. ГПУ я была освобождена со справкой. Во время пребывания банды Пятакова в Иловатке, я находилась в Иловатке, в квартире где проживала с матерью отцом сестрами Клавдией и Александрой у нас из банды никто не останавливался. Клавдия в это время работала в детдоме. Мать моя напугавшись банд умерла с перепугу от удара. К нас в квартиру банда приходила и требовала от моей сестры Клавдии которая заведовала детдомом продукты которые были привезены для дома, и питания детей, продукты из детдома нами были спрятаны у гр-ки Гусевой и бандам не выданы. По уходу банд продукты снова были возвращены детдому. Банде Пятакова я никого [из] ком[м]унаров не выдавала и не ходила ни на каково не показывала. К учителю Ромашову Михаилу Никифоровичу у которого зять ком[м]унист Целовальников который в настоящее время учителем в Саратове. Я банд Пятакова не водила не говорила что у него зять ком[м]унист. Отом что у него т.е. у Ромашова зять ком[м]унист я хорошо неповню сейчас зналали – я об этом в то время. Но я знала что у Ромашова есть сын быв[ший] ком[м]унист, которые оба забирались т.е. сын и отец, но потом были освобождены. Я никакова доноса на них банде Пятакова не делала и никаво из ком[м]унистов не выдавала. Из моих родственников в настоящее время находится выслан[н]ым за что не знаю. Выслан ГПУ РНП Мокриков Николай Романович который находится сейчас в Архангельской губ[ернии]. Мокриков муж моей сестры Анны Евгеньевны Мокриковой-Комаровой, он был учителем. Сестра Анна учительница работает в Иловатке она с ним разведена. Других родственников арестованных у меня нет.

Протокол прочитан. Записано с моих слов верно: В. Февралева

5 (Л.д. 14)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1930 г. 25/XI мес. – дня. Я Уполномоч[енный] отдела П.П. ОГПУ по Н.-В. краю, Ботиков допрашивал в качестве обвиняемого гражданина Рисс и на первоначально-предложенные вопросы он показал:

1. Фамилия	Рисс
2. Имя, отчество	Петр Петрович
3. Возраст (год рождения)	1876 г. 10 января
4. Происхождение	Немец. Р[еспублика] Н[емец] П[оволжья] село Скатовка ¹⁰ Зельманского кантона
5. Местожительство	Саратов Часовенная 133 кв 1
6. Род занятий	Преподаватель немецкого языка Радиокино-т[ехни]кум ¹¹ и Зам директора по хозяйству
7. Семейное положение	Женат. Жена Мария Иванов[на] 41 года белошейка, сын Леонид Петрович 30 лет работает в Москве <...>тресте живет отдельно.
8. Имущественное положение	Родители занимались крестьянством, имели собственный землю десятин 20 в Зельмановском кантоне. Родители умерли отец 1886 г. мать 1912 г. Недвижимова имущества я не имел и не имею.
9. Образовательный ценз	Среднее: не закончен[н]ое высшее специальное преподаватель немец[кого] языка

10. Партийность и политические убеждения	<i>Безпартийный, в политпартиях ни в каких не состоял. Стою на платформе соввласти и политику властей всецело разделяю</i>
11. Где жил(а), служил и чем занимался (ась): а) до войны 1914 г.	<i>10 летнего возраста учился в I Сар[атовской] муж[ской] гимназий до 1896 г. Казанский ун[иверсите]т медфак до апреля 1899 г. Военная служба по приказу министра просвещения в Житомире рядовой 1900 15/VIII, поступил в армей[ский] чин ефрейтора. Саратов, надзиратель буйного отделения больницы 1902 г. Управление Р[язано-]у[ральской] ж[елезной] д[ороги] счетовод до 1907 ком[м]ерческое училище преподаватель нем[ецкого] языка до 1917 г.</i>
б) с 1914 г. до февральской революции 17 года	<i>Саратовское ком[м]ерческое училище преподаватель немецкого языка до 1917 г. февраль. и служил в армий рядовой 91 зап[асного] пех[отного] полка</i>
в) где был (а), что делал (а) в февральскую революцию 17 г., принимал (а) ли активное участие и в чем оно выразилось	<i>Саратов ком[м]ерческое училище и армия. Принимал участие вместе с ротой в аресте Губернатора Тверского и жандармского полковника</i>
г) с февральской революции 17 г. до октябрьской революции 17 г.	<i>Городской комитет по продовольствию, конторщиком и завканцелярией до октября 17 г. 1 октября 17 г. Эконом[ический] ин[ститу]т преподавателем и завхозчастью</i>
д) где был (а), что делал (а) в октябрьскую революцию 17 г.	<i>Экономический институт преподаватель и завхозчастью активнова участия не принимал</i>
е) с октябрьской революции 17 г. по настоящий день	<i>Институт народного хозяйства до 1925 г. преподаватель немецкого языка в 7 школе 2 ступ[ени], 43я 7летки 5 школа II ступени до 1930 года. Радио-кино-техникум с 1/X-30 преподаватель по настоящее время</i>
12. Сведения о прежней судимости	<i>со слов – не судился</i>

Записано с моих слов верно: записанное мне прочитано (подпись допрашиваемого)
Рисс

6 (Л.д. 15)

В канцелярию Радио-тех[ни]кumu.
По поручению Петра Петровича Рис[са].

Сообщаю, он арестован в 2 часа ночи 25 ноября Г.П.У. От имени его прошу, похлопотать об его скором освобождении, т.к. он ни по убеждениям, ни по его инергичной работе совершенно не заслуживает ареста. М. Рис.

[Приписка карандашом]:
Т. Ботилов
<нрзб>
25/XI 30 г.

7 (Л.д. 16-17)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

28/XI 1930 года. Я, Уполномоченный с[екретного] о[тдела] П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Ботиков допрашивал в качестве свидетеля по делу № 4558 граждан Рисс Петра Петровича лет, происхождения проживает род занятий партийность

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать Знакомых я в Саратове имел следующих лиц с которыми связан домами: Юзина Антонина Сергеевна преподаватель математики-физики культурно-книжного техникума прожив[ает] Провиан[т]ская у[ол] Рабочей д № 13 кв – Дамер¹² Мария Августовна двоюродная сестра д[омо]х[озяйка] имеет 2х сыновей Владимира Андреевича работает в 32 девизий¹³ завхозом и Роберта Андреевича работает бухгалтером колхоза «Путь Ленина» проживают Пугачевская у[ол] Советской. Раньше бывал примерно года 1 ½ -2 тому назад у Коробкова Григорья Ивановича преподаватель математики раньше проживал на Панкратьевской и у Котельникова Олега Михайловича преподаватель математики проживал на Советской № 24 или 26 точно не повню. Бываю у бухгалтера Рыбсиндиката Рыгалова Николая Алексеевича. Летом я заходил к Агроному Крайзу Богусскому Владимиру Ип[н]олитовичу, проживает на Панкратьевской между Кооперативной и Вольской. В это время у него был <Гемперлин?> Борис Васильевич преподаватель химий и физики рабфака. У других лиц в Саратове я ни у кого небыл. Во всех домах в которых я был, указанных мною выше из присутствующих разговоров на Антисоветские темы ни кто не вел.

Преподавателей по Саратову знакомых я имею очень много с которыми знаком как по работе в ряде школ, также и по ряду других, как-то по конференция, Лигбезу, переподготовке и так далее. Из числа моих знакомых преподавателей с которыми я работал в 7 школе 9летки знаю как наиболее а/с настроен[н]ых следующих преподавателей: Арапова Лидия Борисовна, Победоносцев Сергей Евгеньевич, Фермодин Павел Павлович, Поляков Анатолий Алексеевич¹⁴, Богоявленский Николай Иванович. Из других школ Муратова Надежда Васильевна ранее работала в 7 школе, Емельянов Ал[ексан]др Васильевич, Бауэр Николай Богданович¹⁵ и Аткарская Екатерина Петровна. На дому я у такой группы лиц не был. Был както раз у Муратовой Н.В. которая живет напротив меня смотреть предложен[н]ую мне комнату. Разговора с ней ника[ко]го не вел. Насколько мне известно по социположению эти лица делятся – Арапова дочь быв[шего] Саратовского Виц[е]губернатора, Победоносцев сын дьякона или псаломщика, Фермодин сын б[ывшего] тов[арища] прокурора Судебной палаты или окружного суда. Поляков из духовного звания был прокурором гимназий в Киеве и Пензе откуда и перебрался в Саратов. Богоявленский преподаватель Саратовской духовной семинарий, Аткарская является дочерью генерала кадрового или отставного точно не скажу. Девичье фамилие ее Рыбалкина. К этой группе я еще отношу преподавателя Русского языка Скалигера¹⁶ Никона Тимофеевича, быв[ший] преподаватель ком[м]ерческого училища: Причина по которой я отношу указан[н]ых выше преподавателей к а/с настроен[н]ым лицам следующая: во время моей работы в 7 школе 9летки и назначения в нее заведующим выдвигенца рабочего Кузнецова Николая Никитича – перечисленная группа преподавателей Арапова, Победоносцев, Фермодин, Муратова, Поляков, Богоявленский составили группу которая не помогала в работе выдвигенцу а старалась тормозить. В результате с работы из школы были сняты Поляков Фермодин Глубоков¹⁷ и Кругляков Григорий Афанасьевич, последних 2х о которых я не указывал выше я считаю тоже а/с настроен[н]ыми. К тому-же мне известно что из перечисленного круга лиц преподавателей последний часто собирались. Сбор был большею частью в квартире Полякова, собирались Поляков, Победоносцев, Фермодин и Глубоков. Цель этих сборов мне не известны. а/с разговоров которые-бы велись этой группой в моем присутствии я не повню за исключением вопроса «Шахтинских событий» по вопросу чего Арапова проявляла недовольство этим процессом, что приговор не соответствует их преступлению что с ними произведена слишком суровая расправа. Этот разговор был в учительской

канцелярий в присутствии преподавателей но ково припомнить не могу. В своих взглядах Арапова проявляет недовольство соввластью при всяких мелочах говоря что ранее труд педагога ценился, а теперь при соввласти требования к нам предъявляют большие а зарплата ниска, говоря что ставка соввласти на рабочих, а нас интелегецию затерли. Других антисоветских разговоров со стороны указанных преподавателей не повню.

По школе ФЗС № 29 я слышал что заведующий ее Власов Владимир Григорьевич б[ывший] офицер, но я сам его лично незнаю.

Сам я лично ни где никогда антисоветских разговоров не вел и считаю себя преданным сов-власти, что доказано мною за ряд лет моей работы. По вопросу раскрытых ГПУ к.р. организаций както вредителей 48¹⁸, кондратьевщины¹⁹ и Промпартий²⁰ я нискем разговора нигде не вел.

Протокол прочитан Записано с моих слов верно: подпись

Дополнитель[но] по вопросу письма Круглякова Петра Георгиевича показываю, в письме Кругляков просил меня устроить на учебу его племянницу-свояченицу, которая была лишенка. Я эту просьбу его не выполнил, оставив письмо без ответа. По вопросу 2-й записки из Пятигорска, эта записка мною была получена от моего далекого родственника <Александра?> Андреевича Швабенланд²¹ по профессий он агроном. Я его не видел лет 15 и о характере записки где он пишет об аресте своего брата мне ничего не известно. Подробнова письма по этому вопросу как пишет он мне не присылал. Прочитано верно. подпись

8 (Л.д. 19)

Уважаемый Петр Петрович,

пишу Вам письмо с просьбой оказать содействие. Сущность дела Вам известна. Рас[с]читывая на Ваше участие, покорнейше прошу ответить, когда лучше всего будет и удобно направить моих двух свояч[е]ниц и к кому именно. В документах у них сказано, что они лишены права голоса. Хотя я и предупреждал Вас, но теперь вторично об этом сообщаю, чтобы Вам легче было оперировать, зная все подробности.

Мне кажется, что лучше всего будет им приехать в Октябре когда начнутся занятия. Если Вы находите это время приезда не удачным – сообщите, пожалуйста, свое мнение. Ожидая от Вас ответа

остаюсь заранее благодарным

П. Кругликов

адрес.

с. Турки Балаш[овского] Окр[уга]

25/VIII П.Т. Кругликову

9 (Л.д. 25)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1930 г. 26/XI мес. ____ дня. Я ул[ономочен]ный отдела П.П. ОГПУ по Н.-В. краю, Ботиков допрашивал в качестве обвиняемой гражданку Арапову и на первоначально-предложенные вопросы она показала:

1. Фамилия	Арапова
2. Имя, отчество	Лидия Борисовна
3. Возраст (год рождения)	1883

4. Происхождение	<i>из Ульяновска быв. Симбирска</i>
5. Местожительство	<i>Саратов Панкратьевская 14 кв 2</i>
6. Род занятий	<i>Преподаватель словесности в 20^й шк. 7 летке ФЗС и 4 школа взрослых</i>
7. Семейное положение	<i>Девуца, на воспитаний имею племянника Сидорова Ал-дра Николаевича 17 лет сын сестры Зинаиды Борисовны Сидоровой, умершей [в] 1919 году</i>
8. Имущественное положение	<i>отец служил был частный поверенный и акцизный чиновник. Умер в 1918 г. в Саратове. Движимова имущества не имели и не имею в наст[оящее] время</i>
9. Образовательный ценз	<i>Саратов Женскую Мариинскую Гимназию Петербург, Бестужевские Курсы в 1904 г.</i>
10. Партийность и политические убеждения	<i>Безпартийная, вполне лояльная</i>
11. Отношение к воинской повинности	<i>Не состою</i>
12. Где жил(а), служил и чем занимался (ась): а) до войны 1914 г.	<i>С 1904 года Саратов гимназия Воротынской-Островской-Горенбург – до 1918 г. – до ее расформирования</i>
б) с 1914 г. до февральской революции 17 года	<i>Гимназия Саратов</i>
в) где был (а), что делал (а) в февральскую революцию 17 г., принимал (а) ли активное участие и в чем оно выразилось	<i>Преподавателем в гимназий Островской Горенбург, участие общего порядка</i>
г) с февральской революции 17 г. до октябрьской революции 17 г.	<i>Саратов преподаватель в гимназий</i>
д) где был (а), что делал (а) в октябрьскую революцию 17 г.	<i>Саратов в гимназий участие общего порядка</i>
е) с октябрьской революции 17 г. по настоящий день	<i>С конца 1919 г. по сентябрь 1920 г. общеобразовательная школа при Саратовской консерваторий, преподавателем с 1920 по 1922 г. рабфак, 1922 по 1926 г. 4 школа 2 ст. с 26 г. по 28 г. 8 шк 2 ст. 28 по 29 г. 7 шк. 9летка, 20 шк. семилетка по наст[оящее] время</i>
13. Сведения о прежней судимости	<i>Со слов несудилась</i>

Записано с моих слов верно: записанное мне прочитано (подпись допрашиваемого)
Л. Арапова

10 (Л.д. 26)

[надпись карандашом] Камера 21

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

3/XII 1930 года. Я, Уполномоченный секретного отдела П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Ботиков допрашивал в качестве свидетеля по делу № 4558 граждан Арапову Лидию Борисовну

Допрошенная по существу дела гр-ка Арапова, Лидия Борисовна объяснила следующее:

Отец мой Борис Александрович Арапов потомственный дворянин, уроженец г. Казани и все время работал по линии судебного ведомства и впоследствии частным присяжным поверенным, одновременно работал юрист-консультантом Акцизного Управления. Умер он в 1918 году.

Больше объяснить ничего не могу.

Показание записано верно и мне прочитано вслух, в чем и расписуюсь

Л. Арапова

Допросил:

11 (Л.д. 27-29)

[надпись карандашом] Камера 21

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

3/XII – 1930 года. Я, Уполномоченный секретного отдела П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Ботиков допрашивал в качестве свидетеля по делу № 4558 граждан Арапову Лидию Борисовну

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать Родители мои проживали в г. Саратове. Отец занимал должность юриста при Губ. Акцизном управлении и был частным поверенным умер 1918 г. октябрь, состоял гласным думу. Из моих родственников в Саратов в данное время проживают: сестра Высоцкая Софья Борисовна 57 лет. Преподает уроки музыки на квартире у себя. Раньше преподавала в Музтехникуме с 1930 г. октябрь. Работу оставила и перешла на пенсию. Ее дети Высоцкая Зинаида Федоровна врач зав. детской консультацией №1. Анна Федоровна Высоцкая преподаватель музыки в Музтехникуме, Людмила Федоровна учащаяся. Проживают вся семья угол Вольской и Панкратьевской. Высоцкий Федор Ал[ексан]дрович до революций был городским судьей г. Покровска член уездсуда г. Балашов. в Саратове нотариус в настоящее время безработный и лишен прав гражданства, проживает вместе с семьей. В Москве проживает брат Арапов Борис Борисович состоял юрисконсультантом при Северо-Лесе, в настоящее время арестован Московским Г.П.У. причина ареста не известна. Племянник Высоцкий Ал-др Федорович инженер-путеец. Переписку вела с братом до времени его ареста, с Высоцким переписываются его родители. В Ленинграде проживает сестра Сидорова Ольга Борисовна 56 лет. За мужем за преподавателем математики Сидоровым Николаем Филипповичем. [Балтфлота?] брат Арапов Ал-др Борисович служил бухгалтером в настоящее время инвалид пенсионер. Переписку с ними веду. За границей родственников ни кого не имею. По Саратову имею близких знакомых из педагогического мира. Коробков Григорий Иванович преподаватель математики проживает на Панкратьевской. Калининкова Анна Артемьевна преподаватель словесности прожив[ивает] Б[ольшая] Казачья 63. Шайна Надежда Венедиктовна машинистка типографии №2. Прожив[ает] Ленинская. И у своей сестры Высоцкой Софьи Борисовны, а также бываю у Димитриевой Татьяны Юлиановны преподавательница словесности прожив[ает] М[алая] Сергиевская. Других лиц, знакомых со мною домами кроме указанных не имею. Указанные лица как меня посещают на квартире так и я их, большею

частью к этим лицам хожу я. Они у меня бывают но очень редко. Октября 1930 г. мне приходилось быть в доме Коробкова Григорья Ивановича, были там в это время Дмитриева Т.Ю. Котельников Олег Михайлович преподаватель математики Рабфака его жена Елизавета Константиновна препод[аватель] немецкого языка в 1 Ф[абрично-]З[аводской] С[емилетке]. В октябре 1930 г. была у Калининковой А.А. в это время у нея были Карпенко²² Владимир Константинович инженер, где работает не знаю, и его жена Мария Георгиевна д/х. Других лиц никою не было. Была у Калининковой А.А. в сентябре собирались разрабатывать учебный план, в это время были педагоги Гитэрман Ольга Алексеевна словесница, и еще раз была я и Загрекова²³ Наталья Ал[ексан]дровна словесница. Эти 2 раза мы собирались по вопросам учебнова плана по предметам словесности.

Будучи у Коробкова разговор был о литературных произведениях, о музыкальных произведениях, об опере в это время других разговоров не велось. По вопросам колхозного строительства разговор вести приходилось но где точно не помню возможно в школе с педагогами в перерывы. Считая что кол[л]ективизация это мера своевременна. Имел место разговор о статье Сталина о перегибах, эту статью разбирали, что эта статья очень важная и нужная которая может порушить недовольство которое начало развиваться, среди крестьянства, теми перегибами которые допускались, потому ходили слухи что при раскулачиваний кулаков, не считались с детьми отправляли их экстренно худыми и без одежды, выкидывали на снег и т.д. Других разговоров о чем приходилось говорить припомнить не могу. Был разговор о промпартии после опубликования обвинительного заключения. Разговор по этому вопросу был в школе 20 ФЭС, среди преподавателей: Тяпкиной, Кузнецова, Калдановской, Савельевой и других. Будучи в домах Коробкова, Калининковой, Дмитриевой, Шайна и Высоцкого и у меня разговоров на антисоветские темы разговора никто не вел. Мне лично с критикой мероприятий соввласти говорить никогда никому не приходилось, так как я считаю, что еще мало в этих вопросах разбираюсь и за последнее время стараюсь лишь изучить политическую линию Партий ВКП/б/. Я [в] политических партиях раньше никогда не состояла стояла вдалеке от политики тоже самое и в данное время. Брат мой Борис Борисович состоял в Партии Народной свободы, и от партий Н.С. был кандидатом выборщиками в Государственную Думу. Как мне известно он связь с партией порвал, известно мне что с его слов, когда я по летам навещала его. Последние сведения которые я имела о брате это письмо племянника Высоцкого, что было разрешено с ним свидание 21/Х и что следствие по его делу еще не окончено. Незадолго до моего ареста меня встретил на ул. Республики встретил Селиверстов Николай Алексеевич, который мне передал что по городу ходят ужасные слухи что ваш брат Борис Борисович рас[с]трелян, я ему говорила думаю что это ложь так как 21/Х с ним было свидание. Селиверстов [бывший] присяжный поверенный чем он занимается теперь не знаю. Говорила ли я сама с кем по вопросу рас[с]трела моего брата не помню. У меня в Саратове есть еще племянница Алексеевская Ольга Федоровна служащая, муж ея Алексеевский Константин Николаевич агроном КрайЗУ. Арестован Саратовским ОГПУ. До моего ареста 12/Х за что арестован незнаю. Разговор о его аресте был в кругу лишь своих родных, с другими лицами разговора о его аресте у меня не было. С Алексеевскими я проживаю в одной квартире, в гостях в компаний с посторонними лицами кроме его и наших родственников никогда у них не была. Из наших родственников у них бывали я, моя сестра

3/ХП-30 –

Продолжение протокола
Араповой Лидий Борисовны

Софья Борисовна с мужем, его родные сестры [родная сестра], жена его Зинаида Федоровна Высоцкая, других никою не было. В моей жизни были некоторые моменты усталости, примерно арест брата, мысленно я выражала, что естли-бы не надежда на будущей, то не стоило-бы и жить, под будущим я подразумевала, развитие индустриализаций, окончание кол[л]ективизаций что даст подъем хозяйства и жизнь станет спокойней, других моментов под будущим я не подразумевала.

Разговор этот был у меня в среди своих родственников но с кем и когда не помню.

По Саратову знаю пед[аг]огов Яхонтов Дмитрий Григорьевич²⁴, Червяков Федор Игнатьевич, Воронков Борис Филип[п]ович²⁵, Свешиников Дмитрий Петрович, этих лиц я знаю по драмкружку. Палавского Ефима Тимофеевича²⁶, Фортунатова Василия Александровича²⁷, Никитина Сергея Николаевича, Скорнякову Марию Николаевну и ряд других лиц. К указанным лицам я заходила по делу службы на дома. Комне на квартиру заходили: Никитин, с которым вместе писали статью, Скорнякова по делу службы, а так-же заходили и все перечисленные лица но на очень краткое время по делам уроков. При моем обыске у меня из отобранных писем есть письма из Польши, три письма принадлежат моему брату Алексею Борисовичу который умер [в] 1918 г. Последние письма которые я имею и при обыске их не обнаружено. Я их за последнее время уничтожаю причина та что решила вообще с письмами не связываться

Протокол мне прочитан. Записано с моих слов верно: Л. Арапова

12 (Л.д. 31)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

6/XII – 1930 года. Я, Уполном[оченный] С[екретного] О[тдела] П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Ботиков допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Селиверстова Николая Алексеевича 1881 год рож. лет, происходит из кр[естья]н Пензинской губ. села Усть-Атмис проживает Саратов Гимназическая 72 кв 2 род занятий Юрист консулт Метало треста партийность Безпартийный

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать Преподавательницу Арапову Лидию Борисовну, знаю, через своего знакомого юриста Юстуса²⁸ Карла Фелик[с]овича? лет 12 тому назад, знаком сней шапочно ни я у нея на квартире ни она у меня не бывали. Последний раз видел ее на улице Республики недели 2 назад вели разговор, о ея брате Араповым Борисе Борисовиче, которова я знаю как старова юриста по Саратову. При встрече с ней я спросил Арапову о судьбе ее брата, который как мне известно арестован в Москве от кого я слышал о его аресте не повню. Я спросил Арапову что ходят слухи что ваш брат в Москве рас[с]трелян, что я сам слышал от Сердобова Михаила Полиектовича консультанта Арбитражной комис[с]ий. На мой вопрос Арапова мне ответила, что ей известно, что на квартиру занимаемую братом в Москве, приходил гр-н назвавшийся агентом финотдела, и потребовал выдачи вещей принадлежащих брату, как конфискован[н]ых, в виду рас[с]трела ее брата т.е. Арапова Бориса Борисовича, она же мне при разговоре сказала что получив такие сведения родственники их живущие в Москве на другой день желал проверить чтобы действительность понесли передачу арестован[н]ому Арапову которую приняли, а в последствии проверили действительно ли Арапов рас[с]трелян через организацию Краснова-креста и оказалось, что он жив, в до<...> кто-то из его родственников получил свидание с ним и Арапов был здоров.

Другие разговоры которые велись как со стороны моей так и Араповой содержание их не повню, но возможно и был разговор о тяжести жизни нехватке продуктов, о малом заработке и о дороговизне продуктов на частом рынке но точное содержание припомнить этого разговора не могу. Протокол прочита[н] Верно: Н. Селиверстов

13 (Л.д. 32)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

11/XII – 1930 года. Я, Уп[олномоченн]ый С[екретного] О[тдела] П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Ботиков допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Рисс Петра Петровича

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать из знакомых мне преподавателей еще знаю Арапову Лидию Борисовну которую считаю педагогом

идеологически не советским, это могу подтвердить тем что в момент ее работы в 7 школе 9летки теперь 29 ФЭС, от нея исходили следующие выражения: Когда мы займем опять привилегирован[н]ое положение которое занимали раньше. Когда перестанут нам старым педагогам предпочитать зеленую молодежь, прямо со школьной скамьи. Когда перестанут угнетать и задирать нас педагогов. Выражала недовольство контролем ее действий со стороны комсомольских организаций, говоря что они еще зеленые чтобы меня старого опытного педагога контролировать. Арапова как мне известно избегала своего участия во всех проводимых кампаниях. Близкими друзья Араповой по данной школе были Победоносцев Сергей Евгеньевич педагог который не советской формаций, часто в своих разговорах[x] проявля[ю]щий а/с настроения. Фермодин Павел Павлович снят с работы как вредная идеологическая личность. Как мне известно через Фермодина, он и Победоносцев часто бывали у Араповой все трое они словесники цель сбора их мне не известна. Котельникова Олега Михайловича знаю по 7 школе где он был заведующим но был снят, особо враждебно он жил с партийными педагогами и комсомольской прослойкой учащихся, был близок с преподавателями а/с настроен[н]ыми както Победоносцевым, Фермодичиным. Мне известно что преподаватели 7 школы Победоносцев Фермодин Глубоков Василий Назарович собирались часто у Полякова Анатолия Алексеевича. Цель их сбора мне не известна, но все три лица а/с настроен[н]ые. Куфельд Анну Давыдовну²⁹ знаю по 7 школе, преподавала немецкий и французский язык. Это определен[н]о а/с личность за что она и была в 1927-28 учебном году снята с работы и исключена из союза где она сейчас не знаю но думаю что в Саратове. в близких отношения[x] с ней была учительница Николаева Софья Ивановна дочь Крупнова Саратовского купца которая в настоящее время работает в 29 ФЭС преподает немецкий язык, близок к ней был так-же и Котельников.

По вопросу открытой вредительской организаций разговор я вел. в партийной ячейке радио-кино техникума с секретарем Карякиным где были и другие партийцы, где читалась газета что будет суд над вредителями. в других местах мне разговора вести по этому вопросу ни с кем не приходилось

Протокол мне прочитан записано с моих слов верно: Присс

14 (Л.д. 33-34)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

12/XII 1930 года. Я, П.П. ОГПУ по Н.-В. краю допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Арапову Лидию Борисовну лет, происходит проживает род занятий партийность

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать: При моей встрече с гр-ном Селиверстовым, у меня был с ним разговор о моем брате, что как он мне передал ходят слухи будто брат мой Борис арестованный в Москве рас[с]стрелян. Я ему сказала что насколько это верно не знаю, но врядли, лишь потому что я имею сведения что ему принимали передачу, 21/X было личное свидание друга разговора не было. О том что в Москве на квартиру брата приходил агент финотдела чтобы описать вещи брата я ему об этом ничего не говорила и мне самой об этом ничего не известно. Другим лицам об этом тоже не кому ничего не говорила. В 1929 году мне было известно об аресте одного Адмирала Салова имя отчество не знаю, муж Саловой Елены Владимировны маникюриша, работает на ул. Республики, которая мне передавала когда я была у нея делать маникюр, об аресте ея мужа Салова, лично с ним я знакома не была, но знаю ее, как маникюришу. На квартире у нея никогда не бывала. Разговор об аресте адмирала Салова я никому не передавала. Об аресте в прошлом году т.е. 1929 г. большого количества казаков я совершенно ни кому не говорила и мне известно об этом не было. О рас[с]стреле казаков мне так-же ничего не известно и я об этом ни кому не говорила. При проведенний мобилизаций просвещенцев для работы в деревню, моя кандидатура выдвигалась, у меня личнова желания для работы в деревню не было, по той причине, что я деревню совершенно не знаю, к тому-же я имею 25летний педагогический стаж

и уже возраст 47 лет что и считала как причиной не пригодности работы в деревне. Кандидатура моя была снята.

Из круга моих знакомых педагогов я а/с настроен[н]ых не знаю: перечислен[н]ые ниже лица из педагогического состава с которыми мне приходилось работать как-то: 1. Куфельд Анна Давыдовна, 2. Сырнев Иван Ал[ексан]дрович, 3. Соколова Мария Николаевна которую знаю по встречам на собрания[х] педагогов 4. Кругляков Григорий Афанасьевич, 5. Калининкова Анна Артемьевна 6. Котельников Олег Михайлович. 7. Воронков Борис Филип[н]ович, считаю лицами вполне советскими. В последнее время мне приходилось бывать в домах следующих лиц: Калининковой Анны Артемьевны кто она по соцпроисхождению не знаю, у нея приходилось мне встречать Загрекову Наталью Ал[ексан]дровну препод[аватель] словесница, Пенкину Елизавету Владимировну, словесница жена инженера, Гиттерман³⁰ Ольгу Алексеевну словесница, Ушакова Николая Сергеевича, препод[аватель] комвуза-Рабфака, Моногорова Бориса Андреевича препод[аватель] Рабфака, Павловского Ефима Тимофеевича с женой оба педагоги Рабфака, Карпенко Владимира Константиновича инженер. Приходили к Калининковой посидеть, попить чаю и поговорить о деле. Чтобы все лица перечислен[н]ые ниже собирались сразу не было, собирались группами, обсуждали при сборах вопросы литературы и искус[с]тва.

Всех перечисленных лиц я считаю вполне советскими, критических суждений к проводимой политике соввласти и а/с. содержания разговоров не велось. Бывала у Коробкова Григория Ивановича, где собирались Дмитриева Татьяна Юлиановна дочь быв[шего] Судейского чиновника препод[аватель] словесности, Котельников Олег Михайлович с женой. Цель сбора поиграть на рояли. Этих лиц я отношу к вполне советским. Бывала у Дмитриевой Татьяны Юльевны. Были все перечислен[н]ые лица что и у Коробкова. Встречала у Дмитриевой Соколова Виктора Ивановича препод[аватель] математики Рабфака, Федорович Вера Ал[ексан]дровна препод[аватель] музыки и ея мужь, Михаил Викторович служащий Юрист, где служит не знаю. Цель сбора, поговорить о житейских вещах, навестить старуху мать. Разговоров а/с. содержания никто из присутствующих не вел. Перечислен[н]ые лица бывавшие у Коробкова и у Дмитриевой вполне советские. Сборы указан[н]ые мною выше происходили в 1928-29 годах. Все перечисленные лица старые педагоги до Революционного времени. За последнее время бывала у следующих лиц. Скорняковой Марий Николаевны преп[одаватель] словесности, <Мерситовой?> Прасковьи Терентьевны словесница, Свешникова Дмитрия Петровича обществовед, встречать никого не приходилось. Разговор велись лишь делового характера, вопросы методики преподавания, к Свешникову по вопросам Марксист[с]кой литературы, по мимо перечислен[н]ых домов нигде не бывала. Кто из указанных моих знакомых по своему социальному происхождению принадлежит к той или другой категорий кроме указанной Дмитриевой мне не известно.

Прочитано Записано с моих слов верно: Л. Арапова

15 (Л.д. 36)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

21/XII 1930 года. Я, Уп[олномоченный] с[екретного] о[тдела] П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Боти-ков допрашивал в качестве свидетеля по делу № гражданку Муратову Надежду Васильевну 1893 г. рождения лет, происходит Вольского уезда, дер. Багай проживает Часовенная 150 кв 3 род занятий Преподаватель ИЗО в немецкая 15 школа ФЭС. партийность Безпартийная

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать Вдова муж Муратов Кесарь Филип[н]ович убит на Кавказском фронте в 1920 году состоял членом партий. Знакомых мне преподавателей по Саратову имею одну лишь подругу по детству Галицкую Наталью Ал[ексан]дровну преподает в б/з шк[оле] элетке у которой была в нынешнем году раза 2-3. Комне заходила Юзина преподавательница 29 ФЭС. После ареста Рисс П.П. других лиц с которыми-бы я была знакома домами не имею. Юзина приходила комне по вопросу ареста Рисс П.П.

говорила что она очень его жалеет говорила, что причины его ареста это или его безхозяйственность, или за то что у него брат в Америке или за то что у него сын инженер, говорила что она была в изоляторе и ей тоже показывали списки арестованных. Есть еще арестованный преподаватель Слобун называла ли кого еще по фамилии <не повню?>

Раньше примерно в 1928 г. у меня собиралась компания педагогов, делали складчину на выпивку были следующие лица: Рисс Петр Петрович, Арапова Лидия Борисовна, Сапожников Василий ~~отчество не повню~~ Федорович, Липидус Маргарита Семеновна из Саратова выехала, Покусина Раиса Николаевна препод[авательница] 7 шк[олы] ФЗС, Глубоков Василий Назарович, Поляков Анатолий Алексеевич, Победоносцев Сергей Евгеньевич, Степанова Ольга Николаевна, Формадин Павел Павлович, и еще трое лиц женщин но по фамилии не знаю. Цель сбора была кутнуть, разговоры среди этой группы велись любовного характера, все были пьяны радовались тому что у них в школе стал хороший заведующий, т.к. все указанные педагоги были работниками одной школы. Заведующий был Поляков. Я участва в их компаний принимала лишь как хозяйка квартиры, в выпивке участия не принимала т.к. я больна и мне пить нельзя. Квартиру они у меня выпросили лишь потому что имелось у меня пианино, которым и пользовались.

Антисоветских настроен[н]ых педагогов я не снаю, т.к. близкой связи с ними не имею ни скем. Вечеринка которая у меня была с присутствием указанных выше лиц, была организована Рисс П.П. который при сборе говорил что собираются свой люди, а так я их никою не знаю. Будучи на собрании Крайпроста 1/ХІІ я слышала от Шапиро Анны Израиловны или от Кузнецовой Веры Павловны (29 ФЗС) что Арапова арестована наверное как а/с. настроен[н]ый педагог. Других разговоров я не слышала. Протокол прочитан Верно записано с моих слов Н. Муратова

16 (Л.д. 38)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

22/ХІІ 1930 года. Я, Уполном[оченный] секр[етного] отдела П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Боти-ков допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Дмитриеву Татьяну Юлиановну 1884 года рожд[ения] лет, происходит Г. Саратова, отец был крестьянин, служил. Судейский чин, член Сар[атовской] окр[ужного] суда проживает Саратов М[алая] Сергиевская д № 39 кв 5 род занятий Преподаватель русского языка немецкий Педтехникум и 11 ФЗС партийность Безпартийная

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать Арапову Лидию Борисовну знаю оп совместному учению в Гимназий. За последнее время знаю как педагога по Г. Саратову с ней вместе мне пришлось работать в одной из школ. 11 сов. II ступени около 5ти лет. Могу сказать что Арапова как педагог не советской формации, что могу подтвердить следующим. Арапова против новой реформаций старой школы, против методов преподавания, против политехнизаций школы, что школа будет связана с производством она была против этого. Арапова в разговоре проявляет недовольство существующим, говоря как все это надоело, трудна жизнь и тяжела. Арапова вообще против существующего строя, но старается до поры мирит[ь]ся с этим. Причем близких разговоров мне с Араповой вести не приходилось, да и я с ней близко сама не была. С Араповой близко знаком педагог Шевшиников, но его я лично не знаю, близко с ней знакомы вообще педагоги из старого мира но кто они незнаю. Арапова ко мне заходила по вопросам обще школьного характера, бывала в компаний, в месте с ней были у меня, Богословска Ал[ексан]дра Николаевна преподават[ель] в кооперативном т[ехни]куме Соколов Виктор Иванович, преподават[ель] Раб-фака, Богословская работала в месте с Араповой и мною, в 11 школе 2 ступени. Был-ли кто еще не повню. Наши компаний были в 1921 по 26 г. за последнее время компаний не собиралось. Арапова говорила мне об аресте своего брата Бориса в Москве недоумевала что за причины были его ареста, возможно что арестовали как дворянина. Говорила ли о других причинах ареста не повню. Протокол прочитан записано с моих слов верно: Т. Дмитриева

17 (Л.д. 40)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

23/XII 1930 года. Я, Уполном[оченный] секретн[ого] отдела П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Ботиков допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Шапиро Анна Израиловна 1901 год рож[дения] лет, происходит Вилинской губ. местечко Постава проживает Саратов М[алая] Кострижная д № 17 кв 2 род занятий Преподавать обществоведения и Географий школа 14 ФЗС и в[ечерняя] 7летка партийность Безпартийная

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать: из наиболее реакционной группы преподавателей знаю по совместной моей работе – 7й школе 9летки Куфельд Анну Давидовну преподавательница немецкого языка, которая за свое а/с настроение снята с работы и исключена из союза в 1929 г. Арапову Лидию Борисовну знаю ее по работе той-же школы, это аполитичная личность, вопросы современности ей все были чужды, она ни когда не могла передать детям вопросы современности, проводя занятия строго казенно по программе, отсутствовала какая-бы то увязка програм[м]ы преподавания с современными моментами воспитавшими жизнью. Советским педагогом Арапову считать без сомнения нельзя. Об аресте Араповой я узнала недели 3 тому назад в клубе Д[ома] р[аботников] п[росвещения] и вела по данному вопросу разговор с Беспаловой Антониной Николаевной преподаватель 29 ФЗС. Причем как мое мнение так и мнение Беспаловой свелось к тому что арест ее возможен, этот человек аполитичен в школьной работе и не может воспитывать детей воспитания современного уклада. Близко к Араповой я за последнее время не была и последнее время с ней сказать ничего немогу. Прочитано записано с моих слов верно:

А. Шапиро

18 (Л.д. 41-42)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

30/XII 1930 года. Я, Уполном[оченный] СО П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Ботиков допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Колмановская Надежда Николаевна 1899 г. лет, происходит Г. Саратова дочь служащего проживает Вольская ул. д № 45 кв 3 род занятий служащая Гео[лого] раз[ведочного] управления. статист. партийность Безпартийная

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать Арапову Лидию Борисовну знаю по довореволюционному и настоящему времени, в бытность ее учительницей в 4 министерской гимназий, отношение которой к ученикам niskих семей было не привязное. С ее стороны часто проявлялись случаи интисемитизма. После революций Арапова примерно года 2-3 тому назад имела у себя на дому собственную библиотеку, отпуск книг из которой производился ее за плату 50 коп в м-ц. Библиотека Араповой была полна западной переводной заграничной литературы, и совершенно отсутствовала литература современного содержания и уклада. Повню не однократно на запросы других читателей и в частности мой о современной литературе Арапова говорила, современная литература не в моем духе, к тому-же современная литература не интересна, мой читатель этой литературой не интересуется, и я заполнять такой литературой свой полки не намерена. Библиотека Араповой преследовала чисто ком[м]ерческия цели и передачи через книги не современного воспитания и уклада читателю. Антисимитизм Араповой который ярко ею выражался в дореволюционное время, сохранился и по сие время, мне не однократно приходилось видеть в ее библиотеке, случай группово обращения к Евреям приходящим к ней закнигами, а так-же слушать о разных лиц – кого я сейчас не повню, что Арапова не дружелюбно настроена к Евреям вообще, как к Евреям преподавателям, так и учащимся.

До революционная жизнь Араповых вообще считалась жизнь семей высокой аристократий, круг

их знакомства был офицерство. Все семья Араповых занимала видные положения в правящих кругах. Близкий родственник Араповых, Высоцкий, который имели одну семью был Саратовский Вице-Губернатор. Арапова будучи педагогом ни в каких кружках того времени не участвовала, на оборот, все от нея сторонились т/к считали ее по своему укладу монархисткой. У нея проглядывало в настроениях к учащимся как антисимитизм так и шовинизм. Интеллегенция того времени не была близка к семье Араповых-Высоцких, а на оборот сторонилась от них. Арапова Лидия Борисовна сохранила и по сие время уклады старова ея мировоз[з]рения. При об-ве Краеведения была попытка создать краеведческую секцию, под заявлением о вступлении в эту секцию подписалась и Арапова. Но когда от нея потребовали работать, Арапова заявила, что я вовсе не имею никакова желания вести работу в каком-то об-ве и иметь с ним ничего не хочу.

Среда Араповых-Высоцких это группа которая имеет за собой большой опыт распространения разных нелепых слухов про Советский Союз, всякие небольшие затруднения ими рас[с]казывались, как моменты окончания существования соввласти примерно. Затруднения с хлебом и введения норм и ряд других затруднений, причем всякие затруднения их радовали, сама Арапова не пропускает не одного праздника, чтобы его не соблюсти, что безсомнения передается и при ея воспитаний учащимся. Протокол мне прочитан Записано с моих слов верно:

Н. Колмановская

19 (Л.д. 43-44)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

9/1 1931 года. Я, П.П. ОГПУ по Н.-В. краю допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Арапову Лидию Борисовну лет, происходит
проживает род занятий партийность
Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать [рукой Араповой?]:

Ответы.

1) Не помню точно, в 26^м или 27^м году у меня и нескольких близких мне людей возникла мысль приобретать собоица, в складчину, книги по беллетристике русской и иностранной, обмениваться ими, окупая их стоимость взносами ежемесячно по 50 коп за 1 книгу. Меня просили взять в свои руки выбор, закупку и раздачу книг. Приобреталась эта литература в книжном магазине Госиздата (под Асторией). Выдавалась 2 раза в неделю у меня на квартире. Все, что я получала, я тратила на приобретение книг, конечно не извлекая для себя ни малейшей выгоды. Существовала эта библиотека, должно быть, года полтора, а затем, постепенно, распалась. Книги многие были, что называется «зачитаны». Кое-кто из читавших уехал, захватив с собой книги, часть поистрепалась, часть я пожертвовала в утиль-сырье. Книг было, должно-быть 60-70 числом.

2) За время моей работы в Советских школах <...> была прикреплена к литературно-драматическим кружкам и к вела культурно-просветительскую работу при месткоме. В работе кружков центральное место занимало проведение общественно-политических кампаний (постановки в дни годовщин революционных праздников, а также антирелигиозные представления). Это – работа с учащимися. Кроме-того, участвовала в целом ряде методических комиссий, была председателем секции словесников в 7ой школе-девятилетке.

3) Считаю, что начавшаяся культурная революция идет по правильному пути, создавая новую, социалистическую культуру.

4) Среди моих знакомых я не наблюдала проявления контрреволюционных настроений, а поэтому назвать никого не могу.

5) Считаю, что работа педагога на селе должна быть не только работой специалиста своего дела, но, пожалуй, главным образом, работой общественника, принимающего участие во всех моментах общественно-политической деятельности и четко проводящего генеральную линию партии.

6) Со времен студенчества считаю свою идеологию прогрессивной, участвовала в 1901 году в антиправительственной студенческой демонстрации, к монархии и царскому режиму всегда относилась и отношусь резко отрицательно.

Вполне разделяю идеалы социализма.

Л. Арапова

9 января 1931 года.

[рукой следователя Ботикова]:

Библиотека которая находилась в моей комнате составила на компанейских началах куда входили: Я, Арапова, Высоцкие Софья Борисовна сейчас пенсионерка моя сестра, Зинаида Федоровна Врач детской консульский, моя племянница, Алексеевская Ольга Федоровна конторщица Союзхлеба моя племянница. Лопатина Екатерина Васильевна жена врача, Калининкова Анна Артемьевна преподав., Мишерева Мария Тимофеевна жена инженера. Сердобов Михаил Полизткович юрист Арбиткомис[с]ий. Гу[с]аковы Мария Ивановна д/х, ее сын Борис Яковлевич служащий но где не знаю[,] ее дочь Наталья Яковлевна служ. д/сада, семья быв. нотариуса, Астраханский Павел Севастьянович служащ[ий] Союза охотников и его жена Зоя Николаевна преподават. Музтехникума, Коробков Григорий Иванович препод. математики. Дмитриева Татьяна Юлиановна, преподав. Штэрн Берта Ильинична жена врача. Шапиро Евгения Ефимовна работница кино и ряд еще лиц которых не повню. Все перечисленные лица кроме меня моей сестры Софьи Борисовны и ее дочери Зинаиды Федоровны не являлись организаторами, а брали лишь книги для чтения. Нам-же троим принадлежала роль организаторов этой библиотеки. Библиотека [вообще?] известна не была и была обслуживала лишь круг лиц знакомых. Присылке педагогов в деревню моя кандидатура выдвигалась, но мною был сделан отвод своей кандидатуры: по мотивам, что я в деревне не была, ее не знаю, что я уже для деревни стара и есть преподаватели моложе меня и что я имею иждивенца, т.к. есть их не имеющие, о том что я физически здорова но в деревню работать не поеду я такого заявления не делала, а сказав, что если я физически здорова, то незначить что <...> не следует выдвигать в деревню для работы

Прочитано Верно Записано с моих слов Л. Арапова

20 (Л.д. 45)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

10/1 1931 года. Я, Уполномоч[енный] СО П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Ботиков допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Кахабери Ал-др Ильича 40 лет лет, происходит Грузия проживает Саратов Камышинска[я] 135 кв 1 род занятий математик 20 школа ФЗС партийность Безпартийный

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать с сентября 1930 г. я поступил работать преподавателем математики в 20 ФЗС, где в октябре познакомился с преподавательницей словесности этой школы Араповой Лидией Борисовной. Мне приходилось с ней часто из школы ходит[ь] домой т.к. идти по пути: однажды идя вместе с Араповой она мне задала вопрос зная, что я административно выслан[н]ый, что скоро ли будет конец вашему и нашему страданию. Я ей ответил что я на практике вижу что совласть укрепились а за границей скоро будет революция. На что мне Арапова ответила, что вы стали пас[с]ивный и не видите что кругом вас делается. Арапова добавила что подождите увидите что будет весной

31 года. На мой вопрос, скажите что можно ожидать, Арапова сказала, скажу об этом после, но не сейчас других разговоров мне с ней вести не приходилось, так как она была вскоре арестована. Близких знакомых Араповой мне не известно т.к. мало работаю в школе.

Прочитано записано верно. Кахабери

21 (Л.д. 47)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

<16> Января 1931 года. Я, Уполномоченный П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Пушкарев допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Кузнецова Георгия Павловича 26 лет, происходит г. Самары. Сын б/офицера убитого в 1914 г. в Империалист. войну. проживает Цыганская 154. род занятий Преподаватель математики и физики партийность Безпартийный

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать Арапову Лидию Борисовну, знаю по совместной работе в 20 школе ФЗС, с сентября 1930. Мои личные впечатления о ней за время общей работы создались следующие: причислить ее к педагогу советской формаций я немогу причины этому. Арапова как педагог не отдавала себя общественной работе школы. При выдвигений ея кандидатура в деревню, на общем собрании кол[л]ектива выступила и заявила что физически я здорова, но в деревню работать не хочу. В учительской мне приходилось от Араповой слышать жалобы что не платят зарплату, которая имела следующие содержание. Обращаясь к группе преподавателей в перемену Арапова заявляла, что зарплату не платят полное безобразие, все так дорого, жизнь тяжела, сколько раз такие заявления приходилось мне слышать от Араповой не повню, но это было не однократно, Арапова педагог старой закалки, который свой наружным видом, своим общением с педагогами не дает право называть ее педагогом современным, хотя она и работает на этом поприще тринадцать лет, это мое личное впечатление. Протокол прочитан Записано с моих слов верно: Кузнецов

22 (Л.д. 48-49)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

17/1 1931 года. Я, Уполномоченный СО П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Ботиков допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Флорентова³¹ Михаила Александровича 1900 г. рож. лет, происходит из Г. Саратова проживает Первая Садовая д № 66 кв 3. род занятий Педагог, физика и математика, зав. учебной части Сар. т[ехни]кума по борьбе с вредител[ями] в с/х. партийность Безпартийный

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать Арапову Лидию Борисовну знаю по школе взрослых, когда мне приходилось у нея учить<ь>ся <в> 1924 году, и последнее время по 20 школе ФЗС. Могу характеризовать ее как личность довольно замкнутая, в общественной работе совершенно не участвующий, в Период когда был момент задержки выплаты зарплаты, от нея приходилось слышать, не однократно недовольства задержкой выплаты, что тяжело жить нет денег. Во время проведения методов проекта – (1930 г. апрель), т.е. проведение практических работ учащимися на фабриках и заводах, Арапова просила ее освободить от этой новой работы, ссылаясь на свой пожилой возраст и на загруженность в другой школе. На одном из собраний Арапова выступала с возражением против введения методов проектов, указывая что еще рано занимат<ь>ся этой работой, что намечаем очень короткие сроки и берем быстрые темпы, такие выступления Араповой были на двух трех собраниях (1930 г. сентябрь). Во время выдвигения кандидатур для работы в деревню, куда была выставлена и Арапова, она на собраниях заявила, что я человек городской в деревне работать не могу хотя я физически здорова но в деревню работать не поеду. По сле ея ареста мною вразговоре с преподавателем Кайдановской Минной

Абрамовной последняя рассказала, что во время ее разговора с ее мужем Симоновым Василием об аресте Араповой, последний сказал что этого нужно было давно ожидать, рассказав что когда он у нея на квартире подготавливался, то она меня спросила, а ты не комсомолец. Если комсомолец то как будто заявила что учить вас не буду. По своей работе в школе Арапова была близка с преподавателями Уваровой Евгенией Ивановой и Снежницкой Ниной Аркадьевной.

Во время заведывания школой рабочего выдвиженца Шишкина Василья Григорьевича и в момент его перевода в Горно в 1929 г. с назначения на должность Заверткина завшколой Заверткина, Арапова проявляла свои удовольствия, высказывая что я очень рада, что во главе школы встал педагог. По вопросу Шишкина говорила, что он рабочий в деле школы ничего не понимает, ориентироваться в делах школы не может, к тому же он как рабочий грубоват. Мое личное впечатление о работе школы при Шишкине. Работа при Шишкине в школе была поставлена хорошо, он решительно переобразовал школу. Школа перешла на активный метод работы, чутко реагировал на учебные запросы школы, организовал кабинет по с/х. Чувствовалось при его руководстве живость в жизни школы. Так, что оценка Араповой работы школы при Шишкиным была не верна. Зачеркнуто Заверткин не читать. Написано мое личное впечатление и т.д. верить. Протокол мне прочитан Записано с мой слов верно: М. Флорентов

23 (Л.д. 50-51)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

18/1 1931 года. Я, Уполномоченный СО П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Ботиков допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Снежницкая Нина Аркадьевна 27 лет, происходит Пензинская губ село Нижний Шкафт проживает Саратов, Б. Казачья д № 69, кв 5 род занятий Преподаватель русского языка 20 ФЗС. партийность Безпартийная

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать Арапову Лидию Борисовну знаю по секций словесников где большинство преподавателей старых словесников имели руководство в работе и были далеки от молодых словесников в это число входила и Арапова. Я видя ее в секций считала для себя не доступной? как для молодого педагога. Ближе с Араповой я познакомилась в 20 ФЗС в 1930 г. Я ее отношу к педагогам не советской формации. Причины этому следующие: Арапова не однократно проявляла свое недовольство выдвиженчеством рабочих, на заведывание школ, что было и в 20 ФЗС куда был назначен рабочий Шишкин, говорила, что этот человек без образования и не сможет вести работу, ему быт[ь] завхозом, а не руководить работой школы. По вопросу Политехнизаций школ говорила что эта вещь для школы не совместима, не как не увязывается, говоря как можно увязать Капитанская дочка и работа на заводе. Считая что введение политехнизации в школе не нужно и это учащимся ничего не даст. Арапова не однократно жаловалась на трудности жизни, повню во время задержки зарплаты, Арапова приходила в групп[у] и говорила давайте требовать зарплату, ведь нам не чем жить, не сколько не считаясь с моментом. Будучи на демонстраций однажды вместе с Араповой, Арапова говорила что как не хочется жить дальше при существующих порядках, но живу лишь потому что надеюсь на перемену в ближайшее время, что скоро ожидаются большие события, какие события не сказала, но в ее разговоре чувствовалось, что тяжесть жизни у нея от существующего строя. Однажды при разговоре со мной Арапова рассказывала что ужас, что делается в Г.П.У. арестовано до 3000 чел. Идут усиленные расстрелы. Расказывала об аресте своего брата в Москве, сообщений что его расстреляли и потом об ошибке этого сообщения говоря что он не расстрелян. Причин ареста его она не говорила. Арапова за последнее время часто из школы ходила вместе с Кахабери педагог административно[е] выслан[н]ый. По вопросу посылки в деревню Арапова говорила что посылать из нашего колл[ектива] вообще ни кого не нужно, мы или больны или не пригодны для работы в деревне как городские. Педагоги не знают жизни в деревне. На собрании заявила, что я физически

сдорова но ментально больна и работать в деревню не поеду. В частном разговоре говорила, что если меня и назначат для работы в деревню то я брошу службу, но не поеду.

Протокол мне прочитан Записано с моих слов верно: Н. Снежинская

24 (Л.д. 52)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

26/1 – 1931 года. Я, Уполномоченный П.П. ОГПУ по Н.-В. краю Пушкарев допрашивал в качестве свидетеля по делу № граждан Симонова Василия Николаевича 26 лет, происходит г. Саратов, сын крестьянина проживает Первомайская 165 род занятий Зав. секретной части Край-промоюза партийность член ВКП(б) с 1929 г.

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать. Знаю гр-ку Арапову Лидию Борисовну с 1923 года по школе взрослых №4 повышенного типа, где она была педагогом, я в то время был учеником этой школы, и кроме того брал уроки у нее на дому. Из разговоров с ней во время уроков, я узнал что в прошлом она из «бывших». Несколько раз ездила за границу с целью развлечения вместе с сестрой. Во время моих домашних уроков Арапова, узнав о моем вступлении в ряды комсомола сказала: «Лучше бы Вы раньше кончили брать у меня уроки, а потом уж вступали в комсомол». Понимать ее нужно было так, что ей неприятно учить комсомольцев.

Так же из последующих разговоров на квартире в 1923 г. мне известно, что в 1917-1918 гг. ея брат арестовывался ЧК. Ссылаясь на разговоры с братом после освобождения последнего из под ареста, Арапова возмущалась зверским обращением с братом ЧК.

Мое впечатление об Араповой по отношению ее к сов. власти отрицательное, т.к. частые ее вздохи о прошлом времени, когда она имела возможность жить более раскошно, по ее враждебному отношению к ком[] – советовала мне не вступать в комсомол, могу судить, что к сов. власти и партии она относится не дружелюбно.

По окончании школы весной 1924 г. с Араповой я всякую связь прекратил.

Моя жена Кайдановская с ноября м-ца 1930 г. работает в одной школе с Араповой, в должности обществоведа-педагога.

Больше показать ничего не могу, записано с моих слов верно и мне зачитано в чем и расписуюсь.
В. Симонов

25 (Л.д. 54)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(Об окончании дела следствием)

По делу № 4558

19 января 1931 г. Я Уполномоченный 3 отд. Секретного ПП ОГПУ НВК БОТИКОВ рассмотрев дело № 4558 НАШЕЛ: Материалы следствия вполне устанавливают факт содеянного преступления гр.-кой АРАПОВОЙ Лидией Борисовной в ведении а/с. агитации и распространении ложных слухов об арестах ГПУ, что предусмотрено ст. 58, п. 10 а потому руководствуясь ст. 207

ПОСТАНОВИЛ:

Следствие считать законченным о чем объявить обвиняемой с предложением чем она желает дополнить последнее,

Уполномоченный СОЗ подпись /БОТИКОВ/

Вр. Нач. 3 отд. СО подпись /ЖЕМКОВ/

Согласен: Начальник Секретного Отдела *подпись* /СОРОКИН/
 Утверждаю: Нач COV ПП ОГПУ НВК *подпись* /КИЯКОВСКИЙ/

Постановление *мне* объявлено, имею добавить следующее: *ничем не могу*
Виновной себя не признаю

Л. Арапова

26 января 1931 г.

26 (Л.д. 55–59)

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По делу № 4558.

На гр[ажд]анку АРАПОВУ Лидию Борисовну, обвин[яемую] в преступлении, предусмотр[енном] ст[атьей] 58/10 УК

В ноябре мес[яце] 1930 г. С[екретным] О[тделом] П[олномочного] П[редставительства] ОГПУ Н[ижне-]В[олжского] К[рая] были получены сведения на преподавателя словесности 20-й школы Ф[абрично-]З[аводской] С[емилетки] АРАПОВУ Лидию Борисовну, указывающие на то, что последняя в среде учительства ведет антисоветскую агитацию, направленную против всех мероприятий Соввласти, а также занимается распространением всевозможных провокационных слухов, говоря:

«Жить при существующем строе надоело и совершенно невозможно, но живешь лишь потому, что надеешься на скорую перемену существующего строя, подождите весны 1931 г. и их, большевиков, уже больше не будет, ГПУ в Саратове арестовало 2000 чел. казаков и 50 чел. из них расстреляно без всякого суда, ГПУ свирепствует. Арестовывают всех, кого им вздумается, все хорошие люди сидят под арестом».

При выдвижении АРАПОВОЙ на работу в деревню, как педагога, последняя заявила:

«Физически я здорова, но морально больна и работать в деревню не поеду».

Работая же в городской школе, последняя всячески тормозила новым методам преподавания и противодействовала политехнизации школы.

На основании вышеизложенного АРАПОВА Л.Б. была арестована и привлечена к ответственности по ст. 58, п. 10 УК.

В процессе следствия установлено, что гр. АРАПОВА на протяжении ряда лет своей педагогической деятельности действительно вела среди педагогов антисоветскую агитацию, проявляя это в виде недовольства существующими порядками и предвещая скорую гибель Соввласти. Работая в 7-й школе 9-ти летки среди педагогов она систематически занималась антисоветской агитацией, выражающейся в том, что последняя в группе учительства и при отдельных встречах с ним говорила:

«Когда мы, старое учительство, снова займем привилегированное положение, которое занимали раньше, когда перестанут нас, старых педагогов противопоставлять зеленой советской молодежи».

Также проявляла открытое недовольство контролем ее действий в школе со стороны партийных и комсомольских организаций, говоря:

«Чтобы они, какие-то комсомольцы еще меня, опытного педагога, контролировали» (л.д. 32).

Будучи педагогом старой формации, АРАПОВА всячески старалась тормозить развитие новой школы, противница новых методов преподавания и политехнизации школы. В своей школьной работе проводила занятие, строго, по казенному, программу своей работы строила с таким расчетом, что в таковой отсутствовали моменты современности. Во время проведения методов проекта, проведение практических работ учащимися на предприятиях, выступала неоднократно

но на собраниях против этих методов, указывая, что ещё рано заниматься этой работой, что мы берем очень быстрые темпы и короткие сроки, этим самым пытаюсь сорвать новые методы и политехнизацию школы.

В разговорах с преподавателями о политехнизации говорила:

«Политехнизация для школ не совместима, как можно увязать в преподавании «Капитанская дочка» и работа на Бондарной ф[абри]ке, политехнизация в школе совершенно не нужна и учащимся она ничего не даст» (л.д. 38, 40, 48, 50.).

АРАПОВА, как педагог не советской формации, являлась яркой противницей всяких выдвижений рабочих на руководящую работу, когда в 20 школе ФЭС был назначен заведующий-выдвиженец-рабочий, она в среде преподавателей говорила:

«Какой из него заведующий, человек он необразованный и не сумеет вести работу школы, ему быть только завхозом, а не руководить школой, он в ней ничего совершенно не понимает» (л.д. 48, 50).

При временном периоде – задержка выдачи зарплаты по школам, – АРАПОВА проводила возбуждение и агитацию в среде преподавателей школы, а также приходя неоднократно в группом, говорила:

«Давайте требовать зарплату, ведь нам нечем стало жить, полное безобразие творят с нами» (л.д. 47, 48, 50).

При выделении кандидатур по разверстке Наркомпроса для работы в школах на село, АРАПОВА открыто выступала и говорила:

«Из нашей школы посылать никого не надо, мы непригодны для работы в деревню».

По вопросу своей кандидатуры заявила:

«Физически я здорова, но морально больна, педагог я городской, а не деревни и в деревню работать не поеду».

В группе педагогов заявила:

«Если меня пошлют в деревню, то я брошу всю работу, но не поеду (л.д. 47, 48, 50, 51).

АРАПОВА имея на дому подготовку учащихся подростков, не могла терпеть комсомольцев и одному из учащихся подростков, вступившему в комсомол на уроке недовольно заявила:

«Лучше бы Вы раньше кончили брать у меня уроки, а потом вступили в комсомол» (л.д. 48, 52).

АРАПОВА происходила из аристократической семьи с своей сестрой ВЫСОЦКОЙ в 1926/27 г. имели на дому библиотеку, круг читающих, имели очень ограниченный, литература современного содержания отсутствовала. На запросы некоторых читателей о современной литературе, АРАПОВА отвечала:

«Современная литература ни в моем духе, к тому же она не интересует и моего читателя, и заваливать полки современной, не нужной никому, литературой, я не намерена».

Библиотекой своей АРАПОВА преследовала, исключительно, цель – передачу читателю несовременного уклада (л.д. 41, 43).

АРАПОВА, как педагог, была далека от всех общественных работ, считая это дело педагогов советского выпуска, везде и всюду говорила:

«Я вовсе не имею желания вести работу в каких-то общественных организациях» (л.д. 32, 42, 47, 48).

Проявляя недовольство существующим строем, АРАПОВА всегда жаловалась на современную жизнь, которую она теперь испытывает, говоря:

«Как стало тяжело жить, но я живу лишь потому, что надеюсь на скорую перемену существующего строя. Подождем до весны 1931 г., тогда увидим, что будет».

Всякие временные затруднения АРАПОВА старалась использовать с целью вызвать недовольство Соввластью, которыми делилась в группе педагогов, при каждом удобном случае (л.д. 38, 42, 45, 50).

АРАПОВА, кроме систематической а/с. агитации и проявления отдельного недовольства, распространяла провокационные слухи об арестах ОГПУ по 2000 крестьян, о расстреле по 50 чел., о массовых волнениях и восстаниях среди казачества, о расстреле брата ее, Бориса в Москве и т.д., говоря:

«Всех хороших арестовывают и преследуют» (л.д. 31, 33 и 50).

Привлеченная к ответственности в качестве обвиняемой гр. АРАПОВА Лидия Борисовна, 1883 г. рождения, русская, преподавательница словесности 20 школы ФЭС г. Саратова, девица, дочь потомственного, почетного дворянина, акцизного чиновника и частного поверенного, происходит из гр-н г. Ульяновска, образование высшее, окончила Безстужевские курсы в Ленинграде, беспартийная, с 1904 по 1918 г. состояла преподавательницей в Саратовской гимназии ОСТРОВСКОГО, 1918-19 г.г. не работала, конец 1919 г. – преподаватель консерватории, до 1920 г., последнее время преподаватель в разных школах г. Саратова, со слов, не судилась, проживает в г. Саратове, Панкратьевская, дом №-14, кв. 2.

В предъявленном ей обвинении виновной себя не признала, но свидетельскими показаниями факты ее а/с. и к.р. деятельности вполне подтверждаются, на основании изложенного, АРАПОВА Л.Б. ОБВИНЯЕТСЯ в систематической антисоветской агитации среди учительства, направленной против всех мероприятий Соввласти, а также распространении всевозможных провокационных слухов, с целью дискредитации и подрыва мощи ныне существующего строя, что предусмотрено ст. 58, п. 10 УК, РСФСР, а посему руководствуясь ст. ст. 210 и 211 УПК РСФСР,

ПОЛАГАЛ БЫ:

Данное дело считать производством законченным и на основании приказа ОГПУ № 172 от 2/IV-24 г. и Положения об Органах ОГПУ, направить на распространение Особого Совещания при коллегии рассмотрение *тройки* ПП ОГПУ, на предмет рассмотрения во вне судебном порядке.

УПОЛНОМ СО 3 ПП *подпись* /БОТИКОВ/
 СОГЛАСНЫ: ВРИД НАЧ СО 3 ПП *подпись* /ЖЕМКОВ/
 НАЧ СО ППОГПУ НВК *подпись* /СОРОКИН/
 «УТВЕРЖДАЮ»: НАЧ СОВ ППОГПУ *подпись* /КИЯКОВСКИЙ/

СПРАВКА: Обвиняемая АРАПОВА Лидия Борисовна содержится под стражей в Сар. Изоляторе с 26 ноября 1930 г., вещественных доказательств по делу не имеется.

1/II-31 г. УПОЛНОМ СО 3 ПП *подпись* /БОТИКОВ/

27 (Л.д. 60)

Выписка из протокола №85
 Заседания тройки П.П. ОГПУ по Н.-В. Краю
 от 14-го февраля 1931 года.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Дело № 4558, по обвинению: АРАПОВОЙ Лидии Борисовны, по ст. 58 п. 10 УК. –	АРАПОВУ Лидию Борисовну – из-под стражи ОСВОБОДИТЬ, лишить права проживания в Московской, Ленинградской обл[астях], Киевском, Харьковском, Одесском окр[угах], С[еверо]-К[авказском] К[рае] и Н[ижне]-В[олжском] К[рае], с прикреплением к определенному месту жительства, сроком на ТРИ года, лишив права голоса на все время высылки. –

Выписка верна: Уполномоченный Р[егистрационно-]С[татистическим] О[тделом]
П[олномочного] П[редставительства] – *подпись* (Петрухин)

3/III – 31

№ 108524

Начальнику Саризолятора. –

Копия: Крайпрокурору – для сведения.

На обороте сего препровождается выписка из прот[окола] Тройки ППОГПУ НВК от 14/II–
31 г. по делу №– 4558 на АРАПОВУ Лидию Борисовну – на исполнение. – *обязав явкой в П.П.*
Кошк<...>a

38 –

Нач. РСО ПП – (Ильин)

Уполномоченный – *подпись* (Петрухин)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Вячеслав Яценко. Расцвет повстанческого движения в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (весна – лето 1921 года). <http://a-pesni.org/grvojna/makhno/a-rascveta.php>

² О нем см.: Алексей Голицын. «Яков Вебер проповедовал гибель советской власти» // Волга. 2022. № 9–10.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 477. С. 226. Машинопись.

⁴ См.: Green-Arapoff C. From the Ipswich... from the Volga... to the Seine: the story of how an American girl from the banks of the Ipswich River and a Russian nobleman from the Volga met and were married by the Seine. Boston, 1978.

⁵ См.: Алексей Голицын. Случай Русецкого (<https://fn-volga.ru/news/view/id/104414>).

⁶ См.: Милашевский В. А. Вчера, позавчера...: Воспоминания художника. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989; Владимир Милашевский. Из цикла «Глазами пятилетнего» // Волга. 1993. № 2; Письма В.А. Милашевского Е.И. Водоносу // Волга. 1994. № 8.

⁷ Здесь и далее цитируется с сохранением особенностей оригинала архивное прекращенное уголовное дело ОФ-7244, хранящееся в Управлении ФСБ РФ по Саратовской области.

⁸ Ныне по адресу: ул. Вознесенская, 5 находится МАОУ «Гимназия № 4».

⁹ Уроженец села Иловатка Михаил Федорович Корнеев, 1913 г.р., был призван в армию 12.06.1945 г.

¹⁰ Ныне село в Ровенском районе Саратовской области.

¹¹ Саратовский межобластной радиокинотехникум существовал в 1930–1931 гг.

¹² Дамер Мария Августовна (1877– ?) – репрессирована и отправлена на спецпоселение в Томскую область 9 сентября 1941 г.

¹³ 32-я Саратовская стрелковая дивизия сформирована 25 мая 1922 г. В марте 1934 г. в полном составе переведена в Приморский край и включена в состав Особой Краснознамённой Дальневосточной армии. В Саратове именем дивизии названа улица.

¹⁴ Поляков Анатолий Алексеевич (1875–?) – сын священника с. Малиновка Сердобского уезда. В 1897 г. окончил Саратовскую духовную семинарию. О нем см.: Поляков О.С. Мой дед – Григорий Кириллович Поляков: попытка составления биографии и родословной. – Саратов: Музыка и быт, 2018.

¹⁵ Бауэр Николай Богданович (1881–?) – преподаватель сельскохозяйственного и автодорожного институтов. Осужден 30 апреля 1931 г. к лишению права проживать в 12 пунктах СССР, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на 3 года.

¹⁶ Скалигеров Никон Тимофеевич (1877, с. Крутец Сердобского уезда – 1957, Саратов) – преподаватель русского языка и литературы. Родился в семье священника. В 1897 г. окончил духовную семинарию, в 1906 г. – естественный факультет Варшавского университета. Преподавал в Александровском ремесленном и коммерческом училищах г. Саратова, после революции – в школах. Кавалер ордена Ленина.

¹⁷ Глубоков Василий Назарович (1882 – после 1942) – педагог, регент церковного хора.

¹⁸ «Дело 48 вредителей рабочего снабжения». В 1930 г. были расстреляны «буржуазные» специалисты организаций «Союзмясо», «Союзрыба» и «Союзплодоовощ».

¹⁹ Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938) – экономист, теоретик НЭПа. Впервые был арестован 19 июня 1930 г. Расстрелян 17 сентября 1938 г.

²⁰ Дело Промпартии («Дело контрреволюционной организации Союза инженерных организаций (Промышленной партии)») – показательный судебный процесс по делу о вредительстве в 1925–1930 гг. в промышленности и на транспорте. Все осужденные впоследствии были реабилитированы.

²¹ Швабенланд Александр Андреевич (1905–?) – репрессирован по национальному признаку.

²² Карпенко Владимир Константинович (1873–1936) – архитектор. С 1904 г. преподавал в Боголюбовском рисовальном училище. С 1921 г. – профессор политехнического института. С 1930 г. – заведующий кафедрой строительного искусства Саратовского автодорожного института. Член правления Саратовского отделения Союза советских архитекторов.

²³ Загрекова Наталья Александровна – преподаватель русского языка и литературы, первый заслуженный учитель РСФСР в Саратове. Родная сестра художника и архитектора Николая Загрекова (1897, Саратов – 1992, Берлин).

²⁴ Яхонтов Дмитрий Григорьевич (? – после 1947) – до революции – инспектор и преподаватель Саратовской духовной семинарии. В возрожденной 16 ноября 1947 г. Саратовской семинарии также был инспектором, преподавал исторические предметы и конституцию СССР.

²⁵ Воронков Борис Филиппович (1883–?) – преподаватель. Арестован 17 февраля 1931 г. за антисоветскую агитацию. Дело прекращено.

²⁶ Павловский Ефим Тимофеевич (1891, с. Валегоцулово Ананьевского уезда Херсонской губернии – 1953, Саратов) – кандидат филологических наук, доцент, специалист по методике преподавания литературы, истории русской литературы XVIII в. С 1920 по 1931 г. – преподаватель Рабочего факультета им. В.И. Ленина при Саратовском университете.

²⁷ Фортунатов Василий Александрович – преподаватель русского языка в рабфаке им. В.И. Ленина.

²⁸ Юстус Карл Фридрихович (1883–?) – осужден 8 ноября 1936 г. за антисоветскую агитацию к 6 годам лишения свободы.

²⁹ Куфельд (Гесс) Анна Давидовна (1869–?) – педагог, учредитель второй женской гимназии в Саратове.

³⁰ Гиттерман (Алфионова) Ольга Алексеевна (1892–?) – педагог. 9 сентября 1941 г. как жена немца была отправлена на спецпоселение в Томскую область.

³¹ Флорентов Михаил Александрович (1900 – после 1985) – педагог. Во время Великой Отечественной войны – кассир полевой кассы Госбанка. Награжден двумя медалями «За боевые заслуги» и орденом Отечественной войны II степени.

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ

ФИЛОСОФИЯ НА ДОВЕРИИ

Рэй Монк. Витгенштейн. Долг гения. Перевод с английского Анны Васильевой. Научная редакция и примечания Валерия Анашвили. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 624 с. – (серия «Интеллектуальная биография»)

Когда в 1942-м Витгенштейна спросили, сколько людей понимают его философию, он после некоторого размышления ответил, что двое. Один из них – Гилберт Райл, а вот второго он не назвал, так что вакансия понимателя витгенштейновских текстов, видимо, до сих пор свободна.

Дальше больше. Точнее, еще меньше. Незадолго до смерти Витгенштейн позвал к себе Нормана Малькольма, чтобы, страница за страницей, прочесть с ним, сначала по-немецки, а затем, в собственном переводе, по-английски, каждое предложение того, что он называл последней своей книгой.

«Причина, по которой я это делаю, – объяснял Витгенштейн, – в том, что должен быть хотя бы один человек, который поймет мою книгу, когда ее издадут...»

В записных книжках Витгенштейна того времени Рэй Монк выделяет фразу об ощущении тотального интеллектуального одиночества: «То, что я пишу, – это почти всегда монолог, обращенный к самому себе. То, что я говорю самому себе с глазу на глаз» (528).

Чем лучше делаешь свою работу – тем меньшему количеству людей она нужна. И даже развитие звукозаписи способно вызвать у Витгенштейна лишь приступ дополнительной печали. «Это так характерно, что когда механизмы воспроизведения столь значительно улучшаются, остается все меньше и меньше людей, которые знают, как играть музыку...» (543).

Логико-психологические выкладки Витгенштейна хоть и стремились всю жизнь к объективности, к полной объективизации, но так ведь и остались междисциплинарным способом индивидуального мышления – сколь оригинального, столь и одинокого, и потому малопонятного. Что, в общем-то, совсем не мудрено, учитывая переусложненность и максимальную отвлеченность материй, над которыми он думал.

Помимо естественных сложностей, возникающих внутри максимально точного изложения логических цепочек, лежащих в основе восприятия мира, отражающегося в сознании и, следовательно, в языке, есть в витгенштейновском способе мыслить еще и масса субъективных сложностей.

Например, наличие собственного словаря, в котором привычные понятия (гештальт, думание, видение) имеют нестандартные значения. Оказывается, это именно Витгенштейн начал говорить о грамматике различных видов и сфер деятельности, предлагая различать закономерно-сти автономных устройств разных жизненных явлений.

Витгенштейн, рассуждавший о структурном тождестве мира и языка, пытался простроить такие мыслительные структуры, где возникало бы минимальное количество противоречий, как внутренних, так и внешних. Кажется, главная его задача, все многолетние муки и попытки, именно в такой невозможной безупречности и заключаются.

Когда-то это называлось «аналитической философией», теперь же весьма напоминает деконструкцию.

Витгенштейн вечно был недоволен плодами своих трудов, постоянно переписывал тексты, образующие этапные книги (мыслил он, правда, не книгами, но отдельными записями в блокно-

тах, постфактум объединяемых в сборники итоговых выкладок), из-за чего все они имеют массу промежуточных вариантов при отсутствии канонических и окончательных версий. Кажется, ни одно издание, даже «Логико-философский трактат», сделавший его знаменитым, Витгенштейна не устраивало, ибо устаревало еще до выхода в свет. Уже в процессе самого письма.

Отчасти это схоже с музейфикацией перформанса, от которого остались только невыразительные материальные следы и документация. Витгенштейн, скорее всего, был ценен не как сочинитель головокружительно сложных текстов, проделавший весьма показательный многолетний путь от предельной логики к тотальной иррациональности, но, прежде всего, сам по себе, как машинка, порождающая нестандартные мысли и ходы.

Рэй Монк педалирует тему постоянных изменений в размышлениях философа, который думал быстрее, чем писал, из-за чего, не успев начаться, книги его, возьмем ли мы «Логико-философский трактат», от которого Витгенштейн быстро отрекся, или же «Философские исследования», постоянно трансформировались. Прорастали изнутри какими-то новыми ответвлениями.

И вряд ли в истории европейской философии новейшего времени есть более эзотерические и замкнутые на себе тексты. Идеал, который нес в себе Людвиг, пытаясь воплотить его в предельно сжатых формулах, сочащихся суггестией, по определению недостижим. Он проступает на страницах статей и книг в первом, максимально огрубленном, приближении. Поэтому вряд ли мы способны узнать, что же Витгенштейн нес в себе на самом деле и насколько он сумел приблизиться к центру этих своих прозрений.

Но именно оттого-то труды Витгенштейна и создают такие прекрасные возможности для трактовок и бесконечных интерпретаций, без которых, кажется, они существовать не умеют – так уж затейливо устроены, более всего иного напоминая модернистские стихотворения (скажем, Хлебникова или же Элиота), ну, или же опусы Антона Веберна, его земляка из нововенской композиторской школы.

Хотя Рэй Монк пару раз и проводит параллели между методом Витгенштейна и Арнольда Шенберга с изобретенной им 12-тоновой додекафонией, мне кажется, что более точной будет аналогия именно с Веберном. Немногочисленные сочинения его, во-первых, достаточно коротки, а во-вторых, максимально насыщены, словно бы каждое мгновение звучания своих опусов Веберн хотел довести до предельно концентрированного состояния универсального афоризма. В каждой ноте которого, точно в «Черном квадрате» Малевича, зашифровано бесчисленное количество движений и изображений, аллюзий и реминисценций, потенциального, до времени непроявленного смысла.

Другое дело, что Шенберг был первооткрывателем метода, тогда как Веберн учился у него, вместе с Альбаном Бергом, примерно так же, как юный Людвиг приехал из Вены в Кембридж учиться к маститому Бертрану Расселу (в книге Монка он почему-то изображен несколько комическим стариком, не заслуживающим глубинного уважения) и не менее великому Джорджу Эдварду Муру (его автор биографии описывает более сочувственно – ведь Витгенштейн сохранил с ним дружеские отношения и во второй половине жизни, после того как с Расселом они навсегда охладели друг к другу), стоявших у истоков того, что теперь называется «аналитической философией».

Определение того, что что делал Витгенштейн и чем, собственно, занимался всю жизнь, а также то, в чем заключается вклад его в интеллектуальную историю цивилизации – важнейшая тема книги «Долг гения».

Монк тщательно перебирает влияния, нападавшие на Витгенштейна в разные периоды жизни. Много пишет об его интересе к Фрейд и психоанализу, упоминает Гуссерля, хотя о связи/разнице аналитической философии и феноменологии можно было и побольше. Также, буквально через все жизнеописание, проходит важность для Витгенштейна книги «Пол и характер» Вейнин-

гера, заразившей его любовью к логике¹, а также сексуальной фрустрированностью и стремлением к воздержанию, а также толстовство.

Им Витгенштейн увлекся еще на фронтах Первой мировой, когда носил в ранце толстовское переложение «Евангелия», под пулями в атаку. Именно Толстой, кажется, и явился одним из формообразующих факторов аскетичного образа жизни (будучи младшим ребенком из сверхбогатой семьи, Витгенштейн отдал все свои средства братьям и сестрам, в стремлении похерить личностные качества, став кем-то вроде *живой интенции*), попытки работать в сельской школе, продлившиеся, между прочим, три года.

Странные тексты и чужие практики, принципиально маргинальные для своего времени, косвенно подсвечивают и то главное, что Витгенштейн создал в жизни – основы нового взгляда на философию, философию математики и философию психологии, сущности которых, впрочем, и так никто не знает и знать не может.

Из-за чего нужно, между прочим, обладать большим запасом не только собственной мыслительной прочности, но и априорного чужого доверия. А с этим, кстати, возникают неожиданные проблемы. Перечитывая теперь публицистические и религиозные выступления Толстого (не говоря уже о сроке годности открытий Вейнингера или источниках «Легенды о Великом инквизиторе» из «Братьев Карамазовых», которых Витгенштейн цитировал наравне с толстовскими «Евангелиями»), видишь в них, прежде всего, швы и ограничения, накладываемые конкретикой времени. То, насколько гуманитарные открытия зависят от исторического контекста и социокультурной ситуации, наступающих на их универсальность.

Монк описывает, как после капитуляции Германии в 1945 году Витгенштейн был уверен, что передышка выйдет совсем небольшой. Испытание атомной бомбы приближит начало Третьей мировой, которая уже не за горами. Проницательный с друзьями и учениками, во всем прочем Людвиг кажется фриком, существующим сугубо на своей волне и зависимым от предельной субъективности. Когда человек идет путями, проторенными до него предшественниками, открытия и достижения его легко масштабировать, даже если критерии отточены не окончательно.

Но как объективно оценивать предельно абстрактные выкладки в совсем беспрецедентных до того направлениях? Как и почему им следует доверять, если существуют лишь косвенные признаки истинности? Да и те перемешаны с констатациями влияний, не сильно стремление к объективной истине украшающих.

Сам Витгенштейн терпеть не мог комментировать собственные сочинения, а еще больше раздражался, когда этим занимались другие – ведь он и сам еще только искал правильные формулы и точки взгляда на философию математики или философию психологии, чего уж ждать тогда от других, менее продвинутых людей?

«Он был убежден, что его книгу принципиально не поймут – особенно академические философы, – и это еще одна причина, почему она не была опубликована при его жизни. В переписанной версии предисловия он говорит: “Не без внутреннего сопротивления я передаю эту книгу публике”. “Руки, в которые она попадет, в большинстве случаев совсем не те, в каких мне хотелось бы ее видеть. Пусть она – и я желаю ей этого – будет совершенно забыта философскими журналистами и таким образом будет сохранена для читателей лучшего сорта”...» (488).

В этом неверии в чужое восприятие, Витгенштейн напоминает Иешуа Га-Ноцри (в дневниковых записях философа, кстати, полным полно отсылки к мессианским высказываниям Иисуса, зафиксированным апостолами), который не ждал ничего хорошего от хроник Левия Матвея.

Тем поразительнее появление юного Витгенштейна в Кембридже, когда Рассел практически

¹ «Логика есть закон, которому надо подчиниться, и только тогда человек вполне логичен – он является самим собой. В познании он обретает самого себя. Всякое заблуждение чувствуется как вина. Поэтому человек не должен заблуждаться. Он должен найти истину и может найти ее...» («Пол и характер», 282).

с лету (всего за какой-то там триместр) признал в косноязычном и застенчивом иностранце потенциального гения всех времен и народов.

1 февраля 1912 года Витгенштейна, который до этого никогда формально не обучался логике, только приняли в Тринити-колледж, а уже апрельская переписка Бертрана Рассела, ставшего его научным руководителем, с леди Оттолайн Моррелл, полна захлебывающегося восторга человека, внезапно встретившего своего научного двойника.

Если глава о начале научной жизни Витгенштейна называется «Ученик Рассела» («...к началу летнего триместра отношения между ними стали меняться. Оставаясь формально наставником Витгенштейна, Рассел все больше и больше искал его одобрения...», 62-63), то следующая уже называется «Учитель Рассела»: летом Рассел хотел было написать книгу по «теории знания», способной стать главным его достижением. Однако, показав первые шесть глав будущего труда студенту Витгенштейну, Рассел бросил развивать этот текст, впад в практически суицидальное отчаяние.

«Он получил удар, который должен был разрушить его порыв и убедить Рассела, что он больше не способен на фундаментальную работу по философии. Обсуждая работу, Витгенштейн привел казавшееся относительно незначительным возражение против теории суждений Рассела. Рассел было подумал, что оно преодолимо. “Он прав, но мне кажется, все решит небольшое исправление”, – написал он Оттолайн. Через неделю он понял, что подорвана сама основа его работы» (96 – 97).

Критика Витгенштейна, за плечами которого, по сути, не стояло тогда еще вообще никакого научного и, тем более, писательского опыта, была не столько метафизической, сколько логической. И «когда Витгенштейн наконец смог представить свои возражения письменно, Рассел признал свое поражение...» (97).

Это я к тому, что всю свою жизнь Витгенштейн, производивший на людей впечатление безусловного гения, плел текстуальные паутины, значение которых могли и могут оценить единицы.

В главе «Истина не для печати» Монком описано, какие сложности преодолевал «Логико-философский трактат», прежде чем выйти отдельным изданием. Витгенштейну, разумеется, сочувствуешь – издательские отказы едва ли не довели его до самоубийства, но ведь и редакторов, вынужденных иметь дело с текстом непонятной глубины и размытого формата «*антиисторического экзистенциального метода философствования*», тоже понять можно. Чудо, что «ЛФТ», написанный в итальянском плену, вообще вышел в ситуации тогдашнего чудовищного (послевоенного) экономического кризиса.

В 1930-м, когда Витгенштейн давным-давно уже стал общепринятой философской знаменитостью, тот же Рассел, подавая отчет руководству Тринити-колледжа, отмечал, что теории его ученика были «новыми, очень оригинальными и, несомненно, важными». Но: «Верны ли они, я не знаю. Как логик, который любит простоту, я предпочитаю думать, что нет...» (547).

Отомстил.

Для того, чтобы сделать жизнеописание Витгенштейна равновесным на фоне его трудов, необходим мастер, способный совместить сразу несколько противоречивых умений.

С одной стороны, он должен не просто разбираться в весьма противоречивом и сложном наследии философа, умея излагать его тезисы, насколько это возможно, доступно, превращая вино в воду, но и, с другой, обладать навыками беллетриста, даже драматического художника, умеющего отобрать в эффектной жизни своего персонажа самые лакомые фрагменты. Так как, и особенность эта проходит сквозь все жизнеописания, составившие коллекцию «Интеллектуальных биографий», герои серии настолько многосторонни и интеллектуально подвижны, что крайне сложно осуществить правильный отбор биографических и контекстуальных компонентов. Ведь такие жизнеописания могут быть развернуты в любую из потенциальных сторон. Из-за чего на

первый план здесь выходит самостоятельность мышления самого биографа, свободно плавающего одновременно в паре-другой (порой даже не пересекающихся) жанровых полей и дискурсивных умений.

Подобные нарративы держатся на сложно организованной системе сдержек и противовесов, так как нарушение равновесия и впадение в одну из крайностей способствует либо научной засухе повествования, либо тотальной поповизации.

В своей жизни и творческой деятельности Рэй Монк учитывает наследие Витгенштейна, но не сидит на нем как на источнике воздуха или же как на тяжелом наркотике, сохраняя методологическую самостоятельность. Прочитав томину «Долг гения» до конца, понимаешь, насколько сложно, сталкиваясь с трудами и днями Витгенштейна и, тем более, погружаясь в его тетради на длительный срок, сохранить ясность и независимость своего ума.

Дело не в конкретике умозрительных выкладок, но в силе примера, дающего *метод* не только мышления, но и бытия, отформатировав свой «взгляд» до законченного и вполне фабрично упакованного продукта. Серия «интеллектуальных биографий», затеянных издательством «Дело», содержит плоды таких, что ли, «вспомогательных» форматов, если вспомнить жизнеописания Вальтера Беньямина (Ховард Айленд, Майкл У. Дженнингс) и Ролана Барта (Тифен Самойо).

Однако, с этой книгой Монка нужно знать пару лайфхаков.

Первый связан с весьма пространными фактологическими комментариями, которые написал, пользуясь служебным положением, научный редактор перевода Валерий Анашвили. Они, вроде бы, отрывочные и сугубо справочные, но крайне точно акцентируют внутреннее течение монковской биографии, претендующей на максимальную объективность подачи.

Анашвили отыскивает в историческом, культурном и философском бэкграунде сецессиона, жизни Витгенштейна и тексте Монка всяческие неброские жемчужины и раритеты, чтобы вернуть их на полную мощь. Рассказав, например, о понятии «генида», введенном Отто Вейнингером в книге «Пол и характер», или же об идеологии отсутствующего орнамента у архитектора Адольфа Лооса. Единственным упущением здесь мне видится невнимание к Николаю Бахтину, кембриджскому другу Витгенштейна, про которого не сразу понимаешь, что это же совсем другой Бахтин, хотя тоже филолог, совершенно набоковский персонаж, преподаватель античной литературы в Саутгемптоне, а затем в Бирмингеме, где он становится доцентом лингвистики.

Вот как Фаня Паскаль, учительница русского языка, занимавшаяся с Витгенштейном и его другом Фрэнсисом Скиннером (начитавшись Толстого, один из них отправился в большевистскую Россию искать работу, а другой остался ждать товарища на безопасном от большевиков расстоянии), пишет в своих «Личных воспоминаниях» о Николае Бахтине, являющимся очередным зеркалом, внезапно отразившем психологические особенности самого Витгенштейна:

«Николай Бахтин, эмигрировавший из России во время революции, но неожиданно к началу второй мировой войны ставший пламенным коммунистом, был вдохновенным педагогом и лектором. В его характере было что-то не позволявшее ему переносить свои работы на бумагу, и я не знаю никаких других его завершённых сочинений, кроме нескольких эссе и лекций, посмертно изданных профессором Остин Дункан-Джойс в отдельном томе, посвященном памяти Бахтина. Что я действительно знаю и что само по себе могло бы привлечь внимание к этой дружбе – это то, что Витгенштейн по-настоящему любил Бахтина, был необыкновенно счастлив и весел в его присутствии и никогда не бросал его, в то время как с другими проделывал это запросто. Это был тот редкий случай, когда Витгенштейн принимал человека таким, какой он есть. И все это – несмотря на то, что внешне и внутренне они были абсолютными противоположностями. Бахтин отдавался крайностям страсти, неконтролируемому избытку чувств и экспрессии. Казалось, он, как вулкан, всегда на грани взрыва. Он страдал иррациональными страхами и навязчивыми идеями, любил экспансивность, был большим гурманом. Будучи бездетным, Бахтин, в отличие от Витгенштейна,

находил отраду не то что в детях – в кошках. И все же их объединяли особого рода детская невинность и нелюбовь ко всяческому банальностям...» (99 – 100).

Проблема в том, что комментарии Анашвили нигде в основном тексте не обозначены и нужно, для начала, обнаружить их в конце книги, после списка литературы, но перед именным указателем, а затем держать в голове страницы, к которым они полузаочно прикрепляются.

Второй лайфхак относится к эпилогу витгенштейновской биографии, в которой внезапно выясняется, что одна из задач, которые вели Рея Монка в исследовании, это полемика с жизнеописанием Уильяма У. Бартли III, где жизнь и исследования Витгенштейна не спаяны, как у Монка, но, как раз, разведены по полюсам. Де, мухи отдельно, котлеты – отдельно, что видно уже из самой структуры книги Бартли, породившей, несмотря на свою традиционную бинарность, большую полемику. В ней четыре главы: нечетные посвящены биографическим обстоятельствам жизни философа (ранние годы, сгруппированные вокруг работы Витгенштейна в сельских школах горной Австрии после Первой мировой, а также его последние, «закатные годы», описываемые на фоне поздних произведений), четные, соответственно, пытаются объяснить философское значение того, что делал Витгенштейн в самом начале и в самом конце своего пути. Внутри этой книги Бартли, таким образом, выделяет что-то вроде интерпретационных резерваций, демонстративно не смешивая принципиально разные жанры.

У Монка, кстати, герменевтика витгенштейновских текстов получается лучше, нагляднее, что ли. Она, во-первых, изящнее инкорпорирована в биографический нарратив с многочисленными фактологическими подпорками и отвлекаловками, из-за чего, во-вторых, аналитическая нудятина не мешает чтению. Она его даже не притормаживает. Возможно, Монк именно такие книги, как у Бартли, имел и ввиду, когда писал в предисловии о традиции разделять жизнь и труды: «хотя интерес к Витгенштейну колоссален, он, к сожалению, является досадно однобоким: некоторые изучают его работу, не принимая во внимание его жизнь, а другие находят жизнь увлекательной, но работу – непостижимой...» (15).

Полемизирует Монк, впрочем, не с особенно сложными аспектами логико-философских трудов Витгенштейна, но с обнаружением в личной жизни философа скандальных подробностей. Которых, как ему кажется, не могло быть. Например, из-за особой трепетности подходов Витгенштейна, всю жизнь находившегося под влиянием книги Вейнингера «Пол и характер», к сексу.

«Интерес, вызванный книгой Бартли, однако был направлен, в основном, не на ее главные темы, но почти на сенсационные утверждения, которые он делает в начале книги относительно сексуальности Витгенштейна. Ажиотаж вокруг этих утверждений, по-моему, несоразмерен, но я чувствую себя обязанным сказать что-то о них. Когда я писал эту книгу, чаще всего меня спрашивали: “А что вы скажете о Бартли?”, что означало: какой ответ я собираюсь дать в моей книге на утверждения о гомосексуальной распущенности Витгенштейна?» (582)/

Сам Монк пишет о личной жизни философа нейтрально. Не затушевывает, но и не выпячивает «непристойное», стараясь почаще цитировать переписку Витгенштейна с друзьями и близкими. Перекладывая, таким образом, «бремя решений» на степень читательской испорченности.

Лайфхак в том, что книга Бартли выходила (под одной обложкой с мемуарами Фани Паскаль и даже Нормана Малкольма, не говоря о других материалах, в том числе кембриджских лекциях Витгенштейна 1930/1932 в записях Дж. Кинга и Д. Ли) по-русски еще в 1993 году, и я даже тогда ее отрецензировал.

Сборная солянка из мемуаров и первоисточников под названием «Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель» была собрана и откомментирована Вадимом Рудневым для издательской группы «Прогресс, Культура» в замечательных переводах и вполне доступна. Я бы вообще предложил изучить ее перед тем, как браться за монковский «Долг гения». Чтобы во всей красе оценить ее самостоятельность, остроумие и благородство.

Ольга БАЛЛА

МЫ ВЫШЛИ ИЗ ЧЁРНОГО ПАРАДИЗА

Леонид Шевченко. Забвению в лицо / Сост. Б. Кутенков. – М.: ЛитГОСТ, 2022. – 140 с. – (Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»)

Леонид Шевченко (1972–2002) – поэт одного поколения, одной исторической ситуации с Борисом Рыжим (родившимся двумя годами позже, в 1974-м). Критик Станислав Секретов в своей рецензии на сборник, которая в момент написания этих строк ещё ждёт своей публикации в журнале «Знамя», назвал их ровесников «поколением травмы».

Сравнений, конечно, не миновать, при всей несравнимости живущих: слишком много общего. И социальные координаты (оба – уроженцы крупных областных центров, Шевченко и родился, и погиб в Волгограде), и темперамент – то, что Цветаева применительно к себе назвала «слишком много тоски и протеста» (Шевченко ещё неуживчивее: в отличие от Рыжего, получившего «с отличием диплом» горного инженера, он не доучился ни на факультете журналистики Волгоградского университета, который после первого же курса оставил ради московского Литературного института, ни в самом Лите, откуда его исключили «за хулиганство». Так и не получив формального образования, работал сторожем, дворником, могильщиком, библиотекарем, журналистом...), острое чувство трагичности времени и удела человеческого как такового, безудержная прямота в выговаривании этого чувства, вообще множество общих интонаций и тем, прежде всего тема смерти, настойчивая у обоих (Шевченко: «просто мы умерли, просто ослепли...», «когда я погибну, меня поцелует Париж», «я надену опять гробовое бельё», «лежать с тобой в одной могиле», «как присутствия на смерти / очертания мои...») и симаской сестры её, разлуки. Так и хочется податься соблазну сказать об общности судьбы, о том, что обоих убило время, хотя Рыжий ушёл

из жизни добровольно, а с Шевченко случилось не очень понятно что: в ночь на 25 апреля 2002 года его нашли в нескольких шагах от дома с проломленным виском. Убийц не нашли до сих пор.

Но чем больше общего, тем резче бросаются в глаза различия.

Не уступающий Рыжему в силе отчаяния (уж не превосходящий ли его?), Шевченко глубже, иррациональнее, страшнее. Стихи младшего поэта ещё «отравлены смыслом» (цитата из Шевченко – так он высказался о стихах руководительницы своего литинститутского семинара Татьяны Бек), он ещё целиком в пределах поэтики предыдущей эпохи. Для Шевченко она тоже ещё своя, у него много внутренних отсылок к классикам от Блока до Мандельштама и Заболоцкого, скрытых цитат («Она звучала над базарами, / над тьмой продажной, как в кино...» – «По вечерам над ресторанами / горячий воздух дик и глух...»). Но он эту поэтику уже разламывает – справедливо чувствуя в ней защитную корку, дававшую видимость порядка, в которую, как и в возможность защиты вообще, уже не верится. О новом, катастрофическом времени он говорит не прежним гармоническим языком – горячими его обломками, ещё помнящими прежнюю форму, ещё тоскующими по ней. Он видит хаос, хлынувший в разломы; он стал одним из первых в своём поколении, кто не только чувствовал этот хаос, но стал его выговаривать, искать для него язык. Иногда – редко, но тем не менее – он вдруг заговаривает языком, составляющим вспомнить потаённые блокадные стихи Геннадия Гора, которые при жизни Леонида ещё и не были обнаружены. Он прорывался уже в совсем другие измерения.

Мы вышли из чёрного парадиза,
и что-то там произошло потом,
а на плече твоём – ручная крыса,
паук весёлый на плече моём,
паук весёлый. Почему не птица?
В начале этого, а не другого дня?
Стеклянные двоящиеся лица
из прошлого смотрели на меня.

Вставные челюсти, неполные стаканы,
во лбу кондуктора голубоватый глаз.
В песочнице сидали истуканы,
в лото играли, материли нас.

И если говорить о поколении, к которому принадлежал Шевченко, его, кажется, стоило бы назвать поколением не травмы, но разлома, катастрофически-плодотворного пограничья между культурными эпохами – для поэтической работы которого травма стала стимулом и рабочим материалом. Возможно ли говорить о работе с бедой? Безусловно. Беда даёт особенную, последнюю смелость.

О Парацельс, двуногий человек,
Микель-Анджело янтаря и мятя,
алхимик добрый, где они,
родные берега и голубые рощи,
где мы в пятнадцать юношеских лет
на водопой гоняли лошадей,
– там рыщут современные хирурги
и стоматологи на дереве живут!

Предыдущее поколение таким языком ещё не говорило.

Шевченко называли «социальным» поэтом. Это правда лишь отчасти, тем более что на социальные темы он имел множество возможностей высказываться как журналист. Он выходил за пределы социального. Чувствовал сквозняк надмирного, холод метафизических основ.

И всё, что случилось, бормочется вслух,
И облачность дышит ненастьем,
а где-то ещё притаился пастух
с улыбкой и тонким запястьем,
и он улетает, и смотрит вперёд
не помня в небесной юдоли
их белые крылья, их внятный уход.
Уже Апокалипсис, что ли?

Не вписался во время? – В каком-то смысле, конечно (время и само не слишком располагало к тому, чтобы в него вписываться). Но душевное его устройство было таково, что он бы, кажется, ни в какое время не вписался.

Александр МАРКОВ

ТЕПЛООБМЕН ДЛЯ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ

Евгения Суслова. Вода и ответ: роман в стихах / предисл. А. Сухаревой, послесл. Н. Сунгатовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 128 с. – (Серия «Новая поэзия»)

Можно представить себе учебник литературы через пять десятилетий, в котором понятие жанра не иллюстрирует речевые явления, в лучшем случае задавая темп и направление чтения, а действительно объединяет произведения так, что признание и понимание одного содействует пониманию другого. Тогда в одном параграфе «Роман в стихах» окажутся «Евгений Онегин» и «Вода и ответ». Конечно, для тех, кто читает Суслову давно и знает ее перформативную книгу стихов «Животное», такое включение в канон не будет неожиданным: ведь это очень открытая поэзия, иногда до беззащитности, и она оказывается ближе к странице хорошего учебника, чем напрашивающаяся иллюстрация или формулировка. Наоборот, поспешные формулировки часто оказываются чужды себе, отворачиваются от себя, почему учебники иногда читать трудно, – тогда как такие стихи как раз сразу займут свое место и не будут нести в себе никакого отращения.

Прежде всего, что такое роман в стихах? Если вспомним Пушкина, это ряд репортажных сцен, как бы мы сказали, стримов – как первая глава «Евгения Онегина» была стримом из великосветского общества, с сенсациями, скандалами и узнаваниями если не лиц и событий (хотя их предостаточно), но определенного образа жизни, где события порождаются в интенсивном режиме. Кроме того, если любой роман – это вешалка для жанров или склад много раз употребленных жанровых форм, то роман в стихах – собрание стиховых высказываний, даже если и поношенных, то продуманных и занимающих всё место мироощущения. Поэтому если в обычном романе возможны любые типографские эксперименты, от курсивов до целых эмблем или иллю-

страций с описаниями, то в романе в стихах, где всё это визуальное напряжение держит на себе память поэзии, возможны только многоточия и пропущенные строфы, как в «Онегине». В романе «Вода и ответ» нет многоточий на месте строк, но есть система тэгов, подкрашенных полужирным, которые показывают, как можно пережить время как такой пробел, пока вспоминаешь, где в книге находятся те же слова и образы. Не из темноты не понятых до конца событий и непонятного для героев будущего, но из самого времени как переживаемого контура действительного и возможного развития событий выходят перед нами герои со своими характерами.

Вектор романа в стихах как жанра, сразу надо оговорить, расходится с вектором романа, как его понимает критическая теория от Дьёрдя Лукача («Теория романа» и «Исторический роман») до Франко Моретти («Буржуа между историей и литературой»), что роман, захватывая рынок удовольствий буржуазного человека, становится необозримым – все прочитанные романы и услышанные в пересказе запомнить невозможно (даже если ты запомнил названия, ты не запомнил, к каким жизненным обстоятельствам и воспоминаниям эпизоды романа подошли при первом чтении), – но именно поэтому они властно внушают определенный способ поведения, как раньше его внушала литургия и проповедь. Все прочитанные романы в стихах можно запомнить, и они оказываются ближе к исповеди, чем к проповеди – но это всё замечание в сторону, которое учтет будущий автор учебника.

Сюжет романа в стихах Сусловой можно обозначить так: язык – это не субстрат нашего бытия, не основание культуры и не средство сообщить даже самое неожиданное. Напротив, это переменная нашей живой жизни, которая всегда под маской, и когда нам нужно ожить больше, чем прежде, то без маски является не сам язык, а его друзья и союзники, такие как языковая способность или рациональное построение. Эти друзья языка и оказываются в хороводе с нами, и мы вдруг себя чувствуем свободнее, чем прежде, когда были недостаточно живыми посреди живой жизни. То, что мы не вступаем в этот хоровод – это только

потому, что боимся принять форму высказывания, форму переживания и вообще любую форму как таковую. Ведь форма – это вовсе не оболочка; напротив, это нечто всегда мерцающее, колеблющееся, нюансированное. Мы боимся, что приняв эти нюансы и дрожь, лишимся прежнего характера и его устойчивости. Но Суслова по сути реформирует представление о характере, – примерно как Гёте и Шиллер в знаменитом цветовом круге заменили четыре классических темперамента на четыре способности: разум, понимание, вдумчивость и фантазию, вдруг сделавшую характеры динамическими.

Суслова меняет эти четыре способности на четырех субъектов или шифтеров, по Бенвенисту и Якобсону, только они превращают не язык в речь, а речевую способность – в определенный сценарий действия. Первый субъект (разум) – я. Это я не только всё время спасает себя, но и отодвигает неспасительное:

Смотри на меня.

Смотри, если можешь, на то,
как я отодвигаю новый болевой контур,
уходящий от тела.

(С. 55)

Далее следуют они (с их инобытием в виде «мы»), как второй субъект (понимание, рассудок). Это те, кто способны остановить происходящее, сказать некое стоп-слово или просто «стоп». Остановить кадр, поезд, любовь, память. В старом романе это были «счастливые обстоятельства», позволявшие некоторое время, а то и до конца дней, жить долго и счастливо, а здесь дана аналитика этих обстоятельств и этого счастья, разложение до атомов:

Они разорвали соитие идеи и действия.
Они плачут прозрачным объемом возможности.
(С. 46)

Эти они могут быть несчастными, чтобы объем возможностей включал счастье; они могут разорвать привычное соитие, чтобы счастливыми сделались новые встречи. Они всякий раз останавливают, не дают сойтись на время и сойти прежде времени, – чтобы меньше мы

полагались на разные обстоятельства и на поверхность своих чувств, но научились соприкоснуться с чем-то еще.

Третий субъект (вдумчивость) – это те. Так называются субъекты разума, субъекты чувства, те самые, для кого в старом романе были припасены заимствованные у культурных эпох ярлыки: сентиментальный герой, романтический герой и т. д.

Находясь в покое,
она – смысловое тело
для тех, кто уже научился чувствовать
потенциальное сердце.
(С. 55)

Эти строки не означают, что лиро-эпическая героиня всех вдохновит на сердечность. Просто герой осуществляется там, где есть поступок; а как быть там, где поступки забываются быстрее, чем совершаются? Просто вдумчиво сказать, что этот поступок и совершен сердечно, и что эта речь останется даже тогда, когда все характеры с их капризами будут забыты.

Наконец, финальный субъект (фантазия) – это «ты». Ты – это не идеальный собеседник, ведь всё идеальное может сорваться в идеализацию, а Суслова этого избегает. Это просто объединение всех возрастов; и в отличие от старого романа, где было существенно, что герой достиг зрелости, здесь оказывается равно важно, что герой достиг и младенчества, и отрочества:

Школу связей свернул,
когда увидел затмение,
состоящее из восьми частей:

они сказали, чтобы ты их собрал
и шел туда, где они смогут совпасть.

Ты шел год и искал из каждой секунды
выход,
но тебя выбрасывало – и ты понимал,
что песок – это форма вопроса,
и искал самую простую
последовательность,
чтобы ответить.

Разверни подарок оттуда,
куда не дотягивается рука ребенка:
он ждет дня своего рождения.
(С. 71)

Это да, то ли перед нами сюрреалистическая фантазия, то ли простые вопросы о том, что тебя больше всего впечатлило в жизни и что ты можешь рассказать из пережитого. Но Суслову не волнует, куда дальше может пойти сюрреалистическая ассоциация или воспоминание об очередном дне рождения, ей важно, что в этом «ты» сосредоточены все дни рождения, все возможности сказать, что «ты» родился, пробудился к новой жизни, перестал блуждать, нашел счастье там, где прежде были частые бури или неотмененные ошибки. Так реализовался четвертый темперамент, который можно назвать достижением правильного теплообмена, когда фантазия тождественна теплу, – как на круге Гёте это переход от самого глубокого синего к самому тёплому из цветов, ярко-красному.

Есть, конечно, в поэме и те, кто в прежней литературе был бы героями, а здесь их можно назвать «модальными лицами», то есть некими грамматическими категориями, которые определяют не порядок действия и отношение его к реальности, а неповторимость действия и его ограничения; модальные лица выступают как универсальные модусы не только для действия, но и для бытия. Это прежде всего Мария («она») – вероятно, так она названа с оглядкой на «Ключи Марии» Есенина. Она останавливает аффекты и останавливает насилие, а после объясняет, что делать после этой остановки.

Место отторгает слабое действие.
Природа любит Марию.
(С. 55)

Делать надо так, чтобы действие было сильным по-настоящему: не в смысле насилия, а в смысле решительности и принятия решений во времени, своевременных и уместных решений, на каковые и настраивает роман в стихах. Другой ключевой герой, или героиня, это «нейтральные агенты», которые на протяжении всего романа следят, чтобы удвоение, в том числе восприятие мира или сделка, не ста-

ло дурным повторением. Конечно, в будущем учебнике будет словарь, например, где будет объясняться, что «машина» в поэзии Сусловой – не слаженный механизм, а уникальная уловка, мешающая копированию, а значит, самому дурному из всех дурных повторений. Но это дело грядущего.

Пока можно сказать, что конечно, в этом романе в стихах есть и спокойные беседы, и беспокойные эпизоды; и один раз научившись читать этот роман, ты его перечитаешь еще не раз, чтобы почувствовать свободу от механизации эмоций, привязанных к насилию; от недолжных психологических блоков, которые отнимают у нас время не в переносном, а в буквальном смысле, как вырывая вещь из рук, и лишают правильного чувства долга; от ненужных волнений, которые именно не-нужные, не могут иметь дело с настоящими нашими нуждами. Работа Сусловой будет оценена так же, как работа Хайдеггера с экзистенциальными векторами повседневности или усилия нашего современника Резы Негарестани понять кибернетическое как отвечающее нуждам природы и культуры в совершенно равной степени, так как из этих нужд вычленяется уже потом и бессмертие, и бытие в смертном мире. Но только роман в стихах позволяет встать чуть ближе к бессмертию: если не к его образу, который меркнет и вновь вспыхивает, то к его «шифтерам», которые даже если не усвоились при первом чтении, полностью заявят о себе при втором.

Богдан ХИЛЬКО

ВЗОРВАТЬСЯ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СВЕТА

Ирина Ермакова. Легче легкого. – М.: Воймега; Ростов-на-Дону: Prosodia, 2021. – 80 с.

Банальностью будет назвать книгу Ирины Ермаковой «Легче легкого», вышедшую в 2021 году, пророческой. Слишком много стало теперь пророческого и заранее предчувствовавшего грядущую катастрофу. Для автора книги она существовала, кажется, всегда – задолго до

поворотного марта 2014, задолго до знакового для книги 2013, задолго даже до 1964 и 1654 – существовала уже в краснофигурной вазе «лет несколько тысяч тому».

А потому «Легче легкого» становится кропотливой и внимательной работой по собиранию и сохранению осколков жизни и культуры, из которых и складывается космос Ирины Ермаковой. Не случайно в стихотворении «Сумерки» возникает фигура Ивана Бунина, «Чистый понедельник» которого с невероятной топографической и вещной точностью воспроизводит облик и быт дореволюционной Москвы тогда, когда сам Бунин уже не мог увидеть этот город и когда самого города в том виде уже давно не существовало. Не случайно возникают в стихах Ермаковой «ветрило» и «дневное светило», очевидно отсылающие к «воспоминаньем упоенной» пушкинской элегии.

Сама метафорика многих стихов книги тесно связана с осязаемым миром: снег напоминает конфетти, морские волны – глиняные черепки, воздух становится «одной ледяной глыбой» и солнце, обретая вечность, раскалывается в автобусном стекле. Ирина Ермакова тщательно документирует-воспоминает, пытается удержать «очертанья, запахи, наречья», которые одни уже дают существование:

Что нам до того, что нас на свете
Нет давным-давно – да вот он, воздух
Блеск ночной, невидимые горы
Мерный гул, распахнутая воля
Значит, мы сидим с тобой на гальке
Над осенней мглой, бегущей с моря
Смотрим в воду чёрную живую
Навсегда обнявшись. Навсегда

Характерно для стихов Ермаковой тяготение к традиционной форме, создающей особую гравитацию для ее тяжелых (и физически – как сапог на голове толпы из стихотворения «салют», и морально – как множество проникающих в стихи свидетельств жизни автора) образов. Не редкость для книги правильный размер и рифма. Однажды встречается сонет. Но рядом возникают верлибры и акцентные стихи, и те, кажущиеся на первый взгляд конвенциональными формы, то и дело нарушают

ся грамматическими и синтаксическими сдвигами – трещинами. В итоге тексты находятся в вечном состоянии неустойчивого равновесия. Точнее всего описывает бытие своих стихов сам автор в стихотворении «Рифма»:

стихотворение
рвётся выгибается пытается словить ветер
и раскрывается растекается вырастает

а с тротуара глянешь
ветка и ветка
неотличимая от иных

Этот ветер, пришедший, видимо, из поэмы Блока «Двенадцать», о чем напоминает начало стихотворения «Февраль», будто растягивает строки в разные стороны, освобождая место для возникающих пауз. Свободное пространство между словами в стихах Ермаковой может выполнять служебную роль, усиливая цезуру и создавая необходимый саспенс перед возникновением неожиданного образа («домой несется распахнута пасть», «парит бумерангом кривой слезой»), но еще чаще, разрывая синтагмы и строфы, создает пространство духовного напряжения:

день прогорел почти остыло что
 так рябило горячо
и только днёвное светило ещё
 цепляется ещё
за шпиль за крышу но правее скользит
 сквозь мокрый блеск раки
от напряженья багровея на голом
 воздухе висит
о солнечная неизбежность исчезновенья
 за чертой

Такие разрывы в тихих, медленных, кропотливых стихах Ермаковой поддержаны возникающими, как навязчивый шум, мотивами стука, грохота, искрения и, наконец, взрыва, как в стихотворении «Портал»:

в корни вцепилась поляна у края,
туча песка оседает, как взрыв.

– *Выход в сегодня перекрывая?*

Мастерски спрятанные в ткани стиха, они подтачивают спокойную медитативную просодию Ирины Ермаковой. Но что это за взрыв? Однозначных ответов Ермакова не дает.

Эти мотивы неизбежно притягивают тему войны и страдания, а вместе с ними – пушки и выстрелы, детей и птиц, летящих искрами по раздувающему ад ветру. Но, может, – это взрыв как выход в новое существование. Выход этот предчувствуется в монотонном стуке колес, который на самом деле – эхо дудки поэта, что никто «спяну» не может «расслышать всерьез» («Мне весело, будто уже умерла...»), и проговаривается в стихотворении, начинающемся со слов «прогибает волны ветер взлетный...»:

... вот минута
или не минута но однажды
станешь духом и взлетишь отсюда

В мире «Легче легкого», кажется, возможен и тот, и другой исход – разрушения и преобразования. Они заранее предугаданы и приняты поэтом, и то, что станет с человеком, куда качнется в очередной раз маятник его жизни, зависит, кажется, лишь от одного вопроса: «да кто ж его качнет?».

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЗА 2022 ГОД

ПРОЗА

- Владимир Аристов.** Рассказы из цикла «Жизнь незамечаемых людей». № 3-4. С. 106
- Каринэ Арутюнова.** Блаженные. *Повесть.* Зеленые яблоки Сезанна. *Новеллы.* № 1-2. С. 7
- Виталий Аширов.** СвГ. *Роман.* № 3-4. С. 6
- Мария Бердинских.** Тревожные рыбки. *Рассказ.* № 11-12. С. 161
- Марина Бувайло.** Тётя Люся. *Рассказ.* № 9-10. С. 7
- Александр Вергелис.** Напасть. *Рассказ.* № 5-6. С. 110
- Полина Жеребцова.** Мы – кто, а они – что. *Рассказ.* № 11-12. С. 148
- Сергей Зельдин.** «Конец кино» и др. рассказы. № 3-4. С. 123
- Юрий Китаев.** Жизнь Новикова. *Рассказ.* № 7-8. С. 8; Записки сумасшедшего. *Никогда не оконченный роман.* № 11-12. С. 46
- Егор Куликов.** В-Месте. *Повесть.* № 7-8. С. 75
- Дмитрий Лагутин.** Про еще одного поэта. *Сказка.* № 9-10. С. 80
- Александр Ливенцов.** Четные числа. Я склонен преувеличивать. *Ленон. Рассказы.* № 5-6. С. 89
- Андрей Ломовцев.** А ты не летчик... *Рассказ.* № 7-8. С. 118
- Анна Маркина.** Рыба моя рыба. Вышивальщик. *Рассказы.* № 3-4. С. 143
- Игорь Масленников.** Пересечка. *Рассказ.* № 7-8. С. 100
- Макс Неволошин.** Где сидит фазан. *Рассказ.* № 1-2. С. 88
- Михаил Окунь.** Хороший сон. *Рассказ.* № 7-8. С. 107
- Борис Пономарев.** Слава настенных мозаик. *Повесть.* № 7-8. С. 28
- Дмитрий Раскин.** Московский гость. *Рассказ.* № 1-2. С. 100
- Евгения Скобина.** Курков дом. *Повесть.* № 9-10. С. 16
- Сергей Соловьев.** Три главы из романа «Улыбка Шакти». № 1-2. С. 52
- Денис Сорокотягин.** Так и не снятое кино. *Этюд.* № 11-12. С. 159
- Софья Суркова.** Посмертная фотография. *Рассказ.* № 9-10. С. 44
- Михаил Токарев.** Две рюмки дихлофоса. *Рассказ.* № 3-4. С. 161; Солнышки, это чума! *Роман.* № 5-6. С. 8
- Владимир Тренин.** Король шмелей. *Рассказ.* № 9-10. С. 61
- Вячеслав Харченко.** Несерьезно. *Рассказ.* № 1-2. С. 85; Русалка. *Рассказ.* № 7-8. С. 110
- Павел Чхартишвили.** Смятенный холод осени. *Рассказ-зарисовка.* № 1-2. С. 75
- Виталий Щигельский.** Внутреннее задание. *Повесть.* № 11-12. С. 86
- Вадим Ярмолинец.** Бутылка «Смирновской». Еврейский адвокат. *Рассказы.* № 7-8. С. 68; Предатели и победители. *Повесть.* № 11-12. С. 14

ПОЭЗИЯ

Богдан Агрис. «время солнечным зверком...» *и др.* № 3-4. С. 112

Алексей Александров. «В начале было много...» *и др.* № 5-6. С. 98

Нина Александрова. Потому что любовь не имеет названия. № 9-10. С. 11

Владимир Аристов. «Сфотографировал сам себя на фоне Китайской стены...» *и др.* № 7-8.

С. 3

Григорий Беневич. Д р у г и е. № 3-4. С. 137

Михаил Бордуновский. Ульсгор отдалённый. № 9-10. С. 3

Ольга Брагина. «мы встречаемся редко в зеркальную гладь теплых вод никто не придет...» *и др.* № 3-4. С. 165

Эдуард Вайсбанд. Десять стихотворений. № 11-12. С. 142

Дмитрий Волковой. Экфрасис. № 7-8. С. 104

Евгений Вольперт. «это стихотворение будет совсем без сюжета...» *и др.* № 9-10. С. 41

Мария Галина. «Из окна верхнего этажа бывшего горсовета...» *и др.* № 3-4. С. 3

Янис Грантс. «Метель» *и др.* № 1-2. С. 94

Юрий Гудумак. Сады Адониса. № 3-4. С. 117

Виталий Гурамишвили. «Там, где спускались травы в небеса...» *и др.* № 9-10. С. 74

Олег Дозморов. «Недорого ценил хозяйственный Петров...» *и др.* № 7-8. С. 21

Софья Дубровская. «Диптих» *и др.* № 3-4. С. 99

Дмитрий Замятин. Уклонение от мгновенности. № 5-6. С. 104

Наталья Игнатьева. «сидели детьми...» *и др.* № 11-12. С. 152

Игорь Ильин. Слепые подрамники. № 11-12. С. 164

Игорь Иртенев. «Богатым мне уже не быть...» *и др.* № 3-4. С. 133

Геннадий Каневский. «хочешь? – присоединяйся ко мне...» *и др.* № 5-6. С. 81

Борис Лихтенфельд. Заметки на полях римской истории. № 11-12. С. 78

Люба Макаревская. «хочется речь...» *и др.* № 1-2. С. 66

Александр Макаров-Кротков. Сатурация. № 1-2. С. 105

Елена Михайлик. «– Этот мир сотворен наповал...» *и др.* № 5-6. С. 3

Катя Сим. Полдень. № 1-2. С. 81

Александр Скидан. «на разьежей ноженьки разъедутся...» *и др.* № 7-8. С. 64

Лариса Сони́на. Белое и лиловое, темные камни. № 5-6. С. 114

Иван Стариков. Weihnachtsmarkt *и др.* № 9-10. С. 47

Григорий Стариковский. 8 стихотворений. № 1-2. С. 3

Андрей Тавров. Из цикла «Прощание с Кьеркегором: вариант единицы». № 1-2. С. 36; Из цикла «Ангелы Константина». № 11-12. С. 3

Андрей Торопов. «Где судзуки витара, где судзуки витара. Где судзуки витара...» *и др.* № 3-4. С. 155

Данил Файзов. «что я слышу...» *и др.* № 7-8. С. 92

Валентина Фехнер. «разомкнутый вопрос...» *и др.* № 9-10. С. 55

Наталья Черных. Спецслужба. № 11-12. С. 38

Александра Шалашова. «говорю сердцу...» *и др.* № 7-8. С. 113

Сергей Шаталов. Из цикла «Непрерывность ветра». № 9-10. С. 92

ДРАМАТУРГИЯ

Татьяна Бонч-Осмоловская. Слуга господина Коммерсона. № 11-12. С. 173

Антон Ботев. Великая тайна и ужасающая глубина смерти и вечности. № 9-10. С. 96

ПЕРЕВОД

Анна Арно. Прошлое наконец стало мной. *Перевод Екатерины Симоновой.* № 3-4. С. 176

Уильям Эрнст Хенли. Что вспомнится – вернется. *Предисловие, составление и переводы Ан-дрея Корчевского.* № 7-8. С. 125

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Александр Шарыпов (1959–1997). «Пишем оперу» и др. *Публикация, подготовка текста Владимира Орлова* (1964–2021). № 1-2. С. 119

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. Колокола Федора Максимова. № 1-2. С. 141; «Для ведома впредь идущим лю-дям». № 5-6. С. 144

NON-FICTION

Анна Гальберштадт. Кони-Айленд. *Дневник психотерапевта.* № 5-6. С. 123

Полина Жеребцова. Женщина на войне. № 5-6. С. 140

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВ

Алексей Голицын. «Яков Вебер проповедовал гибель советской власти». № 9-10. С. 149

Алексей Парыгин. Богема (*записки художника*). № 7-8. С. 138

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Михаил Бару. Легенды черных листателей. № 9-10. С. 129

Сергей Боровиков. Запятая–15 (*В русском жанре–75*). № 1-2. С. 110; Запятая–17 (*В русском жанре–77*). № 7-8. С. 133

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Антон Ботев. Четвертый слой реальности. № 5-6. С. 117

Татьяна Грауз. Слова признаются в своей способности быть [# 2] (о некоторых особенностях поэтики Елизаветы Мнацакановой). № 1-2. С. 113

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Вадим Михайлин. Двоемыслие revisited. К выходу книги «Бобер, выдыхай! Заметки о советском анекдоте и об источниках анекдотической традиции». № 11-12. С. 182

Юрий Никитин – Лев Ленчик. Из переписки. К выходу книги «Жить мы будем бедно, но счастливо». Публикация, подготовка текста, вступление **О.В. Никитиной**. № 7-8. С. 146

Александр Ожиганов. (Искандер Аджиган). Из книги «БАЯН. Восточно-западный диван». Вступление **Сергея Стратановского**. № 3-4. С. 180

Михаил Эпштейн – Ольга Балла-Гертман. «Главные понятия – это именно то, что мы меньше всего понимаем». Интервью к выходу книги «Первопонятия. Ключи к культурному коду». № 7-8. С. 164

НЕПРОЧИТАННАЯ КНИГА

Дмитрий Бавильский. Философия на доверии. О кн. Рэй Монк. Витгенштейн. Долг гения. № 11-12. С. 219

Александр Ливенцов. «Я думаю с помощью слов...». О кн.: Олег Стрижак. Мальчик. № 7-8. С. 169

СТРАНИЦА ПРЕМИИ «НЕИСТОВЫЙ ВИССАРИОН»

«За каждым текстом или за каждым модусом письма стоит какая-то история». Интервью с **Игорем Гулиным** (записал **Сергей Ивкин**). № 5-6. С. 212

Елена Соловьева. Завершитель, реаниматор, глубокопател, наблюдатель. Обзор премиальной критики. № 9-10. С. 167

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ольга Балла. Мы вышли из чёрного парадиза. О кн.: Леонид Шевченко. Забвению в лицо. № 11-12. С. 225

Леонид Бахнов. Прыжок в свободу. О кн.: Павел Матвеев. И ад следовал за ним. Жизнь и судьба Анатолия Кузнецова. № 7-8. С. 178

Данила Давыдов. Непрочитанные знаки. О кн.: Юлия Лукина. Сухое плавание. № 9-10. С. 174

Полина Жеребцова. Восемнадцать рассказов о жизни. О кн.: Татьяна Леонтьева. Суп без фрикаделек. № 1-2. С. 212

Елена Зейферт. Рыбы под водой разговаривают друг с другом. О кн.: Анаит Григорян. *Осьминог*. № 7-8. С. 179

Калле Каспер. Невозмутимость. О кн.: Алексей Пурин. *Астры*. № 3-4. С. 88

Борис Кутенков. Энергия спокойствия. О кн.: Лев Рубинштейн. *Время политики*. № 1-2. С. 213; Ты – Булгаков и Зощенко. О кн.: *Мариэтта: Сборник воспоминаний*. № 5-6. С. 215; Ласковый бог ремейка. О кн.: Олег Дозморov. *Хорошие песни*. № 9-10. С. 176

Александр Ливенцов. Пуантилизм по Сэлинджеру. О кн.: Марта Антоничева. *1003-й свободный человек*. № 1-2. С. 216

Александр Марков. Теплообмен для всех возрастов. О кн.: Евгения Сулова. *Вода и ответ: роман в стихах*. № 11-12. С. 226

Алексей Масалов. Морфология страшной сказки. О кн.: Катя Сим. *Общество защиты химер: Первая книга стихов*. № 1-2. С. 221

Олег Рогов. Жизнь замечательных персонажей. О кн.: Владимир Аристов. *Жизнь незамечаемых людей*. № 3-4. С. 194

Анна Сафронова. За мирное чтение. О кн.: Владимир Аристов. *Жизнь незамечаемых людей*. № 3-4. С. 190; Много голосов. О кн.: Филипп Дзядко. *Радио Мартын*. № 5-6. С. 218

Елена Соловьёва. Дагерротип самой себя. О кн.: Анна Арно. *Ты не заставишь меня открыть глаза*. № 9-10. С. 180

Богдан Хилько. Взорваться на перекрестках света. О кн.: Ирина Ермакова. *Легче легкого*. № 11-12. С. 229

Наталья Черных. Вариации на темы одной книги. О кн.: Артем Пудов. *По лирическому счёту. Проза на грани стиха 2016–2020 годов*. № 1-2. С. 218; Живорожденный дом. О текстах Галы Пушкаренко. № 1-2. С. 224; Новые опыты цвета. О кн.: Евгения Баранова. *Где белое, там и золотое*. № 7-8. С. 182

АРХИВ

Алексей Голицын. Дворяне Араповы и советские педагоги. № 11-12. С. 188

Контакты:

Анна Сафронова (гл. редактор, проза): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (зам. гл. редактора, поэзия, критика): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (документальные исследования): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (архивные публикации, критика): rgv@mail.ru

Алексей Слаповский (проза)

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 19 декабря 2022 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.